Министерство культуры
Хабаровского края

Хабаровский научный
центр ДВО РАН

Дальневосточная
государственная
научная библиотека

200-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири графа Николая Николаевича Муравьёва-Амурского посвящается

научно-практический журнал

История и Культура Приамурья

2 (6) / 2009

История и Культура Приамурья
2 (6) / 2009

Состав Редакционного совета

Минакир Павел Александрович
председатель
(Институт экономических исследований ДВО РАН)

Федосов Александр Вячеславович
сопредседатель
(министерство культуры Хабаровского края)

Березницкий Сергей Васильевич
(Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН)

Букреев Александр Иванович
(Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина, г. Санкт-Петербург)

Гринкруг Лев Соломонович
(Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия)

Иванченко Сергей Николаевич
(Тихоокеанский государственный университет)

Качанова Елена Юрьевна
(Хабаровский государственный институт искусств и культуры)

Климов Сергей Михайлович
(Межрегиональная общественная организация «Общество «Знание», Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права)

Костенко Михаил Иванович
(Дальневосточный государственный гуманитарный университет)

Кудашов Виктор Николаевич
(Хабаровский институт инфокоммуникаций,

Содержание

Главное событие года

А.В. Федосов
Событие российского масштаба
О юбилейных мероприятиях, посвящённых 200-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьёва-Амурского
..... 6

Актуальная проблема

Н.И. Евсеенко
Состояние и перспективы развития театральной деятельности в Хабаровском крае (2005–2009 гг.)
..... 12

Точка зрения

А.В. Костина, А.Я. Флиер
Тернарная функциональная модель культуры: новый концептуальный подход
Представлена новая модель структурирования культуры на функциональные культурные системы – креативную, потребительскую и традиционную
..... 20

К 115-летию Дальневосточной государственной научной библиотеки

И.В. Филаткина
Роль Дальневосточной государственной научной библиотеки в возрождении духовных ценностей, сохранении историко-культурного наследия
О проектах по сохранению библиотечных фондов, сотрудничестве с Хабаровской Епархией Русской Православной церкви
..... 52

Р.В. Наумова, Е.В. Глебова
Дальневосточная государственная научная библиотека: позитивные моменты деятельности (2007–2009 гг.)
Об экологических и выставочных проектах, международном партнёрстве, научной и редакционно-издательской деятельности библиотеки
..... 56

Социокультурная реальность

Л.В. Корнева
Музей как инструмент социализации и инкультурации личности
Об особой миссии музея в жизни региона, его вкладе в реализацию культурной политики
..... 62

Содержание

И.Н. Бочкова

Патентная деятельность библиотек в контексте инновационного развития региона

Дана характеристика патентных информационных ресурсов, рассмотрены факторы, влияющие на информационно-библиотечное обслуживание патентной документацией

..... 72

Историописание

Е.А. Базылева

Издательская деятельность Приамурского отдела ИРГО

Об издательской деятельности Приамурского отдела Императорского Русского географического общества в 1894–1916 гг.

..... 76

У.В. Ежеля

Роль женщины в преподавательском корпусе Дальневосточного государственного университета путей сообщения: история и современность

Об истории формирования преподавательского коллектива ДВГУПС (1939–2009 гг.)

..... 82

Научные сообщения

О.А. Ракова

Становление и развитие клубной культуры на территории Николаевского района Хабаровского края в 20–80 годах XX века

На основе архивных материалов исследуется ранее не изучавшаяся история вопроса

..... 94

Н.В. Радишаускайте

Забытые знаменитости: жизнь и книги Джорджа Эрнеста Моррисона

Об истории жизни и книжной коллекции австралийского журналиста, книгах с его экслибрисами в фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки

..... 108

Диалог культур и этносов

О.В. Богодайко

Шаманство у орочей

О проблемах шаманизма орочей – одного из тунгусо-маньчжурских этносов Приамурья

..... 118

филиал Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики)

Кузьмин Алексей Сергеевич
(Национальный Университет — Высшая Школа Управления, г. Москва)

Лихобабин Владимир Алексеевич
(Хабаровская государственная академия экономики и права)

Малышев Владимир Сергеевич
(Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. Герасимова)

Островский Александр Борисович
(Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург)

Разлогов Кирилл Эмильевич
(Российский институт культурологии, г. Москва)

Солонин Юрий Никифорович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Флиер Андрей Яковлевич
(Высшая школа культурологии Московского государственного университета культуры и искусств, г. Москва)

Чебанюк Татьяна Алексеевна
(Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет)

Шейкин Юрий Ильич
(Государственный арктический институт искусств и культуры Республики Саха (Якутия), г. Якутск)

Шумейко Александр Александрович
(Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре)

Состав Редакционной коллегии

Главный редактор:
Скоринов Сергей Нестерович

Заместители главного редактора:
Филаткина Ирина Викторовна
Бляхер Леонид Ефимович

Руководители направлений:

Байков Николай Михайлович
Ярулин Илдус Файзрахманович
(Актуальная проблема, Точка зрения)

Кузнецова Алла Геннадьевна
Городилова Людмила Михайловна
(Социокультурная реальность, Кафедра, Персоналии)

Дубинина Нина Ивановна
Романова Виктория Валентиновна
(Историописание, Наследие)

Шевкомуд Игорь Яковлевич
Рубан Николай Иванович
(Артефакт)

Гонтмахер Петр Яковлевич
(Диалог культур и этносов)

Бузуев Олег Александрович
(Художественная сфера)

Наумова Раиса Вячеславовна
(Библиография)

Предпечатная подготовка
Редакционно-издательский отдел ДВГНБ

Дизайн:
А.М. Тен

Т.В. Лескова
Основные аспекты исследования фольклорного направления Сибири и Дальнего Востока 1960–1990-х годов
О фольклорном направлении творчества композиторов Сибирской (Новосибирск) и Дальневосточной (Хабаровск, Владивосток) организаций, принадлежащих к русской национальной традиции
..... 126

Художественная сфера

С.Ю. Лысенко
Оперный текст как феномен постановочной интерпретации
Опера рассматривается как синтетический художественный текст. Актуализируется проблема постановочной интерпретации, понимаемая в рамках герменевтической традиции как привнесение постановщиками в композиторскую концепцию собственных смысловых интенций
..... 134

Научное сообщение

А. А. Курносов
Психологический анализ категории перевоплощения в профессиональной деятельности актёра
О перевоплощении как специфическом средстве актёрского искусства
..... 144

Кафедра

В.В. Корнева
Спецсеминар как форма личностно-профессионального становления и повышения квалификации преподавателя
Материалы о разработке и реализации спецсеминара «Развитие ценностных ориентаций студенческой молодёжи»
..... 152

Т.А. Ромашкина

Роль библиотек в профориентации молодёжи

Об особенности библиотеки как профориентационного учреждения и ориентации молодёжи на библиотечную профессию, о квалификациях специальности «Библиотечно-информационная деятельность»

..... 158

Научное сообщение

И.В. Терехова

Повышение квалификации кадров как инструмент инновационного развития библиотек

О форматах профессиональных коммуникаций в Дальневосточной школе библиотечной инноватики

..... 162

Библиография

С.М. Нарыжная, Р.В. Наумова

Приамурский триптих

О книгах Н.И. Дубининой, посвященных генерал-губернаторам Приамурского края Н.Л. Гондатти, Н.И. Гродекову, П.Ф. Унтербергеру

..... 166

Н.И. Егорчев

Арсеньевские книги: новые открытия

О 6-томном собрании сочинений В.К. Арсеньева (издательство «Рубеж», Владивосток)

..... 174

Требования к оформлению материалов, поступающих в редакцию..... 182

Верстка макета:

Ю.В. Назаренко

Выпускающий редактор:

Е.В. Глебова

Журнал зарегистрирован

В Управлении Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Дальневосточному федеральному округу

Свидетельство о регистрации

ПИ №ФС 15-0636 от 29.11.2007

Учредители:

Министерство культуры Хабаровского края, Хабаровский научный центр ДВО РАН, Дальневосточная государственная научная библиотека

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск,
ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72
Тел/факс: (4212) 31-47-33
E-mail:ivfilat@mail.ru; rnaumova@mail.ru
Рукописи, фотографии, рисунки
не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материала разрешается
только по согласованию с редакцией,
ссылка на журнал «История и культура
Приамурья» обязательна.
Типография: издательский центр ИП
Кузнецов Д.Г.

Федосов Александр Вячеславович,
министр культуры Хабаровского края

СОБЫТИЕ РОССИЙСКОГО МАСШТАБА

О мероприятиях, посвящённых 200-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля России генерал-губернатора Восточной Сибири графа Николая Николаевича Муравьёва-Амурского, проходивших в Хабаровском крае

2009 год в Хабаровском крае прошёл под знаковым событием – 200-летием со дня рождения выдающегося государственного деятеля России генерал-губернатора Восточной Сибири графа Николая Николаевича Муравьёва-Амурского. Его имя неразрывно связано с одним из важнейших событий в истории России – присоединением к Российской империи обширного Приамурского края.

После заключения в мае 1858 года Айгунского договора генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьёв за отличие по службе получил чин генерала от инфантерии с присоединением именования «Амурский» и титул графа. Благодаря дипломатическим усилиям Н.Н. Муравьёва-Амурского в середине XIX века к России были присоединены территории, равные по площади половине Европы. Без применения военной силы страна получила в своё владение Приамурье, Приморье и выход к Тихому океану.

В 2008 году в Хабаровске прошли торжества, посвящённые 150-летию заключения Айгунского договора и увековечению памяти выдающегося российского государственного деятеля, дипломата и военачальника, генерал-губернатора Восточной Сибири

графа Николая Николаевича Муравьёва-Амурского в рамках проекта Центра Национальной славы «Служение Отечеству: события и имена». Губернатором Хабаровского края учреждён памятный знак «150 лет Айгунского договора. За заслуги».

В 2009 году краевые торжественные мероприятия, к 200-летию со дня рождения Н.Н. Муравьёва-Амурского были проведены в городских округах и муниципальных районах края.

В апреле состоялись VI Гродековские чтения – межрегиональная научно-практическая конференция, посвящённая актуальным проблемам исследования российской цивилизации на Дальнем Востоке. Конференция приурочена к празднованию 200-летия со дня рождения Н.Н. Муравьёва-Амурского и 400-летия землепроходца, исследователя Дальнего Востока России Е.П. Хабарова. В конференции приняло участие около 200 учёных, музейных и библиотечных работников, краеведов Дальнего Востока, Сибири и других регионов, преподаватели и студенты Хабаровской духовной семинарии.

9 июня в Хабаровской духовной семинарии прошла конференция «Жизнь во славу Отечества – подвиг государственного служения графа Н.Н. Муравьёва-Амурского». В ней приняли участие дальневосточные архиереи, духовенство, государственные и общественные деятели, представители научного, образовательного и музейного сообщества. В вестибюле актового зала семинарии была открыта выставка хабаровских художни-

ков «Дальний Восток России», посвящённая юбилею графа Н.Н. Муравьёва-Амурского.

Основные мероприятия проходили в краевой столице в августе. Они начались 20 августа с презентации репринтного издания второй книги И. Барсукова «Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский» и нового издания книги Г.И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России» в Дальневосточной государственной научной библиотеке. В выставочном зале была представлена широкомасштабная книжно-иллюстративная выставка «Сыны отважные России», подготовленная отделом краеведческой литературы и посвящённая Н.Н. Муравьёву-Амурскому и Г.И. Невельскому.

21 августа состоялось торжественное возложение венка к памятнику Н.Н. Муравьёву-Амурскому. Корзины с цветами к памятнику прославленного губернатора возложили губернатор Хабаровского края В.И. Шпорт и потомок графа, его внучатый племянник – В.С. Муравьёв-Амурский. Мероприятие проходило с воинскими почестями, с участием пограничных сторожевых кораблей.

В Спасо-Преображенском кафедральном соборе прошёл праздничный молебен. В Хабаровском краевом музее им. Н.И. Гродекова была открыта выставка «Трудами вашими – здесь Россия», посвящённая 200-летию Н.Н. Муравьёва-Амурского. На выставке представлены подлинные материалы из собрания музея: документы, карты, картины известных дальневосточных художников, фотографии, традиционная одежда и предметы быта дальневосточного казачества, славянского населения, переселившегося в Дальневосточный регион во второй половине XIX – начале XX века, коренных народов Дальнего Востока, а также предметы православного культа и одежда православного духовенства. Интересным экспонатом стал фрагмент скатерти, подаренный накануне В.С. Муравьёвым-Амурским. По одной из семейных легенд, граф Н.Н. Муравьёв-Амурский привез её из Маньчжурии после подписания Айгунского договора. В рамках мероприятия проведено торжественное вручение памятного знака Губернатора Хабаровского края «150 лет Айгунского договора. За заслуги», церемония гашения почтового конверта, выпущенного издательским домом «Марка» в честь юбилея генерал-губернатора.

22 августа состоялась торжественная церемония вручения губернатором края премий лауреатам в области государственной молодёжной политики и свидетельств стипендии имени Н.Н. Муравьёва-Амурского аспирантам очной формы обучения высших учебных заведений и научных организаций Хабаровского края.

В этот же день в Хабаровском краевом музыкальном театре состоялся Дальневосточный общественный форум «Россия, вперёд!». В торжественном мероприятии приняли участие представители науки, культуры и религии, военнослужащие, ветераны, члены правительства Хабаровского края и аппарата полномочного представителя Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе, депутаты, руководители общественных организаций, учреждений и предприятий, гости из различных городов Дальнего Востока.

В торжественной обстановке большой группе представителей Дальневосточного федерального округа были вручены дипломы за значительный вклад в развитие научного, культурного и образовательного потенциала, популяризацию исторического наследия народов Российской Федерации от полномочного представителя Президента РФ в ДФО и памятные знаки «150 лет Айгунского договора. За заслуги».

В резолюции форума говорится, что российский Дальний Восток, продолжая традиции великих предков, активно развивается, и сегодня восточный вектор становится здесь основой новой социальной и экономической политики России. Дело, начатое выдающимся российским политиком и военачальником графом Н.Н. Муравьёвым-Амурским, продолжит современное поколение дальневосточников.

В заключение форума состоялся большой праздничный концерт «На рубежах России дальней», в котором приняли участие лучшие творческие коллективы Хабаровского края.

Мероприятия закончились народными гуляниями и выступлениями творческих коллективов на открытой концертной площадке в районе Амурского утёса.

Потомок графа Н.Н. Муравьёва-Амурского – его внучатый племянник В.С. Муравьёв-Амурский с супругой В.К. Стрельцовой в рамках культурной программы посетили Дальневосточную государственную научную библиотеку, краевой

музей им. Н.И. Гродекова, Дальневосточный художественный музей и музей Дальневосточного военного округа, встретились с членами Приамурского географического общества, творческой интеллигенцией: издателями, художниками и дизайнерами, познакомились с традиционной нанайской культурой в п. Сикачи-Алян.

31 октября 2009 года в Хабаровске прошли торжественные мероприятия Центра национальной славы, приуроченные к 200-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля России, генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского.

В Хабаровском краевом музее им. Н.И. Гродекова прошла торжественная церемония вручения от имени Попечительского Совета проекта Центра Национальной Славы «Служение Отечеству: события и имена» Почётных грамот и медалей памяти графа Н.Н. Муравьева-Амурского государственным и общественным деятелям Хабаровского края, ветеранам труда и Великой Отечественной войны. От имени Председателя Попечительского Совета Центра Национальной Славы В.И. Якунина награды ветеранам вручила вице-президент ЦНС З.Г. Медоева.

В ходе торжественной церемонии за вклад в нравственно-патриотическое воспитание молодёжи, популяризацию историко-культурного наследия России и в ознаменование 200-летия со дня рождения выдающегося российского государственного деятеля и военачальника, генерал-губернатора Восточной Сибири, графа Н.Н. Муравьёва-Амурского Серебряной медалью и Памятным дипломом были, в частности, награждены: заместитель Председателя Правительства Хабаровского края по социальным вопросам О.И. Леховицер и ректор Тихоокеанского государственного университета С.Н. Иванченко.

По окончании церемонии в Хабаровском государственном техническом университете в рамках программы Центра Национальной Славы «Историческая память поколений» прошла Молодёжная дискуссия «Единство российского культурно-исторического пространства. Перспективы его сохранения и развития глазами молодёжи». В дискуссии приняли участие более 100 человек из числа студентов и преподавателей университета, представителей органов государственной власти и общественных организаций Хабаровского края. Участники обсудили актуальные вопросы наследия регионов в контексте единого культурно-исторического пространства России, вызовов современной геополитической ситуации на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири и роли молодёжи в сохранении культурно-исторической целостности нашей страны.

В тот же день в Дальневосточной государственной научной библиотеке под председательством вице-президента Центра Национальной Славы З.Г. Медоевой при поддержке Правительства Хабаровского края прошёл круглый стол «Проблематика системного культурно-исторического и духовно-нравственного просвещения в России».

В ходе круглого стола прозвучали выступления: первого проректора Хабаровской духовной семинарии игумена Петра (Еремеева), заместителя директора Дальневосточной государственной научной библиотеки по работе с детьми М.В. Подоба, заместителя директора по научной работе Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова А.А. Пономарёвой и др.

В Хабаровском крае есть немало мест, связанных с именем Н.Н. Муравьёва-Амурского. Его имя носит историческая часть главной улицы краевой столицы, о чём свидетельствует памятная табличка, помещённая на основном здании Дальневосточной государственной научной библиотеки по адресу ул. Муравьёва-Амурского, 1. В 1992 году восстановлен памятник Муравьёву-Амурскому в краевом парке, который также носит его имя. Для студентов высших учебных заведений и аспирантов учреждены стипендии имени Н.Н. Муравьёва-Амурского, ежегодно присуждается почётный знак «За заслуги» имени Н.Н. Муравьева-Амурского. Украшением коллекции Хабаровского краеведческого музея им. Н.И. Гродекова является монументальное полотно заслуженного художника Российской Федерации, члена Союза художников СССР Василия Евтроповича Романова «Айгунский договор», на которой запечатлён момент подписания генерал-губернатором Н.Н. Муравьёвым Айгунского договора.

В Дальневосточной государственной научной библиотеке собрано и бережно хранится печатное наследие о Н.Н. Муравьёве-Амурском. В 2008 году библиотекой был издан библиографический указатель «Генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н.Н. Муравьёв-Амурский

(1809–1881)». Особое место среди изданий о Н.Н. Муравьёве-Амурском занимает сочинение И.П. Барсукова «Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский» в двух книгах, изданных в Москве в Синодальной типографии в 1891 году в десятилетнюю годовщину со дня кончины Н.Н. Муравьёва-Амурского. До настоящего времени сочинение И.П. Барсукова является самым полным фундаментальным трудом, посвящённым Н.Н. Муравьёву. Многообразие и многочисленность использованных и опубликованных в книге документов, точность множества приводимых фактов делают эти книги главным источником для всех исследователей, изучающих историю Дальнего Востока, освоения Приамурья, пограничных вопросов на Амуре. Но с течением времени труд И.П. Барсукова стал библиографической редкостью. Для того, чтобы материалы о Н.Н. Муравьёве-Амурском стали доступны и учёным, и студентам, и всем интересующимся историей края, появилась необходимость его переиздания.

Первая книга, представляющая собой биографию Н.Н. Муравьёва-Амурского, подготовленная по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам, переиздавалась дважды. Первое репринтное издание вышло в 1999 году, второе – в 2008 году к 150-летию подписания Айгунского договора и было посвящено 70-летию Хабаровского края.

Вторая книга сочинения И.П. Барсукова, по существу, представляет собой продолжение биографии Н.Н. Муравьёва-Амурского. Автор включил в книгу копии со 160 подлинных документов, относившихся к деятельности графа в период с 1844 по 1861 год. Это документы архива Министерства иностранных дел, дел комитета министров, департамента внешней торговли, бывшего Сибирского комитета и архива князя М.С. Волконского.

Инициатива репринтного издания второй книги принадлежит В.И. Ишаеву, полномочному представителю Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе. Этот издательский проект стал одним из главных событий торжественных мероприятий памяти выдающегося российского государственного деятеля, дипломата и военачальника, генерал-губернатора Восточной Сибири, графа Н.Н. Муравьёва-Амурского, посвящённых 200-летию со дня его рождения, а также ярким событием в издательском процессе Дальневосточного региона.

Репринтное издание второй книги сопровождается научно-вспомогательным аппаратом, раскрывающим содержание первой и второй книг и имеющим научную значимость и значительно облегчающим работу с изданием. В него входят: примечания, именной и географический указатели, комментарий к географическому указателю.

Над подготовкой уникального историко-краеведческого издания работала группа авторитетных учёных, специалистов в области истории Дальнего Востока России и Маньчжурии, известных краеведов, специалистов Дальневосточной государственной научной библиотеки. Среди них доктор исторических наук, профессор ДВГГУ Н.И. Дубинина, военный топограф, почётный член Приамурского географического общества Г.Г. Лёвкин, доктор исторических наук, профессор ДВГГУ М.И. Светачев.

Это издание возвращает нас в далёкое прошлое родного края. Редкое издание, доступ к которому имело весьма ограниченное количество учёных, обрело новую жизнь и теперь доступно населению Хабаровского края даже в самых удалённых уголках. Каждая из 323 общедоступных библиотек Хабаровского края получит безвозмездно на постоянное хранение и использование новое издание книг И. Барсукова, что напрямую связано с информационным прорывом в области предоставления краеведческой информации.

В октябре 2009 года из Владивостока с победой вернулись хабаровские издатели, ежегодно принимающие участие в Дальневосточной выставке-ярмарке «Печатной двор». В 2009 году на выставке было представлено более 60 экспонентов, впечатляла география участников – от Москвы до Владивостока, в т. ч. Сибирь, Магаданская, Сахалинская и Амурская области, Хабаровский и Камчатский края. 13-я выставка-ярмарка оказалась счастливой для двух хабаровских издателей. Хабаровское издательство «РИОТИП» и Дальневосточная государственная научная библиотека получили самую высокую награду «Печатного двора – 2009» – Гран-при за подготовку репринтного издания книги И. Барсукова «Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский». Необходимо отметить, что главная награда получена в конкурсе «Лучшая научная книга» в номинации «Монография», что, безусловно, подчёркивает

фундаментальность и научную значимость этого издания.

Члены редакционной коллегии репринтного издания второй книги И. Барсукова: доктор исторических наук, профессор ДВГГУ Н.И. Дубинина, почётный член Приамурского географического общества Г.Г. Лёвкин, заместитель директора Дальневосточной государственной научной библиотеки Р.В. Наумова; составители именного и географического указателей: старший научный сотрудник ДВГНБ Т.В. Кирпиченко, главный библиограф отдела краеведческой литературы ДВГНБ Л.Н. Циновская стали лауреатами премии Губернатора края в области литературы и искусства за 2009 год в номинации «За научно-исследовательские работы в области культуры и искусства, музейную и просветительскую деятельность».

В своём благодарственном письме В.С. Муравьёв-Амурский отмечает: «Испытываем ошеломляющие впечатления от того, как были подготовлены и проведены все мероприятия в рамках столь значительного события – торжества 200-летия со дня рождения Н.Н. Муравьёва-Амурского. С каким высоким профессионализмом прошли презентации, выставки в краевой библиотеке и краеведческом музее, какой титанический труд подвижнически-увлечённых, беззаветно преданных своему делу людей был вложен в эти мероприятия. В большей степени поразила душевность, искренняя открытость и гордость жителей Хабаровского края от сознания значимости личности Н.Н. Муравьёва-Амурского не только для Приамурской земли, но и всей России и своей причастности к событию, участниками и свидетелями которого они были».

В книге Ивана Барсукова есть такие строки: «…Николай Николаевич принадлежал к таким натурам, которые, казалось, только и созданы для кипучей деятельности… До последней минуты граф Н.Н. Муравьёв-Амурский, по свидетельству современников, преисполнен был самых благородных стремлений и горячо сочувствовал всем великим умственным и нравственным интересам отечества. Его государственная деятельность оставила по себе яркий след…»

История подтвердила эти слова.

Евсеенко Николай Иванович,
первый заместитель министра
культуры Хабаровского края

Состояние и перспективы развития театральной деятельности в Хабаровском крае (2005–2009 гг.)

В данной публикации представлены материалы о состоянии и перспективах развития театральной деятельности в Хабаровском крае за период с 2005 по 2009 год.

Это было сложное время, когда не только в отрасли культуры, но и в целом в крае и России менялись социально-экономические условия. Одновременно в целях адаптации к этим условиям, проводились серьезные структурные изменения в театрах края. Так были объединены театры юного зрителя и кукол в Краевое объединение детских театров, изменился статус театра музыкальный комедии, в него влилось общежитие гостиничного типа «Восход».

Известно, что сфера деятельности театра всегда и везде являлась дотационной. Прошедшие годы для краевых театров были более стабильными в финансовом обеспечении в отличие от 1990-х и начала 2000 годов. Правительство и министерство культуры края финансировали театры своевременно и в полном объёме от утверждённых смет.

Более того, впервые за последние десятилетия начал решаться вопрос обеспечения жильём работников краевых театров, что естественно положительно повлияло на решение кадровой проблемы. Вопрос привлечения и закрепления кадров в театрах края не раз обсуждался на коллегиях министерства культуры.

Хотелось бы остановиться на том, как соотносятся эти вопросы с вопросами творческого состояния, привлечения нового зрителя и дополнительных средств в театры.

Послужило ли это толчком к творческому и, соответственно, экономическому росту наших театров? По нашему мнению — да. Но не везде и не впрямую.

Следует отметить, что несмотря на значительный рост бюджетных ассигнований в 2,2 раза (2005 – 77 млн руб., 2009 – 173 млн руб.), темпы роста собственных доходов театров опережают их – рост в 3,3 раза (2005 – 32 млн руб., ожидаемое 2009 – 105 млн руб.). При этом, что особенно ценно, их доля в общем бюджете краевых театров в целом не падала, а росла: (в 2005 – 29,4 %; 2009 – 37,6 %). Это повлияло, в том числе, и на заработную плату, позволив увеличить её работникам театров более чем в 2 раза к 2005 году.

Согласно статистическим данным ГИВЦ Минкультуры России, по основным показателям работы театры Хабаровского края занимают далеко не последнюю позицию в сравнении с другими театрами краевого и областного уровня в регионах России. Так, по наиболее значимому показателю «поступления от мероприятий» Хабаровский край занимает 10 место из 80 субъектов Российской Федерации.

Поступление от мероприятий в 2008 году
(по данным ГИВЦ Минкультуры РФ)
ТЕАТРЫ

№	*Субъект РФ (выборка из 80 субъектов, исключены гг. Москва и С-Петербург)*	*Количество театров в субъекте*	*Поступление от мероприятий (тыс. руб.)*
1	Республика Татарстан	14	100,0
2	Новосибирская область	8	91,3
3	Ростовская область	8	88,0
4	Красноярский край	12	82,0
5	Свердловская область	10	78,8
6	Пермский край	10	74,9
7	Самарская область	10	69,5
8	Нижегородская область	11	68,8
9	Омская область	10	64,6
10	**Хабаровский край**	**5**	**64,2**
	Приморский край (для сравнения)	5	36,6

№	*Театры местного ведения (из 80 субъектов) (исключены федеральные)*	*Поступления (тыс. руб.)*
1	Краснодарское творческое объединение «Премьера»	41,7
2	Ростовский государственный музыкальный театр	38,3
3	Самарский академический театр драмы им. Горького	37,0
4	**Хабаровский краевой музыкальный театр**	**35,7**
	Приморский краевой академический драмтеатр (для сравнения)	25,6
	Федеральные театры (для сравнения): 1. Екатеринбургский академический театр оперы и балета 2. Российский государственный академический драматический театр им. Пушкина (Александринский) 3. Российский государственный академический театр драмы им. Волкова	 23,6 22,7 21,7

Отличительной чертой прошедшего пятилетия явилось продолжение укрепления материально-технической базы краевых театров. На эти цели за счёт средств краевого бюджета и доходов от платных услуг было израсходовано в 2009 году 30,7 млн рублей, что на 8,5 млн рублей больше, чем в 2006 году. На сегодняшний день материально-техническая база театров в подавляющем большинстве находится в хорошем состоянии, что постоянно подчёркивают прибывающие к нам гастролёры и деятели театров из других территорий. Однако это вовсе не означает, что у нас всё в этой части решено и нет никаких проблем.

В последние годы продолжала развиваться гастрольная и выездная деятельность краевых и муниципальных театров, в том числе в отдалённые и сельские районы Хабаровского края. Так, если в 2005 году на выезде театрами края были даны 271 спектакль и концерт для 35 тысяч зрителей, то в 2009 году ожидаемые показатели составят 277 спектаклей и 55 тысяч зрителей. За последние два года из 19 районов гастролями было охвачено 15 (или 79 %).

Кроме того, краевые театры осуществляли гастроли за пределы края. В 2009 году Краевой музыкальный театр выезжал в Петропавловск-Камчатский, Биробиджан, Находку, Краевой театр драмы – в Биробиджан, Лучегорск, театр кукол – в Нерюнгри Саха (Якутия), Красноярск, театр юного зрителя – в Лучегорск, Уссурийск, Биробиджан. Гастроли театров не всегда были прибыльными, но общий баланс явно в пользу гастролей с положительным финансовым результатом.

Наивысшим творческим достижением хабаровских театров явилось завоевание театральных премий музыкальным театром и краевым объединением детских театров в фестивалях и конкурсах, таких, как Всероссийский фестиваль «Золотая маска», «Будущее театральной России», Межрегиональный фестиваль спектаклей для детей «Сибирский кот», Международный фестиваль театров кукол имени С. В. Образцова, Международный театральный фестиваль «Путь кочевника» и другие, что подтверждает их лидирующие позиции в России. Дополнительным стимулом к творчеству является проводимый Губернатором края краевой конкурс в области театрального искусства, лауреатами которого за пять лет стали 42 человека.

В этот период для более объективной оценки художественных достижений театральных коллективов в качестве членов жюри были приглашены ведущие театроведы и театральные критики из Москвы, Санкт-Петербурга и Владивостока, представляющие известные театральные журналы страны – «Театральная жизнь», «Петербургский театральный журнал», «Страстной бульвар, 10», а также Московскую секцию театральных критиков и Дальневосточную академию искусств, среди них Владимир Оренов, Юлия Маринова, Мария Смирнова-Несвицкая, Галина Островская, Александра Лаврова, Ирина Мягкова.

Помимо объективности жюри, это позволило провести более предметный анализ каждого спектакля, узнать о деятельности театров в других регионах и о своём месте в театральном процессе России. Тем не менее необходимо заметить, что на первом этапе отбора спектаклей для жюри необходимо более полно задействовать и наш краевой театральный Совет.

Работа над репертуаром, поиск нового материала, выпуск спектаклей – главная составляющая театрального процесса, где воедино сливаются все интересы, экономические, творческие, зрительские, производственные. Сегодня можно констатировать, что в условиях кризиса эта деятельность продолжает развиваться не снижая темпов. За прошедшее пятилетие выпущено 98 спектаклей.

За 9 месяцев 2009 года театрально-зрелищными учреждениями края уже поставлено 23 новых спектакля, что составляет 80 % от запланированного количества на год, в репетиционной стадии находятся ещё 9 постановок. Доля краевых театров в общем количестве премьерных спектаклей в крае составляет 69 %. Абсолютным лидером по количеству премьер является Комсомольский-на-Амуре муниципальный драматический театр, ежегодно предлагающий зрителям по 9 новых постановок. Краевое объединение детских театров в 2009 году планирует выпустить 12 новых спектаклей, что на 4 больше, чем в 2008 году.

Доминирующее положение в театральной жизни края по-прежнему занимают краевые и муниципальные учреждения, в репертуаре которых сегодня находится 124 наименования спектаклей. В 2008 году 1485 спектаклей краевых и муниципальных театров посетило 302,4 тысячи зрителей.

Прогнозируемый в 2009 году совокупный доход краевых и муниципальных театров составит 113,4 млн руб., что выше уровня прошедшего года на 35 %. И если в целом, как уже упоминалось выше, доля заработанных средств к общим расходам по краевым театрам составляет в 2009 году – 37,6 % , то в разрезе каждого театра самая высокая у музыкального театра – 45 %, и низкая у краевого театра драмы – 21,7 %. У муниципальных учреждений – 20,7 %, выше у театра «Триада» – 22 % и ниже у Комсомольского-на-Амуре театра драмы – 20,5 %. Следует отметить, что доля заработанных и привлечённых

средств в общих расходах Комсомольского-на-Амуре драматического театра в текущем году снизилась и пока составляет 18 %. Вместе с тем, анализ имеющегося опыта работы по мобилизации дополнительных средств финансирования учреждений искусства показывает, что каждому руководителю необходимо занимать более активную позицию в работе по привлечению средств из федерального бюджета, а также в работе с меценатами, спонсорами.

Ценообразование – важнейший вопрос театральной политики. За пять лет динамика изменения средней цены на билеты в краевых театрах следующая: 2005 – 135 руб.; 2006 – 156; 2007; 2008 – 189; 2009 – 214. Мы проводим довольно взвешенную ценовую политику, разнообразив цены в диапазоне от 160 руб. для малообеспеченных, до 292 руб. в лучших рядах партера. При этом в условиях кризиса мы фактически «заморозили» цены, считая, что средняя цена в 214 руб. для многих жителей края предельна. Нашу правоту подтверждает тот факт, что несмотря на кризис и реальное снижение уровня жизни, посещаемость театров в сезоне 2008–2009 гг. не снизилась. Вместе с тем необходимо и далее ещё серьезнее дифференцировать цены, точнее ориентируясь на покупательские возможности разных групп населения, особенно на гастролях.

Рассматривая деятельность каждого учреждения отдельно, оценивая итоги их работы последних пяти лет, следует отметить позитивные тенденции как в основных показателях работы театров, так и в её творческой составляющей.

Особое место в театральном искусстве края занимает один из старейших в России краевой музыкальный театр (директор И.М. Алмазова), который в 2010 году отметит своё 85-летие. В его репертуаре удачно сбалансированы как классические, так и современные произведения драматургии, учитываются художественные вкусы и потребности зрителей разных возрастов. В 2008 году коллектив театра ещё раз подтвердил свой высокий статус, став обладателем главной театральной премии страны «Золотая маска» за лучший спектакль в своём жанре, а также в номинации «Лучшая мужская роль».

Театром ведется серьёзная работа над новыми постановками при участии ведущих драматургов, композиторов, режиссёров, художников страны, среди которых Ю. Ким, М. Самойлов, В. Дашкевич, В. Оренов, С. Таюшев, В. Колтунов и др.

Это в значительной степени стимулирует творчество и расширяет репертуарную палитру театра. Перевод учреждения в новое качество потребует изменений в репертуарной политике, укрепления труппы оперными певцами, создания балета, и в целом большой и сложной организационной и творческой работы. Первый шаг уже сделан. В 2009 году приступил к работе приглашённый на должность главного дирижёра театра С.А. Разенков, на которого возлагаются определённые надежды.

Отмечая творческие достижения данного коллектива, следует обратить особое внимание на положительную динамику роста экономических показателей учреждения. Так, доход от платных услуг в 2008 году составил 42,2 млн руб., что на 20,7 млн руб. или в 2 раза больше.

Увеличение доходов от платных услуг позволило существенно поднять заработную плату творческому персоналу, постановочной части. Заработная плата артистов-вокалистов в 2009 году по сравнению с 2005 годом увеличилась почти в 2 раза и составила 25 тыс. руб., художественно-руководящего состава в 1,8 раза и составила 31 тыс. руб.

Стабильной можно назвать работу Хабаровского краевого театра драмы (директор А.В. Сосида). При наличии серьёзных творческих проблем, театр, тем не менее, выполняет экономические показатели, увеличивая ежегодно количество сыгранных спектаклей в среднем на 2,4 %, по количеству зрителей на 3,8 %. В период за 2007–2008 годы в театре успешно проведены ремонтные работы, введён в эксплуатацию малый зал, укреплена материально-техническая база учреждения. За последние годы заметно активизировалась гастрольная и выездная деятельность театра.

Тем не менее, следует отметить, что творческого роста за этот период не произошло. Оставляет желать лучшего репертуарная политика, продолжает оставаться неоднократно отмечавшийся критикой низкий постановочный уровень ряда спектаклей, таких как «Свадьба Кречинского», режиссёра В. Буркова, «Стакан воды» режиссёра С. Таюшева. Одной из главных причин тому было отсутствие творческого лидера в театре. К сожалению, бывший главный режиссёр Н. Елесин в этом качестве не состоялся.

В 2009 году к работе приступил вновь назначенный главный режиссёр – Сергей Николаевич Гришанин. В настоящее время руководством разрабатывается художественная стратегия театра, а также перспективы гастрольной деятельности, решаются проблемы технического, противопожарного состояния.

Художественному руководству театра предстоит решать сложную проблему укрепления творческого состава и формирования репертуара с целью привлечения новых зрителей, в том числе и во вновь открытый малый зал театра.

Необходимо отметить Хабаровское краевое объединение детских театров (директор А.А. Якунина), включающее в себя театр юного зрителя и театр кукол, которое добилось значительных успехов с приходом к руководству в 2007 году художественного руководителя Константина Николаевича Кучикина. В 2008 году после ремонта в помещении театра юного зрителя был открыт малый зрительный зал на 100 мест. Ремонт и обновление материальной базы осуществлён и в театре кукол. Продолжают расти посещаемость спектаклей и выручка. По ожидаемым данным в 2009 году на 700 спектаклях объединения побывают 83,1 тыс. зрителей, что в 1,5 раза больше, чем в 2005 году, доходы от платных услуг вырастут в 2,1 раза к уровню 2005 года и составят 12 млн 900 тыс. руб. Анализ статистических данных за 2008 год показал следующее: коллективами объединения было обслужено 51 % детского населения Хабаровского края в возрасте от 3 до 14 лет, что свидетельствует об активной стационарной и выездной работе театра юного зрителя и кукол.

Особенно следует отметить активную гастрольную деятельность объединения, а также расширение границ и географии гастролей.

Но наиболее значимыми стали творческие успехи театров. Спектакли «Маленький принц», «Про Кота в сапогах», «С любимыми не расставайтесь» и «Гедда Габлер» стали победителями и лауреатами международных, всероссийских, зональных и краевых театральных конкурсов и фестивалей в 2007–2009 годах. Открытие малой сцены ТЮЗа разнообразило репертуар театра. Впервые в этом году был создан спектакль по социальному заказу в рамках краевой целевой программы «Демографическое развитие Хабаровского края в 2009–2015 гг.». В октябре текущего года был выпущен музыкальный спектакль «Страна сорванцов» режиссёра-постановщика Владимира Оренова.

Театром активно внедряются новые формы работы со зрителем. Так наиболее популярными стали: акция «Ночь в музее», молодёжные рок-вечера, просмотры спектаклей в режиме он-лайн в рамках Интернет-фестиваля «Театральная паутина» и другие.

Руководству этого коллектива (К.Н. Кучикин) удалось сделать главное – создать ту творческую и рабочую атмосферу, которая позволила преодолеть бытовавшую ранее инертность и мобилизовать коллектив на достижение высоких творческих результатов.

Немало усилий приходится прилагать муниципальным театрам – драматическому в г. Комсомольске-на-Амуре и театру пантомимы «Триада» в г. Хабаровске для решения как творческих, так и производственных проблем. Не подлежит сомнению любовь зрителей к этим творческим коллективам.

Однако муниципальные театры в современных условиях оказались наименее защищёнными, они столкнулись с различными имущественными («Триада», худрук В.С. Гогольков) и финансовыми (Комсомольский-на-Амуре театр драмы, директор В.И. Пушкин) проблемами. Попытки решать экономические проблемы механически, путём частого обновления репертуара, как это делает драмтеатр г. Комсомольска-на-Амуре, не всегда оправданы и приводят к перекосам в репертуарной политике.

По мнению театрального жюри ежегодного краевого конкурса, театру не хватает спектаклей классической драматургии, основу репертуара составляют комедии по своей художественной ценности далёкие от совершенства. Руководству следует признать серьёзный просчёт в репертуарном планировании и необходимости его корректировки в сторону исправления допущенного дисбаланса. Нельзя забывать, что театр в обществе выполняет и образовательную миссию: он ответственен за формирование особой художественно-эстетической среды. Кроме того, здесь по-прежнему острой остаётся проблема режиссуры.

Вместе с тем, прошедшие в сентябре этого года гастроли в г. Хабаровске при поддержке министерства культуры Хабаровского края выявили достаточно высокий творческий потенциал этого коллектива и собрали

полные залы зрителей, что определило и их коммерческий успех.

Театр пантомимы «Триада» имеет отличную от других театров историю. Вадим Сергеевич Гогольков – художественный руководитель и главный режиссер театра «вырастил» свой коллектив из самодеятельной театральной студии, сделав её профессиональным театром. В «Триаде» сохранились принципы студийности, присутствует особая специфика жанра. Однако как и во всех творческих коллективах, здесь также существует проблема обновления творческого состава.

Анализ существующего финансово-экономического положения муниципальных театров показывает, что они нуждаются в увеличении финансовой поддержки со стороны муниципалитетов, разовыми финансовыми вливаниями решению всех проблем не поможешь. Управлениям культуры городов Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре совместно с руководством театров необходимо разработать конкретные программы развития городских театров по укреплению материально-технической базы, проведению необходимых ремонтных работ, обновлению кадрового состава, созданию и реализации постановочных и гастрольных проектов.

Объединяющим звеном в общей системе театральной жизни края по-прежнему остаётся общественная организация «Союз театральных деятелей России». Необходимо отметить, что в Хабаровском крае эта организация существует не номинально. При небольшом объёме финансовых вложений, ею успешно осуществляется организационная работа по проведению различных творческих мероприятий. Наиболее значимым из них стал Дальневосточный театральный форум, организованный СТД России совместно с министерством культуры края. В нём приняли участие более 40 театральных деятелей Дальнего Востока и России. В рамках форума лучшие педагоги столичных театральных вузов и театральных школ проводили мастер-классы, лекции, творческие лаборатории для более 400 представителей театральных коллективов Камчатки, Сахалина, Приморья, Амурской области, Якутии, Хабаровского края. В этом мероприятии многое было впервые, но самое важное, что впервые федеральная структура экономически и на уровне первых лиц (А.А. Калягин, А.А. Смирнов) активно участвовали в работе форума.

Объединяющим и развивающим творческую инициативу артистов стал ежегодный конкурс «Новые грани», проводимый СТД и собирающий инициативных людей не только из театров Хабаровского края, но и из других регионов Дальнего Востока.

По инициативе министерства культуры края и Хабаровского отделения Союза театральных деятелей России в 2009 году был создан краевой общественный театральный совет, в состав которого вошли представители творческой интеллигенции края. Задачами совета являются: изучение и анализ состояния театрального дела, общественного мнения в крае, сбор, систематизация и распространение информации по вопросам театрального искусства, сотрудничество со средствами массовой информации и др. Думается, что наличие такого совета должно содействовать созданию позитивного общественного мнения о театральной жизни края, способствовать её развитию.

Говоря об общих проблемах в театральной деятельности, во-первых, хочется обратить внимание на кадровую, которая наиболее типична для всех театральных учреждений не только нашего края, но и всей России. Без её решения развитие творческого процесса невозможно.

Надо заметить, в крае уже сложилась определённая система подготовки собственных творческих кадров для учреждений искусства в Хабаровском государственном институте искусств и культуры и краевом колледже искусств. Удачным в этом направлении был опыт конца 90-х – начала 2000 гг., когда по инициативе краевых театров, выступивших в роли заказчиков, в институте были набраны первая экспериментальная учебная группы по специальности актёрское мастерство и хореография. В результате совместными усилиями были подготовлены артисты, которые сегодня являются гордостью и надеждой театрального искусства в крае.

Хороший опыт сотрудничества с Хабаровским государственным институтом искусств и культуры по подготовке артистов персонажа и балета есть в музыкальном театре, артистов драмы – в драматическом театре, а труппу КОДЕТа в большинстве своём составляют выпускники этого института.

К сожалению, этого недостаточно, особенно слабо в данном направлении использовались возможности колледжа искусств. Сегодня, с приходом в данные учрежде-

ния новых руководителей С.Н. Скоринова и С.Н. Назарова, эти образовательные структуры проявляют внимание к проблемам наших учреждений искусства. Так, в частности, в ХГИИКе набран курс по среднему профессиональному образованию для подготовки хореографов. Необходимо отметить работу института по открытию новых образовательных программ и рассмотреть возможность набора курсов по другим специальностям на базе театрального факультета.

Прорабатывается вопрос открытия дополнительной специальности «Хореография» на базе краевого колледжа искусств с использованием сценической площадки краевого музыкального театра. Вместе с тем этой работе не хватает завершённости до полного цикла, если можно так выразиться, «хромает» начальное звено – школы искусств, музыкальные и хореографические школы. Всё-таки время доказало, что школа – это главная ступень профессионального образования, а не дополнительного. Для реализации этой задачи мы предлагаем вывести учебно-методический центр из состава КНОТОК, включив его в структуру краевого колледжа искусств, с целью осуществления системной программы образования по принципу школа – колледж – вуз – учреждение искусства. Полагаю, что нелишним будет в этой связи усилить за счёт организации конкурсов и других мероприятий систему преференций для лучших школ и преподавателей начального и высшего звена профессиональной подготовки.

Отдельной проблемой остаётся вопрос переподготовки творческих кадров. Назрела необходимость возродить практику повышения квалификации путем организации стажировок ведущих специалистов театров в известных театральных центрах России. Кроме того, необходимо активизировать приглашения специалистов – преподавателей столичных театральных вузов. Опыт Дальневосточного театрального форума, о котором уже упоминалось, выявил острую необходимость в системном и регулярном подходе к организации подобного рода обучения.

Сегодня очень многое зависит от экономики, на первый план выходит эффективность использования зрительных залов краевых театров. Так, в целом в году они загружены показом спектаклей и мероприятиями на 50 %, из них собственными спектаклями на 84 %, мероприятиями, концертами и спектаклями сторонних организаций на 16 % (в 2009 году – собственных спектаклей – 158, краевых мероприятий – 29 и мероприятий сторонних организаций – 29).

Средняя загрузка залов на один спектакль составила 74 %. Всё это даже с учётом высокой репетиционной загрузки залов и отпускного периода говорит о наличии большого резерва их использования, особенно в части проката собственных спектаклей.

Серьёзной проблемой является работа со средствами массовой информации. К сожалению, на сегодняшний день снята с эфира в связи с якобы «низким рейтингом» единственная серьезная телепередача «Театральная гостиная», отсутствуют развернутые обзорные статьи на страницах местных газет и журналов. Ничего не предложено взамен. В средствах массовой информации не востребован жанр серьёзного разговора о проблемах, подымаемых театрами, и о них самих.

Считаем, что учреждения искусств недостаточно занимаются театральным просветительством, в основе которого могла бы быть богатая история наших театров, серьезный разговор о театральных профессиях. И хотя нам в этом помогает журнал «Словесница Искусств» (редактор Е.В. Глебова), этого явно недостаточно, видимо назрел разговор об издании газеты, которая более доступно и регулярно занялась бы решением этой проблемы.

Думаю, что литературные части наших театров должны быть изобретательнее, современнее, активнее осваивать технологии пиара. Нужно освоить методы, при которых даже маленькие творческие достижения превратились бы в большие экономические успехи.

Хочется также обратить внимание руководителей театров на необходимость проведения маркетинговых исследований по изучению категорий зрителей, посещающих спектакли, зрительского спроса, зрительских приоритетов и т. д. Ведь для планирования работы театра, в том числе и его репертуарной политики, нужна обратная связь со зрителем. Неплохо в этом направлении работают сегодня Хабаровский краевой музыкальный театр и Хабаровский краевой театр драмы, имеющие свои сайты и зрительские форумы. К сожалению, в театрах недостаточно осуществляется работа по проведению социологических исследований. Хотелось бы знать, какие тенденции присутствуют, какая категория зрителей идёт на тот

или иной спектакль. При выборе репертуара чаще всего мы ориентируемся на свою интуицию и вкусовые пристрастия руководителей театров или завлитов.

Актуальной остается и проблема развития межрегиональной гастрольной деятельности. Здесь необходимо активизировать работу по подбору репертуара, созданию компактных и мобильных групп для работы вне стационара, в том числе и для поездок в отдалённые северные районы края и региона. Необходимо принять меры по повышению качества выездной гастрольной деятельности, что естественно должно усилить её экономическую составляющую.

Ещё одной важной проблемой деятельности краевых театров является необходимость обновления их сценического оборудования. Сегодня существующее оборудование практически всех театральных сцен края морально и технически устарело, что не может не сказываться на качестве спектаклей. Проблема серьёзная, требующая больших финансовых затрат и несиюминутного решения.

Отдельным вопросом в ряду проблем стоит необходимость укрепления взаимодействия между театрами. Хорошей традицией уже стало посещение сдач и премьер спектаклей своих коллег, совместное обсуждение спектаклей в рамках заседания краевого общественного совета. Думается, что такую практику надо продолжать. Вместе с тем необходимо упорядочить процесс взаимодействия в вопросах приглашения режиссёров, артистов, балетмейстеров, художников и других специалистов из смежных театров для участия в своих мероприятиях. Делать это необходимо только по согласованию с руководством театров, не нарушая планов друг друга, заранее информируя об этом, соблюдая профессиональную этику.

Подводя итоги сказанному, необходимо подчеркнуть, что сегодняшнее состояние дел в театрах края не однозначно. С одной стороны, мы констатируем некоторые успехи в творческой и финансово-экономической деятельности, а с другой – отмечаем проблемы в репертуарной политике, обеспечении кадрами, в рекламной, маркетинговой и гастрольной деятельности. Сегодня необходимо переводить правильно нами декларируемые предложения и задачи в плоскость реальной деятельности. Решение всех этих проблем – наша общая задача.

Костина Анна Владимировна,
заведующий кафедрой культурологии Московского гуманитарного университета, доктор философских наук;

Флиер Андрей Яковлевич,
ректор Высшей школы культурологии Московского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, профессор

ТЕРНАРНАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КУЛЬТУРЫ: НОВЫЙ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Авторами излагается новая модель структурирования культуры на три функциональные культурные системы – креативную (элитарную, социальную, статусную), потребительскую (массовую, политическую, конъюнктурную) и традиционную (народную, этническую, обыденную), регулирующие процедуры производства, потребления и обмена, нормы социальной солидарности, складывающиеся в процессе этих отношений, а также взгляды на генезис этих культур.

Во всех существующих теориях культуры заложено одно внутреннее противоречие. С одной стороны, теория – это суждение о некой культуре-вообще, объясняющее закономерности её функционирования. Но, с другой стороны, никакой культуры – вообще на свете нет. Эмпирически наблюдаются только разные культуры разных народов, да и наше представление о каждой из них является лишь суммой её наблюдаемых черт, сводимых в какую-то системную целостность только усилием нашего ума. Тем более культура – вообще – это умозрительная категория, обозначающая определённый класс явлений, выделенный нами из всего массива феноменов социального бытия людей по признакам, избираемым нами же. Возникает вопрос: а может ли существовать теория того, что мы сами придумали как интересующую нас категорию? Сформулируем вопрос иначе. Возможна ли теория такой *культуры*, которая сама является лишь продуктом рефлексии некоторых выделенных по тем или

иным основаниям аспектов нашей жизнедеятельности?

Но ведь и никакой *истории* в природе нет, это такая же придуманная категория, теорию которой мы тоже пытаемся сконструировать.

Так что же на самом деле есть? Что мы можем эмпирически наблюдать и исследовать? *Человеческую деятельность*, выраженную в её процессах и результатах [1]. Просто мы договорились между собой событийный ряд этой деятельности называть словом «история», а совокупность форм и результатов (продуктов) этой деятельности – словом «культура».

Таким образом, рассуждая о теории культуры, мы на самом деле пытаемся выстроить какую-то объяснительную модель, выявляющую и систематизирующую закономерности, которые регулируют процесс выработки и локализации форм и технологий человеческой деятельности [2]. При этом мы изучаем эти технологии, исследуя свойства продуктов (результатов), полученных в результате их применения. Это – метод аналитической реконструкции процесса по его наблюдаемым последствиям, поскольку жизнь, как правило, оставляет следы. Описание и атрибуцию самих культурных продуктов и их свойств во всей их взаимозависимости и взаимной сопряжённости мы называем «историей культуры» (она отвечает на вопрос «что?»), а аналитическое моделирование использовавшихся технологий, реконструируемых на основе изучения этих продуктов, – «теорией культуры» (она отвечает на вопрос «как?»).

Но теория культуры исследует не только параметры социокультурных технологий с точки зрения их утилитарной функциональности. Она исследует ещё и взаимоотношения, складывающиеся между людьми в процессе их социальной практики и те общие интересы, которые лежат в основе их социальной солидарности. В конечном счёте, взаимоотношения и солидарность – это тоже технологии коллективного существования, вне которых невозможна и социально значимая деятельность, то есть культурные процессы.

В этой связи возникает следующая группа вопросов. А возможно ли построение какой-то универсальной теории, объединяющей все модели взаимоотношений между людьми в процессе их жизнедеятельности и все варианты оснований и форм их солидарности? Или взаимоотношения и типы солидарности, привязанные к разным аспектам жизнедеятельности, удовлетворяющие разные интересы и потребности людей, выстраиваются по разным, достаточно специфическим моделям? Ведь людей консолидируют в устойчивые общности, как процедуры совместного производства, так и совместного потребления, обмена, познания, соседского общежития и другие. Причём производство, потребление и обмены в качестве как материальных, так и символических, информационных, социальных. Они задают основание отношениям политическим, социальным, интеллектуальным, нравственным и прочим, а также соответствующим им типам солидарности. А эти отношения бывают как комплементарными, так и конкурентными. Разные отношения преследуют разные цели, используют свои специфические технологии, строятся на разных ценностных основаниях, имеют разное символическое обеспечение и даже ориентированы по преимуществу на разные типы личности. Индивиды, сконцентрированные на производстве благ или их потреблении, или обмене – это, как правило, разные люди, с разными ценностными установками, с разными типами индивидуальности.

Но если всё это разное, то и закономерности, регулирующие процедуры социальной работы разных функциональных культур, доминантно ориентированных на производство, на потребление или на обмен, видимо, не идентичны, да и в композиции своих составляющих выстраиваются по разным схемам. Разве такое предположение не логично? В чём же специфика этих моделей? Ответить на этот вопрос пытаются авторы этой статьи.

Для того чтобы быть правильно понятыми не только культурологами, но и учёными других специальностей, нам необходимо определиться с базовым понятием «культура» и определить те содержательные границы, в рамках которых культура будет рассматриваться здесь. Хорошо известно, что в проблемных полях различных наук понятие «культура» употребляется с разным содержательным наполнением, на разном уровне содержательных обобщений. Философы в качестве культуры понимают умозрительную культуру – вообще, как родовое понятие, как совокупность форм осуществления коллективной жизни, свойственных только человеку и принципиально отличающих его от животного. Философы рассуждают о культуре

в основном на таком предельно абстрактном уровне обобщений. Для историков, этнографов и особенно археологов культура – это эмпирически наблюдаемая системная общность форм жизнедеятельности определённого конкретно-исторического общества (народа), отличающаяся специфическими индивидуальными чертами, на основании которых её можно локализовать и атрибутировать. Рассуждения этих специалистов о культуре обычно жёстко ограничены таким сугубо эмпирическим уровнем обобщения (культура – это только то, что наблюдается непосредственно или реконструируется по следам, может быть описано и отличено от других культур).

Культурологи же, как правило, стремятся исследовать культуру (культуры) на уровне, промежуточном между умозрительно-философским и конкретно-историческим – в качестве культурных типов, выделяемых по тем или иным основаниям, и проводят обобщения преимущественно на этом типологическом уровне. При этом изучаемая культура мыслится как системная совокупность доминантных признаков, определяющих данную стратегию жизнедеятельности по некоторым параметрам её экзистенциальных ориентаций и отличающих её от других стратегий с иными экзистенциальными ориентациями. В качестве таковых культур могут рассматриваться региональные исторические типы, называемые цивилизациями – например, античная, западноевропейская христианская, китайская, индо-буддийская и прочие цивилизации. Объектами изучения могут быть заимствованные из этнографии хозяйственно-культурные типы – например, культура пашенных земледельцев, культура оленеводов тундры, культура кочевых скотоводов степей и тому подобное. А могут быть выделены и исследованы разные социальные типы культуры – такие как, например, народная культура, элитарная культура, массовая культура и другие. Конечно, академически правильнее было бы говорить здесь о народном культурном типе, элитарном культурном типе, массовом культурном типе (ибо таких культур, как системных и пространственно локализованных целостностей эмпирически не существует). Но исторически уже сложилось так, что эти типы в нашей науке и публицистике называют просто культурами – народной, элитарной, массовой и другими. Так вот и в нашем исследовании под функциональными культурами, о которых пойдёт речь, имеются в виду, конечно же, именно типы культур с теми или иными функциональными доминантами, но которые по аналогии со сложившейся практикой будут называться просто культурами – традиционной, креативной, консьюмерной (потребительской).

Их специфика состоит, прежде всего, в отражении особой стратегии жизнедеятельности индивидов, инкорпорированных в общественные структуры либо через процедуры полного подчинения индивида социуму, либо через функционально-социальные связи, либо через поверхностные и ситуативные имиджевые механизмы. Существенное значение имеет также настроенность этих индивидов на осуществление деятельности инновативной, репродуктивной или сочетающей в себе черты той и иной в разных композициях. Всё это, в свою очередь, опосредуется и представлениями о мире, и системой ценностей, и спецификой содержания создаваемого символического пространства, а также многим иным.

Ещё одна группа вопросов, исследуемых здесь, посвящена проблемам генезиса культуры. В нашей науке уже утвердилась мысль, высказанная в своё время одним из соавторов и гласящая, что под культурогенезом следует понимать не только первоначальное происхождение культуры в архаической древности («культурогонию») [3], но и постоянное её самообновление, выражающееся в порождении новых культурных форм, смыслов, систем и фазового перехода от старого к новому качеству [4]. Отсюда культурогенез – это процесс инновативного самообновления культуры, протекающий постоянно и неизбежно, преодолевающий традиции под давлением внешних обстоятельств.

Но в связи с выделением разных функциональных культур встаёт и проблема того, что, судя по всему, исторически имели место несколько первичных культурогоний, в ходе которых рождались разные культуры с разной жизнеустроительной ориентацией (стратегией выживания – по Ст. Лему). Палеолитическая присваивающая культура явилась лишь инструментальным развитием такой же потребительской жизненной стратегии животных. Можно ли называть её собственно человеческой культурой, чем-то принципиально отличающейся от животной социальности? В неолите родилась культура активной адаптации к природной среде

обитания посредством производства продовольствия, инструментария и предметов обыденного потребления. Но и эта культура, как известно, очень редко изобретала что-то новое, стремясь преимущественно к непосредственному повторению уже достигнутого ранее, что и являлось её сакральной целевой установкой. Культура, ориентированная на новационную деятельность и развитие как особую модальность существования, появилась лишь с рождением городских цивилизаций в IV—III тысячелетиях до нашей эры, стала социально заметной с так называемого «осевого времени» (первая половина I тысячелетия до нашей эры), а возобладала как цивилизационно определяющая только с эпохи Ренессанса.

Так какую же перемену в режиме существования людей нам следует считать ключевой и поворотной с точки зрения определения момента рождения культуры[1]. Начиная с какого момента, мы можем говорить о том, что культура уже состоялась как собственно человеческий способ существования? Или можно утверждать, что никакой культурогонии, как локализуемой во времени процедуры, исторически не было? А имела место не ситуативная, а очень постепенная трансформация форм животной социальности в формы социальности человеческой и связанное с этим порождение тех или иных конкретно-исторических новых культурных явлений (технологий и продуктов деятельности людей). При этом стоит обратить внимание на то, что поначалу этот процесс обновления был крайне медленным, почти не фиксируемым эмпирически (что создаёт такие трудности в выявлении какого-то события или экзистенциальной ситуации, которую можно было бы аргументировано считать актом рождения культуры), но по ходу истории – всё более и более ускоряющимся.

Думается, что нам не стоит отождествлять всякое происхождение с чётко локализуемым актом рождения. В случае с происхождением культуры имела место очень постепенная трансформация, в которой момент фазового перехода и появления нового качества мы не можем зафиксировать эмпирически.

Таким образом, мы приходим к заключению, что хотя историческая значимость имевшей место в древности культурогонии существенна качественно (как и всякое начало какого-либо процесса), но накопление этого нового качества шло очень постепенно. Да и наблюдавшийся в истории культурогенез последующих веков не столь уж значителен по числу своих инновативных достижений, а подлинный культурогенез исторически ещё только начинается с нарастанием темпа и масштаба обновлений и по-настоящему развёрнется в будущем. Нам предстоит *культурогенез грядущий*. И мы живём в тревожном предощущении его.

В таком случае возникает вопрос: а стоит ли нам ломать столько копий по поводу истории культуры и искать в ней какую-либо правду? Ведь знание истории (и истории культуры в том числе) на самом деле (по своим подлинным скрытым социальным целям) служит только задачам фактологической аргументации тех или иных оснований нашей идентичности – этнической, политической, социальной, конфессиональной и другой – и никакой иной социальной пользы не несёт. А обретение национальной идентичности не требует предъявления подлинных исторических фактов. Этот процесс надёжно обеспечивается и исторической мифологией, в которую тем больше верят, чем она невероятней. С этой точки зрения писатели, создающие мифы, социально полезней историков. Вредные историки, как правило, мифы разоблачают, что не всегда полезно для существующего социального порядка.

Можно даже сказать, что весь массив наших знаний по истории (как в информационном, так и в материальном её воплощении – в виде памятников) отвечает лишь на один вопрос: «Кто мы такие по сравнению с другими?» (самоидентификация). Весь массив философии и религии (в её мироосмыслительном аспекте) отвечает на вопрос «зачем мы существуем?» (экзистенциальная целеустановка). А весь массив культуры (во всех её интеллектуальных, материальных, социальных, символических, информационных и иных проявлениях) отвечает на вопрос «как нам жить в режиме взаимодействия друг с

[1] Здесь мы можем выделить, по меньшей мере, четыре значимых события, выявляемых эмпирически и представляющихся принципиально важными и этапными с точки зрения процесса становления культуры как сугубо человеческого способа жизни и деятельности: первые преднамеренные погребения (более 100 тысяч лет тому назад у неандертальцев), начало символической деятельности, фиксируемой в изобразительных акциях (примерно 40—30 тысяч лет тому назад у homo sapiens переход к производящему типу хозяйствования (X–VIII тысячелетия до н.э. – «неолитическая революция») и начало производительной деятельности с инновативной модальностью (IV– III тысячелетия до нашей эры – сложение первых городских цивилизаций).

другом?» (социальная технология). На этих трёх китах – самоидентификации, экзистенциальной целеустановке и социальной технологии, как представляется, и базируется вся коллективная жизнь людей, в любых её проявлениях.

Так, может быть, в связи этими чётко локализованными вопросами, нам стоит больше заниматься культурой, не как результатом истории (то есть, анализируя опыт коллективного сосуществования, накопленный предками), а как проектом нашего будущего социального состояния? Ведь культура – это то, что нам ещё предстоит, это социально-технологическая проблема будущего. Но какой она будет, эта грядущая культура? Национальной, массовой, этнической или какой-то ещё? На чём будет основываться наша социальная солидарность завтра, и какие технологии коллективного существования станут для нас актуальными? Весь XX век мы активно занимались превентивным переживанием будущей культуры. И что же мы увидели?

Поискам ответа на эти и многие иные вопросы посвящено настоящее исследование. Данная работа составлена из текста, излагающего новую концепцию авторов касательно трёхчастной функциональной структуры культуры.

Три культуры — три функциональные стратегии жизнедеятельности

В самом начале исследования представляется необходимым определиться относительно рамок избираемой методологии. Прекрасно осознавая невозможность построения единой и системной концептуальной модели мира в понятийном пространстве и науки, и философии, соавторы исходят из понимания культуры не как сферы проявления свободы человека, а акцентируют внимание как раз на тех её аспектах, которые позволяют рассматривать культуру, в большей степени как сферу необходимости, задаваемой и природой и обществом, в границах которой только и может действовать человек. В контексте такого понимания культура выступает как репрессивная система, удерживающая человека в достаточно жёстких рамках, которые он всё время стремится раздвинуть и преодолеть при помощи способов, формируемых всё той же культурой. Смыслом же человеческого существования становится либо усвоение границ культуры и принятие их как данности, либо стремление выйти за эти границы и сформировать новые пространства – то есть, настроенность жить, согласно закону традиции или противясь этому закону посредством свободного творчества.

Вопрос о развитии любого феномена, предстающего в качестве предмета исследования, неизбежно ставит вопрос о том основании, которое позволит, опираясь на качественную специфику этого процесса, выделять в нём определённые динамические стадии. Причём, такие стадии, которые имели бы направленный и необратимый характер и представляли собой определённые содержательные целостности, отличающиеся наличием упорядоченных тенденций и закономерных изменений. Одной из наиболее существенных закономерностей развития является сочетание преемственности изменчивости, позволяющей удержать качество внутри каждой из его стадий, и инновативности, обусловливающей изменение смыслов явления и предполагающей продвижение к иному качеству и иной стадии. Следовательно, существование любого объекта во времени (развитие, регресс, стагнация) предполагает объективную динамику (положительную, отрицательную, нулевую) процессов, обусловленных его существованием. Для такого объекта, как культура, одним из наиболее существенных ресурсов является информация, сохранение которой выступает как традиция, воспроизводство, а приращение — как инновация, творчество. Пользуясь этой несложной схемой, описать весь историко-культурный процесс, видимо, невозможно, прежде всего, потому, что опора только на один параметр, позволяющая создавать идеальные конструкции, не позволит вместить всё многообразие тенденций культурного развития и описать богатство всех существующих форм.

Иными словами, такой метод не является продуктивным для рассмотрения культуры во всех её исторических проявлениях, предстающих в качестве определённых культурно-исторических вариантов. Однако для анализа динамических процессов, связанных с культурой как определённой целостностью, этот подход представляется весьма продуктивным. Трактовка культуры здесь сознательно ограничена пониманием её только как системы взаимоотношений между деятелями (акторами). Без такой проблемной локализации

невозможно какое-либо продуктивное её исследование, тем более, совмещение – как в данном случае – структурно-типологического и историко-типологического ракурсов анализа культуры как системной целостности. При этом, во-первых, наличие единого основания позволяет рассматривать процесс развития и культуры, и человека, и истории в их обобщённо-идеальном варианте, абстрагируясь от их конкретного воплощения в определённых пространственно-временных границах. Во-вторых, этот метод обладает достаточным (ригорическим) объяснительным потенциалом, позволяющим осмысливать не только многие явления далёкой истории, но и современного культурного развития. В-третьих, методологические возможности данного подхода позволяют представить в новом освещении многие теоретические вопросы (к примеру, относительно природы массовой, элитарной, традиционной культуры), вызывающие научные дискуссии. Соответственно, в обобщённо-типологическом плане используются в этой концепции и все основные понятия – культура, традиционная культура, элитарная культура, массовая культура, традиция, творчество, инновация, познавательные возможности которых позволяют раскрывать не форму объектов исследования, а их содержание.

При таком подходе неизбежна определённая абсолютизация наиболее значимых, постоянных и инвариантных качеств объектов исследования, однако именно такое абстрагирование от конкретных вариантов их проявлений позволяет представлять процесс развития культуры в обобщённом виде. При этом сочетаются два плана исследования – статический и динамический, где выделение наиболее типичных признаков и качеств исследуемого явления осуществляется только в синхронном срезе – по оси пространства, а момент появления нового качества объекта позволяет вводить координату времени. Вместе с тем, в статическом «срезе», безусловно, учитывается не представление одного из временных состояний изучаемого феномена, пусть и наиболее характерного, а как бы наложение нескольких вариантов его проявлений – таких, где объект проявлял ту совокупность своих качеств, которая присуща для любого момента его осуществления во времени [5].

Предварительно отметим, что, основываясь на соотношении воспроизводства и творчества, можно выделить такие типы культуры, как традиционная (этническая, обыденная), элитарная (высокая, креативная, специализированная), массовая (потребительская). Первая настроена на такую стратегию существования, как простое воспроизводство, однако предполагает и творческую компоненту этого процесса, обусловливающую пусть и медленное, но поступательное развитие системы. Вторая, основанная, по преимуществу, на творчестве, принципиально инновативна, предельно динамична (в соответствии с основными параметрами её конкретной исторической формы) предполагает наличие ярко выраженной индивидуальности в виде субъекта творчества. Наконец, третья, выступающая в качестве пассивной адаптационной системы, настроена на воспроизводство в существенно ослабленной форме тех смыслов, которые рождены в рамках элитарной культуры.

Итак, соотношение традиционности и творчества можно рассматривать в качестве одного из основных параметров социокультурной динамики. Эти понятия используются здесь в обобщённо-смысловом их варианте, где в каждом из них имеется в виду преобладающее преимущественное содержание одного из компонентов – либо создание нового, либо воспроизводство уже бывшего в практике. Исходя из этой логики, традицию можно рассматривать как такой способ существования культуры в её полном объёме и содержании, который настроен на репродуцирование определённой информации, в качестве которой выступают ценности, идеи, определённые общественные установления, обряды, нормы поведения, а также сами способы социального наследования. В этом смысле традиция здесь предстаёт как простое воспроизводство опыта, а всё то, что в традицию не вписывается и порождает новое содержание – пусть и не противоречащее старому – выступает уже как инновация, предполагающая участие творческой составляющей. Эта позиция коррелирует с тезисом О.Г. Дробницкого о том, что «традиция в строго социологическом смысле этого слова не способна воспринять в себя и сделать своей имманентной логикой историческое изменение», а все те изменения, которые происходят в рамках традиции, осуществляются «над обычаем, а не внутри него» — «сам по себе он способен лишь извечно воспроизво-

дить себя, сопротивляясь любым нововведениям» [6].

Соответственно, творчество понимается как производство принципиально нового, не имеющего прецедентов в человеческом опыте, как преодоление того, что подвергнуто регламентации, как выход за пределы существующих границ и установление новых, ограничивающих область заинтересованного внимания человека к миру. В этом смысле субъект творчества проявляет ярко выраженную креативность, преодолевающую способность человека к исключительно комбинирующей деятельности.

С этих позиций, сопоставляя разные функциональные культуры по характеристикам их традиционности и новационности, по критерию приращения новой информации и нового качества на каждом витке развития, а так же по их преимущественной направленности на регулирование тех или иных сфер жизненной практики, мы и приступаем к нашему исследованию.

Специалистам в области теории и истории культуры хорошо известно, что о культуре–вообще можно говорить только в ракурсе общетеоретических рассуждений. Эмпирически никакой культуры – вообще на свете нет, а есть множество (до сих пор не подсчитанное) локальных культур разных народов, созревавших на основании исторического социального опыта их существования в тех конкретных природных и социальных условиях, в которых протекала их история. Замечательный польский писатель-фантаст и теоретик культуры Станислав Лем в своё время очень удачно назвал эти культуры «локальными стратегиями выживания» [7], что очень точно отражает историческое происхождение и социальную функцию этих культур.

В этой связи можно дать такое определение культуры, которое, кажется, ещё не звучало в научной литературе. ***Культура – это исторически выработанный порядок устойчивых взаимоотношений между людьми по поводу их коллективного существования в имеющихся природных и исторических условиях, а также совокупность продуктов, идей, структур и технологий, порождённых в процессе этих взаимоотношений.*** Этот ракурс понимания культуры теснейшим образом коррелирует с известным замечанием Георга Зиммеля о том, что культура – это то, что пролегает между людьми [8]. То есть связывает их, выявляет общность их интересов и артикулирует допустимые способы удовлетворения этих интересов. Конечно, наше определение частичное – впрочем, как и все остальные, отражающее только один из возможных ракурсов взгляда на культуру, связанных с её общественной природой и теми её функциональными характеристиками, которые обеспечивают оптимальное социальное взаимодействие. Авторы, оставаясь в границах научного понимания культуры, осознают, что оно противоречит её философской трактовке, где акцентируется, в первую очередь, соотнесённость культуры со сферой свободы человека, выступающей в качестве необходимого и достаточного условия формирования его личностной составляющей и самоосуществления человека в данном качестве. Но предлагаемое нами понимание культуры наиболее актуально для настоящего исследования, где культура выступает как порядок взаимоотношений между людьми, преследующими общие интересы, и как всё, что следует из практик осуществления жизнедеятельности в соответствии с этим порядком. Соответственно, разные этнические культуры можно трактовать как исторически возникшие разные порядки взаимоотношений.

Но по такому же признаку можно выделить и разные функциональные культуры как порядки взаимоотношений по поводу разных сторон жизнедеятельности – производства, потребления, обмена. Понятно, что это разделение условно. Реально в любой культуре присутствует все это вместе, без этого она не могла бы существовать. Тем не менее, выделить разные культурные типы по преобладающей функциональной направленности можно. Именно в этом смысле в нашем исследовании понимается культура, выступающая как многофункциональная стратегия, обеспечивающая все актуальные стороны жизни общества, но в разных случаях обладающая разными регулятивными приоритетами по отношению к отдельным сторонам жизни.

Локальных культур с самого начала было столько, сколько народов – социально и информационно локализованных сообществ, реализующих исторически сложившийся у них порядок осуществления жизни – стратегию выживания. Однако народы всегда – по крайней мере, со времени перехода на производящую форму хозяйствования в неоли-

те – были социально неоднородными. Их социальная неоднородность ещё больше усилилась с появлением такой формы политической организации, как государство, такой формы социальной организации, как город, с усилением противоречий между государствами и актуализации такого вида межгосударственных отношений, как войны, и, соответственно, появления особой социальной группы профессиональных военных, со становлением социальных иерархий с их правителями и чиновниками, с установлением разных форм хозяйственной деятельности, с развитием религий и института, их обслуживающего, и тому подобное. Не будем рассматривать всю историю социальной стратификации человечества. Сейчас нам достаточно и этого.

Эта социальная и профессиональная, а также социально-статусная неоднородность населения, различия в местах проживания (деревня и город), различная степень зависимости от природных условий, различная степень вовлечённости в реальную событийную историю, различные цели и продукты деятельности, различные регулятивы взаимоотношений и прочее – всё это привело к тому, что в рамках каждой «локальной стратегии выживания» исторически и социально сложилось три внутренние функциональные стратегии – три адаптивных способа существования. Первый – адаптация к природным условиям жизни путём разработки соответствующих устойчивых форм хозяйствования и социальной организации акторов. Второй – адаптация к историческим условиям жизни (внешним взаимодействиям и внутренним социальным коллизиям), реализуемая главным образом в режимах социального управления и постоянном обновлении инструментария и технологий деятельности. И третий – адаптация к текущей экономической и (или) политической конъюнктуре, осуществляемая не путём производства чего-либо, а посредством тех или иных форм и режимов актуального потребления уже имеющейся продукции. Разумеется, речь идёт только о преобладающей модальности адаптации. Практически каждая из этих адаптивных стратегий в той или иной мере решает все три задачи, но в разной пропорции, с разной степенью акцентированности различных функций и в разной композиции их сочетания.

Итак, вопрос о культуре–вообще и поиске каких-то универсальных законов её функционирования и определения их значения в жизни людей отодвигается уже на уровень философского умозрительного обобщения. Научно-теоретический уровень обобщения, в рамках которого осуществляется настоящее исследование и который, так или иначе, должен строиться на анализе исторической эмпирики, распадается, по крайней мере, на три самостоятельные теории разных функциональных культур.

Эти культуры можно выделить по предмету адаптации. Мы сочли возможным назвать их: *традиционной* культурой, адаптирующейся в первую очередь к природным условиям существования путём воспроизводства уже исторически оправдавших себя форм продукции и технологий жизнедеятельности; *креативной* культурой, адаптирующейся главным образом к историческим условиям существования посредством постоянного порождения новых форм и технологий, и *консьюмерной* культурой (от английского consumer – потребитель), адаптирующейся преимущественно к экономической и (или) политической конъюнктуре посредством актуального потребления любых доступных форм и использованием любых технологий. Понятно, что эти три культурные стратегии были порождены в разное время разными обстоятельствами жизни человеческих сообществ, но последовательность их порождения позволяет выявить тенденцию углубления уровня специализированности в человеческой деятельности.

Эти культуры можно рассмотреть совместно и сопоставить также и по преобладающим (наиболее актуальным для них) сферам регуляции. Креативная культура регулирует, в первую очередь, процессы специализированного производства (материального, символического, социального) и по этому признаку является *социальной* (дифференцирующей людей по их функциям и ролям в процессе производства чего-либо: от хлеба до порядка). Консьюмерная культура регулирует, прежде всего, процессы потребления (материального, символического, социального) и по этому признаку является *политической* (ибо первоочередная политическая задача заключается в упорядочении хаотического потребления и обеспечении его безопасности от внешних конкурентов). Традиционная культура регулирует неспециализированное производство и потребление (непосредственно жизнеобеспечивающее),

но в особенности – и это самое главное – процедуры обмена (материального, символического и информационного) и по этому признаку является *этнической* обеспечивающей коммуникацию внутри локальных сообществ, связанных родством, хозяйственной деятельностью, правилами соседского общежития, общностью обычаев, языка, верований и тому подобное.

Можно установить и ещё одно основание для совместного рассмотрения трёх культур – отношение к старому и новому и место творческой интенции в этих функциональных культурах. Традиционная культура сакрализует старое и опасается нового – по определению профанного. Творческий аспект здесь локализован и ориентирован преимущественно на интерпретацию образца. Напротив, креативная культура сакрализует новое и относится с иронией к старому, тем самым, профанируя его. Творческая мотивация деятельности здесь является основной. Консьюмерная культура десакрализует и старое, и новое, иронизирует над тем и другим, превращая то и другое в предмет профанного потребления. Отношение к творчеству здесь нейтральное или вульгарно утилитарное.

Ещё одно обстоятельство необходимо отметить предварительно. Нам представляется, что все три стратегии являются универсальными для всего человечества, и характеристики их более или менее применимы к соответствующим функциональным программам жизнедеятельности в рамках любой локальной территориальной (этнической, национальной) культуры. Разумеется, в каждом конкретно-историческом случае имеют место свои местные вариации, однако не меняющие базовые характеристики этой функциональной стратегий по существу.

Один из соавторов настоящей работы в своё время написал книгу, посвящённую вопросам происхождения культуры в глубокой древности и её последующего поступательного развития вплоть до современного состояния – культурогенезу [9]. При этом культура рассматривалась им только как культура–вообще. Но в свете выдвигаемой в настоящем исследовании концепции трёх функциональных культурных стратегий возникает необходимость существенной коррекции той единой модели культурогенеза, которая рассматривалась раньше.

Другой соавтор изначально подходил к культуре–вообще как к историческому сочетанию разных функциональных культур, реализуемых в интересах разных типов личностей: личностей «с коллективным лицом» (традиционная), личностей «с высоко индивидуализированным лицом» (элитарная) и личностей «со стёртыми чертами индивидуальности» (массовая) [10]. Этот подход и лёг в основу той концепции, в рамках которой осуществляется настоящее исследование.

Базовая мировоззренческая позиция авторов остаётся прежней. Человеческая культура генетически является продолжением и развитием системы регуляции коллективной жизни, имеющейся у стадных животных, но у человека она дополнена целенаправленной деятельностью по преобразованию среды, самоидентификацией деятелей и рефлексией поступающей информации о мире, что превращает жизнь животного в жизнедеятельность человека. Всякое совместное существование предполагает, прежде всего, определённый уровень упорядоченности в способах жизни, осуществляемой членами сообщества, что поддерживает коллективный характер их существования. Культура – это и есть высшая форма упорядоченности в социальном поддержании и воспроизводстве жизни, известная в биологических системах, основанная на накопленном социальном опыте и адаптируемая к складывающимся обстоятельствам.

Но эта упорядоченность может быть разной, будучи детерминированной разными обстоятельствами, ориентированной на разные преследуемые цели и воплощённой в разных технологиях осуществления коллективной жизни. Рассмотрим их.

Традиционная культура (её обычно называют народной и изучает её прежде всего этнология) – это культура хозяйственной деятельности, социальной организации и сопровождающих их символических форм, функционально ориентированная в первую очередь на адаптацию природно-климатических условий существования. Это культура главным образом сельских производителей (крестьянства) и в наибольшей мере отражает хозяйственные, социальные и мировоззренческие особенности их быта, нормы соседского сосуществования и обмена. Эта культура начала складываться в эпоху неолита (перехода от присваивающего к производящему хозяйствованию), была основной культурой сообществ на аграрной стадии развития (привычные для нас рабов-

ладение и феодализм) и начала отодвигаться на периферию социальной жизни на индустриальной стадии.

Традиционную культуру более всего характеризует то, что, будучи жестко привязанной именно к природным условиям существования, которые исторически устойчивы и не требуют частой смены способов хозяйствования и образа жизни, она столь же жёстко обусловлена определёнными обычаями хозяйственной практики и социальных отношений, технологиями, которые сложились в период разложения первобытного общества и по существу уже не менялись на протяжении всей истории. Разумеется, поэтапное совершенствование инструментария деятельности по ходу истории имело место, но сами технологии при этом оставались высоко устойчивыми (поскольку сельскохозяйственная практика осуществлялась преимущественно механическими способами и только в XX веке стала дополняться биотехнологиями).

Это культура воспроизводства обычая, обеспечивающего непосредственные витальные интересы людей и их социальные интересы в режиме обитания небольшими в основном самодостаточными и более или менее замкнутыми сельскими общинами, который когда-то показал свою приемлемую функциональную эффективность и в последующем стал сакральным элементом бытия. Нарушение этого сакрального обычая (вне зависимости от его практической функциональности и уровня конкурентоспособности с какими-то новыми способами бытия) в принципе табуировано. Такой устойчивостью отличаются однажды сложившиеся и столь же сакрализованные формы социальной организации и социальных отношений, мировоззрение, верования, бытовые обычаи, праздники и прочее, называемые этнической культурой того или иного народа.

Важным представляется то, что моментом, связанным с формированием её качественной специфики, и позволяющим говорить о конституировании принципиально нового типа культуры как стратегии отношения человека с миром, было выстраивание поверх не только витальной, но и социальной сферы, сферы символической. Она предполагала соотнесение бытия человека с бытием Космоса и осмысления человеком себя самого и мира в категориях времени и вечности. Именно эта функциональная природа традиционной культуры, во-первых, как культуры символической, а, во-вторых, как культуры, настроенной на бесконечное воспроизводство исторического социального опыта (как правило, лишь в незначительной мере варьируемого по реальным обстоятельствам бытия), и составляет её специфику.

Традиционная культура по сути своей является обыденной и межпоколенно воспроизводится преимущественно в режиме домашнего воспитания и непосредственных социальных контактов. По своей социальной функции она обеспечивает, прежде всего, процедуры неспециализированного производства и потребления (как правило, и то, и другое в семье и для семьи), и – что для нас сейчас более важно – обмена (материального, символического и информационного) и определяемые обменными процедурами режимы соседского сосуществования и коммуникации.

Акторов этой культуры можно определить «людьми с коллективными чертами лица». Культурные черты общины, которую они представляют, по крайней мере, во внешнем контакте в существенной мере заслоняют собой индивидуальные человеческие черты каждого. Это люди, репрезентирующие собой весь коллектив.

Совершенно иной является **креативная культура** (обычно её называют элитарной или специализированной; последнее представляется более удачным и сословно не обусловленным названием). Изучают её различные отраслевые теории и истории. Это культура политической элиты (производителей порядка, функционально структурирующего и регулирующего социальное пространство бытия), интеллектуальной и художественной элиты (производителей знаний, верований, образов и смыслов, олицетворяющих и по-своему структурирующих социальное время бытия) и наиболее специализированной части материальных производителей (производителей вещей и сооружений, заполняющих и технически структурирующих витальное и социальное пространства[2]). По своей природе и функции – это культура социальной организации и дифференциации в специализированной (профессионально узконаправленной) деятельности людей.

Особенности этой культуры определяются тем, что она адаптирована в первую оче-

[2] Витальное время, на наш взгляд, воплощено в людях, производимых биологически.

редь к историческим условиям существования общества (взаимоотношениям с внешним социальным окружением и внутренним социальным процессам и напряжениям). Исторические условия в сравнение с природными, разумеется, несоизмеримо более подвижны, а по мере исторического развития темп их изменчивости (темп протекания истории) постоянно нарастает** . Соответственно это требует постоянного изобретения технологических и организационных новаций, поскольку прежние формы в новых условиях оказываются уже не эффективными. Креативная культура – это культура творческая (creative – творческий), постоянно разрабатывающая новые способы адаптации к новым обстоятельствам бытия в виде новых технологий, нового инструментария, новых форм социальной организации и коммуникации, новых приёмов познания мира, фиксации и трансляции этого знания, новых символов, отражающих всё это, и тому подобное. Обновление и развитие, совершенствование организации и управления, технического и информационного инструментария – есть социальная самоцель этой культуры.

Однако говорить только о специализированности высокой культуры – значит, существенно обеднять её содержание. Конечно, креативность и способность к продуцированию идей – это её главное предназначение. Однако важно подчеркнуть, что опыт, порождённый высокой культурой, связан не только с оптимизацией сферы социального, но главное – с рождением идей, носящих символический характер и обладающих метафизической природой – то есть, с созданием сферы идеального. Эта сфера тесно связана с деятельностной, общественной природой сознания, где идеальное выступает как многообразие идей, осуществлённое в заданных предшествующим развитием человечества формах, как «особая «сверхприродная» объективная действительность, как особый предмет, сопоставимый с материальной действительностью, находящийся с нею в одном и том же пространстве» [11].

«Культурность» человека определяется, в конечном счёте, как раз его принадлежностью к определённым идеальным пространствам, а также качеством воспринимаемого им идеального. Естественно, идеальные реальности могут создаваться и в рамках любого типа культуры, но возможность их формирования в сфере повседневности существенно ограничена.

Исторически креативная культура начала складываться с появлением первых поселений городского типа (и социальных групп людей, не занимающихся сельским хозяйством) в IV–III тысячелетиях до нашей эры, а возобладала в Старом свете как цивилизационно определяющая, по нашему мнению, с эпохи «осевого времени» в первой половине I тысячелетия до нашей эры. Пространственно креативная культура сосредоточена исключительно в городах, в которых и происходят основные политические и социальные события в жизни общества, протекает его история.

Но креативная культура не только адаптируется к быстро меняющимся историческим условиям. Она функционирует в ситуации социально и профессионально стратифицированного общества (сама способствует углублению этой стратифицированности) и обслуживает, прежде всего, коллективные интересы общества и эксклюзивный заказ высокостатусной части населения. Именно социальные и статусные притязания акторов (производителей и потребителей) являются основным механизмом построения взаимоотношений между людьми в культуре этого типа. Поэтому, в отличие от социально не иерархизированной (или незначительно иерархизированной, что мало влияет на её функционирование) традиционной культуры, креативная культура – очень иерархизирована, и в ней происходит постоянная конкуренция между акторами за место в социально-статусной иерархии.

Эту конкуренцию на рынке социальной жизнедеятельности (выражаясь в современных терминах), борьбу за статус можно счесть основным механизмом социальной регуляции в этой функциональной культуре. Действуя в заданных параметрах и нормативах этой культуры, человек стремится не только физически выжить, но и приносить пользу обществу, быть вознаграждённым и уважаемым за эту свою полезность и значимость и занимать подобающее место в

3** Мимоходом позволим себе высказать предположение о том, что темп протекания социальной истории убыстряется по причине того, что по ходу истории происходит нарастание и углубление специализированности человеческой деятельности (профессиональная специализация). А поскольку новации во всякой деятельности порождаются преимущественно узкими специалистами, то по мере углубления специализированности нарастает и динамика порождения новаций. И так из века в век. В своё время это назвали прогрессом, а в наше время это принято называть технологической революцией.

социальной иерархии. Креативная культура воспроизводится из поколения в поколение посредством профессионального (специализированного) образования, которое с каждой эпохой становится всё более узкопрофильным.

Акторы креативной культуры – это личности с выраженными чертами индивидуальности. Это обусловлено творческим характером самой культуры, посредством которой человек личностно самовыражается, личностно самоидентифицируется и социально реализуется как индивидуально выделяющийся деятель.

И традиционную, и тем более креативную культуру можно определить как формы активной адаптации к условиям существования.

Ещё одну стратегию коллективного выживания, наоборот, преследующую цель исключительно пассивной адаптации к текущей экономической и (или) политической конъюнктуре посредством актуального потребления, мы назвали **консьюмерной культурой** («потребительской»; в целом она не изучается ни одной наукой, но отдельными сегментами является предметом интереса социологии и культурологии). Название «консьюмерная» справедливо вызывает ассоциацию с культурой консьюмеризма – культурой потребительского общества, то есть по существу с современной массовой культурой. Безусловно, массовая культура является наиболее выразительным проявлением консьюмерной культуры сегодня. Мы хорошо знаем массовую культуру в её художественно-развлекательном сегменте (эстрада, кинематограф, бульварные романы и прочее) и нередко забываем о том, что эта культура охватывает практически все стороны публичной жизни в современных городах, хотя, разумеется, в первую очередь повседневный быт, досуг и информационное потребление.

Массовая культура – это культура толпы. Речь идёт не просто о прохожих на улице, а о ситуации, когда эти прохожие начинают действовать, объединённые единой целью: манифестируют во время демонстраций, бегут, спасаясь от чего-то, идут громить магазины или нацменьшинства и тому подобное [12]. Это культура зрительного зала в театре или на концерте, культура посетителей музея, выставки, магазина или ресторана [13], дискотеки и игрового зала, туристов на экскурсии, болельщиков на стадионе. Что всех их объединяет? Актуальное потребление чего-то (материальное или символическое). Такую культуру можно назвать модальной консьюмерной.

Но не только это. Мы нередко забываем, что и современная политическая культура и обслуживающая её идеология (политические партии и выборы, агитация и пропаганда), информационная культура (СМИ, реклама, Интернет) и, более того, вся государственно насаждаемая субкультура детства (игрушки, сказки, мультфильмы, игры, идеологически выдержанное стандартное школьное образование и прочее) направлены в существенной мере на манипуляцию сознанием населения и ориентацию его в нужном для господствующей элиты направлении. Следует подчеркнуть, что такая манипуляция оказывается наиболее эффективной и продуктивной именно по отношению к толпе – собранию людей, лишённых (по ситуации) выраженных индивидуализирующих черт. Манипулятивная культура представляет собой ещё одну составляющую консьюмерной культуры, как её производительный элемент, родившийся в эпоху массового общества.

Но консьюмерная культура не исчерпывается только модальной и манипулятивной. А что такое криминальная субкультура (во все времена истории)? Та же самая культура актуального потребления. Она ничего не производит, а только потребляет (присваивает) насильственным или обманным путём, а взаимоотношения людей в её рамках подчинены тем же самым правилам, регулирующим актуальное потребление. Помимо того во все времена существовала специфическая субкультура коллективов людей, принудительно собираемых в условиях ограничения свободы. Это культура заключённых, военнопленных, рабов. Их консолидируют в коллективы и выстраивают взаимоотношения между ними только процедуры актуального потребления, определяемые режимом их заключения. А солдаты срочной службы, легионеры, ландскнехты («солдатня»)? В принудительном, ограниченным нормами воинской дисциплины и относительно изолированном от общества состоянии всех этих людей объединяет и связывает отнюдь не присяга и воинские обязанности, а преимущественно то же самое актуальное потребление в свободное время и именно оно регулирует всю систему

социальных отношений между ними[4]. Это не исключает того, что в известных случаях солдат может объединять и патриотический порыв, но, как правило, защита Отечества не является повседневной нормой армейской жизни. Армия в мирное время – это чисто потребительская организация. Все три перечисленных субкультуры: криминальную, тюремную и солдатскую можно объединить в тип кэмп-культуры (от английского camp – лагерь), то есть культуру людей, мобилизованных (или принудительно заключенных) в социально изолированное существование в условиях лагеря (общежитийной общины «вокруг общего котла»). Но по существу (по основаниям внутригрупповых социальных отношений) – это такая же культура актуального потребления, как и массовая, что детерминировано особым режимом жизнедеятельности её акторов.

Но и это ещё не всё. А какой была культура людей времён палеолита и мезолита (до «неолитической революции»)? Да той же культурой актуального потребления, являвшейся прямым продолжением жизненной стратегии животных. Только на этом этапе грабежу и уничтожению подвергалась природа. И животные ведут такой же «природно-потребительский» образ жизни. Можно сказать, что эта стратегия была изначально задана культуре биологически и только позднее была преодолена в процессе перехода к производящему типу хозяйствования. То есть консьюмерная культура как экзистенциальная стратегия актуального потребления не только существовала всегда (в той или иной своей форме: модальной, манипулятивной, кэмп-культуры или палеолитической), но с неё фактически начиналась вся человеческая культура, которая по своему происхождению изначально явилась лишь инструментальным развитием стратегии актуального потребления, объединяющей стадных животных.

В числе основных характеристик консьюмерной культуры можно перечислить такие, как: регуляция её актуальным состоянием экономической и (или) политической конъюнктуры, преобладающее отношение к жизни как к игре с правилами, определяемыми самим игроком, отсутствие какой-либо выраженной социальной иерархии среди участников этой игры (она скорее актуально-ситуативная), высокая значимость групповой маркировки, своеобразная система ценностей, связанных в основном со стремлением к получению удовольствий, восприятие мира и его составляющих только с позиций его полезности и того набора удовольствий, которые от него можно получить, и тому подобное.

Конечно, актуальное потребление регулируется не только одной консьюмерной культурой. Это обязательная задача всех функциональных культур. Но консьюмерная культура отличается тем, что она регулирует процедуры потребления преимущественно среди людей, ничем иным, кроме потребления не связанным (не являющимися совместными производителями чего-то или территориальными соседями по постоянному семейному месту жительства). С точки зрения антропологии, организация и регуляция процессов потребления является политической задачей [14], а, следовательно, и консьюмерную культуру можно считать функционально политической.

Сказать что-либо определённое о механизмах воспроизводства этой культуры мы не можем. Возможно, что её воспроизводит сама социальная ситуация, в которую попадают люди.

Людей этой культуры можно определить как «личностей со стёртыми чертами индивидуальности», поскольку процедура коллективного потребления, в которой доминирует принцип «не хуже других», не оставляет зазора для какой-то социально значимой и заметной индивидуальной репрезентации. Естественно, эта характеристика относится к потребителям продуктов массовой культуры. Производителями, как правило, бывают представители креативной культуры, работающие на массовый успех или в системе манипуляции массами. Они по типу своей деятельности принадлежат к креативной культуре[5], но «играют» на площадке массовой (и по её правилам – коммерческим, информационным, эстетическим и другим).

Соотнесённость трёх функциональных культур: традиционной, креативной и консьюмерной, как трёх различных стратегий жизнедеятельности, представляется очень

[4] Не нужно путать эту культуру с военной культурой офицерского корпуса, в большей степени регулируемой соображениями социального престижа, чести и пр. Солдаты – это фактические рабы в траншеях, и основания для их социальной консолидации мало отличаются от каторги.

[5] В вопросах изощрённости эксклюзивного потребления звёзды поп-культуры дадут фору любым аристократам. Вкусовые предпочтения здесь не сравниваются.

многоплановой и противоречивой. Они, с одной стороны, стремятся к разным целям, адаптируют разные обстоятельства и условия жизни, ориентированы на разные сферы регуляции, с другой – дополняют друг друга; социально автономны, но взаимодействуют и взаимопроникают друг в друга; находятся в довольно напряжённых взаимоотношениях, но порой имитируют черты друг друга и так во всём. Если традиционная и креативная культура отчётливо разнесены как территориально (село и город), так и социально (сельские материальные производители – крестьянство и городская элита – производители порядка, интеллектуальные и высокостатусные материальные производители), то консьюмерная культура существует на обеих площадках, хотя в целом тяготеет к городу, а по составу своих акторов пополняется их любых социальных групп (но преимущественно низкостатусных).

Особо следует отметить то, что все три культуры в какой-то мере взаимопроникают, присутствуют друг в друге. Исследуемое нами различие в функциях отражает скорее определённые приоритеты, доминирующие в рамках этих относительно полифункциональных культур, но вовсе не исчерпывает всё их социальное содержание. Консервативность традиционной культуры не исключает и некоторых элементов новативности, которые временами появляются в ней (преимущественно в её инструментальном обеспечении), что, однако, не меняет её консервативной сути. И креативная культура не только новативна. Элементы традиции присутствуют и в ней, однако, они понимаются как уже неконкурентоспособные в сравнении с новациями и практикуются преимущественно по причинам их символической значимости. Точно так же в традиционной и креативной культуре имеет место и актуальное потребление. И если в традиционной культуре оно до сих пор ограничено формами, разрешёнными обычаем, то в городской креативной культуре они всё больше и больше смыкаются с актуальным массовым потреблением[6]. Собственно креативные формы потребления всё больше и больше локализуются в эксклюзивном престижном потреблении высокостатусной части креативных акторов.

Говорить о каком-либо социальном соперничестве трёх культур до второй половины XX века не приходилось. Они функционировали в совершенно разных социальных средах: крестьянской, городской специализированной (высоко- и среднестатусной) и маргинальной. И даже процессы активной урбанизации, начавшиеся во второй половине XIX века, поначалу только увеличивали маргинальную прослойку среди городского населения, но не инициировали какой-либо конкуренции массовой культуры с креативной. Но в конце XX века, когда в актуальное потребление по массовому типу оказалось втянутым практически всё городское население, встал вопрос о том, что массовая (по существу маргинальная) культура становится основной культурой потребления всего городского населения (охватывая уже не только низкостатусную, но и среднестатусную его часть). Это особенно ярко проявилось в сфере символического потребления, к которой ныне относится фактически вся отрасль досуга горожан и их информационные интересы.

Особую остроту эта проблема приобрела в наши дни, когда оказалось, что школьники и их учителя уже относятся к разным информационным культурам: экранной и книжной. Как в такой ситуации учителя книжной культуры могут передавать свои фактурные знания и обеспечивающие эти знания культурные коды ученикам, которых учит телевизор на языке совсем иных культурных кодов? Как родителям воспитывать детей, не отрывающихся от телевизора и компьютера? Судя по всему, сегодня «передовая», «фронтир» обороны креативной культуры перед натиском массовой пролегает в аудиториях университетов. Остальное социальное пространство городов уже захвачено культурой актуального потребления.

Ещё более сложной представляется ситуация взаимоотношений традиционной и консьюмерной культур. В литературе временами проскальзывает утверждение, что мас-

[6] Очень показательным в этом смысле представляется провал советской культурной политики, которая сначала (в сталинские времена) стремилась выстроить общенациональную культуру советского народа на формах классической русской культуры XIX века (колхозников автобусами возили в Большой театр), потом (при Хрущёве) обратилась к имитации форм русской народной культуры (ансамбль «Берёзка», песни М. Фрадкина и иных), а затем (при Брежневе) занялась выстраиванием массовой художественной культуры советского типа (песни А. Пахмутовой, А. Бабаджаняна и др.). При всех несомненных художественных достоинствах творчества названных авторов в соревновании за эстетические предпочтения советского человека победила всё-таки массовая культура западного типа, оказавшаяся по времени и реальным условиям бытия более органичной и эмоционально актуальной. Кто-то из американских политиков остроумно заметил, что в «холодной войне» победил Элвис Пресли.

совая культура существовала всегда [15]. Мы не можем с этим согласиться. Всегда существовала консьюмерная культура актуального потребления, но преимущественно в своей маргинальной форме – описанной выше кэмп-культуры. Массовая же её форма не могла сложиться раньше появления массового общества, в свою очередь ставшего продуктом индустриального рывка второй половины XIX века и активной урбанизации, сопровождавшей этот рывок. Хотя, несомненно, какие-то формы (в частности в сфере символического потребления), сейчас развившиеся в массовой культуре, существовали и прежде[7]. Кэмп-культура, как явление заведомо маргинальное и порождённое определёнными «нештатными» условиями существования преимущественно мужских закрытых коллективов в относительной изоляции от социального окружения, не могла конкурировать с традиционной культурой сельских производителей. А вот массовая культура, ставшая основной повседневной культурой большей части населения крупных городов, вступила, по мнению некоторых исследователей, в конкурентные отношения с традиционной [16]. Так ли это?

Прежде всего, нужно отметить важный элемент общности обеих культур: они являются инструментами социальной стабилизации и контроля широких масс населения. Но делают это по-разному: традиционная в режиме соблюдения обычаев, имеющих сакральный статус, а массовая – в режиме имитативных практик по отношению ко многим формам креативной культуры [17].

Теперь зададимся вопросом: а в какой социальной среде возникла массовая культура? Среди представителей традиционной культуры – бывших крестьян, переехавших в города и попавших в совершенно иные социально-деятельностные (работа, оторванная от дома и семьи) и социально-нормативные (свободные от жесткого соседского контроля, но постоянно личностно конкурентные) условия. В этих условиях обычаи и нормы традиционной культуры быстро потеряли свою регулятивную эффективность и оказались заменёнными регулятивами актуального потребления. То есть потребители массовой культуры – это «бывший народ», теперь превращённый в электорат (определение М.М. Жванецкого) и ставший в некоторых случаях социальными, но во всех случаях культурными маргиналами. Конечно, эта ситуация могла бы исправиться через 2–3 поколения, в детях и внуках, воспитанных уже в новых городских условиях. Но… культурная политика государства фактически ведёт к активному воспроизводству именно этой новой массовой культуры и в новых поколениях, ибо в таком культурно-маргинальном состоянии массой легче управлять, манипулировать ей и тому подобное. То есть высокая стабилизирующая эффективность массовой культуры стала причиной её искусственного поддержания в актуальном состоянии в качестве основной «народной» культуры городского низко- и отчасти среднестатусного населения.

А непосредственной конкуренции между традиционной и массовой культурой мы не усматриваем. Это стратегии совершенно различных социальных условий жизни.

В связи со всем сказанным можно по-новому переосмыслить и процесс культурогенеза. По существу в общечеловеческом масштабе имели место три генезиса трёх отдельных и разнонаправленных стратегий выживания – трёх функциональных культур. Протекали они не то, чтобы совершенно автономно друг от друга, но явились ответами на совершенно разные обстоятельства социального бытия людей (в двух последних случаях возникших в результате деятельности самих людей) и потому породили общности трёх разных типов: политическую, этническую и социальную.

Сначала в течение палеолита и мезолита шёл процесс трансформации способов актуального потребления, свойственных животному миру, в человеческие способы жизнедеятельности. Это было присваивающее потребление, дополняемое производством технического инструментария, оборудованием территории проживания и некоторыми видами символической деятельности, обусловленной как мировоззрением, так и социально регулятивными целями (последнее свойственно и животным). Основным социальным регулятором выступали нормы биологического воспроизводства. Те причины, по которым люди сплачивались в устойчивые коллективы и способы, которыми они это делали, по существу не отличались сколь-либо значительно от мотивации и практики стадного образа жизни животных.

[7] Например, церковная проповедь как коммуникация «власть — народ», проводившаяся в доступной форме, на доступном языке. Или карнавал — действие «со сменой лиц», превратившийся ныне в действия «с отменой лиц» — футбольный матч или рок-концерт.

Затем, после того, как производящее хозяйствование стало преобладать среди основной социально лояльной части населения, актуальное потребление было оттеснено преимущественно в маргинальную зону социального существования. Оно стало культурой людей, занимающихся преступным промыслом или вытесненных в такие особые жизненные обстоятельства, в которых их объединение в устойчивые коллективы было связано главным образом с процедурой пассивного потребления «из общего котла» (заключение, плен, рабство, военная служба). Такую культуру мы назвали «кэмп-культурой» – культурой людей, живущих оторванными от семей в более или менее лагерных условиях.

В Новое время на волне урбанизации миллионы людей оказались оторванными от привычных мест и традиционных режимов обитания и перемещены в крупные города, где основной объединяющей их жизненной стратегией стало такое же актуальное потребление (в производственном отношении большинство из них оказались разбросанными по маленьким коллективам сферы бытового и коммунального обслуживания). В их среде сложился ещё один тип потребительской культуры – массовая культура, в рамках которой они составляют уже кратковременные и неустойчивые коллективы электората, свидетелей, посетителей, зрителей, болельщиков. В конечном счёте – это «культура улицы», и именно на улице человек этой культуры чувствует себя наиболее комфортно и безопасно. Следует отметить, что элита развитых обществ достаточно быстро поняла как опасность этой многомиллионной толпы социальных маргиналов (в этом смысле коммунизм и нацизм – политические режимы, опирающиеся на массовую культуру [18], идеологически базирующиеся на её ценностях, а технологически – на манипуляции сознанием миллионов людей, – послужили хорошим наглядным уроком), так и возможности использования её в интересах экономики. На базе этого понимания в течение XX века сложилась индустрия манипуляции сознанием этой массы и его целенаправленной ориентации в нужном властям направлении.

Безусловно, будет значительным преувеличением назвать массовую культуру «национальной». Национальной мы полагаем совокупность, по крайней мере, двух рассматриваемых культур – креативной и консьюмерной[8], локализованную с большей или меньшей жёсткостью границами того или иного государства. Но в прежние времена приоритет в формировании национальной культуры принадлежал культуре специализированной, так как она, в первую очередь, обладала механизмом распространения смыслов, объединяющих граждан в нацию. Таким механизмом был сам способ передачи информации через коды письменной культуры. Использование этого механизма позволило реализовать политико-идеологические задачи распространения единой системы символических значений, легитимированных государством в качестве приоритетных. Именно это и имел в виду Э. Геллнер, обозначающий приоритет в процедурах формирования национальной культуры института не власти и репрессий, а образования и науки и, соответственно, фигуры не «палача», а «профессора» [19].

Но уже со второй половины XIX века во всех индустриально развитых странах в процесс нациестроительства активно включилась и массовая культура, обладающая более простыми знаково-символическими кодами. Экранная, по преимуществу, форма её существования, простота и непосредственность восприятия были успешно использованы в политико-идеологических целях, а наиболее яркие (и политически эффективные) образцы национальной культуры были представлены советской и немецкой массовой культурой 30–40-х годов XX века. Это, конечно, не означает, что именно продукция массовой культуры представляет национальную культуру. Однако понимая национальную культуру как совокупность национально значимых смыслов, порождённых в различных областях высокоспециализированной культуры, авторы в то же время убеждены, что доводит значение этих смыслов до массового сознания, прежде всего, массовая культура. В значительной степени, благодаря кино и телевидению, каждый житель России осознаёт, что «Пушкин – это наше всё», что «красота (по Достоевскому) спасёт мир», а «в человеке (по Чехову) всё должно быть прекрасно». Соответственно, можно утверждать, что усилия по формированию и поддержанию национальной культуры, предпринимаемые эли-

[8] По нашему мнению, традиционная культура в формировании национальной культуры фактически не участвует. Функции культуры, регулирующей социальные обмены в условиях городской жизни, постепенно переходят к консьюмерной культуре в её современных массовой и манипулятивной формах.

тами – политическими, научными, художественными, – направлены на такой объект, как деперсонализированная масса – толпа людей со «стёртыми чертами индивидуальности» (особенно экзотические формы апелляции к массам практиковались в СССР и нацистской Германии). Именно такие люди являются самым очевидным и надёжным объектом для манипулятивных практик управления и потребителями имитативной продукции. Судя по сегодняшней ситуации, массовая культура оказалась самой удобной и эффективной формой поддержания и воспроизводства национального самосознания, в наибольшей мере актуализируемой ныне, хотя, несомненно, содержательно её не исчерпывает.

Как представляется, парадоксальным на первый взгляд является то, что консьюмерная культура, в наибольшей мере отображающая политическую общность людей, хронологически родилась первой. В науке принято считать раннепервобытные родовые общности протоэтносами [20]. Но какие основания мы находим для того, чтобы определять палеолитическую культуру именно протоэтнической? Уверены ли мы в том, что этнические (то есть информационно-символические по сути своей) факторы социальной организации были более значимым основанием единства палеолитических общин, нежели утилитарные проблемы воспроизводства, кормления и безопасности? Поставим вопрос шире: уверены ли мы в том, что стада и стаи животных – это эко-этносы, а не экополитические сообщества? Ведь палеолитические общности по основаниям своей солидарности не должны были существенно отличаться от животных коллективов. А современным продолжением родовой общины является нуклеарная семья. Можем ли мы назвать это объединение этнокультурным по своим основаниям? По нашему мнению, как раз закономерно и показательно именно то, что родовой коллектив палеолита по основаниям солидарности был, прежде всего, политической общностью, что подтверждается и функциональными особенностями его культуры (полития в первую очередь поддерживает порядок в процедурах потребления и безопасность этого потребления от внешних угроз).

Так складывалась и развивалась экзистенциальная стратегия, не подразумевающая активного преобразования среды обитания, а только пассивной адаптации к её конъюнктурному состоянию и потребления её в сиюминутно доступной ситуации. Исторический и социальный генезис культуры этого типа, насколько мы знаем, ещё никем специально не исследовался[9].

В неолите значительная часть человеческих сообществ постепенно перешла к производящим формам продуктового обеспечения. Это была уже принципиально новая экзистенциальная стратегия, отличная от животного способа существования посредством присвоения. Собственно с этого момента и можно говорить о культуре как о специфически человеческом способе существования. «Человеческая» культура началась только с переходом к производящему хозяйствованию, до этого она была еще «предчеловеческой», принципиально мало отличающейся от животного способа существования. Была выстроена стратегия активной адаптации к природно-климатическим условиям посредством выращивания в них биологических (растительных и животных) продуктов питания. Но поскольку природно-климатические условия отличаются преобладающей стабильностью, то способы (технологии) продуктового обеспечения, исторически доказавшие свою достаточную эффективность, превратились в обычаи, закреплённые сакральной традицией. Сложилась традиционная культура, основным принципом которой стало максимально точное воспроизводство социального опыта предков.

Подчеркнём, что в рамках этой стратегии существования производство и потребление было в основном неспециализированными (непосредственно жизнеобеспечивающими) [21] и приватными (дома, в семье). За рамками семей люди были просто соседями, и отсюда в этой культуре такую значимость обрели нормы соседского общежития. Появился обмен, как фактор сосуществования человеческих микроколлективов [22], а с ним процедура соседства, коммуникации и всего иного, что характеризует этнические отношения [23]. Традиционная культура, в первую очередь, культура семейно-соседского существования. Вся символическая составляющая этой культуры направлена на то, чтобы

[9] Разумеется, существует множество исследований генезиса присваивающей культуры палеолита, в том числе принадлежащих одному из соавторов настоящей работы, но их нельзя назвать целенаправленными исследованиями генезиса консьюмерной культуры как выделенного объекта.

вымолить «милости от природы» и нормализовать соседские взаимодействия.

Традиционная культура формировалась в сельской местности на базе сельскохозяйственного производства. Со временем они распространилась и на город, по крайней мере, прижилась и стала определяющей в среде мелких ремесленников и торговцев, чья деятельность в большей или меньшей мере являлась «внутрисемейной». Эта привязанность к семейному производству и потреблению представляется важнейшей стратегической характеристикой традиционной культуры. Это, прежде всего, культура семьи и её взаимоотношений с соседями.

В этой культуре сакральной является традиция (повторение деяний предков и тем самым символическое воспроизводство их), обычай; новации – профанны, и к ним относятся с опаской. Традиционная культура легче принимает новации в техническом инструментарии деятельности, но настороженно воспринимает новации в технологиях и совсем плохо – в символике, нормах социальных отношений, нравах.

Традиционную культуру можно определить как системную совокупность норм, обычаев, символов, обрядов и ритуалов территориально-соседского общежития — то, что обобщённо принято называть этнической культурой. Процедура генетического становления этой культуры многократно описывалась многими авторами. По существу вся литература по теории этноса и этничности – это исследования по генезису культуры традиционного типа. Есть свои концепции генезиса этнической культуры и у авторов настоящей работы [24].

Третья экзистенциальная стратегия – креативная – начала складываться с образованием городских цивилизаций, но даже в городской жизни она возобладала, по нашему мнению, только с «осевого времени». Эту стратегию породили такие изменения в жизни общества, как профессионально-деятельностное расслоение населения и вызванное им социальное соперничество, а так же возникновение политических форм организации и управления и вызванные этим международные (межгосударственные) отношения, войны, подавление внутренних социальных недовольств и тому подобное.

Понятно, что часто меняющиеся исторические обстоятельства востребовали совершенно иную стратегию адаптации – посредством постоянного обновления технологий, инструментария и номенклатуры производимой продукции. Мы полагаем, что этот переход на преимущественно новационную (хотя бы по своим идеальным целям) деятельность стал результатом «революции осевого времени», которая по своей значимости в истории культуры не уступает «неолитической революции» [25]. Это вывело на первый план иной тип культуры – креативный.

Предметом абсолютизации теперь уже стали новизна, оригинальность, утилитарная эффективность, социальная значимость[10]. К традиции стали относиться с формальным почтением, но фактически с иронией. Традицию начали воспринимать как искусственно созданную резервацию для того, чтобы сохранить в практическом употреблении то, что уже практически неконкурентоспособно, но ещё важно символически и потому исполняется из идейных соображений. Но фактически речь идёт о профанизации традиции.

А дальше события нарастали уже кумулятивно. Чем больше усиливалась новативность деятельности, тем в большей степени дифференцировались сферы деятельности (специализации), чем больше нарастала конкуренция между акторами, тем сильнее иерархизировались квалификации (а соответственно и социальные статусы людей). Но для создания новых и оригинальных идей требовались уже иные люди – с выраженными чертами индивидуальности, не боящиеся быть не похожими на общепринятые социальные стандарты и не боявшиеся предлагать нестандартные решения. Конечно, люди с такими генетическими задатками были всегда. Но именно с эпохи «осевого времени» они стали социально востребованы сначала эксклюзивно (на особо ответственные работы), а ещё через две тысячи лет с эпохи Возрождения этот тип получил признание (в Европе) как основной (социально доминантный)[11].

Креативную культуру можно охарактеризовать как преимущественно социальную культуру специализированных производственных коллективов, профессиональной

[10] По существу набор формальных требований, ныне предъявляемых к научной работе (например, к диссертации), – это и есть идеальное воплощение базовых принципов креативной культуры. Наука – это и есть креативная культура в её предельном воплощении.

[11] Конечно, всё это не было одновременным по всему миру. Очевидно, можно отметить, что в Древнем Египте и Месопотамии в силу скорости социальных процессов, протекавших в этих регионах, креативный тип людей был востребован несколько раньше «осевого времени». Но мы говорим о Старом свете в целом.

дифференциации людей и статусной иерархизации по уровням их социальной полезности. Её генезису в целом посвящена вся история Древнего мира, а развитию – вся мировая историческая наука. Соавторы настоящего исследования тоже занимались генезисом креативной культуры как особого культурного типа [26].

Таким образом, с позиций понимания культуры как установленного порядка жизнедеятельности, мы пришли к выводу, что исторически первой возникла политическая культура (консьюмерная), наводившая порядок преимущественно в процедурах потребления, затем этническая культура (традиционная), обеспечившая порядок в процедурах неспециализированного производства и обмена, определяющих режимы соседского общежития и коммуникации, и, наконец, социальная культура (креативная), в которой воплотился прежде всего порядок в процедурах специализированного производства.

Таблица сравнительных характеристик консьюмерной, традиционной и креативной культур[1]

Характеристики	Консьюмерная культура	Традиционная культура	Креативная культура
Общие характеристики			
Определяющие лозунги	«Всё, что нужно, уже сделано без тебя. Пользуйся! Не отставай, а то затопчут».	«Никогда не делай то, что ещё не умеешь. Исполняй! Не высовывайся, а то заметят».	«Никогда не делай то, что уже умеешь. Твори! Высовывайся, а то не заметят».
Определение типа культуры	Жизненная стратегия, ориентированная только на актуальное потребление (присвоение) в существующих внешних обстоятельствах. ***Культура людей, собирающихся во временные коллективы в процессе актуального материального или символического потребления и являющихся объектами социальной манипуляции.***	Жизненная стратегия, основанная на максимально полном и точном соблюдении обычаев, отселектированных и аккумулированных в историческом социальном опыте данного сообщества. ***Культура коллективов, складывающихся в процессе воспроизводства исторически оправдавших себя технологий жизнедеятельности.***	Жизненная стратегия, ориентированная на непрерывную адаптацию к давлению внешних обстоятельств и порождение новых технологий и культурных форм. ***Культура людей, занимающихся новационной деятельностью (технологическим развитием, производством идей).***
Является продуктом	Адаптации к социальной и информационной конъюнктуре.	Адаптации к природным условиям существования.	Адаптации к историческим условиям существования.
Предмет сакрализации и профанизации	Десакрализует старое и новое, иронизирует над тем и другим, превращая то и другое в предмет профанного потребления.	Сакрализует старое и опасается нового – по определению профанного.	Сакрализует новое и иронизирует над старым, тем самым, профанируя его.
Обеспечивает порядок прежде всего	В совместном и индивидуальном потреблении.	В обмене, соседском общежитии и коммуникации.	В совместной производящей деятельности.

[1] Авторы выражают сердечную признательность д. ф. н., профессору Н.Г. Багдасарьян и д. ф. н., профессору Г.В. Гриненко, чьи высоко квалифицированные советы помогли в более точном формулировании некоторых положений этой таблицы.

Продолжение таблицы

Характеристики	Консьюмерная культура	Традиционная культура	Креативная культура
Является культурой	Политической Общности.	Этнической Общности.	Социально-стратифицированной общности.
Зоны применения и распространения	Потребление, досуг, сферы социального манипулирования, принуждения и правонарушения. Ныне распространена как основная среди маргинальных и низкостатусных горожан, в криминальной среде, местах ограничения свободы, а как дополнительная, досуговая среди всего городского населения (телезрителей).	Главным образом – натуральное хозяйство. Распространена в сельской среде, а в городе – в землячествах, кровнородственных кланах и семейных ячейках. Особый случай – конфессиональные общности.	Деятельность в общественных интересах. Распространена в городской высокостатусной и профессионально специализированной среде.
Время доминирования	Культуры палеолита и мезолита являлись культурами актуального потребления. Эта культура существовала как маргинальная кэмп-культура (преступники, рабы, заключённые и солдаты) в последующие времена. Стала высоко востребованной в конце индустриальной эпохи в больших городах (с их преобладающим некоренным – культурно маргинальным населением) под именем массовой культуры и культуры манипуляции массами.	Сложилась в первобытную эпоху с переходом к производящему хозяйству в неолите. Абсолютно доминировала в сельской жизни в аграрную эпоху. В позднюю индустриальную эпоху отошла на культурную периферию.	Не существовала в первобытную эпоху. Начала формироваться в раннюю аграрную эпоху, стала заметной с «осевого времени» и начала доминировать как цивилизационно определяющая с эпохи Ренессанса (по мере расширения и углубления профессиональной специализации людей).
Динамика изменчивости	Можно говорить скорее о стабильной неустойчивости, что связано с обусловленностью культуры актуальными экономическими и политическими обстоятельствами и модой, весьма подвижными по своей природе и меняющимся по причинам непосредственно конъюнктурным.	Низкая, стремящаяся к незначительной, что связано с обусловленностью культуры преимущественно местными природными условиями существования общества, исторически сравнительно устойчивыми.	Высокая, что связанно с обусловленностью культуры историческими условиями существования общества, динамичными по своей природе, темп изменчивости которых по ходу истории нарастает.
Временная ориентированность	Актуальная	Мемориальная	Проективная
Иерархические порядки в культуре	Гибкие, меняющиеся ситуативно в зависимости от конъюнктуры.	Жёсткие, раз и навсегда заданные более или менее сакрализованной традицией.	Мобильные, меняющиеся под давлением внешних обстоятельств и по причинам недостаточной эффективности внутренних социальных технологий.

Продолжение таблицы

Характеристики	Консьюмерная культура	Традиционная культура	Креативная культура
Национальная ограниченность культуры	Идеологически манифестируется, но практически отсутствует, хотя повсюду имеют место собственные содержательные и стилевые интерпретации кросскультурных в целом форм.	Полная, размываемая только в пограничных зонах активных межэтнических контактов.	Относительная, идеологически стимулируемая, но фактически стремящаяся к профессиональной интернационализации.
Глубина	Характерна имитацией содержательно-символической глубины. Поверхностные пласты обладают некоторой символической насыщенностью, но при углублении утилитарный компонент начинает преобладать. Внешние связи разнообразны и преимущественно ситуативны (не стабильны).	Отличается большой содержательно-символической глубиной. Поверхностные пласты выглядят как утилитарные, но чем глубже, тем больше усиливается их символическое содержание, хотя внешние связи с другими содержательными блоками сравнительно ограничены.	Отличается значительной содержательно-символической глубиной. Во всех пластах символическое содержание равноправно соседствует с утилитарным, имеют место многообразные и очевидные внешние связи. По мере углубления, символичность содержания и многообразие внешних связей всё больше усиливаются и усложняются.
Участники			
Общие характеристики акторов культурного процесса	Люди с разной пассионарностью, воспринимающие мир корыстно (как источник доходов и средство получения удовольствий) и стремящиеся вписаться в его реалии. Потребители. Игроки.	Люди с низкой пассионарностью, воспринимающие мир упрощённо утилитарно (порой намеренно) и стремящиеся не нарушить привычный порядок существования. Реалисты-конформисты.	Люди с высокой пассионарностью, воспринимающие мир интеллектуально и эмоционально, стремящиеся познать его и изменить к лучшему. Новаторы-нонконформисты.
Субъекты (производители культурных продуктов – вещей, символов, языков, текстов, нравов, поведенческих норм, миропредставлений, ценностных ориентаций и пр.)	Представители креативной культуры, работающие на массовый успех или в сфере управления массами (манипуляторы). «Люди длинной воли» (нарушители обычая).	Территориальная малая социальная группа, соседи, селяне. Местные.	Личности, деятели, творцы, управляющие, интеллектуальные производители, производители порядка, «молящиеся и воюющие». Социально-профессиональные и социально-статусные группы.

Продолжение таблицы

Характеристики	Консьюмерная культура	Традиционная культура	Креативная культура
Объекты (пользователи, потребляющие или присваивающие культурные продукты)	Личности со «стёртыми» чертами индивидуальности. Толпа, случайное собрание людей, социальные попутчики, посетители, зрители, туристы, «понаехавшие». Управляемые и манипулируемые. Аудитория СМИ, рекламы и политической пропаганды. Неквалифицированные рабочие, гастарбайтеры. Социальные маргиналы, внутренние и внешние мигранты, культурные неофиты, «солдатня», военнопленные, рабы, заключённые. Преступники по корыстным побуждениям, насильники, мародёры, уличные хулиганы, погромщики.	Личности с «коллективным лицом». Семья, община, территориальная общность (земляки), конфессиональная общность (единоверцы), этнос.	Личности с высоко индивидуализированным лицом. Профессионалы, корпорация, общество, социальная общность.
Группировки акторов	У производителей: профессиональная. У потребителей: по предмету увлечения (любители, поклонники, болельщики), территории принуждения (сокамерники, сослуживцы) или случайного объединения в действии (аудитория зрителей, посетители, агрессивная толпа, шайка)	У производителей и потребителей: кровно-родственная (родичи) и территориально-соседская (земляки).	У производителей: профессиональная (коллеги) и иерархическая (начальники и подчинённые). У потребителей кровно-родственная и отчасти профессиональная.
Иерархия признаков самоидентификации	Имя и прозвище, принадлежность к группировке, сфера увлечения или промысла, откуда родом, этничность, вероисповедание.	Имя, откуда родом, вероисповедание, нынешнее место жительства, сфера деятельности, семья, этничность, гражданство.	Имя, профессия, социальный статус, гражданство, место жительства, этничность, вероисповедание.
Требуемый уровень культурной компетентности акторов	Определяется ролью, в данный момент востребованной по ситуации.	Высокий.	Разный в зависимости от сложности деятельности и социального статуса актора.
Зона концентрации культурной компетентности	Эрудированность в актуальной моде, владение атрибутивной лексикой, маркирующими формами поведения.	Обычаи. Приобщённость к местным обычаям – главное условие, чтобы восприниматься «своим».	Профессионально-деятельностная квалификация. Высшие оценки – «мастер», «профессионал», «учитель».

Продолжение таблицы

Характеристики	Консьюмерная культура	Традиционная культура	Креативная культура
Социальная мобильность участников	Мобильность имеет место преимущественно как актуальная приспособляемость.	Предельно ограничена, имеет место в порядке исключения.	Высокая, зависящая от уровня образования, профессиональной квалификации и способностей актора.
Что больше всего ценится в человеке	Эффектность внешних проявлений, игровое «исполнение себя».	Нормативность, предсказуемость.	Профессиональное мастерство и личностное своеобразие.
Модальность деятельности (производство и потребление)			
Цели деятельности	Потребление среды. Осознанно: актуальное потребление и имитация форм креативной культуры. Латентно: престижное (в данном случае модное) потребление и игра как средство репрезентации.	Коллективное выживание в среде. Осознанно и латентно: устойчивое существование в режиме соблюдения обычаев. Производство преимущественно для внутреннего (семейного) потребления. Коммуникация, обмен.	Преобразование среды. Осознанно: обеспечение интересов общества и престижное потребление. Латентно: саморепрезентация акторов и конкуренция между ними. Производство для общественного и престижного потребления.
Что преодолевается	Дефицит благ.	Дефицит понимания.	Дефицит возможностей.
Сущность деятельности	Утилитарное и символическое актуальное потребление с демонстративной символической составляющей, но фактически с утилитарными целями (удовлетворение и удовольствие).	Формально утилитарная, но с глубоким символическим подтекстом, как правило, не рефлексируемым самими акторами.	Утилитарная и символическая. При этом в утилитарной деятельности очень важна её символическая общественно-полезная и эталонная значимость, а в символической – её прикладные (социально-регулятивные) смыслы.
Типы деятельности	Смешанный в производстве и обыденный в потреблении.	Обыденный в производстве и потреблени.	Специализированный в производстве и смешанный в потреблении.
Мотивации деятельности	Стремление к развлечению и получению удовольствия или корысть. Кураж.	Витальная необходимость.	Стремление к социальной и профессиональной самореализации.
Латентные установки деятельности	Использование имеющегося как актуально приемлемого и пользующегося спросом.	Соблюдение достигнутого как достаточного и сакрализованного в своей традиционности.	Развитие достигнутого как недостаточного и ограниченно эффективного.
Формы деятельности	Экстенсивные без выраженных границ. Новые технологии в основном заимствуются из креативной культуры.	Экстенсивные с жёсткими границами. Новые технологии, как правило, не порождаются.	Интенсивные или стремящиеся к интенсивным. Постоянно порождаются новые технологии.

Продолжение таблицы

Характеристики	Консьюмерная культура	Традиционная культура	Креативная культура
Инструментарий деятельности	Как правило, подручный. Особым изыском считается умение «забивать микроскопом гвозди».	Умеренно специализированный. Исторически совершенствуется, но медленно.	Высоко специализированный. Совершенствуется постоянно, по ходу истории всё чаще и чаще.
Деятельность регулируется	Корыстными интересами акторов или конъюнктурой.	Соображениями витальной полезности.	Соображениями социальной полезности.
Структурирование деятельности	По типам потребления: насильственная (родовая община, корыстный криминал), ситуативная (в условиях ограниченной свободы – рабы, заключённые, армия), модальная (современная массовая), манипулятивная (политическая пропаганда, политкорректность, СМИ, реклама) и по сферам потребления: вещевая, символическая, досуговая, сексуальная и прочая.	По областям обыденной практики: хозяйственно-бытовая, отхожая, символическая, коммуникативная и прочая и по сферам символизации: брачная, похоронная, хозяйственная, мироустроительная и тому подобная.	По сферам общественно полезной практики: хозяйственная, политическая, правовая, интеллектуальная, религиозная, художественная, информационная и другая.
Территория деятельности	Производство в коллективе и потребление – преимущественно «толпой» (в том числе и семьёй, но вне дома).	И производство, и потребление преимущественно дома (на собственном участке), в семье.	Производство в специализированном коллективе, потребление преимущественно дома, в семье.
Отношение к культурным смыслам и нормам деятельности	На первобытном этапе неизвестно (возможно, мистическое). Позднее, имитация, редукция. «Перевод» смыслов, заимствуемых из креативной культуры, на язык потребителя и адаптация этих смыслов к его интересам и потребностям.	Нерефлективное исполнение.	Рефлексия, творческое развитие.
Социальные функции культурной деятельности	Потребление наличных форм и смыслов. Делокализация культуры. Трансляция цивилизационных признаков в аксиологически выхолощенном (мультиплицированном) виде.	Сохранение и воспроизводство традиционных форм и смыслов. Этническая локализация в культуре. Производство, хранение и трансляция цивилизационных признаков.	Порождение новых форм и смыслов. Социальная локализация в культуре. Производство, накопление и трансляция культурных ценностей.

Продолжение таблицы

Характеристики	Консьюмерная культура	Традиционная культура	Креативная культура
Социальные результаты культурной деятельности	Разноуровневая потребительская универсальность акторов. Удовлетворение элементарных витальных и символических потребностей. Национальная унификация.	Низкоуровневая деятельностная универсальность акторов. Практическое и символическое удовлетворение витальных и социальных потребностей в малой группе. Этническая консолидация.	Высокоуровневая деятельностная специализированность акторов. Удовлетворение витальных и социальных потребностей посредством обеспечения символических, статусных и престижных притязаний. Социальная стратификация.
Отношение к новации в деятельности	Это то, что пользуется спросом и может быть выгодно реализовано.	Это то, что ещё не апробировано и потому опасно.	Это осознанная или латентная самоцель деятельности.
Отношение к традиции в деятельности	Не актуальна.	Это то, что исторически доказало свою практическую эффективность, и теперь сакрализовано.	Это то, что уже потеряло практическую конкурентоспособность, но исполняется по символическим причинам.
Производимые и потребляемые блага	Потребление благ, равно утилитарных и символических, имитирующих продукцию креативной и традиционной культур, но в редуцированном виде.	Производство и потребление благ, более утилитарных, нежели символических.	Производство и потребление благ, более символических, нежели утилитарных.
Формы продукции	Открытые, но с короткой дистанцией развития.	Закрытые, законченные, лишь незначительно варьируемые по обстоятельствам.	Открытые, условно законченные, предназначенные для развития.
Успех Достигается посредством	Верного расчёта или угадывания конъюнктуры.	Усиления социальной дисциплины или самодисциплины.	Прибавления знания и умения.
Интенсификация деятельности достигается преимущественно	За счёт усиления индивидуальной и коллективной мотивации исполнителей.	За счёт повышения эффективности взаимодействия исполнителей.	За счёт повышения уровня индивидуальной подготовленности исполнителей.
Преобладающие установки на производство	Обновление продукции и технологий по мере выхода их из моды (падения спроса).	Воспроизводство исторически зарекомендовавших себя продуктов (результатов) по технологиям, показавшим свою эффективность.	Постоянное творческое обновление номенклатуры продуктов (результатов) и технологий их производства.
Преобладающие установки на потребление	Иллюзорно символическое (престижное), но фактически утилитарное.	Осознанно утилитарное и латентно символическое (ритуальное).	Осознанно символическое (престижное) и латентно утилитарное.
Модальность социальных отношений			

Продолжение таблицы

Характеристики	Консьюмерная культура	Традиционная культура	Креативная культура
Отношение к общественным интересам	Отстранённость от общественных проблем.	Общая социальная лояльность как дань традиции.	Осмысленная ответственность по отношению к обществу и лояльность к традиционной символике.
Отношения между людьми	Рационально-ролевые. Символически регулируются оппозицией «наши/не наши» (в локально-групповом смысле).	Рационально-функциональные. Символически регулируются оппозициями «свой/чужой» и «старший/младший».	Рационально-статусные. Символически регулируются оппозициями «начальник/ подчинённый», «единомышленник/инакомыслящий», «союзник/противник».
Отношение к власти	Коммунальное. Стремятся существовать параллельно с властью, тайно или явно, но минимально вступая с ней в контакт.	Рациональное. Власть поддерживается настолько, насколько сама власть поддерживает существующий порядок.	Экспертное. С властью стараются не ссориться, но постоянно судят о применяемых ею технологиях, её успехах и промахах.
Основные инструменты регуляции социальной практики и отношений между людьми	Мода, групповые интересы.	Обычай, родственные и соседские интересы.	Кодифицированные правила, социальный статус, престиж, социальные притязания, коллегиальные интересы, идеология.
Основные механизмы инкультурации индивидов	Государственные идеология и субкультура детства, СМИ, реклама, криминальная романтика, режим содержания.	Воспитание в семье, влияние непосредственного социального окружения.	Профессиональное образование, влияние профессиональной корпорации.
Зоны преодоления неопределённости	В межличностных и межгрупповых отношениях, возникающих в процессе актуального потребления.	В практических, хозяйственно-бытовых вопросах, повседневных обычаях и связанных с этим отношениях.	В понятиях, теоретических и образных представлениях и отношениях по поводу этих представлений.
Предмет отторжения	Иногрупповое.	Инокультурное.	Иносословное, иностатусное.
Типы «приобщённости» к миру	Утилитарный без каких-либо нравственных рефлексий.	Рациональный на уровне социальной практики и мифологический в рефлексиях.	Рациональный, в режиме постоянной рефлексии собственной социальной полезности.
Преобладающие ценности	Символические и утилитарные остро актуальные, доставляющие сиюминутное удовольствие или удовлетворяющие сиюминутные потребности.	Непосредственно утилитарные и опосредованно вневременные.	Символические актуальные и вневременные.

Продолжение таблицы

Характеристики	Консьюмерная культура	Традиционная культура	Креативная культура
Зоны концентрации ценностей	Мода (в разных социальных средах, включая и антисоциальную). Политическая и социальная мифология.	Ритуалы и обряды повседневной жизни. Праздники.	Религиозные, философские, художественные и публицистические тексты. Ритуалы и символы социальной престижности.
Эталоны для соответствия	Актуальная мода и её кумиры. Право сильного.	Деяния успешных предков.	Символические идеалы.
Преобладающие установки в ментальностях	Ролевые.	Этнокультурные и хозяйственно-бытовые.	Социально-статусные, ролевые и абстрактно-идеальные.
Всё определяется	Ситуацией, случаем, конъюнктурой.	Божественной волей, судьбой.	Высшими интересами, под которыми осмысленно или латентно подразумеваются интересы общественные.
Функции добра	Принесение удовольствия или упрощение возможности к его достижению.	Поддержание устойчивости ситуации и улучшение материального качества жизни.	Изменение ситуации к лучшему и обеспечение взаимодействия и коммуникации между людьми.
Функции зла	Лишение удовольствия.	Дестабилизация.	Нарушение конвенций.
Функции сомнения	Различные. Пассивных потребителей сомнения подавляют, в активных возбуждают стремление к куражу, эпатажу.	Деконструктивные. Сомнения подавляют волю к Действию.	Конструктивные. Сомнения стимулируют творческий поиск.
Содержательное наполнение понятия «хорошо»	Хорошо – это выгодно (в конъюнктурно-коммерческом аспекте).	Хорошо – это правильно (в ценностно-символическом аспекте).	Хорошо – это полезно (в социально-регулятивном аспекте).
Красота	Полезна.	Нормативна.	Оригинальна.
Уродство	Забавно.	Инфернально (печать проклятия).	Печально и вызывает сочувствие.
Истина	Ситуативна.	Абсолютна.	Конвенциональна.
Модальность отношений к миру			
Иерархия времени	Личное время, социальное время, вечность.	Вечность, социальное время, личное время.	Социальное время, вечность, личное время.
Отношение к историческому времени	Хорошо сейчас, а прошлое и будущее не актуальны.	Всё хорошее было в прошлом, настоящее терпимо, а будущее не актуально.	Хорошо будет в будущем, настоящее терпимо, а прошлое было ужасным.
Иерархия пространств	Пространство деятельности, социальное пространство, пространство жизни, политическое пространство.	Пространство жизни, пространство деятельности, социальное пространство, политическое пространство.	Социальное пространство, пространство деятельности, политическое пространство, пространство жизни.

Продолжение таблицы

Характеристики	Консьюмерная культура	Традиционная культура	Креативная культура
Мировоззрение и его роль в практической жизнедеятельности	Разное. Мировоззрение не оказывает никакого видимого воздействия на практическую жизнедеятельность.	Как правило, мифологическое или религиозное. Вера интегрирована во все формы жизнедеятельности и оказывает непосредственное регулятивное воздействие на них.	Исторически эволюционирует от преимущественно религиозного к преимущественно рациональному. Мировоззрение, как правило, существует параллельно с практической жизнедеятельностью и не оказывает на неё большого влияния (за исключением акторов, непосредственно работающих в духовно-гуманитарной сфере).
Картина мира	Фрагментированная. Помимо непосредственно актуальной и практически используемой, включает бессистемные осколки любой информации, случайно попавшей в поле зрения.	Сегментарная. В выделенный сегмент попадает лишь то, что для человека имеет практический интерес. Неактуальная информация о мире, как правило, отсекается.	Тотальная. Формируется латентным стремлением систематизировать и включить в общую картину практически всю доступную информацию о мире.
Образ жизни	Определяется стремлением к получению непосредственного удовольствия в наличных реальных условиях.	Определяется соображениями практической необходимости и полезности, которым подчинена и его символическая составляющая.	Определяется принятыми нормами социально-статусной символики, не всегда адаптированными к реалиям жизни.
Отношение к вечному	Скептическое. Судьба – игра.	Подавленное. Понимается как то, что всем управляет.	Фаталистическое. Рассматривается как неподконтрольный фон рациональной деятельности людей.
Отношение к новому и старому	Отношение к новому и старому лишено какой-либо идеологичности, является непосредственно утилитарным и отчасти регулируется модой. Хорошо всё, что функционально и доставляет удовольствие. Модным ситуативно может стать как новое, так и старое.	Новое вызывает настороженность и принимается только по крайней утилитарной необходимости. Старое сакрально и нередко ему оказывается предпочтение даже в ущерб функциональной эффективности.	Новое является осмысленной целью деятельности и идеологически приветствуется. Отношение к старому, как правило, уважительное, но не лишённое иронии.

Продолжение таблицы

Характеристики	Консьюмерная культура	Традиционная культура	Креативная культура
Отношение к иррациональному	Мировоззренчески иррациональное не актуально (при общем игровом отношении к судьбе), но как набор частных суеверий – очень востребовано.	В формах мифологии или религии иррациональное доминирует в мировоззрении. Бытовые суеверия очень распространены и востребованы.	Исторически меняется. В аграрную эпоху отношение к иррациональному определяло мировоззрение. Начиная с индустриальной эпохи, иррациональное присутствует как вспомогательная, психоадаптивная составляющая сознания. Суеверия не играют значимой роли.
Отношение к жизни	Как к возможности получить удовольствие. В жизнь следует поиграть.	Как к долгу, испытанию, посланному свыше. Жизнь следует вытерпеть.	Как к возможности сделать что-либо. Жизнь следует использовать.
Отношение к смерти	Игровое. Смерть как одна из ролей в спектакле жизни.	Фаталистическое. Бог дал жизнь – Бог её и отнял.	Прагматическое. Как к неудобной (всегда не во время), но неизбежной необходимости.
Отношение к свободе	Как к естественному состоянию. Психологическая свобода от социальной ответственности является наиболее характерным признаком принадлежности к этой культуре.	Свобода – состояние социально опасное, предполагающее тот уровень ответственности, к которому человек психологически не готов.	Постоянное ощущение дефицита свободы и чувства психологического дискомфорта по этому поводу. Чувство социальной ответственности развито сильно.
Отношение к удаче или неудаче	Игровое. Как к случаю, не требующему рационального объяснения.	Фаталистическое. Как к проявлению божественной воли.	Рациональное. Как к результату собственного верного или ошибочного решения или рационально объяснимому стечению внешних обстоятельств.
Отношение к идеальному	Как к состоянию дел, приносящему наибольшее удовлетворение сейчас.	Как к абсолютному успеху, достигнутому в прошлом мифологическими или мифологизированными героями.	Как к теоретическому эталону, технически недостижимому, но указывающему направление движения.
Отношение к социальному	Как к случайному ситуативно-ролевому взаимодействию, не обладающему самодостаточной ценностью.	Как к чему-то, заданному самой природой вещей и не подлежащему изменению.	Как к временной социальной конвенции, значимой в существующих обстоятельствах, но подлежащей коррекции при изменении обстоятельств.
Отношение к материальному	Корыстное, как к средству получения удовольствия.	Витальное, как к источнику существования.	Инструментальное, как к средству достижения цели.

Продолжение таблицы

Характеристики	Консьюмерная культура	Традиционная культура	Креативная культура
Отношение к телесному и сексу	Утилитарное. К тому, что доставляет удовольствие и эксплуатируется как гарантированно успешный рекламный антураж.	Прагматическое. Секс – только средство продолжения рода. Любая его презентация табуирована.	Художественное. Тело допустимо как эстетическая форма, секс – как романтическая составляющая жизни.
Модальность символики			
Языки коммуницирования, их понятийные составы, особенности лексики	По своему понятийному составу вариативен и в существенной мере является ситуатив но-ролевым, без чётких границ между разными ситуативными лексиками. Насыщен жаргонными лексемами, играющими идентифицирующую роль для разных групп.	Преимущественно бытовой, насыщенный понятиями актуального хозяйственного обихода. Специальная лексика заимствуется в основном из мифо-религиозных текстов. Деления на социально-ситуативные лексики фактически нет.	В решающей мере определяется социальным статусом и профессией говорящего. Насыщен значительным числом специализированных понятий и лексем из актуальной сферы деятельности, вплоть до сложения профессиональных жаргонов. Выражено делится на специальные лексики приватного, профессионального, статусного и иного общения.
Типы текстуальности	Интертекст.	Контекст.	Текст.
Типы кодировки	Скрытое корыстное под видом явного игрового.	Скрытое символическое (мистическое) под видом явного рационального.	Скрытое рациональное (социально-регулятивное) под видом явного идеального символического.
Преобладающие модальности понимания	Ситуативное, полностью зависящее от сочетаний разных сиюминутно актуальных контекстов.	Буквальное, мало погружённое в разные контексты (объект понимания сам себе является контекстом).	Контекстуально варьируемое, но жёстко определяющее необходимый контекст.
Контекстуальная зависимость	Абсолютная и никакая одновременно. Информация об интересующих объектах воспринимается непосредственно чувственно, в смешении разных контекстов.	Высокая. Значительная часть информации об интересующих объектах воспринима-ется непосредственно чувственно, растворённой в контексте.	Низкая. Преобладающая часть информации об интересующих объектах воспринимается в кодифицированном виде, абстрагировано от контекста.
Функциональная содержательная ориентированность порождаемых текстов	Ориентированы на развлечение и доставление чувственного удовольствия или стимулирование стремления к такому удовольствию.	Ориентированы на обеспечение витальных и утилитарных целей, на достижение практической пользы, даже если сами тексты являются сугубо символическими.	Ориентированы на достижение общественной пользы, решение каких-то социально значимых задач или пропаганду идеальных ценностей.

Продолжение таблицы

Характеристики	Консьюмерная культура	Традиционная культура	Креативная культура
Образные системы	Являются фрагментированными и в основном имитативными. Лишены системности и законченности, подчинены сиюминутной моде. Как правило, перемещают земное, взятое из иных образных систем, в вымышленный мир.	Основываются преимущественно на наблюдаемых в природе формах и реальных социальных коллизиях, переносимых в ирреальную среду. Воспроизводят хорошо знакомое земное в космических масштабах.	Сочетают в себе как наблюдаемые формы и коллизии, переносимые в вымышленную среду, так и искусственно выдуманные формы и коллизии, помещаемые в земные условия. Чаще показывают идеальное и космическое в узнаваемых земных формах.
Символика и её проблемное наполнение	В основном фиксирует актуальные ситуативно-ролевые положения.	В основном нацелена на магическое инициирование каких-то практически полезных результатов деятельности или состояния природы, имеет функцию оберега.	В основном пропагандирует идеальные ценности или утверждает социально-статусные положения.
Способы фиксации и трансляции культурных содержаний	Устный, а с конца XIX века также письменный и на иных технических носителях.	Устный, записываемый только внешними наблюдателями.	Письменный, а с конца XIX века и на иных технических носителях.
Репрезентации акторов	Прежде всего, в языке и внешнем виде, меньше в поведении. Социально-статусные различия, как правило, не акцентируются, но выделяются ролевые и особенно групповые отличия. Групповая символика репрезентаций рефлексируется гипертрофированно	Преимущественно в нормах поведения и много меньше в языке и внешнем виде (в ритуальных и праздничных ситуациях). Социально-статусные различия не акцентируются. Ролевые отличия выделяются по функциональной необходимости. Символика репрезентаций рефлексируется слабо.	В равной мере в поведении, языке и внешнем виде, ориентированных прежде всего на демонстрацию социального статуса носителя. Статусные, профессиональные и ролевые различия активно акцентируются. Символика репрезентаций постоянно активно рефлексируется.
Дополнительные характеристики			
Негативные и одиозные проявления	Правовой и нравственный нигилизм, агрессия толпы, групповой экстремизм по интересам, мода на изменённые состояния сознания, порнография, ненормативная лексика и другие.	Национальный и религиозный экстремизм.	Идеологическая нетерпимость, художественная экстравагантность.
Современная государственная политика по отношению к данной культуре (общепринятая)	По преимуществу государственное невмешательство в рыночную стихию актуальной практики. Активное использование в политической пропаганде. Ограничение особо одиозных форм.	Консервация в искусственно создаваемых резервациях. Ограниченное использование в идеологических целях. Имитация в массовой культуре. Контроль за экстремистскими проявлениями.	Охрана в качестве основного массива памятников культурного наследия. Государственная поддержка актуальной практики играет значимую роль в режиме существования этой культуры.

Список использованной литературы. Примечания

1. Подробнее об этом см. : Каган, М. С. Человеческая деятельность. – М., 1974.

2. Об этом см. : *White* L. Evolution of Culture. N.-Y., 1959; Лем Ст. Сумма технологий. – М., 1967; Он же. Философия случая. – М., 2005.

3. Обоснование термина см. : Бондарев, А. В. История и основные направления развития отечественных теоретических исследований культурогенеза: автореф… дис. канд. – СПб., 2009.

4. Флиер, А. Я. Культурогенез. – М., 1995 (повторная публикация работы осуществляется в настоящем издании).

5. Об этом, фактически, пишет Э. С. Маркарян, отмечающий, что образование общих понятий становится возможным лишь в том случае, «если мы сумеем абстрагироваться от отличительных специфических признаков каждого из… временных состояний и выделить присущие им общие черты» (Маркарян, Э. С. Очерки теории культуры. – Ереван, 1969. – С. 119).

6. Дробницкий, О. Г. Понятие морали. – М., 1974. – С. 322.

7. Лем, Ст. Философия случая. – С. 390.

8. Зиммель, Г. Понятие и трагедия культуры // Зиммель, Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. – М., 1996.

9. Флиер, А. Я. Культурогенез.

10. Костина, А. В. Национальная культура – этническая культура – массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе. – М., 2009.

11. Ильенков, Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. – 1979. – № 6. – С. 140.

12. См. об этом: Московичи, С. Век толп. – М., 1998.

13. П. Бергер остроумно назвал массовую культуру «мак-миром», имея в виду посетителей закусочных McDonald's (Бергер, П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. – М., 2004).

14. См. : Бочаров, В. В. Политическая антропология // Антропология власти. – СПб., 2007. Т.1. Власть в антропологическом дискурсе.

15. См., например: Астафьева, О. Н. Массовая культура // Глобалистика. Энциклопедия. – М., 2003.

16. См., например, Шестаков, В. П. Теория и практика массовой культуры // История эстетической мысли. – М., 1990. Т. 5.

17. Об этом подробнее см. : Костина, А. В. Национальная культура – этническая культура – массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе, С. 166–168.

18. Подробнее об этом см. : Арендт, Х. Истоки тоталитаризма. – М. : ЦентрКом, 1996.

19. Геллнер, Э. Нации и национализм. – М., 1991.

20. См., например, такой академический труд, как, История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. – М., 1986.

21. Об этом подробнее см. : Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). – Ереван,1983.

22. По данным биологии, между животными микроколлективами всегда наблюдается только соперничество (См.: Дольник, В. Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. – М. ; СПб., 2004).

23. Процедура потлача – ритуального дарения (обмена дарами) рассматривается как символическая квинтэссенция этнизма (Мосс, М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. – М., 1996)

24. Флиер, А. Я. Культурогенез (раздел «Этногенез в культуре»); Костина, А. В. Теоретические проблемы современной культурологии. – М., 2009 (раздел «Языковые системы как основание дописьменной и экранной культуры: от развития информации к развитию культуры»).

25. О значимости культурного переворота «осевого времени» см. : Ясперс К. Смысл и назначение истории; Назаретян, А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации. – М., 2007. Ясперс полагает, что именно в это время происходит рациональное переосмысление мира и отход от мифологического сознания (Ясперс К. Указ соч. С. 32–50). Это даёт ещё большие основания связывать с этим временем становление креативной культуры как социально доминирующей.

26. Флиер, А. Я. Культурогенез (разделы «Формогенез в культуре», посвящённый творческой инновативности культуры и «Социогенез в культуре»); Костина, А. В. Национальная культура – этническая культура – массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе (разделы: «Этнос – нация – масса: доминирующие стратегии идентификации» и «Принципы диалога как основание национальной культуры»).

К 115-летию Дальневосточной государственной научной библиотеки

Филаткина Ирина Викторовна,
директор Дальневосточной государственной научной библиотеки, кандидат филологических наук, доцент

РОЛЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ В ВОЗРОЖДЕНИИ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И СОХРАНЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Дальневосточная государственная научная библиотека (ДВГНБ) является крупнейшей библиотекой на Дальнем Востоке России. Это методический, научный, образовательный и информационный центр регионального значения.

Дальневосточная государственная научная библиотека (ДВГНБ) является крупнейшей библиотекой на Дальнем Востоке России. Это методический, научный, образовательный и информационный центр регионального значения.

Миссия ДВГНБ – собирание, сохранение и предоставление в пользование обществу универсального фонда документов, имеющих наибольшую культурную, научную и художественную ценность.

Корифей русской книжности Николай Александрович Рубакин писал о том, что хорошая библиотека есть книжное отражение Вселенной. Крупнейшее на Дальнем Востоке собрание книг и периодических изданий является основой, фундаментом деятельности библиотеки и главной составляющей её информационных ресурсов. Оно аккумулирует и хранит историческую память, без которой невозможно сознательное существование общества, государства, отдельного человека. Это та жизненно необходимая питательная среда, из которой произрастают науки, производство, культура, образование, и другие сферы социальной действительности.

История библиотеки насчитывает 115 лет. Основанная при Приамурском отделе Императорского Русского географиче-

ского общества, она стала одной из первых публичных библиотек на Дальнем Востоке. 6 декабря 1894 года состоялось освящение здания, и она стала именоваться Николаевской публичной библиотекой.

Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков в письме С.Ю. Витте от 28 июня 1899 года пишет: «Коллекции Музея и количество поступающих в библиотеку книг с каждым годом настолько увеличиваются, что в настоящее время явилась уже настоятельная необходимость расширить как здание музея, так и библиотеки, пристройкой к каждому по третьей части здания» [1].

К 1915 году Николаевская публичная библиотека становится богатейшей книжной сокровищницей Дальнего Востока с фондом 70 тыс. томов. Библиотеку уже в то время называли «хранительницей исторических памятников прошлого Приамурья времён Муравьёва-Амурского, Невельского и Иннокентия епископа Камчатского…» [2].

В настоящее время фонд библиотеки составляет более 3 млн 200 тыс. экз. различных видов документов. Профиль комплектования специально выделенного фонда редких и ценных изданий предусматривает собирание уникальных в историко-культурном отношении книжных памятников, изданных на территории России и за рубежом до 1850 года, прижизненных изданий произведений выдающихся учёных, писателей, поэтов, книг с автографами, миниатюрных изданий. В фонде хранятся 32 рукописные книги, 2 инкунабулы (1482, 1499), коллекция кириллических старопечатных изданий (7 экземпляров). В их числе: Острожская Библия Ивана Фёдорова (1581), «Евангелие Учительное» (1619), «Большой Требник» Петра Могилы (1646).

ДВГНБ активно участвует в реализации Национальной программы сохранения библиотечных фондов. Уже в течение нескольких лет реализуется проект «Памятники книжной культуры Хабаровского края» в рамках Федеральной программы «Культура России».

Многие документы необходимо сохранить в полном объёме их изначальных характеристик, что предусматривает особые условия хранения и использования. В 2008 году на базе отдела редких и ценных изданий ДВГНБ создан Краевой научно-исследовательский центр книжных памятников, призванный объединить деятельность краевых, муниципальных, вузовских, церковных библиотек; музеев, архивов по работе с книжными памятниками мирового, федерального и регионального значения. Приобретено специализированное оборудование, сотрудники прошли обучение на базе ведущих библиотек России по вопросам сохранности библиотечных фондов.

Библиотека работает над созданием «Сводного каталога редких и ценных изданий в фондах библиотек Хабаровского края», активно сотрудничая с библиотеками различных систем и ведомств, в том числе с библиотекой Хабаровской духовной семинарии, оказывая им методическую помощь, научное консультирование по работе с книжными памятниками. История проекта относится к 2000 году, когда на сайте Российской государственной библиотеки в разделе «Книжные памятники Российской Федерации» была помещена информация о фонде книжных памятников ДВГНБ. В течение последующих нескольких лет в библиотеке проводилась работа по организации описания книжных памятников, хранящихся в различных учреждениях города и края. Был составлен план описания и предварительный список участников (держателей) проекта. Наиболее активно проводилась работа с Хабаровской Епархией Русской Православной церкви. На первом этапе было необходимо составить описание кириллических книг. При поддержке Российского гуманитарного научного фонда в 2007 году в рамках конкурса «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном» было осуществлено научное описание изданий и составлен электронный сводный каталог кириллических книжных памятников. В этом же году был заключён договор с Российской государственной библиотекой о создании и размещении на сайте ДВГНБ раздела «Книжные памятники Хабаровского края» и на сайте Российской государственной библиотеки в разделе «Региональные своды книжных памятников» разместить «Свод книжных памятников Хабаровского края». В начале 2008 года эта работа была успешно реализована. Выставлена информация о более 260 единичных книжных памятников кириллической традиции. Запланировано пополнение раздела на сайте новыми записями на отечественные книги гражданской печати XVIII века.

Библиотека регулярно проводит научно-практические конференции, в том числе международные, научные семинары. Традиционным стало участие сотрудников ДВГНБ в конференциях и чтениях, проводимых Хабаровской Епархией Русской Православной Церкви и участие представителей Хабаровской духовной семинарии в научных конференциях и семинарах, организуемых Дальневосточной государственной научной библиотекой. В качестве примера можно

привести доклад директора ДВГНБ И.В. Филаткиной «Роль библиотек в сохранении и актуализации историко-культурного наследия» на научно-практической конференции «Значение славянской письменности и культуры в укреплении Российской государственности на Дальнем Востоке» в Хабаровской духовной семинарии; доклады иеромонаха Ефрема «Современная церковно-научная литература в региональном библиотечно-информационном пространстве», «Православные ресурсы сети Интернет как источник знаний о семье и воспитании» на ежегодных научно-практических конференциях «Развитие библиотечно-информационного пространства на Дальнем Востоке и высшее библиотечное образование».

Сотрудники ДВГНБ в качестве слушателей принимали участие образовательных Кирилло-Мефодьевских и II и III Свято-Димитриевских образовательных чтениях, конференциях «Христианство на Дальнем Востоке», «Основы русской педагогики. Нравственный потенциал русского языка», «Путь апостольского служения святителя Иннокентия (Вениаминова), «По стопам графа Н.Н. Муравьёва-Амурского и митрополита Иннокентия Московского – возродим родной край», в конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьёва-Амурского «Жизнь во славу Отечества – подвиг государственного служения графа Н.Н. Муравьёва-Амурского» в Хабаровской духовной семинарии.

В рамках конференции «Христианство на Дальнем Востоке» в Дальневосточной государственной научной библиотеке состоялась встреча представителей Русской Православной Церкви и библиотечных специалистов по теме: «Значение библиотечного дела в сохранении и развитии отечественной культуры».

Стало доброй традицией знакомство с храмовой культурой, посещение Хабаровских храмов участниками ежегодной научной конференции «Развитие информационно-библиотечного пространства на Дальнем Востоке и высшее библиотечное образование».

Ежегодно в обучающих семинарах по вопросам паспортизации редкого книжного фонда, изучения и сохранности книжных памятников, сохранности библиотечных фондов в процессе их использовании, которые проводит Дальневосточная государственная научная библиотека в сотрудничестве с Российской государственной и Российской национальной библиотеками и в которых участвуют сотрудники библиотеки Хабаровской духовной семинарии.

В целях популяризации историко-культурного наследия, российских книг, сохранения и возрождения духовно-нравственных традиций Дальневосточной государственной научной библиотекой ежегодно проводятся более 700 различных мероприятий, в том числе крупномасштабных. Среди них выставочные проекты «Русский язык в пространстве истории и культуры», «Судьба семьи – судьба Отечества», «Молодёжь – будущее Хабаровского края». Традиционным стало проведение книжно-иллюстративных выставок, посвящённых книжной культуре Древней Руси, которые проводятся в День славянской письменности и культуры и День празднования памяти святых равноапостольных братьев Мефодия и Кирилла. Эти выставки привлекают внимание широких слоёв общественности, в том числе молодёжи.

В торжественной церемонии презентации выставочного проекта «Русский язык в пространстве истории и культуры» (2007) приняли участие архиепископ Хабаровский и Приамурский, ректор Хабаровской духовной семинарии Марк и проректор Хабаровской духовной семинарии игумен Петр.

Одним из интересных проектов 2009 года стал проект «На свет незримых куполов» в рамках конкурса «Православная инициатива», который объявил Благотворительный Фонд преподобного Серафима Саровского. Среди его участников – Новосибирская областная специальная библиотека для незрячих и слабовидящих, Хабаровская краевая специализированная библиотека для слепых, Дальневосточная государственная научная библиотека, Николаевская районная библиотека.

В рамках проекта подготовлены уникальные издания в аудио, рельефно-графическом, рельефно-точечном и крупношрифтовом форматах, а также трехмерные модели, которые отражают особенности православной жизни и храмовой архитектуры.

Серия многоформатных изданий открывает возможность вовлечения большого числа людей с нарушением зрения в активную духовную и социальную жизнь. Их создание стало результатом сотрудничества библиотек, Русской Православной Церкви и духовно-просветительских организаций шести регионов России и Украины.

Проект позволил создать рассказы о храмах и православной истории Белгорода, Благовещенска, Нижнего Новгорода, Николаева, Николаевска-на-Амуре, Новосибирска, Хабаровска.

Хабаровская и Николаевская-на-Амуре составляющая информационных материалов включает изображение и описание че-

тырёх соборов, непосредственно связанных с именем Святителя Николая: Иннокентьевского, Спасо-Преображенского, Успенского и собора Святого Николая Чудотворца.

Результат коллективной творческой работы не только поможет отодвинуть барьеры зрительных ограничений для многих сотен и тысяч незрячих и слабовидящих людей, но и объединит их благодаря доступным информационным средствам. Незримая нить духовного общения связала в одно целое и города – участники проекта.

На презентации проекта, который проходил в выставочном и читальном залах Дальневосточной государственной научной библиотеки, собрались заинтересованные люди: библиотекари, педагоги, представители Русской Православной Церкви, люди с нарушением зрения. В зале не было равнодушных, происходил заинтересованный разговор, было задано много вопросов организатором. Звучала духовная музыка.

В Центре информационных ресурсов по искусству Дальневосточной государственной научной библиотеки наибольшей популярностью среди участников клуба Камертон в 2008 году пользовались программы «Светлый праздник Христово Воскресенье» и концерт, посвящённый 110-летию храма Св. Иннокентия Иркутского.

ДВГНБ является научным учреждением, ведущим научно-исследовательскую деятельность в области библиотечного дела, библиографии, книговедения и смежных наук. Среди основных направлений научных исследований: книговедческие и историко-краеведческие исследования: «Кириллическая книжность в фондах библиотек г. Хабаровска», «Редкие и ценные издания в фонде ДВГНБ», «Периодические издания Хабаровского края. Журналы Дальнего Востока».

Закономерным продолжением научно-исследовательской и научно-методической деятельности библиотек является издательская деятельность. На протяжении 11 лет издаётся ежеквартальный журнал по вопросам теории и практики библиотековедения, библиографоведения и книговедения «Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки». Уже с первых номеров журнала постоянной темой журнала становятся вопросы, связанные с изучением фондов редких и ценных изданий, деятельности библиотек по возрождению духовно-нравственных традиций. Публикуются материалы о деятельности церковных библиотек, информационных ресурсах православной тематики.

На страницах журнала систематически публиковались материалы о книжных коллекциях и отдельных уникальных изданиях, среди них статьи об изданиях Московского печатного двора, изданиях периода Великой Отечественной войны, редких изданиях из коллекции М.И. Венюкова.

Целью редакции было расширение круга авторов, привлечение внимания к этой важной и актуальной проблеме специалистов различных библиотек, преподавателей гуманитарных вузов, учителей – филологов и историков, деятелей Русской Православной Церкви.

В 2007 году министерство культуры Хабаровского края, Хабаровский научный центр Дальневосточного отделения Академии наук, Дальневосточная государственная научная библиотека выступили учредителями научно-практического журнала «История и культура Приамурья». Цель журнала – отражение ретроспективного и современного бытования культуры, историко-культурного процесса во всем его многообразии и всех срезах социокультурной жизни Дальневосточного региона.

ДВГНБ выпускает монографии, сборники материалов научно-практических конференций, текущие библиографические указатели. В 2009 году к 200-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьёва-Амурского было осуществлено репринтное издание второй книги И. Барсукова «Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский». Редакционной коллегией была проделана огромная работа по составлению научно-справочного аппарата к первой и второй книгам.

Известный специалист библиотечного дела А.Н. Ванеев утверждал, что «миссия всех библиотек вечная и неизменна» и состоит в сохранении и передаче культурного наследия, духовной памяти человечества».

Дальневосточная государственная научная библиотек стремится выполнять эту миссии, внося значительный вклад в собирание культурного наследия, обеспечение его сохранности, возрождение духовных ценностей.

Список использованной литературы

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф.702. Оп.5. Д.514. Л. 54–54 об.

2. Отчёт о деятельности Николаевской в г. Хабаровске публичной библиотеки за 1915 год. // Отчёт о деятельности совета Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества за 1915 год (с 1 дек. 1914 по 1 дек.1915 г.). – Хабаровск, 1916. – С. 33.

К 115-летию Дальневосточной государственной научной библиотеки

Наумова Раиса Вячеславовна,
заместитель директора Дальневосточной государственной научной библиотеки по научной и информационно-библиографической деятельности,

Глебова Елена Викторовна,
заведующий редакционно-издательским отделом Дальневосточной государственной научной библиотеки

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА: позитивные моменты деятельности (2007–2009 гг.)

Об экологических и выставочных проектах, международном партнёрстве, научной и редакционно-издательской деятельности библиотеки

Дальневосточная государственная научная библиотека (ДВГНБ) – крупнейший в Хабаровском крае и на Дальнем Востоке информационный, научный, культурный, образовательный и просветительский центр, деятельность которого строится по нескольким отдельным направлениям. Каждое из них развивается с учётом современных приоритетов и требований времени и потому играет заметную роль в формировании общего культурного и духовного пространства.

Дальневосточная государственная научная библиотека – крупнейшее научное учреждение культуры, культурный бренд Хабаровского края. Основана в 1894 году Приамурским отделением Русского Географиче-

ского общества. Миссия библиотеки состоит в обеспечении прав граждан Хабаровского края на доступ, поиск и получение информации.

В настоящее время главная библиотека Хабаровского края является крупнейшим региональным книгохранилищем на Дальнем Востоке России. Книжный фонд составляет более 3 млн экземпляров и размещён в шести зданиях библиотеки. В 2006 году к ДВГНБ была присоединена Хабаровская краевая детская библиотека на базе которой образован Центр детского чтения. Главная задача – поддержка и развитие детского чтения, разработка и реализация программ по продвижению чтения, создание позитивного образа читающего человека.

Ежегодные поступления насчитывают 70–90 тыс. изданий. Библиотека, располагая уникальным собранием печатных изданий, одновременно становится и хранилищем электронной и аудиовизуальной информации. Это книги, журналы, газеты, ноты, микрофильмы, аудио- и видеоматериалы, коллекция CD-изданий, в том числе на иностранных языках. Богатейший репертуар периодических изданий насчитывает более 700 тыс. единиц хранения.

С 1995 года в ДВГНБ начал создаваться электронный каталог на весь фонд библиотеки (включает более 700 тыс. библиографических записей), который доступен не только читателям библиотеки, но и пользователям сети Интернет. По объёму электронных информационных ресурсов ДВГНБ входит в десятку крупнейших библиотек России.

Главная библиотека Хабаровского края, как авторитетное учреждение культуры, поддерживает и развивает культурные традиции, формирует вкусы и симпатии публики.

Библиотечными услугами традиционно пользуется вся интеллектуальная элита Дальнего Востока. По итогам 2008 года в библиотеку записалось более 50 тысяч пользователей, ежедневные посещения составляют около 500 пользователей. Впечатляет цифра выданных книг в 2008 – 1 млн. 149 тыс. документов.

Фонд редких и ценных изданий библиотеки составляет более 20 тыс. экземпляров, из них почти 4 тыс. на иностранных языках. Обладанию ими, без преувеличения, могут позавидовать многие столичные отечественные и зарубежные библиотеки. Среди них последнее издание первопечатника И. Федорова «Острожская библия», выпущенная в 1581 году. ДВГНБ располагает самой древней из печатных книг, обнаруженных на Дальнем Востоке – сборником стихов древнегреческого поэта Пиндара. Он напечатан в 1513 году в Венеции в известнейшей западноевропейской типографской фирме, основанной Альдом Минуцием. В 2008 на базе отдела редких и ценных изданий создан Краевой научно-исследовательский центр книжных памятников.

Большой общественный резонанс получила работа библиотеки по экологическому просвещению граждан, в которую вовлечены муниципальные библиотеки края и природоохранные учреждения.Сегодня тема экологии – одна из самых острых во всем мире. Именно поэтому особую значимость приобретают масштабные экологические проекты.

Так, в 2008 году, к 70-летию со дня образования Хабаровского края, проведена викторина «Таёжными тропами», организатором которой совместно с ДВГНБ стало министерство природных ресурсов Хабаровского края. Этот проект был реализован в качественно новом формате: викторина проходила в прямом эфире Первого краевого телевидения, что позволило жителям всего края, в том числе и его самых отдалённых уголков, принять участие в этой масштабной экологической акции, расширить свой кругозор и ещё раз убедиться в уникальности флоры и фауны приамурской земли.

В этом же году при поддержке Правительства Хабаровского края проведён региональный экологический конкурс «Гимн Амуру», главная цель которого заключалась в привлечении внимания жителей края к социально-экологической значимости реки Амур. Библиотека приняла самое непосредственное участие в этом конкурсе. Заместителем председателя краевой конкурсной комиссии была назначена заместитель директора ДВГНБ Р.В. Наумова.

Серьезным вкладом в экологическое образовательное пространство становятся специальные издания ДВГНБ по данной теме. Так, при поддержке министерства культуры и министерства природных ресурсов Хабаровского края, на основе информационных ресурсов ДВГНБ изданы специальные буклеты, содержащие информацию о периодических изданиях экологической тематики, интернет-сайтах, краеведческих информационных ресурсах, особо охраняемым природ-

ных территориях Приамурья, общественных экологических организациях Хабаровского края.

В 2008 году отделом краеведческой литературы ДВГНБ подготовлен и выпущен в свет дайджест «Экология реки Амур», где отражены наиболее значительные материалы, опубликованные на страницах федеральных и региональных периодических изданий за период с 1998 по 2007 год.

Масштабный экологический проект 2009 года – краевая эколого-литературная викторина «Певцы Приамурья» – осуществлялся в соответствии с распоряжением Губернатора Хабаровского края в рамках Дней защиты от экологической опасности и был приурочен к 71-й годовщине со дня образования Хабаровского края. Главным организатором эколого-литературного конкурса выступила ДВГНБ, приложив максимум усилий для того, чтобы привлечь внимания к «болевым точкам» нашей экологии посредством литературных произведений наиболее ярких дальневосточных писателей и поэтов – юбиляров 2009 года. Это такие значимые для культуры региона имена, как Н. Задорнов, Н. Рогаль, Ю. Шестакова, М. Асламов, Г. Ходжер, Л. Миланич и др.

Экологическое направление ДВГНБ – это поиск новых интересных и креативных форм работы. Необычным и запоминающимся стал выставочный проект библиотеки, организованный в 2009 году специально к Международному Дню птиц, где были представлены уникальные дореволюционные издания по заданной теме, современные книги и журналы, также специально подготовленный видеоряд: марки, фотографии, рисунки. Еще одна выставка, посвящённая удивительной природе Шантарских островов, состоялась в рамках нового клуба «Личный взгляд путешественника», созданного в библиотеке. Здесь были представлены фотографии журналиста и краеведа Александра Черкасова. Причём, через произведения фотоискусства не только раскрылась «сокровищница» Шантар, но и обозначились те серьезные экологические проблемы, которые сегодня существуют на этой заповедной территории.

В 2008 году в недрах ДВГНБ появилась новая структура, значимость которой трудно переоценить. Центр информационных ресурсов по искусству не случайно сравнивают с «копилкой» отечественных и мировых художественных достижений. Из основных фондов ДВГНБ Центру передано 3 тысячи печатных документов, среди которых специальная литература по театральному и киноискусству, музыке, хореографии, живописи и др., а также уникальные альбомы больших форматов с репродукциями произведений искусства из лучших музейных коллекций мира. Его главная задача – сохранение духовно-нравственных традиций, формирование информационных ресурсов по искусству, художественное образование и эстетическое воспитание населения, обеспечение информационно-библиографического обслуживания специалистов в различных областях культуры и искусства. С открытием Центра информационных ресурсов по искусству у ДВГНБ появилась ещё одна площадка для выставочных проектов, отражающих самые разные грани изобразительного искусства. Среди них, например, выставка Антона Вольгушева, посвящённая такому редкому направлению в искусстве, как экслибрис, яркие и живописные батики художницы из Комсомольска-на-Амуре Натальи Брусницыной в экспозиции «Дальневосточная мозаика», графические работы хабаровских архитекторов.

В форме масштабных выставочных проектов ДВГНБ отмечает и крупные даты общемирового литературного процесса, и эти события становятся одними из самых ярких в культурной жизни региона. В 2008 году реализован большой выставочный проект «Патриарх русской литературы» к 180-летию со дня рождения Л.Н. Толстого, где было представлено более 500 изданий, среди которых немало истинных раритетов. Например, прижизненная биография Толстого, автором которой выступил друг и единомышленник писателя Бирюков; редкие издания философских трудов Л.Н. Толстого; описание опыта яснополянской школы, изданное в 1913 году и др.

2009 год обозначен важнейшей для всех россиян датой – 200-летием со дня рождения Н.В. Гоголя. ДВГНБ совместно с министерством культуры Хабаровского края осуществила крупный выставочный проект «О, вещая душа моя!» и впервые предоставила возможность познакомиться с многообразием изданий о жизни и творчестве Гоголя, которые хранятся в фондах самой крупной на Дальнем Востоке библиотеки. Это поистине уникальный пласт «гоголианы»: научная и научно-популярная литература, монографи-

ческие и мемуарные издания и др. Среди представленных на выставке книг издания XIX века, которые без преувеличения являются библиографической редкостью. Например, «Материалы к биографии Гоголя», созданные В.И. Шенроком в 1892 году, собрание сочинений писателя 1901 года, а также бесценный документ эпохи – «Три письма к Н.В. Гоголю» архимандрита Феодора (Бахарева) 1860 года.

«Наш Пушкин» – краевая акция 2009 года, посвящённая Пушкинскому дню России, который отмечается 6 июня в рамках Национальной программы поддержки и развития чтения, а также в связи с празднованием 210 годовщины со дня рождения великого поэта. С инициативой о проведении акции выступил Центр детского чтения ДВГНБ, и с этого момента все муниципальные библиотеки края стали поистине «пушкинской территорией». «Наш Пушкин» – это самые разнообразные мероприятия: книжно-иллюстративные выставки и выставки методических материалов, конкурсы рисунков и литературные встречи, театрализованные праздники, литературные викторины и конкурсы.

Частью этой акции стал и уникальный выставочный проект ДВГНБ «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…», где было представлено около 600 изданий «пушкинианы», среди которых немало действительно раритетных. Достаточно назвать книгу В.П. Авенариуса «Отроческие и юношеские годы Пушкина», изданную в конце XIX века, «Биографии русских писателей среднего и нового периода», изданные в Санкт-Петербурге в 1900 году.

Международная деятельность и расширение международного партнерства – ещё одно важнейшее направление деятельности ДВГНБ. Серьёзным и логичным шагом стало открытие в 2004 году Международного информационного центра (МИЦ), в структуру которого вошли Американский, Японский и Немецкий центры, отдел иностранной литературы. Главная задача МИЦ – обеспечить своих пользователей подробной и актуальной информацией о зарубежных странах. Международный информационный центр – это творческая площадка для интересного общения с зарубежными писателями, учёными, общественными деятелями. Здесь проходят выставки, посвящённые культуре разных стран, работает клуб «Япония сегодня». Для читателей и гостей библиотеки многие встречи нередко становятся незабываемыми.

На протяжении многих лет ведется международный книгообмен. Помощь в этом важном процессе оказывают посольства США, Германии, Японии, Франции, Республики Корея, Израиля, Королевства Нидерландов, что говорит о серьёзном международном имидже библиотеки.

ДВГНБ плодотворно сотрудничает с Генеральным консульством Японии в г. Хабаровске. Реальным результатом этого сотрудничества стал ряд крупных международных культурно-просветительских и информационных проектов. Так, ДВГНБ стала инициатором проведения Дней японской книжной культуры, проводимых при поддержке Генерального консульства Японии в Хабаровске. Это мощная культурная акция, в рамках которой организуются интересные выставочные проекты, творческие встречи, мастер-классы с участием представителей Страны восходящего солнца.

Другим важным шагом по сближению двух стран и ещё большему пониманию удивительной и загадочной Японии, стал Международный фестиваль японской поэзии, организованный ДВГНБ совместно с Генеральным консульством Японии в Хабаровске. В 2008 году состоялся второй такой фестиваль, ставший одним из ярких событий культурного пространства Хабаровска. Поэтические вечера, выставочный проект «Аромат Востока» (японская поэзия из фондов библиотеки), лекции профессора Киотского университета, мастер-классы, посвящённые искусству хайку.

Действительно творческой, направленной на укрепление дружбы и взаимопонимания между Россией и Японией акцией стал российско-японский конкурс «Я сказку расскажу, рисуя», в котором приняли участие хабаровские и японские школьники. Одни рисовали японскую сказку, другие – русскую, и это был удивительный диалог подрастающего поколения двух разных стран, искренний и открытый.

Почти двадцать лет дружбы связывают ДВГНБ и Хэйлунцзянскую провинциальную библиотеку – крупнейшие научно-информационные центры на Дальнем Востоке России и Китае. Плодотворное сотрудничество строится в области библиотечно-информационной и научно-исследовательской деятельности. Китайские

и российские библиотекари стали участниками Международной конференции «Современная библиотека в едином информационном и культурном пространстве региона». В сентябре 2009 Дальневосточная государственная научная библиотека в рамках международного сотрудничества в соответствии с распоряжением Губернатора Хабаровского края реализовала программу пребывания делегации из Хэйлунцзянской провинциальной библиотеки с целью поддержания взаимного сотрудничества по линии регулярных обменов. 18 сентября 2009 года в Хабаровске прошёл Международный библиотечный форум «Хабаровский край – Хэйлунцзянская провинция», в котором приняла участие делегация из Хэйлунцзянской провинциальной библиотеки. В программе форума главным событием стало подписание соглашения о сотрудничестве двух библиотек, что позволило спланировать обмен специалистами, научными публикациями, проведение совместных исследований.

В последние годы, после достаточно длительного перерыва, в Хабаровском крае идёт процесс возрождения дальневосточного книгоиздательства, и весомое место в нём занимает ДВГНБ, ставшая инициатором и организатором краевой книжной выставки «Научное книгоиздание в Хабаровском крае: современные тенденции и перспективы развития». Главная цель этого крупного выставочного проекта – познакомить широкую общественность с лучшими новинками интеллектуальной литературы, изданными в Дальневосточном регионе с момента проведения первой краевой книжной выставки в 2005 году. Выставка проводится один раз в три года и объединяет дальневосточные издательства, академические и отраслевые научно-исследовательские институты, вузы, учреждения культуры, архивного дела. Экспозиция строится по различным тематическим направлениям, среди которых юбилейные издательские проекты, издательская продукция муниципальных общедоступных библиотек Хабаровского края, «Из золотого фонда «Печатного двора» и др.

Краевая книжная выставка «Научное книгоиздание в Хабаровском крае: современные тенденции и перспективы развития» это ещё и большая научная программа: презентации новых издательских проектов, тематические круглые столы, церемония чествования дарителей научных изданий в фонд ДВГНБ.

ДВГНБ, делая особый акцент в своей работе на редакционно-издательской дельности, ежегодно пополняет книгоиздательский рынок актуальными, а нередко и раритетными изданиями по проблемам теории и практики библиотечного дела, книговедения, исторического краеведения. В 2008 году исполнилось 10 лет с того момента, как в свет начал выходить журнал по вопросам теории и практики библиотековедения, библиографоведения и книговедения «Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки». О значимости этого издания говорит тот факт, что его электронная версия приобретается 19 библиотеками, в том числе зарубежными: Татарстана, Казахстана, Библиотекой конгресса США и др.

С появлением в регионе научно-практического журнала «История и Культура Приамурья» заполнилась пустующая до этого момента очень важная ниша, и у представителей научных кругов появилась возможность публикации своих исследований на страницах собственного регионального издания. ДВГНБ совместно с министерством культуры Хабаровского края и Хабаровским научным центром ДВО РАН вошла в состав учредителей журнала «История и культура Приамурья», а также являет его издателем.

Важными изданиями с точки зрения историко-краеведческой ценности являются ежегодный календарь-справочник по Дальневосточному федеральному округу «Время и события» и календарь-указатель «Знаменательные и памятные даты Хабаровского края». Всего же ДВГНБ ежегодно выпускает около 30 названий печатных изданий – монографии, периодические и продолжающиеся издания, сборники материалов научно-практических конференций, библиографические указатели, тематические буклеты и т. д.

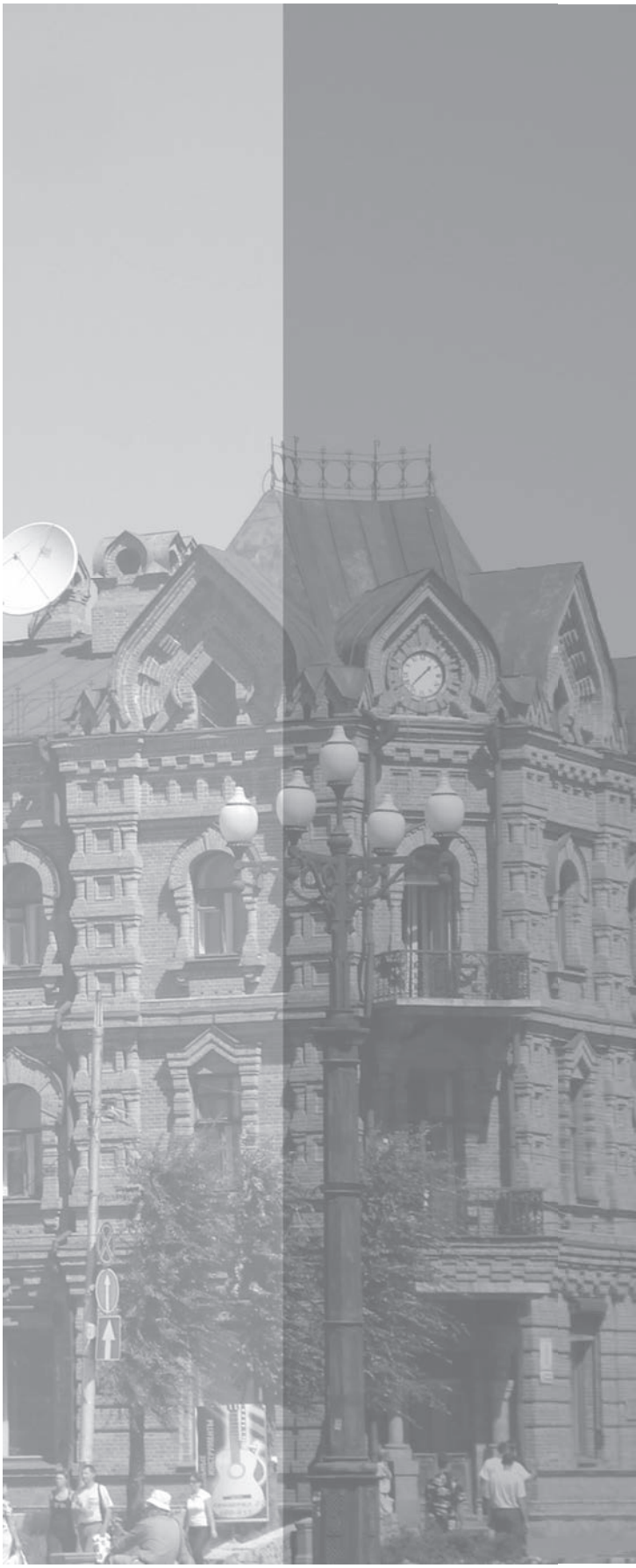
Среди поистине раритетных и уникальных книг, вышедших в свет за последние полтора года при непосредственном участии ДВГНБ – репринтное издание книги А.М. Бодиско «Из жизни Хабаровска» (1913 г.), изданное к 150-летию дальневосточной столицы. В обновлённое издание впервые включены фотографии автора, представляющие сегодня немалую историческую и культурную ценность. В годы празднования 150-летия подписания Айгунского догово-

ра и 200-летия со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьёва-Амурского поистине знаковым событием стал выход в свет исторического труда Ивана Барсукова «Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский» (репринтное издание). Первый том книги И. Барсукова, собственно биографический очерк, переиздавался лишь однажды в 1999 году. Второй том, куда вошли архивные документы и письма графа, переиздан впервые за 117 лет.

Презентации этих и других изданий проходят в стенах ДВГНБ, которая давно уже стала центральной публичной площадкой, где представляются новые историко-краеведческие и литературные издания, причём, не только Хабаровского края, но и других регионов Дальнего Востока.

С целью популяризации печатных изданий, формирования престижа библиотеки, а также издательского процесса Хабаровского края, ДВГНБ принимает самое активное участие в международных, общероссийских и региональных выставках-ярмарках, где издательские проекты ДВГНБ получают высокие награды, что ещё раз подтверждает серьёзный вклад библиотеки в общее издательское пространство.

Каждое из направлений, по которым ДВГНБ строит свою деятельность, развивается в соответствии с требованиями времени – быстро меняющегося, ставящего перед нами всё новые и новые задачи. Именно поэтому ДВГНБ, имея за плечами богатую на события 115-летнюю историю, является сегодня мощным и современным центром творческого, информационного и научного притяжения для самых широких кругов интеллигенции.

Корнева Лариса Владимировна,
проректор по учебной работе
Хабаровского государственного
института искусств и культуры,
кандидат исторических наук,
доцент

МУЗЕЙ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ИНКУЛЬТУРАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Автор поднимает вопрос об особой миссии музея в жизни региона, его социокультурном значении, вкладе в реализацию культурной политики региона в историческом контексте, опыте музеев по вовлечению общественности и населения в культурное сотрудничество.

Благодаря хранящимся и популяризируемым дальневосточными музеями памятникам истории, культуры и природы, социализации и инкультурации личности на основе экспозиционного показа и культурно-образовательной деятельности музея обеспечивается преемственность и непрерывность культурно-исторического развития духовной жизни региона, утверждается региональное самосознание.

Дальний Восток – один из наиболее крупных по экономическому потенциалу регионов России. Его прошлое и настоящее, представленное в исторических экспозициях государственных и муниципальных музеев, определяет этническое и культурное своеобразие обширного региона на границе Европы и Азии. Приоритетными направлениями культурной политики в Дальневосточном федеральном округе является создание и развитие единого культурно-информационного пространства как важнейшего условия обеспечения прав граждан на получение культурных благ, в том числе обеспечение сохранности историко-культурного наследия; создание условий для культурного обмена на окружном, российском и международном уровне. Воссоздание локальных явлений во всей полноте, в совокупности многообразных событий позволяет представить региональные историко-культурные процессы как целостные и оригинальные.

Рассматривая соотношение наследия и культуры, мы руководствуемся, в первую очередь тем, что многовековая традиция осмысления и использования наследия получила завершение в создании и функционировании социальных институтов (музеев,

библиотек, архивов), осуществляющих хранение, изучение и популяризацию культурного наследия в соответствии с запросами и потребностями общества. Музей в целом, если абстрагироваться от его типов, видов и профилей, представляет собой определённую типологическую категорию, а также материально-духовную часть наследия всемирного, национального или регионального. Иными словами, можно говорить о соотношении части и целого, подсистемы и системы.

В формировании культурного опыта детей и молодёжи важную роль играют специализированные институты социальной памяти, хранители культурных традиций, духовных ценностей – музеи. Они сегодня обладают высоким потенциалом оценки предметного и социального мира, где возможно реальное освоение и восприятие социального опыта общества. Первые музеи российского Дальнего Востока, созданные при научных обществах, сначала играли в системе отдела и отделений Императорского Русского Географического Общества (ИРГО) важную роль своеобразных хранилищ и лабораторий для исследователей края. Они были доступны лишь ограниченному кругу посетителей. Однако со временем «кунсткамерное» удовлетворение человеческого любопытства к диковинным предметам сменилось желанием познать окружающий человека мир, его разнообразие [16].

Региональный музей как социокультурный институт, предназначенный для сохранения, изучения и трансляции историко-культурного наследия, является именно тем сосредоточением, где фокусируются все важнейшие культурные процессы Дальнего Востока России, своеобразной квинтэссенцией региональной культуры, её инструментом. В 1980–1990-х годах в сложных условиях преобразования социально-политической и экономической систем встал вопрос о выживании музеев в новых условиях. Однако, вопреки трудностям и в отличие от других учреждений культуры, местные музеи сохранились. Когда появилось понимание значимости идентичности местного сообщества, музеи стали рассматриваться как важная составляющая, как инструмент поддержания такой идентичности, как механизм воспитания лояльности к своему прошлому и своей истории. «Музей – это инструмент, который задумывается, создаётся и функционирует в результате совместной деятельности местных властей и местного сообщества... Это зеркало, в которое смотрит местное население и видит отражение своего образа; это зеркало, в котором оно ищет объяснение своей территории и своим предкам» [11].

Концепция зеркала – важна. Для сообщества зеркало является инструментом пробуждения личности. Оно позволяет им получить больше знаний о своей культуре и постичь ценности, которые она представляет. В этом зеркале сообщество видит себя, узнаёт себя, находит себя «красивым» и учится любить себя. Это чувство собственного достоинства необходимо для того, чтобы научиться любить «других». Но у музеев есть большой потенциал для развития туристической деятельности. И это, естественно, очень важно для экономического развития сообщества.

Современные направления деятельности музеев (документирование историко-культурных и природных процессов, тезаврирование, образование и воспитание, научные исследования, воздействие на личность, рекреация, организация досуга и т. д.) есть инструмент, методика, формы реализации функции сохранения социальной памяти, которые выступают как культурное событие на уровне региона, в ряде случаев приобретают международное значение.

Анализ внешнего функционирования музея позволяет выделить в нём два тесно связанных между собой «блока» функций, детерминированных потребностями культуры, в частности, её функцией механизма социального наследования. Первый блок ориентирован на сохранение имеющегося культурного фонда и актуализацию культурных ценностей, что осуществляется путём создания и расширения музейных фондов, их изучения и экспонирования. Второй блок, который для нас и представляет интерес, связан с социализацией и инкультурацией личности на основе экспозиционного показа и культурно-образовательной деятельности музея.

Экспозиция как инструмент сохранения социальной памяти и форма осуществления культурных контактов

Разработка проблематики музейного экспонирования как предметно-пространственной, эмоционально-образной среды в единстве сюжетно-концептуального

и визуального ряда актуализирована причинами социально-экономического характера и связана с определёнными культурными приоритетами.

Музеи ориентируются как на посетителя, так и общество в целом, стремятся стимулировать досуговые и познавательные мотивы посещения, находить эффективные, функциональные и оригинальные интерпретации музейного собрания, проводить работу по формированию мировоззрения современной молодёжи, обогащать культуры новыми духовными ценностями, развивать интеллект нации.

Современная музейная практика позволяет констатировать, что сегодня экспозиция осознаётся как многофункциональная образно-художественная структура, осуществляющая программно-дидактическую функцию. Её итоги являются достижением не только работы хранителей и сотрудников экспозиционеров, но, прежде всего, результатом спланированного, научно обоснованного, многогранного творческого союза дизайнеров, архитекторов, конструкторов, сценаристов, педагогов, психологов и других специалистов. В России и на Западе пришло понимание того, что виртуозность исполнения экспозиции делает её произведением искусства, где форма, которая искалась для выражения содержания, будучи найдена, сама становится содержанием, развивающим и дополняющим информацию научного построения темы.

Современная экспозиционная практика характеризуется всё возрастающей тенденцией к расширению функций экспозиций, увеличению объёма и возможности передачи зрителю несомой информации, к её большей доступности, захватывающему характеру и лёгкости прочтения, театрализованному, драматургическому характеру «постановки». Массовое восприятие диктует более ритмичный темп построения визуально-вербального ряда информации, максимально доступного для восприятия. Современные экспозиции характеризуются активным внедрением новых технологий, использованием моделирования и принципа интерактивности, расширением практики внемузейных мероприятий (концерты, церемонии, приёмы, посвящения и т. д.), реализацией исторических реконструкций, осуществлением полноценных театральных проектов.

Сегодня остро встала необходимость международного обмена опытом по вопросам экспозиционной практики, конкретизации и современного осмысления принципов и задач музейного экспонирования с целью обобщения и конкретизации теоретической базы, совершенствования художественного и содержательного уровня экспозиций музеев, повышения уровня эффективности музейного экспонирования.

Актуальность исследования определяется стремлением современных музеев расширить возможности пластического языка экспозиционного дизайна, конкретизировать предметное поле музейной экспозиции, осмыслить и определить художественные аспекты, дальнейшие пути развития музейной экспозиционной практики, подготовить высококвалифицированных специалистов.

В дальневосточных архивах хранится значительный массив документов по музейному строительству в 1940–1980-е годы прошедшего столетия. В том числе имеются интересные документы, отражающие систему управления экспозиционной деятельностью музеев. Само становление музейного и выставочного дела на Дальнем Востоке России было связано с открытием собранных коллекций для местного общества, т. е. с их экспонированием [4].

Основной целью деятельности музеев является удовлетворение социальной потребности в освоении накопленного культурного наследия, воспитание и обучение посетителя, а также формирование у него эмоционально-оценочного отношения к научным достижениям и общекультурным ценностям, репрезентированным в экспонируемых предметах. Музейная деятельность связана с процессом культурной коммуникации, которая носит информационно-знаковый характер и является следствием непрерывного процесса возникновения новых значений в культуре и утратой других. Функция музея заключается, в первую очередь, в целенаправленном выявлении комплекса значений, присущих вещи. Вследствие чего экспозиция рассматривается как специфический язык вещей, «разговор предметами».

В наше время социальная направленность деятельности музеев обусловлена общей тенденцией, связанной с изменением отношения к культуре и культурному наследию.

Ряд отечественных музееведов рассматривает музей как институт, выявляющий культурно-формирующую функцию вещи, то есть позволяет вещам выступать в качестве посредников (знаков) в коммуникативных процессах. Тем более что значительная часть необходимой для формирования личности информации передаётся, по мнению исследователей, только через предметно-вещные формы культуры с помощью такого инструментария как экспозиция. Таким образом, возникает необходимость привлечения таких понятий, как эмоциональное восприятие, опыт, мировоззрение и других аспектов, отражающих как значение музея для разнообразных процессов, происходящих в современном обществе, так и его роль в формировании личности [2, с.199].

Наиболее чётко связь между музейным предметом как носителем значения и музейной коммуникацией через экспозицию, понимаемой как трансляция памяти культуры, артикулирует В.Ю. Дукельский, рассматривающий музей как один из инструментов, «призванных компенсировать разрушившийся механизм традиции и отчасти восполнить разрыв между потребностями общества и реально производимой предметной средой» [2, 29–31].

Феномен музейного предмета возникает лишь потому, что сами вещи в исторической действительности выступают как средство взаимосвязи людей, живущих в обществе, как своеобразная форма посредничества между ними. В условиях диалога культур и формирования представления о едином культурном наследии человечества, ставших характерной приметой второй половины XX века, экспозиции и выставки стали одной из наиболее продуктивных и многогранных форм осуществления культурных контактов, инструментом сохранения социальной памяти.

В этой связи особую актуальность приобрело изучение и осмысление накопленного в этой области исторического опыта для его использования в совершенствовании и углублении культурной коммуникации. Особого внимания при этом заслуживает опыт дальневосточных музеев в области экспозиционно-выставочной деятельности, комплексно и профессионально осуществляющих разработку инструментария экспозиционной деятельности на протяжении многих лет.

В частности краеведческими музеями за последние годы были выстроены совершенно новые, деполитизированные, научно-обоснованные экспозиции. Следует отметить, что наиболее органична связь с проблематикой регионального наследия у музеев краеведческого профиля, которые выступают своеобразными центрами изучения, сохранения и презентации наследия в локальной, относительно небольшой по масштабам среде. В проблематике научно-исследовательской работы краеведческого музея можно выделить такие аспекты, как изучение историко-бытового наследия, то есть истории быта, истории предметного мира культуры, культуры повседневности, окружающей человека. В современном региональном музее приоритетной задачей становится не только умение показать прошлое территории как факт, вписывающийся в единый исторический процесс развития страны, но и «как неповторимое, невоспроизводимое в других региональных условиях явление».

Экспозиции дальневосточных краеведческих музеев посвящены истории хозяйственного освоения, изучения и заселения дальневосточного края, его самобытной культуре. Их образовательные возможности, благодаря многогранности и уникальности, обеспечиваются спецификой музейных предметов – подлинных памятников материальной и духовной культуры, составляющих основу всей музейной деятельности и музейной среды [6]. Также актуальным представляется изучение мемориального, историко-биографического наследия, связанного с персоналиями и создание экспозиций и выставок. Однако музейная экспозиция объективно ориентирована на воссоздание целостной картины мира той или иной эпохи. Так, экспозиции Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова представляют посетителю картину социально-экономического и культурного развития региона, богатства природы, национального многообразия Дальнего Востока России, помогают посетителю найти и оценить своё собственное место во времени и культуре [6]. Примером научного, взвешенного подхода к проблемам изучения культуры и быта хабаровчан стали экспозиции Музея истории города Хабаровска [5].

В Сахалинском государственном областном краеведческом музее в 2007 году открылась новая постоянная экспозиция «История Сахалинской области во второй

половине XIX–первой половине XX века» и выставка «Родные острова». Два зала новой экспозиции – это реализация первого этапа большого проекта построения новой экспозиции «История Сахалинской области». Посетителям представлено более 120 подлинных предметов XIX–XX веков по истории сахалинской каторги и русско-японской войны, освоения Северного Сахалина в годы первых советских пятилеток, оригинальные фотоработы военного корреспондента Соколова по освобождению Южного Сахалина в августе 1945 года.

Наряду с традиционной тематикой в экспозиции нашли отражение новые темы «История Южного Сахалина в период губернаторства Карафуто (1905–1945)», «Курильские острова в японский период» и другие. Авторский коллектив, опираясь на международный музейный опыт, выработал новые подходы: создана электронная экспозиция, демонстрируемая в компьютерных киосках и на мониторах. Она расширяет экспозиционное пространство для посетителей и позволяет внедрить видео и звуковые материалы, оживляющие полотно истории Сахалинской области. В электронной экспозиции размещены не только справочные по разным категориям, но и исторические материалы из Государственного архива Сахалинской области. Работы по подбору научного материала осуществляли сотрудники музея, составление компьютерных программ – фирма «Артикус» (Южно-Сахалинск). Поставка электронного оборудования – фирма «Активижин» (Москва).

Художественный проект новой экспозиции разработан и реализован дизайнерами ООО «Музей Дизайн» (Москва), руководитель проекта Андрей Рейнер. В залах – новое витринное оборудование, изготовленное по заказу музея в немецкой фирме «Райер ГМБХ» в 2004 и 2007 годах. Основное финансирование проекта осуществлено из областного бюджета администрацией Сахалинской области, привлечены средства гранта Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, грант компании «Сахалин Энерджи» на музейное оборудование.

Сегодня дальневосточные музеи интенсивно вовлечены в международный выставочный обмен. Выставки представляют самостоятельный интерес с точки зрения разработки научной концепции экспонирования и художественного решения. С ними связано обновление, расширение, развитие тематики, методики и методологии научного проектирования музейных экспозиций. В условиях диалога культур и формирования представления о едином культурном наследии человечества, ставших характерной приметой второй половины XX века, выставки стали одной из наиболее продуктивных и многогранных форм осуществления культурных контактов. В этой связи особую актуальность приобрело изучение и осмысление накопленного в этой области исторического опыта для его использования в совершенствовании и углублении культурной коммуникации. Особого внимания при этом заслуживает опыт музеев, комплексно и профессионально осуществлявших разработку инструментария экспозиционной деятельности на протяжении всей истории своего существования.

Например, выставка «Одежда народов Советского Дальнего Востока» (1985, г. Осака, Япония) – это один из первых выставочных проектов Сахалинского областного краеведческого музея совместно с японскими учёными. Выставка была приурочена к созданию общества японо-советских связей. Именно в этот период начинается плодотворное сотрудничество Сахалинского музея с японскими коллегами.

В рамках международного договора Сахалинского музея и Музея истории освоения Хоккайдо (Япония) был организован ряд тематических выставок, посвящённых культурному обмену и взаимодействию. Это такие выставки, как «Предметы материальной и духовной культуры айнов из фондов Сахалинского областного краеведческого музея» (1998, г. Аомори, затем г. Саппоро), «Сахалинский областной краеведческий музей и Исторический музей Хоккайдо: история сотрудничества» (2003, г. Южно-Сахалинск) и ряд других. Появление таких экспозиций, без сомнения, является удачей творческих коллективов создателей, способствует развитию и распространению мирового музейного опыта, введению в мировой научный оборот уникальных национальных культурных ценностей, укреплению мира и улучшению взаимоотношений и сотрудничества между народами [12, 15].

Впервые в практике Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова в 2008 году создана новая экспозиция – специализированное музейное пространство, создающее

необходимую среду для погружения, вовлечения юного посетителя в музейно-игровую среду и максимально учитывающую его психофизические возрастные особенности. Детская экспозиция выступает как среда деятельного, творческого познания ребёнка, обладающая качествами экспозиционно и педагогически заданной интерактивности, создающая условия для формирования исторического сознания посетителя. Центр музейной педагогики, осуществляющий деятельность в разных направлениях: научно-исследовательском, экспозиционном, методическом, экскурсионном, издательском является эффективной и перспективной структурой современного музея. Такое сочетание даёт необходимое единство различных составляющих – процесса создания экспозиции [10].

В современных условиях создание экспозиции или выставки – это результат сложной деятельности большого числа людей. Качество этой работы всегда очевидно. Экспозиции, где вложена частица души её создателей, отличает не только эмоциональность, но и реальное присутствие определённой ауры. Музейная экспозиция является сложным инструментом познания окружающего нас мира, системой познавательных средств, отражающих объект познания, т. е. интерпретируемую тему. В ней отражается историческое знание о существовавшем когда-то или окружающем нас мире. Ознакомление с музейной экспозицией – это процесс, при котором включаются практически все познавательные способности человека.

Экспозиция музея представляет собой семантическое пространство, целостную модель мира, в рамках которой объединяются методами музеологии памятники материальной культуры и сознание посетителя. Интерпретация предметов в ней является сложнейшей процедурой поиска и придания значений. Посещение музейной экспозиции – это сложный процесс коммуникации, направленный на восстановление утраченных между поколениями связей, традиций.

XXI век знаменовался качественно новым этапом развития музейного историзма, становлением практики создания концепций экспозиции, в рамках которой раскрываются гносеологические установки, отражаются общие представления, существенным образом перерабатывается историографическая традиция и воплощается историко-художественный метод. Концепция экспозиции позволила увидеть в таких документах, как тематическая структура и тематико-экспозиционный план, последовательные стадии подхода к созданию музейного отражения истории, а саму музейную экспозицию считать способом фиксации исторической памяти. Обладая специфическими средствами отражения истории, музей должен найти свой метод отбора фактов, определения их объёма и содержания и, наконец, истолкования. Только в этом случае можно говорить об историзме музейного дела в полном смысле этого слова.

Общеизвестно, что в основе исторической экспозиции лежит объективно-информационное начало, на котором строится её образная система. Центральное место в ней занимает образ Времени представляемой исторической эпохи. Документальная достоверность и художественная образность как равнозначные составляющие музейной экспозиции служат фундаментом образовательного процесса в музее.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что музейный историзм характеризуется целостностью и избирательностью, подлинностью и условностью, образностью и проблемностью, компрессивностью и конкретностью. Но в музейной практике на ином уровне, чем в науке, утверждаются специфические способы отбора и обобщения исторического материала, воспроизводятся пространственные, временные и содержательные связи явлений. Развивая эти свойства, музей займёт своё место в процессах формирования региональной истории и культуры, исторического мировоззрения и обогащения исторических представлений

Социокультурная ситуация побуждает музеи к поиску своеобразия, к необходимости генерировать новые знания, идеи, духовные ценности. Из института, фиксирующего достигнутый уровень общественного сознания, музей становится явлением культуры, придающим этому сознанию поступательную динамику. Ещё недавно качество музейных экспозиций определялось их соответствием традиционным научным схемам, сфокусированным на музейных предметах и коллекциях, а теперь музей видит ценностные ориентиры в новизне, оригинальности интерпретации музейного собрания, создаваемые экспозиции и выставки, культурно-образовательные проекты становятся результатом, как научно-

го изучения, так и индивидуального творческого поиска [9].

В культурном поле региона музей является инструментом инкультурации, где в качестве основного инструментария выступают экспозиции и выставки, передающие социальный и культурный опыт поколений.

Проблемы образования и инкультурации личности в музее

Совокупность музеев региона традиционно обозначалась как музейная сеть, а каждый музей как единица. В последние годы отмечается распространение нового термина – музейная сфера. Его содержание вызвано, по мнению отечественных исследователей, появлением на музейном горизонте организаций, тесно связанных с музеями, поскольку развитие музейной деятельности в регионе тесно связано с деятельностью различных общественных организаций, фондов, координационных центров и пр. Следствием интеграции музеев и социума является возрастание роли культурно-образовательной функции музея, интенсивное развитие музейной педагогики, которая особое внимание уделяет изучению сотрудничества и сотворчества педагога и посетителя [8].

Изучению духовно-нравственного становления личности посвящено значительное число работ, авторы которых с разных позиций рассматривали данный феномен. Но, не смотря на имеющиеся достижения в этой области, обширный научный опыт, проблема формирования духовно-нравственных качеств молодёжи в условиях современного музея, а также проблемы соотношения процесса инкультурации и социализации ещё далеки от окончательного завершения, здесь имеются широкие перспективы для дальнейших исследований. Обновление системы отечественного образования происходит в соответствии с Национальной доктриной образования в Российской Федерации и ориентировано на адаптацию национальных стандартов к европейским с последующим включением России в болонский процесс. Провозглашаемые в этом документе задачи сохранения, распространения и развития национальной культуры, воспитания бережного отношения к отечественному историческому и культурному наследию, развития творческих способностей детей и молодёжи делают актуальными взаимодействие музея и системы образования в области воспитания искусством и молодёжи в системе «музей и учреждения образования».

Образование всегда было частью культуры, а потому его качество определялось не только суммой усвоенных знаний, но и уровнем культуры, тем более что в процессе происходящих в нашей стране социально-экономических перемен активное формирование ценностных ориентиров необходимо осуществлять с позиций толерантности и бережного отношения к культуре.

В условиях обновления содержания и форм образования именно музей, являющийся своеобразным «контекстом» определённого исторического времени в динамике его политического, экономического и социального выбора, способен продвинуть непосредственно ощущаемые связи человека с миром и жизнью за пределы классного помещения, стимулируя саморазвитие и самовоспитание личности. Он активно участвует в воспитании так необходимой для грамотной социализации визуальной культуры и востребованной процессами развития глобальной экономики креативности. Заказ современного общества системе образования ориентирован именно на эти качества. На основе его стратегии вырабатываются новые нормы приближения к успешному осуществлению системой образования социализации личности, сущность которой заключается в сочетании общественного и индивидуального [13, с. 44–53].

Образовательная деятельность музея – педагогически организованный процесс интерпретации и трансляции историко-культурного потенциала его собрания, направленный на формирование личности через инкультурацию (вхождение в культуру) и постижение её смыслов и ценностей, иными словами, образование культурой. Современное образование включает в себя не только получение знаний, но и освоение культурных норм и ценностей, социального опыта. Образовательная деятельность в музее строится на передаче этого опыта, аккумулированного в памятниках материальной и духовной культуры. В связи с этим проблема образования и инкультурации личности в региональном музее становится всё более актуальной и значимой.

В социокультурном пространстве Дальневосточного региона в формировании культурного опыта подрастающего поколения

важную роль играют специализированные институты социальной памяти, хранители культурных традиций, духовных ценностей – музеи. Основная их миссия заключается в сохранении уникальной многонациональной культуры, нашего достояния, передаче его будущим поколениям, в образовании и воспитании музейных посетителей. Находясь в обществе и осуществляя свою деятельность для общества, музеи соотносят её с культурными потребностями людей. Они занимают особое место в системе производства и распространения социально ориентированных ценностей, отражая по сути, как учреждения духовной сферы, взгляды общества на собственное развитие.

Статус культурной нормы, социального стандарта музеи на Дальнем Востоке России приобрели в 1920–1930 годы прошлого века.

В настоящее время музеи являются важными элементами культурной жизни региона, включёнными в отечественную культурную традицию. Они продолжают открываться и развиваться, несмотря на перестройки и кризисы, включая в сферу своей социокультурной деятельности аудиторию от дошкольников до пенсионеров. В процессе социализации общество, занимаясь организацией социально-культурной деятельности, призвано заботиться, чтобы формируемая личность усвоила выработанную им совокупность требований и норм, восприняла основы накопленных к этому периоду мировоззренческих знаний. Механизм овладения ценностями культуры, которыми владеют музеи, носит избирательный характер. Это зависит от особенностей, возраста, способностей, наклонностей и дарований каждой конкретной личности. Вектор инкультурации идёт от личности к ценностям культуры, и сложнейшая задача культурно-образовательной деятельности состоит в том, чтобы найти оптимальное соотношение между минимумом социально-культурных знаний, умений, навыков [6]. В сохранении, изучении и интерпретации историко-культурного наследия региональным историко-краеведческим музеям принадлежит особая роль. Образовательная деятельность этих музеев, построенная с учётом достижений современного гуманитарного знания, способствует формированию ценностно-смысловых основ исторического сознания. Эволюция образовательной деятельности музеев этого профиля свидетельствует о том, что музей становится центром творческого, активного познания историко-культурного наследия, исследовательской практики посетителей. В условиях деидеологизации музейной деятельности в последнее десятилетие постепенно восстанавливается утраченная гуманитарная и историческая основа. Появление новых подходов исторической науки нашли отражение и в деятельности дальневосточных музеев. Произошла смена содержания всех направлений работы музеев с социально-экономических и политических вопросов на культурные и историко-бытовые аспекты прошлого.

Отказ в 1990-е годы от жёстких идеологических установок оказал заметное влияние на новую образовательную концепцию музея. Важным становится разнообразие форм инкультурации, что привело к «взрыву» музейно-педагогической активности. Получают развитие формы работы, направленные на индивидуальные предпочтения посетителя, познавательную активность, культурное развитие, творчество, досуг.

Характер взаимодействия формы и содержания образовательной деятельности музея может быть различным: взаимодополнение, взаимообусловленность, взаимоисключение. Содержание и форма могут дополнять друг друга. Примерами такого соотношения являются экскурсии, раскрывающие идеи экспозиции, связанные с тематикой экспозиции (историческая реконструкция в Хабаровском краевом музее им. Н.И. Гродекова панорамы «Волочаевская битва», театрализованные экскурсии). Дальневосточные музеи используют множество форм, характерных для других социальных институтов. В конечном счёте образование и воспитание музейными средствами закладывают в сознание посетителя именно те особенности консолидирующего чувства, образцы поведения и мироощущения, образы и нормы идентичности и солидарности, которые наиболее актуальны на данном историческом этапе развития общества, соответствуют культурным традициям и нормам его социального воспроизводства, принципам социализации и инкультурации его членов.

При анализе форм работы с посетителем наиболее ярко проявляется ощущение особенности художественного музея как феномена культуры. Это и особенность собрания, и совокупность технологических приёмов, которые не могут быть скопированы в музеях

другого профиля. Характеризуя специфику именно художественного музея, М.С. Каган отмечал, что художественный и исторический музеи это учреждения, которые принадлежат к разным сферам культуры. Так, «художественный музей – это учреждение, в котором искусство предстаёт в его художественном качестве и обращено к художественному восприятию, переживанию, так же как спектакль, так же как концерт в филармоническом зале» [3, с.6–14].

А музей исторический, краеведческий «обращён к тем знаниям данной сферы культуры, которые нужны человеку в такой же мере, в какой ему вообще нужны знания природы, гражданской истории, истории техники и т. д.». Особенность и уникальность собрания художественного музея очень точно отметил создатель научной школы педагогики художественного музея Б.А. Столяров: «Художественный музей как данность, не ориентирован ни на какой возраст – ни на пенсионера, ни на ребёнка. Он существует в совершенстве своих вещей» [14].

Формирование детского направления в деятельности дальневосточных музеев связано с перестройкой системы образования в целом, что обусловило их тесный контакт с другими образовательными учреждениями. Работа с детьми основывается на осмыслении образовательного потенциала той или иной конкретной области знания и стремлением использовать этот потенциал для развития личности ребёнка. Музейные педагоги Дальнего Востока большое внимание уделяют работе с детьми и подростками, т. к. более 75 % посетителей приходится на данную возрастную категорию. С переменами, происходящими в обществе, связано и такое явление музейной жизни, как возникновение Детских музеев (самостоятельные учреждения) и Детских музейных центров (в структуре существующих музеев), инновационных направлений музейной деятельности, позволяющих включить детскую аудиторию в сферу культуры.

Деятельность Детских музеев, Детских музейных центров направлена на музейно-педагогический эксперимент, на новые формы музейного проектирования и оригинальность методики работы: познание многообразия мира дальневосточной природы, истории и многонациональной культуры через игру, творчество, самостоятельную деятельность детей. Темы занятий «Далекое прошлое Приамурья», «Традиционная культура коренных народов Приамурья», «Быт и культура славян-переселенцев» и др., насыщенные музейными предметами, помогают детям и подросткам символически перенестись в пространство иного времени, раскрыть мир людей определённой исторической эпохи, эмоционально ощутить культуру людей, живших много лет назад и в других условиях. В создание экспозиций для детей включается весь научно-исследовательский ресурс музея, используются новые данные психологии детского возраста, новые методики взаимодействия музейного педагога и детской аудитории.

В середине 1990-х годов при Хабаровском краеведческом музее сформировался первый в Дальневосточном регионе Детский музейный центр. За этот период накоплен определённый опыт взаимодействия с детской аудиторией, учитывающий возрастные особенности и специфику восприятия, в основном, в сфере образовательных программ начиная от «Музейного всеобуча» (1990-е гг.) до современной «Музейной академии». Музейными педагогами скомплектована коллекция подлинных материалов, новоделов и копий, которые позволяют применять интерактивные приёмы. Деятельность детского музейного центра нашла положительный отклик в образовательно-воспитательных учреждениях города и края, среди учителей и воспитателей. Его работа отражена в книге «Детские музеи в России и за рубежом» [1].

Отражая происходящие кардинальные изменения в обществе и культуре, дальневосточные музеи также переживают существенные трансформации. Музейная деятельность приобретает всё большее социокультурное значение, возрастает роль музеев в сохранении и интерпретации культурного наследия, в образовательном процессе, в организации досуга. Современные региональные музеи становятся центрами образования, коммуникации, культурной информации и творческих инноваций.

Список использованных источников

1. Детские музеи в России и за рубежом. — М., 2001.

2. Дукельский, В. Ю. Социальные функции музея: споры о будущем / В.Ю.Дукельский // Музееведение. На пути к музею 21 века. – М., 1989.

3. Каган, М. С. Общее представление о культуре / М.С. Каган. – СПб., 2003.

4. Корнева, Л. В., Документы ГАХК о музейном строительстве на Дальнем Востоке России (40–90-е гг. XX века) / Л. В. Корнева // Вторые научные архивные чтения им. В.И. Чернышёвой: материалы науч. чтений. 25 марта 2003 г. / ГАХК. – Хабаровск, 2003. – С.67–72.

5. Корнева, Л. В. Музей истории города Хабаровска // Музейный вестник Приморья / Изд. ПГОМ им. В. К.Арсеньева – Владивосток, 2006. –Вып. 2. – С.100–105.

6. Корнева, Л. В. Проблемы образования и инкультурации личности в региональном музее / Л. В.Корнева // Шестые Гродековские чтения: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы исследования российской цивилизации на Дальнем Востоке». — Хабаровск, 2009. – Т.4. – С.127–131.

7. Корнева, Л. В. Khabarovsk, regional museum, Russian Imperial Geographical Association // Osaka, Japan / Bulletin of the National Museum of Ethnology. Vol. 29. No. 4. – 2005. – С.637–653.

8. Мастеница, Е. Н. Культурное наследие и музей: проблема взаимодетерминации // Научно-исследовательская работа в музее: тезисы докладов на VIII всероссийской науч.-практ. конф. МГУКИ. – М., 2005. –С.14–22.

9. Мастеница, Е. Н. Новые тенденции в развитии музея и музейной деятельности / Триумф музея? / Е.Н. Мастеница – СПб. : Осипов, 2005. – 458 с.

10. Музейные вести. Вып. 13 [17] / Ассоц. музеев Дальневост. региона. — Хабаровск : ХКМ им. Н. И. Гродекова, 2007. – 60 с.

11. Мур, М. Зеркало, окно или витрина? Музей как инструмент идентификации для сообщества [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fund potanin.ru/grant/museum/list_658/greatbrit/opinion, (дата обращения 08.10 2006 г.)

12. НА СОКМ. Ф. 1. Оп. 3. № 656.

13. Столяров, Б. А. Музей в пространстве художественной культуры и образования / Б. А. Столяров. – СПб., 2007.

14. Столяров, Б. А. Музейная педагогика. История, теория, практика: учеб. пособие для студентов пед. и гуманитар. вузов / Б.А. Столяров. – М. : Высш. шк., 2004. – 216 с.

15. Трегулова, З. Российские музеи в международном выставочном обмене / З. Трегулова // Музей. – СПб., 2008. – № 5. – С. 21–22.

16. У истоков музейного дела на Дальнем Востоке России (1884–1917 гг.). – Хабаровск : Хабаровск. краев. краевед. музей им. Н.И. Гродекова, 2002. – 189 с.

Бочкова Ирина Николаевна,
доцент кафедры Книговедения и библиотечно-информационной деятельности Хабаровского государственного института искусств и культуры

ПАТЕНТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

В статье рассмотрены факторы, влияющие на информационно-библиотечное обслуживание патентной документацией. Дана характеристика патентных информационных ресурсов. Конкретизированы возможности региональных ресурсных центров патентной информации в Хабаровском крае. Определена роль аналитиков информационных ресурсов как библиотекарей нового поколения в информационной поддержке инновационных процессов в крае

В условиях стремительно распространяющейся в мире экономики знаний, основное значение приобретают информационно-аналитические оценки конкурентоспособности предпринимательства. При их осуществлении не обойтись без информации об интеллектуальной собственности вообще и патентной информации в особенности. Объясняется это довольно тесной связью между патентованием изобретений и уровнем экономического развития страны, перспективностью соответствующего научно-технического направления, технико-экономическими показателями выпускаемой продукции.

Программа инновационного развития России предусматривает создание территорий инновационного развития, которые смогли бы стать территориями технологического прорыва страны в будущем. Для стимулирования национальной экономики в области инноваций необходима государственная поддержка регионов. Без этого не будет успешных особых экономических зон, бизнес-инкубаторов, наукоградов, технопарков. Воплощение нововведений на практике, доведение их до промышленного внедрения пока вызывает трудности, обусловленные тем, что специалисты зачастую не облада-

ют умением и навыками поиска патентной информации. Особенно это проблема обострилась в отдалённых районах страны, существует она и в Хабаровском крае.

Современное состояние информационной поддержки процессов охраны результатов интеллектуальной деятельности взаимосвязано с решением проблем формирования патентных фондов в службах патентной информации, библиотеках, комплектующих патентную документацию.

Начало формирования отделов патентно-технической информации в республиканских, краевых и областных библиотеках было положено приказом Министерства культуры СССР от 1956 года. Благодаря этому документу многие современные центральные библиотеки субъектов Федерации являются обладателями полных фондов отечественных описаний изобретений (патентов).

С начала 90-х годов библиотеки в Российской Федерации вступили в иной период развития, который можно охарактеризовать как революционный. Ряд библиотек и специальных служб НИИ были ликвидированы. Многие центры научно-технической информации (ЦНТИ) с 1994 года перестали комплектоваться описаниями отечественных изобретений, поэтому передали свои ретроспективные фонды патентов в общедоступные библиотеки.

Одной из главных задач, стоящих перед библиотекой, является комплектование патентных фондов. Их качество, информативность и полнота становятся определяющим моментом при оценке уровня информационного обслуживания специалистов.

Общественный интерес и основной объект государственной информационной политики представляют собой, прежде всего, информационные ресурсы, предназначенные для обслуживания «внешних» пользователей, а также информационные ресурсы, используемые для решения задач государственного управления. Такие информационные ресурсы составляют четыре основные государственные информационные системы России, имеющие межведомственный универсальный характер. Это библиотечная сеть России, Архивный фонд Российской Федерации, Государственная система статистики и Государственная система научно-технической информации (ГСНТИ). Особое значение для патентной деятельности библиотек имеет развитие ГСНТИ, являющейся поставщиком патентных ресурсов.

В состав ГСНТИ входят федеральные органы научно-технической информации (НТИ) и научно-технические библиотеки, отраслевые органы и региональные центры НТИ. Основой функционирования ГСНТИ является централизованная одноразовая обработка мирового информационного потока документов в области науки и техники федеральными органами НТИ и научно-техническими библиотеками. Создаваемые при этом патентные ресурсы нацелены на многократное использование через сеть информационных организаций.

Важной составной частью ГСНТИ являются 69 центров научно-технической информации, действующих в различных субъектах Российской Федерации. Они представляют собой объединение «Росинформресурс» – специализированную федеральную информационную сеть с общей телекоммуникационной средой и единым информационным ресурсом. Значимой стороной их деятельности является создание вторичных информационных изданий: реферативных журналов, библиографических указателей, сигнальной, обзорно-аналитической и экспресс информации. Всего выпускается около 400 наименований изданий.

Библиотеки, формирующие фонды патентно-технической документации, представляют своим потребителям информацию высокой ценности, учитывая, что приблизительно 85–90 % опубликованных технических сообщений в мире содержится в патентной литературе.

Уровень развития патентно-информационного дела в любом регионе, прежде всего, определяют потенциал региональной библиотеки и степень её влияния на библиотеки и органы НТИ, формирующие патентные фонды на обслуживаемой территории.

Региональные библиотеки, формирующие фонды патентной документации, превращаются в центры координации и кооперации, деятельность которых выходит за рамки региона. Через эти библиотеки осуществляется связь с Всероссийской патентно-технической библиотекой, которая входит в Федеральную службу интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам.

В Хабаровском крае основными ресурсными центрами патентной информации являются:

1. Региональный Центр патентной и нормативно-технической информации

(Центр) при Научной библиотеке ФГОУ ВПО «Тихоокеанский государственный университет». Центр осуществляет информационную поддержку патентно-лицензионной деятельности в университете, рассчитан на 20 автоматизированных рабочих мест, обеспечивает доступ к полнотекстовым базам патентной и нормативно-технической документации. Сотрудники Центра оказывают консультационную помощь по методике поиска патентной информации студентам, профессорско-преподавательскому составу, обеспечивают проведение патентных исследований в сфере научной деятельности. На договорной основе обслуживают представителей промышленных предприятий города и научно-исследовательских институтов.

2. Федеральное государственное учреждение «Хабаровский центр научно-технической информации» (далее – ЦНТИ). Является структурной единицей Российского объединения информационных ресурсов научно-технического развития «Росинформресурс». Ресурсы ЦНТИ позволяют осуществлять патентный поиск информации в ретроспективе до 50 лет. Патентная информация за последние 15 лет сосредоточена на оптических дисках. Они поступают в ЦНТИ из Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам (Роспатент), затем на договорной основе хозяйствующие субъекты самостоятельно проводят патентный поиск.

3. Автономная некоммерческая организация «Дальневосточное агентство содействия инновациям» (АНО «ДАСИ») создана в Хабаровском крае в целях развития инфраструктуры, обеспечивающей передачу и внедрение новых технологий в реальный сектор экономики. Ресурсы АНО «ДАСИ» позволяют осуществлять поиск в удалённых полнотекстовых базах данных, в том числе по изобретениям.

ЦНТИ и АНО «ДАСИ» являются опорными организациями в Хабаровском крае, что даёт им преимущество в получении официальной информации, издаваемой Роспатентом.

4. Научная библиотека ГОУ ДПО «Институт повышения квалификации специалистов здравоохранения» Министерства здравоохранения Хабаровского края работает с июня 2001 года как структурное подразделение института. С 2003 года в вузе создана комиссия по изобретательству, рационализации и патентной работе, которая оказывает действенную помощь преподавателям и практикующим врачам в проведении поиска патентной информации и оформлении интеллектуальных прав. Библиотека осуществляет содействие и информационную поддержку этой деятельности, предоставляет доступ в глобальную сеть Интернет; для работы с удалёнными базами данных.

5. Научная библиотека Государственного научного учреждения «Дальневосточный научно-исследовательский институт сельского хозяйства Российской академии сельскохозяйственных наук». Патентный фонд библиотеки насчитывает 243 900 единиц (фонд описаний изобретений и рефератов изобретений, в том числе 214 694 единиц ведущих стран мира.) Библиотека предоставляет доступ к отраслевым научно-практическим журналам, бюллетеням Роспатента и методической патентной литературе.

6. Отдел интеллектуальной собственности Дальневосточной торгово-промышленной палаты имеет полнотекстовую базу данных по товарным знакам, причём существует возможность патентного поиска в международных базах данных.

7. Хабаровский научный центр Дальневосточного отделения Российской Академии наук входит в число организаций на территории региона, которым предоставлен бесплатный доступ к полнотекстовым базам данных описаний отечественных изобретений.

8. Дальневосточный государственный медицинский университет комплектует патентный фонд в основном по медицинской (специализированной) тематике.

9. Дальневосточная государственная научная библиотека имеет достаточно полный фонд патентных документов, поступающих как обязательный экземпляр документов. Ресурсы патентной информации доступны различным категориям физических и юридических лиц.

Таким образом, на территории Хабаровского края созданы условия для доступа к информационным ресурсам и проведения патентного поиска. Однако есть здесь определённые трудности, которые заключаются в том, что квалифицированных специалистов в этой сфере явно недостаточно.

Специалистов аналитиков-референтов информационных ресурсов, обладающих навыками патентно-информационной деятельности, готовит ФГОУ ВПО «Хабаровский государственный институт искусств и

культуры». Они обучаются по специальности «Библиотечно-информационная деятельность», по специализации «Информационно-аналитическая деятельность». Студенты изучают широкий диапазон специальных предметов, позволяющих им хорошо ориентироваться в современной технологической ситуации, владеть навыками информационно-аналитической деятельности. В круг обязательных дисциплин входят:

– Технические средства информатизации;
– Сервисы и технологии Интернет;
– Введение в технознание;
– Защита интеллектуальной собственности,
– Информационные исследования;
– Патентные исследования;
– Информационно-библиографические ресурсы по естествознанию, технике и экономике;
– Информационное обеспечение предпринимательства и др.

За пять лет обучения, осуществляется подготовка библиотекарей нового поколения, готовых к оказанию информационных услуг учёным, предпринимателям и специалистам региона по поиску патентной информации, проведению патентных исследований.

Качество подготовки аналитиков информационных ресурсов в большой степени зависит от умения студента работать самостоятельно и от ресурсных возможностей региональных информационных центров и библиотек.

При изучении дисциплины «Патентные исследования» студенты выполняют практические работы на базе информационных ресурсов ДВГНБ (отдел нормативно-технической документации и библиографии) и научной библиотеки ТОГУ. На кафедре Книговедения и библиотечно-информационной деятельности собран массив патентных исследований, выполненных студентами, по различным сферам деятельности, накапливаются курсовые и дипломные работы в области патентно-информационной деятельности.

Преподаватели кафедры нацеливают студентов на практическое применение полученных знаний в деле информационного сопровождения инновационных процессов регионального развития, на участие в информационно-аналитической деятельности по оценке конкурентоспособности предпринимательства.

Список использованных источников

1. Амелькина, В. И. Организация патентно-информационного обеспечения всех категорий пользователей РФ в современных условиях / В. И. Амелькина, О. И. Косолапов // Пат. информ. сегодня. Информ. Технологии. Рынок. – 2001. –Вып. 3. – С. 19–24.

2. Арский, Ю. М. Информационные ресурсы ГСНТИ для реализации инновационной политики / Ю. М. Арский, В. А. Цветкова, С. П. Яшукова // ВИНИТИ. НТИ. Сер. 1. – 2006. – № 2. – С. 1– 6.

3. Брежнева, В. В. Информационное обслуживание: продукты и услуги, предоставляемые библиотеками и службами информации предприятий / В. В. Брежнева, В. А. Минкина. – СПБ, 2004. – 304 с.

4. Дрешер, Ю. Н. Организация патентно-лицензионной деятельности и авторское право : учеб.-метод. пособие / Ю. Н. Дрешер. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 248 с.

5. Корюкова, А. А. Основы научно-технической информации : учеб. пособие / А. А. Корюкова, В. Г. Дера. – М. : Высш. шк., 1985. – 224 с. *

6. Минкина, В. А. Информационно-библиографическое обеспечение планов экономического и социального развития предприятий и организаций: метод. разработка / В. А. Минкина. – Ленинград, 1989. – 47 с.

7. Морозов, А. Н. Патентная документация в библиотеках: теория и практика / А. Н. Морозов. – М. : Книга, 1986. –256 с.

8. Нечипоренко, В. П. Тенденции развития мировой информационной среды и государственная система научно-технической информации России / В. П. Нечипоренко // Науч. и техн. б-ки. – 2002. – № 1. – С. 64–71.

9. Пласичук, В. П. Роль и место библиотек России в Государственной системе научно-технической информации на рубеже 21 века / В. П. Пласичук // Пат. информ. сегодня. – 2001. – Вып. 4. – С. 3–10.

10. Протопопова, Е. Н. Брянская областная библиотека как патентно-информационный центр региона / Е. Н. Протопопова // Науч. и техн. б-ки. – 2002. – № 12. – С. 61–64.

11. Справочник информационного работника / Науч. ред. Р. С. Гиляревский, В. А. Минкина, СПГУКИ. – СПб, 2005. – 552 с.

12. Цукерблат, Д. М. Проблемы патентно-информационного обслуживания / Д. М. Цукеблат // Науч. и техн. б-ки. – 1981. – № 5. – С. 22–27.

13. Шехурин, Д. Е. Научно-технический прогресс как определяющий фактор формирования программ и целей развития информационно-библиотечной деятельности / Д. Е. Шехурин // Науч. и техн. б-ки. – 1974. – № 9. – С. 3–14.

14. Шехурин, Д. Е. Роль и основные задачи технической информации отраслевых научно-исследовательских институтов / Д. Е. Шехурин. – Л. : МРТП. – 1955. – 12 с.

Базылева Елена Анатольевна,
кандидат исторических наук,
докторант Государственной
публичной научно-технической
библиотеки Сибирского отделения
Российской академии наук
(г. Новосибирск)

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИАМУРСКОГО ОТДЕЛА ИРГО

Об издательской деятельности Приамурского отдела Императорского Русского географического общества в 1894–1916 гг.

Императорское Русское географическое общество (ИРГО), оказавшее значительное влияние на культурное и научное развитие нашей страны, было создано в Санкт-Петербурге в 1845 году. С целью проведения непрерывной работы, общество сформировало целую сеть отделов и подотделов. Первый дальневосточный отдел ИРГО – Приамурский, стал культурным центром, сплотившим все научные силы края. В свою очередь Приамурский отдел ИРГО (ПОИРГО) начал организовывать свои филиалы. Уже в 1894 году открываются Троицкосавско-Кяхтинское и Читинское отделения ПОИРГО, а также присоединяется Общество изучения Амурского края.

Открытие в январе 1894 года в Хабаровске Приамурского отдела ИРГО (указ императора об основании ПОИРГО подписан позже, 2 мая 1894 года) было определено всем ходом отечественной истории: включение дальневосточных территорий в состав Российской империи, переселенческое движение, интенсивное освоение края, становление сельского хозяйства, развитие культуры в регионе. Отдел был создан по инициативе окружного военно-медицинского инспектора В.Н. Радакова и при содействии приамур-

ского генерал-губернатора С.М. Духовского. Первым председателем был избран генерал-лейтенант Н.И. Гродеков. Вновь организованному отделу императором было выделено единовременное пособие (10 тыс. руб.) и ежегодная государственная субсидия (2 тыс. руб.) [1].

Задачи научно-исследовательской деятельности ПОИРГО были довольно широки. Его сотрудники занимались изучением Приамурья, Охотского побережья, Амурской области, Забайкалья, Камчатки, Сахалина, Уссурийского края, а также сопредельных с ними Маньчжурии, Монголии, Китая, Кореи и Японии. Научные изыскания предполагалось проводить не только в области географии, этнографии и статистики, но и в естественно-историческом отношении, в программу изучения изначально были включены зарубежные страны [2].

В 1895 году в Хабаровске вышло два выпуска «Трудов» ПОИРГО. В первом были опубликованы работы А.Г. Рождественского «Важность антропометрических исследований», А.П. Шимкевича «Современное состояние инородцев Амурской области и бассейна Амгуни», А.К. Кирилова «Переселения в Амурскую область» с ведомостью крестьянских селений и заимок и его же историко-этнографический очерк «Корейцы села Благословенного», заметка охотского окружного начальника Херсонского «Об Ольско-Колымском пути», «Дневник, веденный охотским окружным начальником Херсонским при поездке для исследования Ольско-Колымского пути с 26 февраля по 5 апреля 1894 г.».

Во втором выпуске «Трудов» были помещены результаты экспедиции по исследованию Уссурийского края, состоявшегося летом 1894 года. Среди них очерки маршрутов 1-й и 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады, составленные А.Л. Бельковичем и подполковником Генерального штаба Альфтаном. В дневнике экспедиции, подготовленном А.Л. Бельковичем, представлены описание путешествия в географическом отношении и этнографические сведения о местном населении — гольдах и ороченах. В статье «Инородческое население по притокам Уссури рр. Бикину, Иману и Ваку» так же представлены сведения по этнографии (образ жизни, род занятий и промыслов китайцев, гольдов и орочонов). По итогам этой же экспедиции вышла «Заметка о рисунках на скалах по рр. Уссури и Бикину» подполковника Генерального штаба Альфтана.

В этом же втором выпуске «Трудов» освещались результаты исследований, проведенных в бассейне р. Сунгари. Это работы Н.А. Зиновьева «Из поездки на Сунгари», Н. Матюшина «Коренное население и переселенцы в Сунгарийском бассейне» и «Дневник по поездке на Сунгари на пароходе "Телеграф" в 1895 г.» С.Я. Богданова. Здесь же опубликованы работы А.Н. Насекина «Корейцы Приамурского края», А.П. Сильницкого «Быт гиляков на низовьях Амура», полковника М.А. Назарьева «Краткий исторический очерк работ по составлению карты Восточной Сибири», петропавловского окружного врача Тюшева «Из дневника поездки от г. Петропавловска (на Камчатку) в селение Апачу» и историческая справка А.П. Сильницкого «Заслуги Семена Дежнева».

При сравнении de visu двух экземпляров второго выпуска «Трудов», в настоящее время хранящихся в Дальневосточной государственной научной библиотеке, было установлен, расхождение в содержаниях. Так, в одной из книг была помещена работа капитана Генерального штаба Грулева «Описание реки Сунгари», а в другой – нет. При этом в ещё одном печатном экземпляре второго выпуска «Трудов», ныне хранящемся в Государственном архиве Хабаровского края, были опубликованы только очерки маршрутов и результаты географических изысканий Восточно-Сибирской стрелковых бригады в Уссурийском крае, археологическая заметка Альфтана, а также работа А.П. Шимкевича «Современное состояние инородцев Амурской области и бассейна Амгуни» [3], которая, как указывалось ранее, была помещена в первом выпуске.

Подобная ситуация стала возможной благодаря использованию в «Трудах» свободной комплектации и брошюровки работ, имело место и распространение статей, помещенных в «Трудах», отдельными оттисками. В «Труды» включались также работы, изданные в качестве приложений к «Приамурским ведомостям». Например, статья А.Г. Рождественского «Важность антропометрических исследований» являлась приложением к № 49 за 1894 год. В отличие от первого выпуска «Трудов» (119 страниц), второй был значительного объема 313 страниц (разд. паг.).

Используемая отделом методика выпуска «Трудов», в первую очередь была на-

правлена на популяризацию научной деятельности вновь открытого филиала ИРГО, расширение диапазона распространения его изданий. Однако в дальнейшем, когда появилась полиграфическая возможность выпуска постоянного печатного органа «Записок» в Хабаровске (с 1896 года «Записки» издавались в местных, а не столичных типографиях), а также с созданием редакционной комиссии был изменён подход к редакционно-издательской деятельности и выпуск «Трудов» был прекращён.

В целом издательской практике ПОИРГО благоприятствовала существовавшая в то время в Хабаровске ситуация: поддержка со стороны администрации, наличие специалистов и др. В 1894 году ПОИРГО издал первый выпуск первого тома «Записок», рукописи для которого уже 8 апреля 1894 года были отосланы в санкт-петербургскую типографию Академии наук. Первый выпуск вышел под редакцией П.П. Семенова-Тян-Шанского [4] и под наблюдением Н.И. Кузнецова. Первая книга, представленная обширным трудом Н.А. Крюкова «Некоторые данные о положении рыболовства в Приамурском крае», вышла в 1894 году в количестве 1000 экземпляров и 250 отдельных оттисков [5].

Впоследствии со второго тома «Записки» печатались в Хабаровске в типографиях Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, Штаба Приамурского военного округа и в электропечатне Товарищества «Приамурье». В 1894—1914 годах вышло 10 томов (в 25 выпусках).

Научно-издательская деятельность находились в ведении Совета ПОИРГО и редакционной комиссии. Совет передавал по принадлежности поступающие в отдел рукописи членам ПОИРГО для рассмотрения и заключения о целесообразности их опубликования. В обязанности Совета входило издание «Записок» и других трудов отдела. Назначаемые к печати сочинения, предварительно рассматривались избранными для того лицами и если соответствовали целям изданий отдела, то передавались Советом в состоящую при нём редакционную комиссию. Члены Совета и редакционной комиссии избирались на два года. Редакционная комиссия занималась распределением статей в «Записках», литературной редакцией, контролировала правильность и единообразие географических и других названий. Если комиссия считала необходимым внести в издаваемое сочинение какие-либо существенные исправления и изменения, то сообщала об этом автору, который в случае несогласия мог взять свою рукопись обратно. На каждом томе «Записок» или отдельной книге обязательно указывались данные о том, кто осуществлял наблюдение за ходом издания [6].

В период Русско-японской войны работа отдела почти прекратилась. Если в 1900 году в отделе числилось 260 человек, то в 1905 — всего 31. После окончания войны деятельность ПОИРГО несколько оживилась. Целую эпоху в научной деятельности отдела составили Сихотэ-алинские (Уссурийские) экспедиции В.К. Арсеньева, проведённые за период с 1906 по январь 1910 года. С июля 1910 года известный путешественник, исследователь Дальнего Востока, географ и писатель В.К. Арсеньев становится директором музея ПОИРГО.

Однако в отчёте за 1909 год отмечалось, что из-за возникших материальных затруднений ПОИРГО значительно сократил свою научно-издательскую деятельность и отказался от издания ближайшего выпуска «Записок» (очередной первый выпуск восьмого тома вышел только в 1912 году). Отсутствие финансирования грозило привести к полной ликвидации отдела [7]. Годы Первой мировой войны, интервенция на длительное время прервали работу отдела. Его возрождение состоялось уже в советское время в 1924 году благодаря переехавшему в Хабаровск В.К. Арсеньеву.

Все вопросы, касающиеся как выпуска, так и распространения книжной продукции, обсуждались на заседаниях Совета и общих собраниях сотрудников отдела. Так, на заседании Совета ПОИРГО 22 апреля 1916 года для устранения имевших место финансовых проблем постановили, во-первых, привлечь новых членов отела, а во-вторых, увеличить продажу изданий. В связи этим В.В. Солярский отметил, что, по словам директора музея В.К. Арсеньева, к тому времени ещё не были установлены расценки на лежащий без движения на складе последний выпуск «Записок». Однако исполняющий обязанности правитель дел К.К. Куртеев сообщил, что Совет давно утвердил «продажную цену» на книгу В.К. Арсеньева. Директор библиотеки Г.И. Брониковский заявил, что указанная книга уже продаётся и рассылается за плату [8]. В данном случае речь шла о последнем дореволюционном выпуске «Записок» (1914.

Т. 10, вып. 1), где был опубликован труд В.К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае». Эта книга была напечатана в Хабаровске в типографии Канцелярии Приамурского генерал-губернатора.

На заседании Совета 13 сентября 1916 года К.К. Куртеев предложил изменить порядок выпуска «Записок» и обязанности по их изданию, на тот момент всецело возлагаемые на правителя дел, передать вновь избранной редакционной комиссии. Совет постановил передать составление и издание очередного выпуска «Записок» редакционной комиссии, в распоряжение которой поступали все имеющиеся у правителя дел материалы. Членами редакционной комиссии были избраны В.К. Арсеньев, К.К. Куртеев, И.А. Лопатин, М.П. Львов, В.В. Солярский, И.Н. Сафонов [9].

Присутствовавший на общем собрании членов ПОИРГО 24 сентября 1916 года покровитель отдела Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти высказал пожелание опубликовать в «Записках» сообщение И.А. Лопатина «Любовь и брак у гольдов», заслушанное на этом же заседании, а также предложил материальное содействие в издании очередного выпуска «Записок». Председатель А.Г. Кедроливанский от имени Совета выразил признательность Н.Л. Гондатти и сообщил, что благодаря обещанной денежной поддержке очередной выпуск «Записок» будет подготовлен и издан в ближайшее время [10]. Однако планируемое издание так и не было осуществлено на что, естественно, не могли не повлиять военные и революционные события в стране.

На страницах «Записок» публиковались материалы по проблемам, связанным с освоением Дальнего Востока, развитием сельского хозяйства, рыболовства, пушного промысла, фабрично-заводской промышленности и судоходства. Здесь же помещались работы по различным вопросам географии, геологии, ботаники, зоологии, метеорологии, медицины, экономики и статистики. В «Записках» печатались разнообразные по жанрам и форме материалы. Среди них научные отчёты об экспедициях, дневники и описания путешествий, очерки, доклады, заслушанные на заседаниях, протоколы и т. д.

Сотрудники ПОИРГО уделяли большое внимание исследованию рек Амурского бассейна и проблемам судоходства по ним. Это работы И.С. Гущо «К вопросу о впадении реки Уссури в реку Амур» (1898. Т. 4, вып. 2), «Ответ на брошюру инженера П.П. Чубинского и статью, помещенную в июльской и августовской книжках журнала "Русское судоходство" за 1903 год» (1905. Т. 6, вып. 2), И.П. Надарова «Место впадения реки Уссури в реку Амур» (1898. Т. 4, вып. 2), П.П. Чубинского «Бар Амура и его низовое течение как водный путь для судов большой осадки» (1905. Т. 6, вып. 2), а также «О фарватерах лимана Амура, его южном и северном баре, улучшении судоходных условий лимана и низовом течении Амура от Хабаровска до Николаевска» (1905. Т. 6, вып. 2).

ПОИРГО занимался изучением населения, его бытового уклада, что нашло отражение в работах Б.О. Пилсудского «Нужды и потребности сахалинских поляков» (1898. Т. 4, вып. 4), К.Д. Логиновского и И.С. Колбасенко (он же Дудченко) «Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья. Станица Сретенская (Забайкальской области), ее народонаселение и санитарный быт» (1899. Т. 5, вып. 2). В «Записках» помещались и значительные по объёму труды. Например, работа врача И.С. Колбасенко «Рождаемость и смертность населения в городе Хабаровске в 1858–1895 годах» (1896. Т. 1, вып. 4), снабженная 3 таблицами (210 страниц).

ПОИРГО проводил многоплановые научно-практические и краеведческие исследования, что обусловило такую особенность публикуемых работ, как комплексность. Здесь следует отметить вышеупомянутый историко-этнографический очерк В.К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае» (1914. Т. 10, вып. 1), содержащий, как этнографические материалы, так и сведения в области географии, ботаники и зоологии Уссурийского края. Этот труд объёмом 204 страницы снабжен 22 иллюстрациями, 6 картами и сопровождается резюме на французском языке. В «Записках» ПОИРГО вышли также «Сведения об экспедициях капитана Арсеньева Владимира Клавдиевича (Путешествия по Уссурийскому краю 19000–1910 гг.). Из отчётов сообщений, сделанных Арсеньевым в заседаниях членов отдела» (1912. Т. 8, вып. 2) В.К. Арсеньева.

ПОИРГО издавал не только научную, научно-популярную и научно-практическую литературу, но и ведомственную. С 1897 по 1916 год вышло 10 «Отчётов». Ряд «Отчётов» был опубликован на страницах «Запи-

сок» и отдельными оттисками. С целью популяризации деятельности отдела в качестве приложений к «Приамурским ведомостям» в 1894–1895 гг. издавались «Журналы Распорядительного комитета ПОИРГО», «Протоколы собраний» и «Журналы Советов». В основном они были незначительны по объёму (от 1 до 7 страниц). Исключение составил «Протокол общего собрания и журналы Совета ПОИРГО: апрель 1894 г. – апрель 1895 г.» (1895), напечатанный в типографии Штаба Приамурского военного округа отдельным изданием объёмом 71 страница. В дальнейшем журналы и протоколы заседаний помещались на страницах «Записок» в ежегодных отчётах. В виде оттисков из «Записок» вышли также «Действия ПОИРГО» за 1895 и 1897 годы.

ПОИРГО публиковал сведения о работе своих научно-вспомогательных учреждений – библиотеки и музея. Первый выпуск «Каталога Николаевской публичной библиотеки ПОИРГО» был издан в 1894 году в Хабаровске. В него вошли следующие отделы: 1) Медицина, гигиена и ветеринария, 2) География и путешествия, 3) Языкознание и история литературы, критика, библиография и биографии, 4) сельское хозяйство. Во втором выпуске каталога, напечатанном в 1898 году, было три раздела: 1) детские книги и для народного чтения, 2) беллетристика, 3) периодические издания [11]. Объём первого выпуска —115 страниц, второго — 119 страниц. В 1898 году вышел третий выпуск каталога.

ПОИРГО издавал каталоги по отделам библиотеки. Так, в 1908 году были составлены и подготовлены к печати каталоги двух отделов Николаевской публичной библиотеки ПОИРГО: по русской и переводной беллетристике. На их издание тиражом 500 экземпляров потребовалось около 860 руб. [12]. В отчёте за 1908–1909 годы отмечалось, что каталоги по русской и иностранной беллетристике отпечатаны, подготовлен каталог детских книг и заканчивалась работа по составлению и печатанию каталога книг «Сибирского отдела». Однако в конце 1909 года из-за возникших материальных затруднений ПОИРГО был вынужден временно отказаться от издания каталогов библиотеки [13].

В «Каталоге Николаевской публичной библиотеки ПОИРГО. Отдел переводной беллетристики» (1909), отпечатанном в хабаровской электропечатне Товарищества «Приамурье», материал располагался в алфавитном порядке без общей нумерации. Здесь же был помещён «Каталог переводов неизвестных авторов». Помимо библиографического описания был указан шифр с отметкой о местоположении издания на книжных полках. По такому же принципу располагался материал в «Каталоге Николаевской публичной библиотеки ПОИРГО. Отдел русской беллетристики» (1909), включавший «Каталог сочинений русских неизвестных писателей», то есть сочинения под заглавием.

Очередной «Каталог Николаевской публичной библиотеки ПОИРГО. Вып. 1. Амурский отдел» вышел в 1912 году. Расположение материала было аналогично предыдущим выпускам, отдельно были вынесены списки иностранных изданий и периодики. В 1913 году был издан второй выпуск этого же каталога – «Азиатская Россия и Кавказский край». Издание значительно по объёму – 418 страниц.

На начало 1914 года были составлены и подготовлены к печати каталоги по следующим отделам: география и история литературы. Завершалась работа над каталогом по естественноисторическому отделу. Издание каталогов планировалось осуществить на средства, которые отдел предполагал получить от Хабаровской Государственной Думы (на 1914 год было запланировано увеличение ежегодной субсидии на содержание библиотеки до 2000 руб.) [14]. Однако каталоги изданы не были и, по всей видимости, субсидия тоже не была получена.

ПОИРГО печатал и каталоги коллекций музея. В 1900 году вышло два выпуска «Каталога музея»: первый под названием «Лесной отдел», второй – «Фауна Амурского края. Птицы».

Помимо каталогов библиотеки и музея вышли в свет труды, подводящие итоги деятельности за определённый период. В 1899 году в типографии Канцелярии Приамурского генерал-губернатора был напечатан «Краткий очерк возникновения и деятельности Николаевской публичной библиотеки ПОИРГО за первое 4-летие её существования: с 1895 по 1898 г. и отчет за 1898 г.». В 1913 году в той же типографии вышла в свет «Краткая история Приамурского отдела ИРГО за 20 лет. 1893–1913».

ПОИРГО было издано несколько уставов и положений. В 1895 году в Хабаровске в типографии М.А. Тырнова был напечатан

«Устав ИРГО и Положение о Приамурском его отделе». Необходимо отметить, что положение об отделе выходило и ранее в 1894 году в Санкт-Петербурге. Впоследствии в 1908 году в Хабаровске было издано ещё одно «Положение о Приамурском отделе ИРГО и устав общества».

Отдельными изданиями в местных типографиях вышли «Празднование Приамурским отделом Императорского Русского географического общества пятидесятилетия водружения русского флага на устье реки Амура» (1900) и доклад С.Н. Ванкова «О рациональном водоснабжении города Хабаровска» (1901).

В заключение следует отметить, что издательская практика Приамурского отдела ИРГО сыграла положительную роль в информационном освещении результатов новых открытий, направленных на освоение региона, в популяризации достижений сотрудников отдела среди широких кругов общественности. Приведенные выше факты из истории издательской деятельности ПОИРГО свидетельствуют об его существенном вкладе в развитие дальневосточного книгоиздания.

Список использованных источников

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 3. Д. 225. Л. 52–53.

2. РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 707. Л. 18–18об.

3. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1а.

4. РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 707. Л. 6.

5. ГАХК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 64.

6. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 225. Л. 55–56.

7. Там же. Л. 250.

8. ГАХК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.

9. Там же. Л. 10.

10. Там же. Л. 11об.

11. Там же. Д. 3. Л. 3об.

12. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 225. Л. 189об–189а.

13. Там же. Л. 250, 254.

14. ГАХК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4. Л. 60об–61.

Ежеля Ульяна Васильевна,
доцент кафедры «Теория и история государства и права» Дальневосточного государственного университета путей сообщения, кандидат исторических наук

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОМ КОРПУСЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

На протяжении более семи десятилетий существования вуза женщины – преподаватели Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС) выполняют свою особую миссию. Они привносят в учебный процесс атмосферу особого расположения к студенту, сопереживая его успехам и неудачам. В личности женщины-преподавателя сосредоточены такие качества как требовательность и мягкость, компетентность и толерантность. Автор рассматривает динамику роста преподавательских кадров из числа женщин, их квалификационный уровень, умение работать в современных условиях высоких требований.

Первый технический вуз в Хабаровске

В первые годы своего существования Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта (ХабИИЖТ) имел статус сугубо технического, с «мужским характером», высшего учебного заведения. Три факультета, образованные в 1939 году – движение и грузовая работа; паровозное хозяйство; постройка железных дорог и путевое хозяйство – предполагали приём и обучение мужского контингента. Сказывалась специфика труда железнодорожников, да ещё в условиях пограничного Дальнего Востока в предвоенные годы. Однако и в стенах такого серьёзного учебного заведения нашлось место слабому полу – и среди преподавателей, и среди студентов. Это объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, профессия инженера путей сообщения во все времена была очень уважаемой в России. Железнодорожный институт в Хабаровске был первым высшим техническим учебным заведением в

городе. Во-вторых, квалифицированных преподавательских кадров для высшей школы в те годы, особенно на Дальнем Востоке, было недостаточно. Первыми преподавателями, как известно, были выпускники, аспиранты и опытные специалисты из Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Владивостока. Свои собственные кадры стали формироваться из числа первых выпускников ХабИИЖТа. Специалисты с высшим образованием на железных дорогах Дальнего Востока в 1930-40-е годы были огромным «дефицитом». Дальневосточная, Забайкальская, Восточно-Сибирская железные дороги работали в очень интенсивном режиме и им необходимы были инженеры и техники. С этими обязанностями, наряду с мужчинами, справлялись и женщины, причём, добросовестно и качественно. Нельзя забывать об особенностях социально-политической атмосферы в стране в 20-40-е годы XX века, когда женщины были впервые вовлечены в общественную жизнь, а также на равных с мужчинами участвовали в трудоёмких производственных процессах.

В силу перечисленных причин, среди курсантов школ военных техников в Иркутске и Хабаровске, а также студентов ХабИИЖТа, всегда были девушки. Так, в 1945 году из 45 выпускников трёх факультетов дальневосточного вуза дипломы инженеров получили 18 девушек, причём один из них – «красный» [1, с. 146; 2].

Как свидетельствуют архивные источники, в первые годы существования вуза женщин-преподавателей на технических кафедрах практически не было, тем более кандидатов наук. В 1945 году из 74 преподавателей ХабИИЖТа, работавших на 24 кафедрах, женщины составляли лишь единицы и работали на двух-трёх кафедрах (общеобразовательных и гуманитарных) [1, с. 192]. Кандидаты и доктора наук (соответственно, 21 и 2 преподавателя) были мужчины [16, с. 32]. Даже должность старшего преподавателя была прерогативой мужчин. В течение следующих десяти лет в вузе произошли некоторые кадровые подвижки. По отчётам 1955 года мы видим следующую картину. Несколько увеличилось число кафедр, их стало 25. Значительно возросло количество преподавателей, до 166. Женщин было по-прежнему мало – 24, половина из них – на должности старшего преподавателя. Они работали на кафедрах: общественно-политических дисциплин, «Высшей математики», «Иностранных языков» (на всех трёх в равном соотношении с мужчинами), а также в небольшом количестве на «Физике», «Химии», «Графике». И лишь на одной из сугубо технических кафедр – «Основания и фундаменты» на должности старшего преподавателя работала Л.И. Даниловская. Муж Лидии Ивановны – Михаил Павлович, в будущем ректор Хабаровского политехнического института, в те годы работал старшим преподавателем на кафедре «Мосты и конструкции» [3].

«Эпоха В.И. Дмитренко»

Последующие десятилетия 60-70-х годов вместили в себя развитие научно-исследовательской и материально-технической базы института, становление научно-педагогического коллектива, добрых студенческих традиций. Профессорско-преподавательский коллектив ХабИИЖТа, под руководством ректора В.И. Дмитренко, пополнился целой плеядой талантливых преподавателей, учёных, среди которых достойное место заняли женщины. Мы видим из архивных документов, что в 1960-е годы женщины, хоть и в очень ограниченном количестве, уже были среди руководителей дипломных проектов на выпускающих кафедрах. В 1965 году на Эксплуатационном факультете руководителем дипломного проекта по теме «Реконструкция сортировочной горки» была преподаватель В.Е. Самсонова [4]. В дальнейшем, с появлением в вузе женщин с научной степенью, количество руководителей дипломников из их числа увеличивалось год от года. В 60-70-е годы женщины стали входить в Советы факультетов и так называемый большой Совет института. В 1970 году в состав одного из Советов входили две женщины (директор библиотеки и ст. преподаватель кафедры «Высшая математика») [7].

В середине 60-х годов в штате технических кафедр и Вычислительного центра (ВЦ) стали появляться первые доценты из числа женщин. Например, Меер Галя Ивановна (доцент кафедры «Строительные работы и машины»), Мазур Нина Николаевна (руководитель ВЦ) [6; 13. с. 45, 177].

Защита кандидатской диссертации, наряду со многими обязанностями, открывала перед женщинами-преподавателями вуза многие ступени преподавательской, общественной, а также руководящей работы. Администрация вуза была очень заинтересована в появлении научных кадров из числа своих выпускников. Первой обладательницей учёной степени из числа выпускниц ХабИИЖТа стала Нина Николаевна Мазур. После окончания института в 1961 году, она была направлена в целевую аспирантуру Всесоюзного научно-исследовательского ин-

ститута железнодорожного транспорта (ВНИИЖТ), успешно окончила её, защитилась в срок и вернулась в родной вуз кандидатом технических наук. Как известно, в 1962 году в ХабИИЖТе впервые на Дальнем Востоке был образован Вычислительный центр, на базе которого организовывались курсы подготовки для работы на первых ЭВМ, а затем специальные помещения для обучения студентов. Самые заинтересованные в новшестве женщины – сотрудницы и студентки – затем добились больших успехов в науке именно благодаря вычислительной технике. Значительное время Н.Н. Мазур возглавляла Вычислительный центр, а затем кафедру «Управление эксплуатационной работой». В 1970-80-е годы разработки по информационной автоматизированной системе, выполняемые коллективом кафедры, были очень актуальны и востребованы на железных дорогах Дальневосточного региона. Применяли вычислительную технику в своих научно-исследовательских работах Любовь Александровна Красикова, Вера Никитовна Кучма, Вера Александровна Телегина. В дальнейшем все они успешно закончили аспирантуру Московского института инженеров транспорта (МИИТ) и ВНИИЖТа, защитили кандидатские диссертации. В течение многих лет они являются видными специалистами в области автоматизированных систем управления на транспорте (В.Н. Кучма), контейнеризации грузовых перевозок (Л.А. Красикова), технологии работы паромных переправ (В.А. Телегина) [15, с. 177].

В 1960-е годы, наряду с техническими, в нашем вузе появились экономические специальности, что явилось качественно новым этапом в студенческой жизни «железки». Атмосфера становилась более демократичной и, наверно, более многообразной.

Большой вклад в развитие экономических кафедр, подготовку квалифицированных кадров в 1960-70-е годы внесли женщины – педагоги, учёные, практические специалисты. Среди них – доценты М.Н. Выродова, С.П. Качалова, Т.М. Войтенкова, Г.К. Шкуропацкая, Г.И. Соболева, Л.И. Куничкина. Огромный опыт работы был у Татьяны Мефодьевны Войтенковой, пришедшей в ХабИИЖТ с должности руководителя планово-экономического отдела Хабаровского отделения Дальневосточной железной дороги. В 1963 году она стала заведовать кафедрой «Экономика транспорта», а в 1974 году возглавила только что открывшуюся кафедру «Бухгалтерский учёт». Научно-исследовательский коллектив кафедры «Экономика транспорта» проводил на предприятиях дороги социологические исследования, имевшие прямое практическое значение для прогнозирования и организации производственной деятельности трудовых коллективов. За многолетнюю плодотворную работу по подготовке квалифицированных кадров в области экономики Т.М. Войтенковой было присвоено звание почётного железнодорожника [16, с. 97, 99].

В 70-е годы в связи с заметным количественным и квалификационным ростом преподавателей-женщин, они стали более широко привлекаться в состав государственно-экзаменационных комиссий (ГЭК) в качестве научных руководителей дипломников. Так, в 1975 году из 18 ГЭКов только в трёх не было женщин, а во всех остальных, наряду с мужчинами, работали по одной или двум женщинам [8]. Медленнее вовлекались они в методический Совет вуза – в 1981 году из 20 его членов были только двое женщин (доценты Т.С. Красовская и Л.В. Утина) [9].

Очень значителен вклад коллектива железнодорожного института в строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМ) (1974-1984 гг.), в том числе и женщин. Так, например, в 1984 году коллектив научно-исследовательской лаборатории «Основания и фундаменты» под руководством В.А. Дербас был удостоен диплома ВЦСПС и Госкомитета по науке и технике при Совете Министров СССР. При этом отмечался вклад в научную работу лаборантов Л.Н. Некрасовой и С.М. Ждановой (в дальнейшем профессора) [15, с. 98]. Пригодилась в условиях БАМа проводимая ранее работа на кафедре «Химии» (заведующий доцент Н.А. Соснина), сотрудники которой разработали метод удаления минеральных отложений и нагарообразования в дизелях тепловозов. Внедрение изобретения только в одном депо составило экономический эффект 70 тысяч рублей в год [15, с. 86].

Современные успехи педагогического коллектива

Кардинальные преобразования в обществе, новые тенденции в системе высшего образования в конце 1980-х – 90-е годы, не миновали и ХабИИЖТ. В 1988 году, впервые в истории института, на конкурсной основе состоялись выборы ректора. На этот пост был избран Виктор Григорьевич Григоренко, с деятельностью которого связаны многие успехи дальневосточного вуза Министерства путей сообщения (МПС). В 1993 году ХабИИЖТ получил статус академии и стал называться Дальневосточной государственной академией путей сообщения (ДВГАПС).

В 1997 году по итогам отраслевого соревнования среди вузов МПС академии пятый раз подряд было присуждено первое место. В этом же году ДВГАПС была преобразована в Дальневосточный университет путей сообщения. В 1990-е годы в вузе появились новые специальности, факультеты, создан центр подготовки научных кадров. Среди новых факультетов 90-х годов – Экономики и менеджмента, Естественно-научный, Воздушных сообщений, Социально-гуманитарный. Подготовка специалистов велась по 12 специальностям (32 специализации и 37 профилей). К концу 80-х годов очень изменился гендерный состав студентов ХабИИЖТа. На 1 марта 1988 года среди студентов дневного обучения в среднем было 53% мужчин. По отдельным специальностям ещё меньше: «Строительство железных дорог» – 47%, «Промышленное и гражданское строительство» – 40%, «Управление процессом перевозок» – 27% [15, с. 175]. Эти показатели являются своеобразным срезом социально-экономических изменений, произошедших в советском обществе: слабый пол настойчиво и убедительно проявлял свои сильные качества. Эта «медаль» имела две стороны, так как очевидной была тенденция к увеличению процента занятости женщин в традиционно неженских сферах труда, в том числе и на железнодорожном транспорте.

В 1992 году кадровая картина среди преподавателей выглядела следующим образом. Количественный состав – 572 человека (с совместителями). Общее число кафедр – 40. Женщины работали уже на 27 из них, а заведующими были на семи кафедрах [10]. В 1992 году среди 60 членов Учёного Совета института количество женщин составляло от трёх до семи, в основном, это были руководители кафедр [11].

Ещё более внушительных успехов достиг научно-педагогический коллектив университета в наши дни. В 2007 году, юбилейном для ДВГУПС, корпус преподавателей, работавших непосредственно в вузе, составил 568 человек (штатных работников). Количество женщин-преподавателей увеличилось до 280, что свидетельствовало о равном соотношении мужского и женского секторов в техническом вузе. Количество кафедр составило 48, десять из которых возглавляли женщины. Среди них технические кафедры: «Управление эксплуатационной работой», «Информационные технологии и системы», естественно-научные кафедры: «Химия и экология», «Высшая математика», экономические кафедры: «Экономическая теория» и «Бухгалтерский учёт», гуманитарные кафедры: «Психология», «Иностранные языки», «Русский язык», «Социально-культурный сервис и туризм», «Гражданское, предпринимательское и транспортное право». В 2009 году к их числу добавилась кафедра «Финансы и кредит». На равных с мужчинами женщины ДВГУПС занимаются научно-исследовательской работой, успешно совмещая её с основной деятельностью – учебным процессом. Об этом свидетельствуют показатели квалификационного уровня преподавателей. В 2007 году из 244 штатных должностей доцентов 128 приходились на преподавателей-женщин, то есть, перевес в пользу прекрасной половины [12]. Всё более внушительными становятся профессорские кадры. В 2007-2009 годах их число перешагнуло за 70 (60 – мужчин, 11 – женщин), и эти показатели вдвое выше по сравнению с 1997 годом. [13, с. 240; 14, с. 109]. В 2009/10 учебном году над докторской диссертацией успешно работают ещё несколько преподавателей-женщин на гуманитарных и технических кафедрах.

«Хрустальное сердце педагога»

Хотелось бы более пристально остановиться на успехах женщин в преподавательском коллективе ДВГУПС. Первыми имеет смысл рассмотреть технические кафедры, без которых немыслима подготовка инженерных кадров для железных дорог. Привычной стала преподавательская деятельность женщин на кафедрах, ранее считавшихся сугубо мужской специализацией. Это коллективы кафедр Института транспортного строительства: «Изыскания и проектирование железных дорог», «Здания и сооружения», «Основания, фундаменты, путь и путевое хозяйство», «Мосты», «Строительное производство», «Строительные материалы» а также кафедры Института Управления, автоматизации и телемеханики (УАТ): «Управление эксплуатационной работой» (ранее – «Организация движения поездов»), «Станции, узлы и грузовая работа».

Светлана Васильевна Макарова – ветеран преподавательского корпуса строителей, ей в 2009 году исполнилось 75 лет. В 1959 году она окончила факультет «Строительство железных дорог, путь и путевое хозяйство», в 1959-1965 годах работала в организации «Дальгипрошахт», участвуя в проектировании и строительстве автомобильной и железной дороги к угольному разрезу в Лучегорске. С 1965 года и поныне Валентина Васильевна в штате кафедры «Изыскания и проектирование железных

дорог», она старший преподаватель, автор многих методических пособий и указаний. На этой же кафедре успешно преподают: доцент Наталья Леонидовна Скрипачева, старшие преподаватели Светлана Михайловна Бельская (бессменный куратор студенческих групп), Лидия Андреевна Каверина (в 2005 году награждена Почётной грамотой министра транспорта И.Е. Левитина). На кафедре «Здания и сооружения» много лет работает доцент Лариса Николаевна Рудых – преподаватель, много времени и сил отдающий студенческой научной работе. Под её руководством подготовлены интересные дипломные проекты, она активно участвовала в сборе материала по истории кафедры.

Романтиком мостостроения можно назвать Галину Михайловну Боровик, доцента кафедры «Мосты». В 1970 году она окончила ХабИИЖТ, получив специальность «Инженер путей сообщения, строитель». В 1970-72 годах работала в качестве геодезиста-проектировщика на Сахалине, получив хороший практический опыт. Вернувшись в свой родной институт, вместе с коллегами участвовала в создании лаборатории «Мостовых конструкций» (1972-76 гг.). Кафедра «Мосты и тоннели» была образована в 1974 году. С этого времени преподавательская деятельность Галины Михайловны плодотворно связана с этим коллективом. В 1984 году в Новосибирском институте инженеров железнодорожного транспорта состоялась успешная защита её диссертации, редкое явление для женщин-«мостовиков», так как сегодня подобных кафедр в железнодорожных вузах России осталось всего четыре. Основная область научных интересов Галины Михайловны – оценка параметров надёжности эксплуатации мостов и труб. Она автор монографии и многих учебных пособий, посвящённых проблемам мостостроения. Одна из самых последних работ, изданных в соавторстве с Борисом Николаевичем Смышляевым – «Уникальные мосты и тоннели на железных дорогах Дальнего Востока. История строительства и реконструкции» (2009 г.). Очень актуальная работа, интересная в техническом и историческом плане.

Светлана Мирзахановна Жданова пришла работать в ХабИИЖТ в 1982 году, будучи опытным инженером-проектировщиком. С 1982 по 2007 год она прошла путь от младшего научного сотрудника научно-исследовательской лаборатории «Основания и фундаменты» до профессора, доктора технических наук. Также на кафедре «Основания, фундаменты, путь и путевое хозяйство» преподают доценты: Наталья Павловна Грачёва, Лилия Леонидовна Севастьянова, Людмила Андреевна Баранова (зам. директора Института транспортного строительства по воспитательной работе), прошедшие поступательно многие ступени педагогической и научной квалификации.

Признанным специалистом является Вера Александровна Телегина (кафедра «Станции, узлы и грузовая работа» (СТУиГР). Вся её трудовая деятельность связана с нашим университетом и являет собой удивительный пример того, как женщина, дипломированный инженер (не педагог по образованию) смогла реализоваться в качестве талантливого преподавателя и организатора учебно-воспитательной работы на кафедре и в Институте Управления, автоматизации и телемеханики. Вера Александровна окончила факультет «Эксплуатация железных дорог» в 1976 году, работала инженером в Вычислительном центре, затем в качестве преподавателя на кафедре. В 1981-1983 годах – обучение в аспирантуре МИИТ и в 1984 году успешная защита кандидатской диссертации. В 1985 году уже в должности старшего преподавателя Вера Александровна продолжила работу на кафедре «СТУиГР», а вскоре ей предложили заведовать этим коллективом и избрали доцентом. Так она в 31 год стала руководителем очень серьёзной, выпускающей кафедры. Но через два года этот процесс прервался по уважительной причине, ей предстояло стать мамой и заняться детьми. В 1992 году, когда сыну было четыре, а дочери два года, Вера Александровна вернулась на кафедру в качестве заведующего (1992-2001 гг.). Именно в эти годы, очень сложные в целом для нашего общества, вспоминает она, необходимо было удержать кадры, поддержать студентов, особенно иногородних, не снизить требования к учебному процессу. Сложно было и её семье с двумя детьми. Но все трудности были преодолены. В работе было много интересного. Так в 1993 году на железнодорожном транспорте начали внедрять автоматизированные рабочие места (АРМы). Реализовывать эту программу довелось именно нашим специалистам из ХабИИЖТа, готовым более профессионально обучать работников дороги. В.А. Телегина рассказывает, как сначала боялись непонятных машин товарные кассиры – женщины со станций, депо. А когда овладели новой техникой, были очень благодарны. Нововведение значительно облегчило их труд.

С 2007 года по настоящее время Вера Александровна совмещает большую учебную нагрузку с работой заместителя директора Института УАТ. По итогам 2008/2009 гг.

студенческий коллектив занял 1 место среди учебных подразделений вуза. В.А. Телегина за многолетнюю и плодотворную педагогическую деятельность награждена именными часами, а также Почётной грамотой МПС. В 2009 году первой из преподавателей нашего вуза была удостоена знака «Хрустальное сердце педагога».

Хорошо знакомы в преподавательской среде специалисты, много лет работающие на кафедре «Управление эксплуатационной работой»: Валентина Васильевна Широкова, кандидат педагогических наук, доцент, а также Татьяна Николаевна Каликина, кандидат технических наук, доцент, заведующий этой кафедрой.

Более 40 лет неразрывно связаны с учебным процессом Вычислительный центр и кафедра «Информационные технологии и системы». Сегодня невозможно представить организацию всех структур университета без вычислительной техники. На кафедре уже много лет успешно работают опытные преподаватели – Вера Никитовна Кучма (зав. кафедрой, профессор), Людмила Петровна Березюк (доцент), Валентина Ивановна Шестухина (кандидат педагогических наук, доцент), Наталья Петровна Светличная (доцент), а также последующие поколения преподавателей. Заслуженным авторитетом в этом «матриархате» пользуется В.Н. Кучма, плодотворно работающая и в настоящее время. Она является теоретиком и практиком программного обеспечения в вузе: автор нескольких монографий, а также учебных пособий, размещённых в электронном виде в локальной сети ДВГУПС. Ею разработаны программы расчёта заработной платы, гибкого графика расписаний занятий для диспетчерской, АРМы деканата. Проблема «Моделирования системы обучения информационным технологиям в техническом вузе» стала темой кандидатской диссертации В.И. Шестухиной (2006 г.). Преподаватели кафедры не только задействованы в учебном процессе, но и нередко проводят курсы по обучению персонала сотрудников современным методам работы в режиме АСУ.

Крепким и перспективным коллективом с основательными традициями и научной школой является кафедра «Физики» (заведующий – профессор В.И. Строганов). И здесь с успехом работают женщины-преподаватели. Среди них доценты Людмила Леонидовна Коваленко, Татьяна Константиновна Толкунова, которые в течение целого ряда лет передают свои знания и опыт нашим студентам. Практически женским коллективом в нашем вузе является кафедра «Высшей математики» (заведующая – Полина Витальевна Виноградова, доцент), преподаватели которой терпеливо и настойчиво работают со студентами самых разных профилей и специализаций. В их числе опытные педагоги – Элеонора Дмитриевна Кононенко, Марианна Альбертовна Городилова, Галина Викторовна Костина, Валентина Ивановна Жукова, Людмила Николаевна Гамоля и другие. Не всем даются эти «точные» науки, но без них невозможно овладеть технической профессией.

Кафедру «Химии и экологии» с 2005 года возглавляет Людмила Ивановна Никитина, доктор биологических наук, профессор. Преподавательский состав кафедры – 10 человек, из них 9 женщин (два доктора наук, один доктор транспорта и пять кандидатов наук), то есть, очень высокий показатель квалификации. Многие знают Наталью Александровну Соснину (кандидат технических наук, профессор, доктор транспорта) – одного из старейших преподавателей этой дисциплины в вузе.

Свой исторический путь длиною в 70 лет прошли экономические и гуманитарные кафедры технического вуза. В советских традициях 30-40-х годов XX века основной обществоведческой дисциплиной в ВУЗах была марксистко-ленинская философия, которую преподавала соответствующая кафедра. Так было и в ХабИИЖТе. В 1965 году, в связи с расширением содержания учебно-образовательного процесса высшей школы, эта кафедра была реорганизована. Были созданы три новые самостоятельные кафедры: «Философия и научный коммунизм» (9 человек, из них 2 женщины), «История КПСС» (соответственно 8/3) и «Политическая экономия» (7/1). Руководили вновь созданными коллективами преподаватели-мужчины, кандидаты наук, доценты (Э.Г. Фишер, А.Д. Сойка, В.И. Серегин) [5, с. 271]. Интересный факт в этом же документе – единственной женщиной в составе кафедры «Политическая экономия» была Эльвира Николаевна Задорнова, дочь известного дальневосточного писателя. В последующие годы на базе кафедры «Философия и научный коммунизм» были образованы две самостоятельные одноименные кафедры.

Так было до конца 1980-х – начала 90-х годов. В эти годы в советском и постсоветском обществе происходили кардинальные перемены, ставшие наиболее ощутимыми для кафедр общественно-экономического цикла, где была сильная идеологическая составляющая. Изменение содержания нескольких дисциплин (истории, философии, политэкономии, экономики труда) неизбеж-

но привело к созданию новых рабочих программ, иной стратегии и методики преподавания. Так «Политическая история» пришла на смену курсу «Истории КПСС». А затем в середине 90-х годов была утверждена дисциплина «Отечественная история», успешно преподаваемая и сегодня. В сложный период 1990-х годов на кафедре истории был организован и до сих пор функционирует исторический клуб «Версия». Преподаватели истории и студенты 1,2 курсов обсуждали не только острые социально-политические события тех лет, но и старались восполнить многочисленные «белые пятна» российской истории. В «копилке» наших историков несколько побед в конкурсах студенческих рефератов. Среди них три вторых и одна третья премия в «Студенческой весне», первое место в республиканском конкурсе, посвящённом 55-летию Великой Победы в 2000 году.

На смену идеологизированной «Политэкономии» пришёл новый, теоретически и практически более глубокий курс «Экономической теории», заметно расширивший горизонты познания и практического понимания микро и макроэкономики. Что и говорить, это было достаточно противоречивое и конфликтное время для коллективов общественно-экономических кафедр, так как у всех были различные политические и, порой, морально-этические взгляды на историческое прошлое и современный процесс. Изменения проходили болезненно. Но, к счастью, у преподавателей-педагогов было общее призвание и дело, которое связывало и объединяло их в единый коллектив. Учебно-воспитательный процесс, верность ему, ответственность перед студентами за свои слова оказались важнее личных политических пристрастий. Все эти годы руководителями указанных кафедр были женщины – Анна Николаевна Гридунова (доцент, кандидат исторических наук) и Татьяна Ивановна Островская (доцент, кандидат экономических наук, зав. кафедрой «Экономическая теория» и поныне).

В 1993 году был основан Институт экономики и менеджмента. В 2007 году коллектив преподавателей этого подразделения составил почти 100 человек, половина из них – преподаватели с учёной степенью [16, с. 98]. Основной состав – женщины. Среди них преподавателями-«старожилами» являются Идея Григорьевна Надворная, Людмила Никифоровна Лапаева, Татьяна Ивановна Островская, Елена Владимировна Гусарова, Татьяна Ивановна Варлашкина, Лариса Константиновна Шайкина.

Людмила Никифоровна Лапаева после окончания в 1963 году Иркутского института народного хозяйства начала свою трудовую биографию в качестве преподавателя дисциплины «Экономика строительства» на кафедре «Строительное производство» Автодорожного института (ныне Тихоокеанский государственный университет). После организации экономического факультета она становится старшим преподавателем кафедры «Экономика, организация и планирование строительства». Затем была аспирантура в Московском институте управления, где Людмила Никифоровна подготовила кандидатскую диссертацию и успешно её защитила в 1977 году. В их семье родилась вторая дочь – Анастасия. Вскоре Л.Н. Лапаева продолжила работу на своей кафедре уже в должности доцента. Приходилось многое успевать, совмещая преподавание, науку и семейные заботы. В 1983 году в семье появился третий ребенок. В 1994 году, спустя одиннадцать лет, Людмила Никифоровна становится профессором и переходит работать в ХабИИЖТ на кафедру «Бухгалтерский учёт» на эту же должность. Вот уже 16 лет, как она является руководителем коллектива этой кафедры, в составе которой на начало 2010 года 26 преподавателей, в основном, женщин, а также трое мужчин (профессор, доцент и старший преподаватель). Людмила Никифоровна – удивительно мягкий и в то же время ответственный человек. Она является одним из самых опытных преподавателей-экономистов в вузе. Много сделала для развития и сохранения стабильного, современного коллектива своей кафедры. Л.Н. Лапаева пользуется заслуженным уважением в Институте экономики, её хорошо знают и ценят специалисты-практики.

Татьяна Ивановна Островская – выпускница Дальневосточного института советской торговли 1969 года (г. Владивосток). По окончании вуза была направлена по распределению в Хабаровский техникум советской торговли в качестве преподавателя. После трёх лет успешной работы ей предложили стать преподавателем курса политической экономии в ХабИИЖТе. Так в 1972 году она стала преподавателем кафедры, заведовал которой в те годы Василий Иванович Серёгин. Наряду со старшим преподавателем Зинаидой Павловной Щепиной они, как вспоминает Татьяна Ивановна, очень способствовали её адаптации в новом коллективе. Затем были годы напряжённой, но интересной преподавательской работы, которую необходимо было совмещать с научным поиском. И результат был успешным. В 1983 году, через год после

рождения второго ребёнка, Татьяна Островская защитила кандидатскую диссертацию, стала доцентом. С 1989 года практически бессменно она является руководителем кафедры, которая по праву считается одной из самых профессионально организованных в вузе. Т.И. Островской присущи высокий профессионализм, работоспособность, терпение, которые сочетаются с удивительной скромностью и искренней заботой о своем коллективе. У наших опытных специалистов подросла и окрепла достойная смена на преподавательском поприще. На экономических кафедрах работают молодые учёные: Наталья Николаевна Надворная (кандидат экономических наук, доцент), Анастасия Владимировна Лапаева, Павел Юрьевич Островский, которым предстоит защита диссертаций.

Социально-гуманитарный институт создан на базе гуманитарного факультета в 2006 году и объединяет 9 кафедр. Он ведёт подготовку по четырём специальностям. На начало 2010 года в его составе работают 22 доктора наук (среди них пятеро – женщины), более 60 кандидатов наук (большинство из них – женщины) [16, с. 105]. Среди известных в регионе учёных – Клара Ивановна Воробьева (доктор психологических наук, зав. кафедрой «Психология», председатель диссертационного совета по психологии), её коллеги – доктора психологических наук Людмила Викторовна Яссман, Тамара Хасьямовна Невструева. Профессиональный состав кафедры «Психологии», основательная научная школа, прекрасные лабораторные условия – это базовый потенциал для эффективной практической деятельности. Силами кафедры с самых первых лет её существования проводились многовариантные социально-психологические исследования (анкетирование, тестирование), позволяющие увидеть широкую картину настроений, точек зрения студентов. Несколько лет назад профессором К.И. Воробьевой был подготовлен очень интересный доклад, обобщивший исследования, предметом которых был образ преподавателя нашего вуза, каким его видят студенты разных специальностей. В списке насущных задач наших преподавателей-психологов проблемы адаптации первокурсников, профилактика суицидальных случаев, формирование активной жизненной позиции молодёжи, вопросы инженерной психологии.

На кафедре «Философия» преподаёт доктор философских наук, профессор Виктория Викторовна Вальковская, автор курса «Концепции современного естествознания», в сфере её интересов проблемы социальной экологии, конфликтологии. Серьёзную учебную и научную работу она успешно сочетала с обязанностями заведующей кафедрой. Доктор педагогических наук Надежда Григорьевна Григорьева – профессор кафедры «Социальная работа и социология».

Нашим женщинам удается совмещать научную работу с административной и общественной деятельностью. Клара Ивановна Воробьева – депутат Хабаровской городской думы, директор Института психоанализа. Надежда Григорьевна Григорьева – первая из женщин нашего вуза проректор по воспитательной работе.

На кафедре «Социально-культурный сервис и туризм», сравнительно молодой в Социально-гуманитарном институте, сформировался творческий, сплочённый коллектив единомышленников. Заведует кафедрой Лариса Валерьевна Ковынева, кандидат экономических наук, доцент. Каждый преподаватель имеет свою личную и педагогическую «изюминку». Но все они продолжают добрые традиции основателя кафедры Лидии Павловны Романенко. Человеком, известным за пределами ДВГУПС является Валентина Владимировна Костанди – преподаватель, музыкант, кандидат культурологии, организатор и участник музыкальных вечеров, а ещё и мать троих детей и очень обаятельная женщина. Совмещать всё это непросто, но у неё получается. Немалых усилий и её большого желания стоило обрести университету своей собственный белый рояль. Это произошло несколько лет назад, как раз на 10-летие клуба любителей классической музыки «Ренессанс». Красивый музыкальный инструмент стал своеобразным символом творческого интеллекта технического вуза, его будущих возможностей.

Практически полностью женским коллективом является кафедра «Иностранные языки», преподаватели которой работают во всех учебных подразделениях университета со студентами 1-3 курсов. Это самая большая кафедра в вузе. В её штате 45 человек, из них 9 кандидатов наук. Заведует кафедрой Елена Александровна Яшкина, кандидат филологических наук. Прекрасный коллектив сложился на кафедре «Физического воспитания и спорта» (заведующий – профессор В.В. Мулин). Очень много для развития учебно-воспитательного процесса делает Любовь Васильевна Царёва, доцент, кандидат педагогических наук, энергичный, неравнодушный человек.

В 1993 году в составе факультета иностранных студентов сформировалась кафедра «Русский язык», которой в настоящее

время заведует Лариса Петровна Лазарева, доктор педагогических наук, профессор. В основе этого коллектива – женщины, преподаватели-филологи. Они работают с российскими и китайскими студентами. Для иностранных студентов знание русского языка – основа их будущей профессии, бизнеса. Изучение родного языка входит в учебную программу программистов и гуманитариев. Большой опыт преподавания позволяет сотрудникам кафедры успешно работать с разными программами и методиками обучения. Профессор Л.П. Лазарева – опытный педагог, она стояла у истоков создания кафедры «Психология», занималась проблемами адаптации студентов-первокурсников, вместе с коллегами (в том числе, Натальей Павловной Ганжа, кандидатом медицинских наук) сотрудничала с преподавательскими коллективами.

Женщины – руководители

В 1997 году в ДВГУПС был создан факультет воздушных сообщений (ФВС), который и поныне готовит кадры для обслуживания авиапредприятий. Спустя несколько лет руководителем этого учебного подразделения стала Светлана Васильевна Копейкина – первая из женщин декан в истории нашего технического вуза. Опытный специалист-практик, имеющий навыки руководящей работы, она стала хорошим преподавателем и заботливым руководителем вверенного ей факультета. По характеру общительный, отзывчивый человек, Светлана Васильевна давно уже адаптировалась в нашем отраслевом железнодорожном вузе. Ей по плечу решение сложных задач организации учебного процесса и практического обучения своих студентов. Факультет готовит хороших специалистов экономического профиля, но сейчас для ФВС не лучшие времена из-за сложной экономической обстановки, усугубившейся расформированием коллектива «Дальавиа».

Второй женщиной-деканом в ДВГУПС стала Светлана Юрьевна Петухова. Она – выпускница факультета «Электрификации железных дорог», в течение многих лет работала на кафедре «Электроснабжение транспорта», а затем стала деканом родного факультета. С 2000 по 2006 год Светлана Юрьевна руководила большим и очень важным учебным подразделением – Электроэнергетическим институтом, и справлялась с этим прекрасно. Энергичная, целеустремленная, оптимист по натуре, внимательная с коллегами и студентами – вот основные «штрихи» к её профессиональному портрету. В последующие годы С.Ю. Петухова вновь вела преподавательскую нагрузку доцента на своей кафедре, и в начале 2010 года она уехала к родственникам в Подмосковье.

С 2009 года весьма успешно выполняет обязанности директора Института экономики и менеджмента Татьяна Алексеевна Лушкина. Преподаватель философии по образованию, она работала на одноимённой кафедре и занималась научной и общественной работой, после защиты кандидатской диссертации стала доцентом. Несколько лет назад Т.А. Лушкиной было предложено работать в качестве заместителя директора Института, где она зарекомендовала себя как специалиста, способного выполнять важные учебные и организационные задачи. Коллеги и студенты считают, что им очень повезло с симпатичным и умным руководителем, каким является Татьяна Алексеевна.

Елена Сауганова Гафиатулина – начальник Учебно-методического управления (УМУ) ДВГУПС с 2009 года. По образованию она профессиональный педагог. В 1992 году окончила физико-математический факультет по специальности «учитель физики, информатики и вычислительной техники». Работать начала на кафедре естествознания, а затем «Электротехники и электроники» Хабаровского политехнического института (ныне ТОГУ). После годичной стажировки и очной аспирантуры в Томском политехническом университете Елена Гафиатулина успешно защитила диссертацию (1998 г.), стала кандидатом физико-математических наук. С 2000 года она работает в ДВГУПС на кафедре «Электротехника и электромеханика» (ранее ТОЭ), занимается преподаванием и научной работой. В феврале 2009 года была назначена на должность начальника УМУ. Очень ответственное, серьёзное назначение, требующее высокого профессионализма и, конечно, умения работать с людьми. Впервые такую работу в университете выполняет представительница женской половины. Но у наших женщин есть умение и желание работать эффективно.

«Серебряный фонд» университета

Говоря о женщинах с учёной степенью, мы подразумеваем их высокую квалификацию в качестве учёного, педагога-преподавателя, специалиста. Но нельзя не отметить многолетний труд и опыт тех женщин-специалистов, у которых хотя и нет учёного звания и степени, но всю свою жизнь

они посвятили работе со студенчеством. Среди них Софья Ивановна Пшеничникова, Валентина Яковлевна Ложечникова, Людмила Николаевна Кныш, Любовь Васильевна Козак, Людмила Михайловна Захаренко и другие.

Любовь Васильевна Козак родом из Ивано-Франковской области Украины. В 1968 году окончила химический факультет Львовского государственного университета. С этого года и поныне, то есть более 40 лет, её судьба связана с Хабаровском. Два года она работала в технологическом техникуме преподавателем химии, а с 1970 года Любовь Васильевна – в составе кафедры «Химия» ХабИИЖТа, где работала на должности инженера. С 1972 года она работает на кафедре «Гидравлика и водоснабжение», сначала преподавателем, а затем старшим преподавателем. Вот уже более 37 лет она ведёт дисциплины: «Гидравлика», «Химия воды и микробиология». Любовь Васильевна известна как квалифицированный, отзывчивый, преданный своему делу преподаватель. Она успешно сочетает педагогическую работу с общественной, являясь председателем ревизионной комиссии университета, пользуется заслуженным уважением сотрудников и студентов.

Валентина Яковлевна Ложечникова, в известной мере, легендарная личность в нашем вузе, во всяком случае, для старшего и среднего поколения. В 2009 году ей исполнилось 79 лет, но ушла она с кафедры «Философия» всего пять лет назад, посвятив всю свою педагогическую биографию этому коллективу. За долгие годы работы в университете он стал ей родным домом. С 1962 года Валентина Яковлевна работает преподавателем, а затем старшим преподавателем, совмещая кропотливую педагогическую и методическую работу с общественной. Уйдя с преподавательской работы, она стала незаменимым заведующим кабинетом кафедры «Философия». Студенты 70-80-х годов хорошо помнят её не только как заботливого педагога и куратора. В эти годы Валентина Яковлевна была единственной среди женщин вуза комиссаром студенческих отрядов. В 1975 году В.Я. Ложечникова и П.С. Красовский курировали работу 21 студенческого отряда железнодорожного института в Хабаровском крае. Будучи комиссаром отряда «Сахалин-82» В.Я. Ложечникова была награждена медалью «За трудовую доблесть» [15, с. 120]. Валентина Яковлевна, являясь специалистом в области теоретической дисциплины – философии, смогла на практике показать своим студентам, как нужно относиться к порученному делу.

Людмила Михайловна Захаренко после окончания в 1968 году средней школы работала в библиотеке ХабИИЖТа, где обратили внимание на скромную, но очень ответственную и обязательную девушку. В 1970 году Людмила поступила на вечерний факультет по специальности «Экономика железнодорожного транспорта» и вскоре начала работать в качестве секретаря ректора института В.И. Дмитренко. При приёме на эту должность, вспоминает Людмила Михайловна, ректором было поставлено одно, но основное условие – умение и желание работать с людьми. Ей довелось работать с замечательным руководителем до конца его дней. В январе 1976 года Валентина Иосифовича не стало. Ответственная работа многому научила, а также позволила развить присущие Людмиле качества: трудолюбие, работоспособность, искреннее участие и стремление помочь людям. В июне 1976 года она успешно окончила институт и была принята на должность инженера научно-исследовательского сектора, где она работала несколько лет. Зная ответственность Людмилы Захаренко, тогдашний проректор по учебной работе К.И. Фоков предложил ей в 1981 году заниматься принципиально новым для ХабИИЖТа делом – создать внутривузовскую информационную вещательную программу, цель которой была отражать многостороннюю студенческую жизнь по локальному телевидению. Формы и методы работы, её техническое обеспечение возлагались на Л.М. Захаренко и будущую команду её единомышленников. В те годы активно использовались старые профессиональные кинокамеры, телевидение, а также новая видеоаппаратура. К началу 90-х годов удалось осуществить много добрых и интересных дел. На каждом факультете работала группа технических помощников из числа студентов. Работы, планов и идей было столько, рассказывает Людмила Михайловна, что задерживались порой до позднего вечера. Зато программы делали, и какие интересные: брали интервью у ректора и деканов, выполняли заявки на музыкальные номера, затрагивали злободневные вопросы. И всё это можно было увидеть на всех кафедрах по телевизору. С поставленной задачей, которая захватила и саму Людмилу Михайловну, её коллектив справился отлично. Это была прекрасная школа для студентов, выходящих в жизнь в качестве специалистов и будущих руководителей.

В начале 90-х годов время продиктовало другую задачу – развивать технические

средства обучения в учебном процессе, а именно, организовать демонстрацию кино и видеофильмов для студентов и преподавателей в специально оборудованном помещении. Первыми, с кем начала сотрудничать Л.М. Захаренко, были преподаватели иностранного языка. Особое взаимопонимание было найдено с руководителем кафедры Галиной Исааковной Сидоровой, которая смогла организовать и материальную поддержку нужного начинания. С тех пор прошло почти 20 лет. За эти годы сотни студентов всех специальностей смотрели интересные телепередачи и видеофильмы, открывая для себя не только особенности путевого хозяйства, конструкций мостов и тоннелей, но и многие страницы Отечественной истории, постигали тонкости иностранного языка. Людмила Михайловна с интересом следит за всем новым в организации учебного процесса, осваивает компьютерные технологии. Педагог не по образованию, а по призванию, она много времени и знаний отдаёт студенчеству. Ею столько сделано для развития учебного телевидения, что сегодня его трудно представить без её технической поддержки.

Трудно переоценить участие в учебном процессе университетской научно-технической библиотеки (НТБ). Основанная в 1939 году, она долгие годы была самой верной помощницей студентов. Сегодня в нескольких читальных залах, абонементе и рабочих кабинетах НТБ установлены и активно задействованы около 100 компьютеров. А помогают студентам и преподавателям найти необходимую информацию сотрудники библиотеки, штат которых в 2007 году составил более 60 человек [16, с. 136]. Невозможно перечислить всех современных и тем более стоявших у основания университета работников нашей библиотеки. Это и её первые руководители, и работающие поныне ветераны, и молодые сотрудники. Однако, как историк-обществовед, не могу не отметить большую просветительскую работу со студенчеством Натальи Николаевны Трухиной, заведующего отделом гуманитарной и просветительской работы (ранее – читальный зал общественно-политической литературы). Она организатор и активный участник диспутов, конференций и дискуссий по историческим, социально-культурным проблемам, человек с активной жизненной позицией, в котором сильна патриотическая и гражданская составляющая. Преподаватели кафедры «Теория и история государства и права» плодотворно сотрудничают и с ней и с сотрудниками читального зала. Всегда готовы помочь в сложном поиске необходимого источника Лариса Михайловна Алексеева (ветеран библиотечного дела), Антонина Ивановна Калугина (зав. отделом основного книгохранения). Причем, они не только помогут делом, но и укрепят добрым словом преподавателя и студента.

Преподаватели, много лет работающие в вузе, хорошо знают Тамару Михайловну Шиловскую, заведующего архивом ДВГУПС. Когда мы обращаемся к этой энергичной женщине за помощью, то неизменно получаем поддержку. А работа в архиве не из лёгких. Но всегда, как бы ни была занята наша хранительница университетской «старины», она найдёт время и место для работы исследователей-преподавателей.

Наш университет может по праву гордиться работой Совета ветеранов (председатель – Иван Фёдорович Евсеев). Среди них и фронтовики, но именно женщины являются душой этого коллектива. В их числе Вера Владимировна Фалюшина, очень много сделавшая для ветеранской организации, Лидия Ивановна Куничкина, стаж которой на кафедре «Экономика транспорта» составляет 38 лет. Будучи доцентом этой кафедры, она вела подготовку студентов по пяти дисциплинам, а также занималась общественной работой. Сейчас она – секретарь Совета ветеранов. Лидия Ивановна – большой любитель фотографии, живописи, огородница со стажем. А также она смогла с большим успехом приобщить к художественной вышивке и свою подругу по ветеранскому коллективу Людмилу Николаевну Усенко (Кныш). Л.Н. Усенко много лет работала на кафедре «Физика» и подготовительном отделении, была его руководителем в конце 80-х – начале 90-х гг. Прекрасный преподаватель, интересный и разносторонний человек. О её подвижнической работе со студентами, школьниками и молодёжью хорошо знают в Совете ветеранов. Вот уже много лет Людмила Николаевна пропагандирует литературное и краеведческое наследие, оставленное землякам её отцом – Николаем Васильевичем Усенко. Он был заслуженным лесоводом России, известным на Дальнем Востоке специалистом лесного хозяйства, писателем-натуралистом. Наша Людмила Николаевна является почётным дарителем его произведений (записок, рассказов, книг) сразу нескольким культурно-просветительским учреждениям города, поддерживает тесную связь с Хабаровским книжным издательством и краеведческим

музеем. Как и её коллеги-ветераны, Людмила Николаевна – заядлый театрал, организатор и участник литературных встреч с дальневосточными писателями и поэтами. В 2008 году за свою многолетнюю просветительскую работу она была награждена знаком «70 лет Хабаровскому краю». Ветеран Лилия Ивановна Снежко – кандидат технических наук, много лет преподавала на кафедре «Архитектура». Сейчас этой милой энергичной женщине 85 лет. Прекрасный собеседник, любительница русского романса, она старается быть всегда вместе со своими ветеранами-женщинами, не отставать от них.

Софья Ивановна Пшеничникова, которой в 2009 году исполнилось 88 лет – член городского и краевого Советов ветеранов, председатель городского клуба «Фронтовичка». За её плечами фронтовая молодость, медицинская служба, долгие годы преподавательской работы на кафедре «История» и лекторской работы с трудовыми коллективами и молодёжью. Но, пожалуй, главная её страница в истории университета – создание музея. Она была его основателем, первым директором и экскурсоводом в течение многих лет, собирая по крупицам старые фотоматериалы и документы.

В 1960-е – 70-е годы её постоянной коллегой по работе на кафедре была замечательная женщина, профессор, педагог-историк, а ныне ветеран труда – Елена Николаевна Гуревич. Её супруг Яков Исаакович, преподаватель на кафедре «Строительные конструкции» был профессором-консультантом. Их неразрывный союз являл собой пример благотворного служения преподавательскому делу и глубокой порядочности. Мы хорошо знаем и помним этих людей, ценим их вклад в воспитание многих поколений.

Становление и развитие женского преподавательского корпуса проходило в тесной связи со всем трудовым и педагогическим коллективом ДВГУПС. Сегодня женщины-преподаватели стали нераздельны с его историей, которая и продолжается во многом благодаря их труду.

Автор выражает глубокую признательность заведующей архивом ДВГУПС Тамаре Михайловне Шиловской, секретарю Совета ветеранов Лидии Ивановне Куничкиной, а также преподавателям и сотрудникам, оказавшим помощь в сборе материала для этой статьи.

Список использованных источников

1. Текущий архив ДВГУПС.1945 год. Приказы. Д.14.

2. Текущий архив ДВГУПС.1945 год. Приказы. Д.15. С.6.

3. Текущий архив ДВГУПС. 1955 год. Приказы. Д. 36. С.89, 166-174.

4. Текущий архив ДВГУПС.1965 год. Приказы. Т.1. С.82.

5. Текущий архив ДВГУПС.1965 год. Приказы. Т.2. С.271.

6. Текущий архив ДВГУПС. 1965 год. Приказы. Т.4. С.209.

7. Текущий архив ДВГУПС. 1970 год. Приказы. Т.8. С.36.

8. Текущий архив ДВГУПС. 1975 год. Приказы. Т.1. С.213-220.

9. Текущий архив ДВГУПС. 1981 год. Приказы. Т.1 С.36.

10. Текущий архив ДВГУПС. 1992 год. Приказы. Т.1. С.161-170.

11. Текущий архив ДВГУПС. 1992 год. Приказы. Д.0704. С.17.

12. Текущий архив ДВГУПС. 2007 год. Приказы. Т.4. С.100-115.

13. Дальневосточная магистраль России / сост. В.Ф. Буркова, В.Ф. Зуев. – Хабаровск : Частная коллекция, 1997.

14. Дынькин, Б. С учётом требований времени // Транспортная стратегия. XX век. – 2009. – № 7.

15. Зовут стальные магистрали. Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта / под ред. В.С. Купцова. – Хабаровск: ХабИИИЖТ, 1989.

16. Рождённый Транссибом: Дальневосточному государственному университету путей сообщения – 70 лет. – Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 2007.

Помимо указанных источников, автором были использованы интервью с преподавателями, стендовые материалы технических кафедр, Интернет-сайт ДВГУПС.

Ракова Ольга Алексеевна,
руководитель отдела культуры администрации Николаевского-на-Амуре муниципального района Хабаровского края

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КЛУБНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ НИКОЛАЕВСКОГО РАЙОНА ХАБАРОВСКОГО КРАЯ В 20–80 ГГ. XX В.

В статье исследуется ранее не изучавшаяся история становления и развития в советский период клубной культуры на территории Николаевского района Хабаровского края.

Становление клубной культуры в Николаевском районе имеет глубокие исторические корни. Процесс её развития в дореволюционное время до сих пор не изучался. Первое упоминание о клубе на Нижнем Амуре отмечено в публикации Е. Сивова, в которой приводятся сведения декабриста М.А. Бестужева о городе Николаевске-на-Амуре 1859 года: «Вы пройдёте мимо красивой церкви, строительство которой приходит уже к окончанию, мимо большого здания присутственных мест и штаба, потом мимо скромного, но уютного домика Петра Васильевича Казакевича» [67].

Повествуя о жизни города Николаевска-на-Амуре того времени, Е.В. Сивов отмечает, что в нём проводились различные культурные мероприятия. В 1859 году был организован хор из матросов 27 флотского экипажа, который часто выступал с концертами. Летом в городском саду играл по праздникам духовой оркестр, составленный из солдат и матросов, а по главной Амурской улице устраивались народные гуляния [67].

С установлением советской власти на Дальнем Востоке Правительство Дальне-

восточной республики особое место в просветительской работе, которую приходилось разворачивать практически на пустом месте, отводило внешкольному образованию крестьян. В 1918–1920 годы в РСФСР получают распространение избы-читальни. На Дальнем Востоке этот процесс проходил с опозданием в связи с тяжелой военной обстановкой. Лишь в конце 1920 года газета «Голос учительства» опубликовала на своих страницах цели и задачи народной избы-читальни: «Народная библиотека – читальня является одним из образовательных учреждений в системе прочих мероприятий внешкольного образования, является общедоступной и бесплатной для всех приходящих в неё» [65]. Избы-читальни представляли собой новую форму культурно-просветительных учреждений в деревне, сочетавшую функции библиотеки и клуба [64, с. 11].

Дальбюро ЦК РКП(б) в директиве от 27 ноября 1922 года предложило всем губкомам РКП(б) Дальнего Востока обратить особое внимание на восстановление и организацию изб-читален как опорных пунктов по проведению культурно-просветительской работы в деревне. В марте 1923 года на V Дальневосточной конференции РКП(б) была поставлена задача – в каждом уезде организовать не менее пяти изб-читален, клубов, которые становились очагами культуры и просвещения [63, с. 3].

Особое место в становлении клубной культуры занимают 20–30-е годы XX века. Это период формирования сети учреждений культуры, отвечавших интересам построения социалистического общества. Большая доля культурно-просветительской работы приходилась на клубные учреждения: клубы и избы-читальни.

Из отчётного доклада Николаевского уездного исполкома II съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов о работе с 1 июля 1923 по 1 сентября 1924 года известно, что в 1922–1923 годы в уезде никакой политико-просветительской работы не велось, если не считать весьма слабой работы в городском клубе. Уездно-городской клуб существовал на хозрасчёте, при нём работал театр и периодически – кино [31, л. 46]. Сеть политико-просветительных учреждений в уезде в 1924 году насчитывала 10 учреждений, из них шесть изб-читален и один уездный клуб.

В центре политпросветработы в сёлах находились избы-читальни, в которых создавались добровольческие общества «Долой неграмотность». Как вспоминает Фаина Кузнецова, одна из первых комсомолок: «Наша изба-читальня в селе Пальво была самая нужная на весь Николаевский уезд. При избе богатая библиотека с 480 книгами, выписали газеты. Деньги на подписку комсомольцы зарабатывали воскресниками на лесозаготовках» [66].

Работе изб-читален были посвящены выступления участников I Николаевского окружного съезда Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в 1926 году. Участник съезда Генералов отмечал, что в селе Керби работа избы-читальни поставлена хорошо и имеет ряд достижений. Средства для своей работы она получает путём постановки спектаклей. Вся культурно-просветительская работа на селе опирается на избы-читальни [4, л. 85]. Избы-читальни имели руководящий орган – Совет из представителей крестьян, в них силами общественности ставили постановки живых журналов, устраивали лекции, литературные вечера, проводили революционные праздники. В городе Николаевске-на-Амуре культпросветработа была сосредоточена в Доме крестьянина, клубах и агитпунктах при учреждениях и предприятиях. В Доме крестьянина работали библиотека, красный уголок женотдела, здесь давались юридические справки [4, л. 23].

V Дальневосточная конференция РКП(б), состоявшаяся в марте 1923 года, поставила задачу – в каждом уезде организовать не менее пяти изб-читален и открывать их в первую очередь там, где есть ячейки РКП(б) и РКСМ. Клубы, избы-читальни становились очагами политического просвещения масс. В 1923–1926 годы в Николаевском округе происходит значительный рост количества изб-читален. Если в 1923 году было 6 изб-читален и 1 клуб, то в 1926 году – 27 изб-читален, два клуба и Дом крестьянина.

I окружной съезд Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов отмечал, что в 1926 году в избах-читальнях политпросветработа заключалась в организации сельскохозяйственных и культурно-просветительных кружков и проведении общественных революционных праздников. Съезд поставил следующие задачи: неуклонно стремиться к повышению квалификации работников политпросветительной сети (избачи), включив содержание изб-читален в смету расходов на 1926–1927 годы из расчёта по три на каждый район, принять меры к ликвидации неграмотных как среди русского, так и аборигенного населения и закончить эту работу, по возможности к 10-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции [4, л. 297].

К концу 20-х годов XX века происходит заметный рост культурных запросов насе-

ления в Николаевском округе, активизируется политпросветработа за счёт деятельности кинопередвижек и радиоустановок [2, л. 85]. В годовом отчёте Николаевского окружного отдела народного образования за 1928–1929 годы видим, что на содержание изб-читален было израсходовано 42,7 тыс. рублей из госбюджета.

В решениях I–III Николаевских окружных съездов Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов отмечалась большая роль изб-читален в ликвидации неграмотности населения, ставились задачи по увеличению сети изб-читален, улучшению качества их работы. В 1929 году в Николаевском округе были открыты четыре избы-читальни в сёлах Льва-Толстого, Маго, Охотске [5, л. 14].

Подчёркивая роль изб-читален в просветительской деятельности среди сельского населения, известный историк М.С. Кузнецов отметил, что в 1929 году в Дальневосточном крае было 334 избы-читальни, которые стояли на твёрдом государственном бюджете. Несколько сот изб-читален содержались общественностью. Далькрайком ВКП(б) требовал от сельских коммунистов и комсомольцев подчинения всей деревенской политпросветработы исключительно интересам трудового крестьянства. На это же должны были быть направлены усилия изб-читален [62, с. 278].

На V Николаевском районном съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в 1931 году так же рассматривались вопросы культурной революции, которым предавалось большое значение. Требовалось дополнительно открыть столовые, клубы, красные уголки. Вопрос культурного строительства на съезде был поставлен своевременно, так как проблема культурной революции была не разрешима без всеобщего начального обучения и ликвидации неграмотности [6, л. 96а–98а].

Из отчётного доклада Николаевского-на-Амуре городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 1932 года можно узнать, что в городе имелись клубы водников, восточников, а так же существовал кинотеатр в милицейском клубе [30, л. 61].

Из отчёта Нижне-Амурского областного отдела народного образования (ОБЛОНО) о состоянии политпросветработы в 1933–1934 годы следует, что политпросветучреждения располагались в бывших кулацких и церковных домах. Ни в одном из культпросветучреждений не было отдельных комнат для кружковой работы, имелись только зрительный зал и сцена. Сеть политпросветучреждений была представлена в городе четырьмя профсоюзными клубами, в Нижнеамурском районе 34 учреждениями (одна изба-читальня, 15 профсоюзных клубов, 9 колхозных клубов, 9 красных уголков в колхозах), в них работало 54 политпросветработника, 38 человек имели лишь начальное образование. У большинства совершенно отсутствовала практика в работе [13, л. 26].

В 30-х годах ещё не все сёла района имели клубные учреждения. О том, как обстояло дело в середине 30-х годов XX века в самых отдалённых уголках Нижнеамурского района видно из отчёта о работе Пуирского сельского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1934 год. На территории сельского Совета находился колхоз, школа, население (63 человека) занималось рыболовством. В селе отсутствовали клуб, изба-читальня, а кинопередвижка бывала всего два раза за зиму. Ликвидация неграмотности не проводилась [27, л. 1].

В 1935 году неудовлетворительно обстояло дело и с работой политпросветучреждений, обслуживающих народы Севера. Их обслуживало 2 клуба (сёла Кукля, Чардбах), 3 избы-читальни (сёла Могоча, Пуир, Тахта), 20 красных уголков. При этих учреждениях имелись небольшие библиотеки на русском языке. Работа проводилась в большинстве случаев кампанейски (кружковая работа, вечера самодеятельности, постановки). Летом 1935 года была организована культбригада в составе 11 представителей коренных малочисленных народов Севера по обслуживанию стойбищ во время путины [3, л. 19]. С середины 30-х годов на Нижнем Амуре было развёрнуто движение за решительный культурный подъём деревни. Колхозы заметно увеличили отчисления на культурное строительство. На эти средства в сёлах открывались новые избы-читальни.

«Высокое значение избы-читальни в культурно-политическом просвещении крестьянства сохранялось на протяжении всего периода двух первых пятилеток (1928–1937 годы), часть из них была преобразована в клубы. Тем не менее, в 1937 году Дальневосточный край имел 974 избы-читальни, содержавшихся на местном бюджете. Это почти в три раза больше, чем в 1928 году», – отмечал М.С. Кузнецов [62, с. 290].

Учитывая значение клубных учреждений в просвещении сельского населения, в Нижнеамурском районе был принят план строительства на 1935–1937 годы клубов в селах Нижнее Пронге (на 400 мест), Озерпах (на 300 мест), Орель-Чля (на 50 мест) [47, л. 1].

О состоянии и количестве клубных учреждений в Нижне-Амурской области к

1936 году мы узнаём из объяснительной записки ОБЛОНО к плану строительства культпросветучреждений в третьей пятилетке. В 1936 году в Нижне-Амурской области по учёту ОБЛОНО было уже 145 культурно-просветительных учреждений, сюда входили не только учреждения Наркомпросса, но и учреждения профсоюзов. В Нижнеамурском районе существовало 28 клубов, 13 изб-читален, 25 красных уголков, кроме того, в городе Николаевске-на-Амуре имелось звуковое кино, детский парк культуры и отдыха.

Работа клубов и изб-читален сводилась к организации кружков художественной самодеятельности, остальная культпросветработа нигде не учитывалась. Ассигнования на политпросветработу в Нижнеамурском районе не использовались на 16 %. Существующие кадры специального образования не имели. Зарплата избачей и заведующих клубами задерживалась на 3–6 месяцев, отпуска в течение 2–3-х лет не предоставлялись и не выдавалась компенсация. Учёбы с кадрами никакой не велось и только в 1937 году был проведён десятидневный семинар. Все вышеперечисленные отрицательные стороны и низкая оплата труда не давали возможности закрепить кадры. Исходя из этого, был составлен план развития культурно-просветительской работы на 3-ю пятилетку, в котором определена необходимость иметь в каждом населённом пункте к концу пятилетки культпросветучреждения, укомплектованные подготовленными кадрами [10, л. 1, 2].

В отчёте городского отдела народного образования отмечено, что в 1937 году в городе Николаевске-на-Амуре был открыт пионерский сад, в котором работали кружки «ОСВОД», стрелковый, проводились прогулки, коллективные танцы [16, л. 9].

В середине 30-х годов XX века в городе Николаевске-на-Амуре так же открылся Дом Красной Армии, сыгравший в последующие годы значительную роль в становлении клубной культуры в Николаевском районе. Дата его открытия в различных источниках разная. Так, в газете « Красный маяк» за 11 августа 1936 года № 183 уже упоминается Дом Красной Армии. Также имеются сведения о том, что в 1937 году в Доме Красной Армии арендовал помещение Нижне-Амурский областной драматический театр [9, л. 1]. Сегодня на здании районного дома культуры (бывшем Доме Красной Армии) располагается мемориальная доска, на которой написано: «В этом здании 24 июля 1936 года во время встречи жителей города с участниками легендарного перелёта Москва – остров Удд выступал В.П. Чкалов». Однако в архивной справке Центрального архива Министерства обороны РФ указывается дата открытия Дома Красной Армии – 17 ноября 1938 года [1, л. 1].

О количестве учреждений культуры госсети в Нижне-Амурской области к концу 1938 года известно из объяснительной записки заведующего ОБЛОНО Сивенкова. За годы двух пятилеток (1928–1938 годы) в огромной степени выросли культурные запросы трудящихся области и в особенности культурные требования северных национальностей. Культурный рост показала национальная олимпиада, выявившая способные творческие растущие кадры национальной самодеятельности. Однако существующая сеть культпросветучреждений не удовлетворяла эти запросы. В 1937 году она состояла из двух районных домов культуры, четырёх колхозных клубов, 20 изб-читален, пяти красных уголков, девяти библиотек, двух красных палаток, одного агиткатера, одного Дома колхозника. На госбюджете стояло 67 учреждений, остальные содержались за счёт колхозов и профсоюзов. Подавляющее большинство из них не имело специально построенных зданий, а занимали приспособленные, неуютные и ветхие помещения [8, л. 87].

На проходившем в 1936 году Нижне-Амурском областном съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов была принята резолюция «По вопросу о хозяйственном и культурном развитии в области культурного строительства», в которой съезд ставил перед всеми Советами области задачу: в 1937 году завершить ликвидацию неграмотности и малограмотности и выполнить план культурного строительства на селе, принятый по самообязательствам колхозов и сельских Советов [7, л. 10].

В 1939 году Хабаровским крайисполкомом был принят план капитального строительства объектов по подведомственному крайисполкому хозяйству в городе Николаевске-на-Амуре. В перечне объектов было намечено строительство Дома Советов площадью 9000 кв. м. и дома культуры площадью 8500 кв. м. [32, л. 16].

Неравномерность и некоторая хаотичность, присущая культурному строительству 20-х годов XX века, сменилась последовательным и планомерным строительством. На фоне количественных изменений происходили и качественные изменения в содержании работы клубных учреждений. Если в 20-е годы вся их работа была направлена на ликвидацию неграмотности населения, то в 30-е годы больше на идеологическое обеспечение текущих политических и экономических задач, решаемых коммунистической пар-

тией: индустриализации, коллективизации. Учреждения становились частью системы, обслуживающей в первую очередь целевые установки правящей партии [59, с. 105].

К концу 30-х годов XX века в Нижне-Амурской области стали проводиться первые областные олимпиады художественной самодеятельности. Из докладной записки заведующего отделом искусств Антонова председателю Нижне-Амурского облисполкома от 11 марта 1939 года стало известно, что с 1 по 7 февраля 1939 года в Нижне-Амурской области была проведена олимпиада художественной самодеятельности. В ней приняло участие 148 человек из районов и 111 человек из города Николаевска-на-Амуре. Смотр коллективов, обмен опытом способствовали дальнейшему развитию народного творчества [11, л. 14].

К 1940 году в Нижнеамурском районе Нижне-Амурской области в системе госсети состояло 34 избы-читальни, то есть на семь изб-читален больше, чем в конце 30-х годов.

Однако Великая Отечественная война внесла свои коррективы в размах и темпы культурно-просветительской деятельности. Её главным содержанием стала агитационно-пропагандистская работа, которая была направлена на мобилизацию трудящихся города и деревни для оказания помощи фронту. На предприятиях, в колхозах, совхозах и учреждениях работало 1510 агитколлективов. В 1942 и 1943 годах рыболовецкие районы Среднего и Нижнего Амура обслуживал агиткунгас Хабаровского крайкома партии. На нём были: библиотека-читальня, кинопередвижка, выездная редакция газеты «Тихоокеанская звезда» [60, с. 65].

О состоянии клубной культуры в Хабаровском крае в 40-е годы говорит информация, приведённая в сборнике «Хабаровский край. География. История. Культурное строительство. 1948 г.»: «К 1947 году в Хабаровском крае насчитывалось 46 домов культуры, 68 сельских клубов, 600 изб-читален. Строительство культурно-просветительных учреждений происходило и в дни Великой Отечественной войны, и в послевоенный период оно развернулось ещё интенсивней. Только за один 1946 год было построено 15 новых клубов, открыто 5 новых библиотек. В строительстве клубов и домов культуры по собственной инициативе принимали участие сами трудящиеся городов и сел» [68, с. 397].

В 40-е годы в Хабаровском крае многое делалось для улучшения культурно-воспитательной работы среди сельского населения, повышения его культурного уровня. Так, 25–26 декабря 1947 года XX Пленум Хабаровского крайкома ВКП(б) принял постановление «О мерах по улучшению массово-политической и культурно-просветительской работы в деревне», в котором были отмечены положительные результаты работы партийной организации в 1945–1947 годы по улучшению лекционной пропаганды, расширении сети культурно-просветительных учреждений. Количество сельских клубов и изб-читален увеличилось за этот период в 1,3 раза, библиотек в 1,5 раза. Число радиоточек в сёлах выросло на 250 единиц [61, с. 78].

В 1948 году в Нижне-Амурской области сеть учреждений культуры значительно увеличилась. Из отчёта о работе культурно-просветильных учреждений Нижне-Амурской области видно, что в 1948 году культпросветработу в области проводили 117 культурно-просветительных учреждений, состоящих на госбюджете и 45 профсоюзных рабочих клубов, 80 изб-читален, 15 сельских клубов, 6 районных домов культуры» [19, л. 49]. Из чего следует, что с 1940 по 1948 годы в области было открыто 2 дома культуры, 16 изб-читален. Подавляющее большинство сельских культурно-просветительных учреждений по-прежнему были расположены в маленьких, старых и даже ветхих зданиях.

В отчёте о работе культурно-просветительных учреждений Нижне-Амурской области за 1948 год упоминается о городском смотре художественной самодеятельности, в котором участвовало 5 коллективов со 141 участником, исполнившим 55 номеров: сценических, музыкально-вокальных, танцевальных, хоровых, гимнастических и художественного чтения [19, л. 58].

Интересные сведения о содержании работы культурно-просветительных учреждений приведены в текстовом отчёте областного отдела культпросветработы за 1949 год. Основными задачами, на решение которых была направлена вся культурно-просветительская и политико-массовая работа учреждений, являлись: разъяснение трудящимся решений коммунистической партии и советского правительства, пропаганда естественно-научных и общественно-политических знаний, мобилизация трудящихся на досрочное выполнение и перевыполнение задач, стоящих перед страной, областью, районом, отдельным колхозом, повышение социалистической сознательности у трудящихся и их воспитание в духе советского патриотизма и любви к своей социалистической Родине.

Всеми методами культурно-массовой работы клубные учреждения содействовали выполнению и перевыполнению планов колхозами, звеньями и рыболовецкими бригадами. Так Льва Толстовский сельский

клуб Нижнеамурского района (заведующий Терехов) в период путины всю культурно-массовую работу перенёс на заездок и в рыболовецкие бригады, для которых регулярно проводились беседы, читки, политинформации. Кроме работников клубных учреждений, проводивших работу на местах, из районных центров на поле и рыболовецкие тони направлялись агитбригады [12, л. 8].

О том, какие клубные учреждения существовали в 1950 году в Нижнеамурском районе Нижне-Амурской области, стало известно из представленных статистических отчётов за этот год. Это Льва Толстовский сельский клуб, Старо-Кабельская изба-читальня (Сергеевский сельский Совет депутатов трудящихся), Астрахановский сельский клуб (село Кукля), Макаровская изба-читальня (Пуирский сельский Совет депутатов трудящихся), Ново-Покровская изба-читальня (Озерпахский сельский Совет депутатов трудящихся), Алеевская изба-читальня (Нижне-Пронгенский сельский Совет депутатов трудящихся). Иннокентьевская, Вайдинская изба-читальня (Иннокентьевский сельский Совет депутатов трудящихся), Свободненская изба-читальня (Озерпахский сельский Совет депутатов трудящихся), Власьевская изба-читальня, Константиновская изба-читальня (Константиновский сельский Совет депутатов трудящихся), Чардбахская изба-читальня (Чардбахский сельский Совет депутатов трудящихся), Коль-Никольская изба-читальня (Коль-Никольский сельский Совет депутатов трудящихся), Пуирская изба-читальня, Лиманская изба-читальня (Лиманский сельский Совет депутатов трудящихся), Рождественский сельский клуб (Рождественский сельский Совет депутатов трудящихся), Денисовский сельский клуб (Касьяновский сельский Совет депутатов трудящихся), Касьяновская изба-читальня (Касьяновский сельский Совет депутатов трудящихся), Красносельская изба-читальня (Красносельский сельский Совет депутатов трудящихся) [56, л. 7–43].

В 50-е годы XX века активизируется работа по строительству и ремонту клубных учреждений, расположенных в ветхих приспособленных зданиях в основном силами колхозников и общественности.

В 1950 году в Нижнеамурском районе имелось 16 изб-читален и три сельских клуба, которые располагались в отдельных зданиях. За счёт средств колхозов были отремонтированы избы-читальни в сёлах Власьево, Свободное, Рождественское, колхозный клуб в селе Сахаровка. Силами общественности и партийных, комсомольских организаций отремонтированы Пуирская, Касьяновская, Макаровская избы-читальни, Льва Толстого, Воскресеновский сельские клубы. Пополнилась материальная база учреждений культуры. В большинстве изб-читален и сельских клубах появились гармонь, одна – две гитары, балалайка, мандолина [28, л. 45].

По состоянию на 1 января 1953 года в Нижне-Амурской области работало уже 104 клубных учреждения, из них: 6 районных домов культуры, 46 сельских клубов и 52 избы-читальни. Начался активный процесс преобразования изб-читален в клубы. За пять лет было открыто 3 новых клубных учреждения, 28 изб-читален преобразовано в клубы. Из отчёта о работе клубных учреждений за 1952 год видим, что в Нижнеамурском районе за два года открылось два клубных учреждения. Семь изб-читален преобразованы в клубы.

Массово-политическая работа в сельских клубах получила дальнейшее развитие после сентябрьского (1953 год) Пленума ЦК КПСС. Реализуя его решения, активизировалась работа многих сельских клубов. В своей работе они уделяли больше внимания тематическим вечерам животноводов, механизаторов, рыбаков, чествованию передовиков производства. На страницах стенной печати, в плакатах, «Молниях» рассказывалось об опыте работы передовых людей колхозов, критиковались недостатки. Особенно широкое распространение эти формы массово-политической работы получили во второй половине 50-х годов. При 30 клубах и избах-читальнях были созданы сельские лектории.

В клубных учреждениях Нижне-Амурской области работало свыше 250 кружков художественной самодеятельности (включая профсоюзные клубы). Летом организовывались агитбригады. В состав этих бригад входили докладчики, лучшие исполнители песен, плясок, чтецы, музыканты. Агитбригады были снабжены библиотечками-передвижками, а некоторые и кинопередвижками.

В клубных учреждениях Нижне-Амурской области в начале 50-х годов XX века насчитывалось более 160 кружков художественной самодеятельности, с общим количеством участников 1753 человека. Из них драматических – 82 (участников 918 человек), хоровых – 58, (участников 690 человек), музыкальных – 21 (участников – 141) [20, л. 22].

О том, как изменилось содержание работы сельских клубов Нижнеамурского района в 1953 году, после их преобразования из изб-читален, узнаём из отчёта клуба села Красное. В помещении площадью 40 кв. м. имелся зрительный зал на 60 мест, библиотека с количеством книг 580 экз., радио. Работником клуба было проведено 29 лекций, 13 концертов. Организовано три кружка, в которых занималось 13 человек, в том числе

хоровой и драматический [55, л. 60]. Как видим, работа клуба стала более разнообразной, чем избы-читальни.

Из сообщения Нижнеамурского районного отдела культуры начальнику Нижне-Амурского областного управления культуры Адобовскому получаем сведения о строительстве новых клубов за счёт средств колхозов. В 1953 году построен клуб на 100 мест в колхозе имени Маленкова в селе Чардбах, стоимостью 100 тысяч рублей. В 1954 году намечалось выделить средства колхозов на строительство клубов в селе Половинка на 70 мест, в селе Тывлино на 70 мест, в селе Рождественка на 120 мест, в селе Пуир на 70 мест, в селе Никольское на 70 мест, в селе Власьево на 130 мест. В селе Новая Покровка колхозом имени Кирова планировалось строительство клуба на 120 мест, на которое отпущено 140 тысяч рублей [37, л. 17].

В 1953 году были открыты новые клубные учреждения: избы-читальни в сёлах Чардбах, Аври, Мыс Мы, Половинка. В 1954 году открыт клуб в селе Сахаровка на 100 мест. В сельские клубы преобразованы избы-читальни сёл Старый Кабель и Свободное [52, л. 22].

В 1954 году государственная сеть учреждений культуры Нижне-Амурской области состояла из 163 учреждений культуры: в том числе 6 районных домов культуры, 49 сельских клубов, 53 изб-читален, одной красной яранги (Охотский район), из них в Нижнеамурском районе насчитывалось 10 сельских клубов и 14 изб-читален, которые располагались в сёлах района. Клубы – в сёлах Красное, Ново-Покровка, Льва Толстого, Власьево, Иннокентьевка, Кукля, Рождественское, Алеевка, Денисовка, Макаровка; избы-читальни – в сёлах Архангельское, Чардбах, Коль-Никольское, Половинка, Лиман, Байдуково, Пуир, Старый Кабель, Уарки.

Одной из характерных особенностей структурных преобразований в клубной культуре на селе в эти годы была ликвидация изб-читален. Все они преобразовывались в сельские клубы. В Хабаровском крае реорганизация изб-читален проходила постепенно и завершилась в годы шестой пятилетки (1956–1960-е годы).

К концу 50-х годов в Нижнеамурском районе развернулось активное строительство сельских клубов. В письме заведующего Нижнеамурским районным отделом культуры М. Переверзева председателю Нижнеамурского райисполкома Б.К. Иванову были изложены следующие сведения о том, что в 1957 году в районе были введены в эксплуатацию четыре клуба. Был выстроен клуб за счёт средств колхоза «Прибой» в селе Алеевка на 70 мест, два клуба за счёт средств рыбной промышленности в сёлах Оремиф на 100 мест и Джаори на 100 мест. В селе Нигирь введён в эксплуатацию клуб на 100 мест за счёт средств предприятий лесной промышленности. В 1958 году велось строительство клубов за счёт средств колхозов: в сёлах Касьяновка, Покровка. В четырёх селах проходила реконструкция зданий под клубы: в селе Кукля клуб на 75 мест, в селе Льва Толстого клуб на 75 мест, в селе Касьяновка клуб на 70 мест, в селе Мыс Мы клуб на 70 мест. За счёт средств промышленных предприятий строились клубы в сёлах: Озерпахский клуб на 200 мест, Нижнепронгенский клуб на 250 мест, Байдуковский клуб на 150 мест, Иннокентьевский клуб на 100 мест [33, л. 69].

Одновременно происходило сокращение учреждений культуры в сёлах Зубаревская Падь (сельский клуб реорганизован в красный уголок), Вайда (изба-читальня реорганизована в красный уголок). Закрыты избы-читальни в сёлах Петровская Коса (из-за малочисленности жителей), Пуир (в связи с постройкой клуба на 200 мест) [164, л. 70].

В отчёте за 1957 год о клубных учреждениях Нижнеамурского района мы наблюдаем наличие 25 клубных учреждений системы Министерства культуры СССР и три профсоюзных клуба. В статистических отчётах клубных учреждений Нижнеамурского района все они именуются клубами. Данный факт говорит о том, что к концу 50-х годов в Нижнеамурском районе закончился процесс преобразования изб-читален в сельские клубы.

В этот же период активизировалась культурно-просветительская работа и в городе Николаевске-на-Амуре. 1 марта 1957 года был введён в эксплуатацию Клуб моряков, построенный Николаевским-на-Амуре морским портом. В конце 50-х годов в городе работало три ведомственных клуба. По причине отсутствия в системе госсети клубного учреждения в городе отдел культуры был вынужден брать в аренду помещения ведомственных клубов. В 1959 году был создан самодеятельный театр, который отдел культуры был намерен разместить в Доме офицеров (бывший Дом Красной Армии). Однако из письма от 12 декабря 1959 года начальника городского отдела культуры П. Ефремова начальнику Политуправления Миронову видим, что Дом офицеров – лучшее культурное учреждение в городе, вечерами пустовал, его руководитель майор Гура препятствовал работе театра [36, л. 117]. Поэтому в 1960 году Николаевский-на-Амуре горисполком обратился к командованию Политуправления Дальневосточного военного округа с

просьбой о передаче этого здания на баланс городского отдела культуры, в чём ему было отказано [38, л. 1].

В конце 50-х годов продолжалось строительство сельских клубных учреждений. В 1959 году новые помещения получили клубы сёл Иннокентьевка, Касьяновка, Оремиф, Байдуков.

Начало 60-х годов XX века в Нижнеамурском районе отмечено открытием Районного дома культуры в селе Озерпах. Здание было построено специально для дома культуры: двухэтажное, площадью 720 кв. м., вместимость зрительного зала составляла 210 мест. На верхнем этаже разместилась районная библиотека [34, л. 5].

В 1963 году в городе Николаевске-на-Амуре была создана городская филармония на общественных началах, в которой объединились лучшие силы коллективов художественной самодеятельности, а также музыкантов из числа преподавателей детской музыкальной школы [15, л. 71].

Государственная сеть клубных учреждений в 1963 году насчитывала 22 клуба, один районный дом культуры, 11 профсоюзных клубов, девять из которых располагались в сельской местности. В клубной деятельности стали использоваться новые методы и формы работы. Так, в справке о работе учреждений культуры по выполнению решений июньского Пленума ЦК КПСС отмечалось, что учреждения культуры стали ближе к производству. Районный дом культуры в селе Озерпах организовал агитбригаду для обслуживания рыбаков. Создан городской детский хор. Успешно работал городской самодеятельный драматический коллектив. Начал работать университет культуры [51, л. 68].

В 60-е годы XX века продолжалось строительство новых зданий для клубов. В 1964 году новые помещения получили клубы в селах Пуир, Нижнее-Пронге, Зубаревская Падь. В 1965 году открылся клуб в селе Кульчи. На 1966–1970-е годы было запланировано строительство клубов в селах Денисовка и Свободное.

К середине 60-х годов в системе Министерства культуры СССР на территории Николаевского района действовало 22 клубных учреждения, 15 профсоюзных клубов. Они располагались в сёлах Озерпах, Гырман, Алеевка, Рождественское, Красное, Кольникольвское, Пуир, Власьево, Байдуково, Покровка, Сахаровка, Зубаревская Падь, Иннокентьевка, Свободное, Кульчи, Касьяновка, Чардбах, Астрахановка, Льва Толстого, Макаровка, Оремиф, Денисовка [57, л.1–88].

В 1966 году произошло важное событие в становлении клубной культуры в городе Николаевске-на-Амуре. 8 июля 1966 года исполком Николаевского-на-Амуре городского Совета депутатов трудящихся принял решение о переводе районного дома культуры из села Озерпах в город Николаевск-на-Амуре и обратился с просьбой в управление культуры Хабаровского крайисполкома реорганизовать его в городской дом культуры, так как город Николаевск-на-Амуре являлся в административном отношении центром Николаевского района [45, л. 16]. В 1968 году он был переведён и расположен в арендуемых помещениях Клуба моряков морского порта. При нём работали кружки: хоровой, вокальный, эстрадный, танцевальный. В 1969 году в нём создаётся городской народный хор, руководителем которого становится Иванов Анатолий Васильевич, аккомпаниатором – Гребенник Виктор Иванович [35, л. 23].

В сентябре этого же года решением городского Совета депутатов трудящихся от 9 сентября 1966 года № 434 клуб села Льва Толстого был переведён в село Озерпах вместо упразднённого там районного дома культуры [46, л. 37]. В этом же году был закрыт клуб в селе Коль-Никольское по причине малочисленности населения [42, л. 4].

В 60-е годы XX века былая роль клубных учреждений, особенно в сельской местности, где они были ранее единственными очагами культуры, видоизменилась. Развитие телевидения, киноконцертного обслуживания повысило требования к учреждениям культуры. В связи с переходом предприятий и учреждений на пятидневную рабочую неделю значительно возросло влияние учреждений культуры на сферу досуга трудящихся. К числу принятых в 60-х годах партийными, советскими, профсоюзными органами мер следует отнести, прежде всего, укрепление материальной базы учреждений культуры, преобразования в крупных населённых пунктах клубов в дома культуры. Дом культуры, аккумулируя силы и средства, стал центром методической клубной работы, очагом распространения передового опыта. В нём содержался квалифицированный аппарат, координировавший деятельность сельских клубов и эффективно влиявший на их работу.

К концу 60-х годов в Николаевском районе в сёлах Озерпах, Пуир, Байдуков, Чардбах были открыты дома культуры на базе имеющихся сельских клубов [43, л. 39; 44, л. 51].

В 1968 году при городском отделе культуры был создан передвижной клуб (автоклуб). В этом же году в целях усиления культурно-просветительской работы среди рабочих

птицесовхоза городской отдел культуры обратился к руководству Николаевского-на-Амуре птицесовхоза с просьбой переоборудовать двухквартирный жилой дом в селе Половинка и открыть в нём клуб [39, л. 22].

К концу 60-х годов заметно улучшилась материальная база клубных учреждений культуры Николаевского района. Из отчёта городского отдела культуры за 1968 год узнаём, что для сельских клубов было приобретено 1650 театральных кресел и 500 стульев. Во всех клубах и домах культуры имелись баяны, радиолы, проигрыватели, магнитофоны. Оркестры народных инструментов были приобретены в Орель-Члянский клуб и Озерпахский дом культуры [16, л. 6].

В этот период времени главный упор дома культуры и клубы делали на массово-политическую, агитационно-пропагандистскую работу среди населения. По существу клубы в эти годы полностью продолжали традиции политической работы изб-читален. В принятом в 1966 году Министерством культуры РСФСР «Положении о государственном учреждении РСФСР» были подтверждены принципы деятельности клубов в качестве важнейшего средства идеологического воздействия на население.

На рубеже 70-х годов XX века завершились основные этапы становления клубной культуры в Николаевском районе, сформировалась сеть клубных учреждений современного типа. В сводке годовых отчётов учреждений культуры клубного типа по состоянию на 1 января 1970 года отмечалось, что на территории Николаевского района действовало 39 клубных учреждений: районный дом культуры, 5 сельских домов культуры, 17 сельских клубов, самостоятельный автоклуб, 14 профсоюзных клубов и домов культуры.

О состоянии клубной культуры в Хабаровском крае в 1970–1975 годы пишет М. Маринкин: «В 70-е годы кардинально изменились задачи, которые выполняли клубные учреждения. Если в 1920–1930-е годы клубы были призваны участвовать в ликвидации неграмотности населения, то в годы индустриализации страны они были призваны оказывать помощь в распространении передового опыта и производственно-технических знаний, в развёртывании социалистического строительства и мобилизации трудящихся на выполнение заданий первых и последующих пятилеток. В 1970 году в Хабаровском крае была создана и работала разветвлённая сеть культурно-просветительных учреждений».

В 70-х годах государственная сеть клубных учреждений Николаевского района вновь претерпела изменения. В 1971 году был закрыт клуб в селе Астрахановка по причине малочисленности населения. Средства от его ликвидации городским отделом культуры были направлены на оплату заработной платы заведующего клубом села Половинка, содержание здания которого взял на себя Николаевский-на-Амуре птицесовхоз.

В 1971 году клуб в селе Красное был преобразован в Дом культуры. В 1972 году по просьбе администрации Нижнеамурского рыбокомбината в систему госсети был принят клуб в селе Чныррах, ранее принадлежавший профсоюзной организации. В этом же году в строящемся посёлке горняков Многовершинный открылся клуб на 100 мест, в котором была размещена и киноустановка [48, л. 1]. В 1973 году по просьбе комитета профсоюза Херпучинского прииска горисполком Николаевского-на-Амуре Совета депутатов трудящихся принял в своё ведомство клуб села Чля, содержание здания осталось за приском.

70-е годы XX века можно с уверенностью назвать годами развития клубной культуры в Николаевском районе, активного строительства клубных учреждений. Подтверждением этого служит принятый план развития культуры города Николаевска-на-Амуре и Николаевского района на 1971–1975-е годы, которым предусматривалось в 1973 году на базе клуба Нижнеамурского рыбокомбината в селе Чныррах создать сельский дом культуры. За счёт капитальных вложений Лазаревского морского порта в этом же году закончить строительство интерклуба в посёлке Лазарев. В 1974 году начать строительство Дома культуры в селе Красное за счёт капитальных вложений Нижне-Амурской геологической экспедиции [40, л. 41].

В отчёте о работе отдела культуры Николаевского-на-Амуре горисполкома за 1973 год отмечено, что в 1973 году два сельских клуба сёл Гырман и Власьево переведены в реконструированные под клубы здания бывших школ. Сельские клубы сёл Половинка и Подгорное преобразованы в сельские дома культуры. Принят в государственную сеть профсоюзный клуб села Чля, на базе которого был открыт сельский дом культуры. В 1973 году сдан в эксплуатацию типовой дом культуры в посёлке Лазарев на 650 мест. Закончилось строительство клубов в сёлах лесозаготовителей Нигирь и Виданово [21, л. 7].

В 1974 году приказом командующего Дальневосточного военного округа гарнизонный офицерский клуб (Дом офицеров), расположенный в городе Николаевске-на-Амуре, был передислоцирован в село Князе-Волконка Хабаровского края [1, л. 1]. В освободившееся здание в центре города

переведён районный дом культуры, в котором он находится в настоящее время. При районном доме культуры работал народный театр, кинофотоклуб, художественно-оформительская мастерская.

Значительно активизировалась работа художественных коллективов города Николаевска-на-Амуре и Николаевского района в связи с проведением в 1975 году Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества, посвящённого 30-летию Победы в Великой Отечественной войне. В первом этапе первого тура фестиваля приняло участие 17 коллективов художественной самодеятельности с общим числом более 1300 человек. В рамках фестиваля были проведены праздники: военно-патриотической песни, духовой музыки, марш-парад духовых оркестров, молодёжной песни [58, л. 1].

По состоянию на 1 января 1976 года в Николаевском районе действовало 27 клубных учреждений, из них в городе – районный дом культуры; в сёлах – 13 домов культуры и 11 сельских клубов; автоклуб и плавучая культбаза; 9 домов культуры и клубов профсоюзов.

О том, что собой представляла культбаза, узнаём из статистического отчёта: в ней работал один штатный сотрудник, при котором действовал коллектив в составе 9 человек, выезжавший с концертами и лекциями на плавучих средствах для обслуживания рыболовецких заездов [53, л. 28].

Из статистических отчётов за 1975 год известно, в каких населённых пунктах находились учреждения. Сельские дома культуры располагались в сёлах Чныррах, Иннокентьевка, Оремиф, Многовершинное, Подгорное, Нижнее Пронге, Половинка, Чля, Пуир, Озерпах, Красное. Клубы в сёлах – Сахаровка, Маго, Орель-Чля, Касьяновка, Власьево, Свободное, Байдуково, Зубаревская Падь, Макаровка, Тнейвах, Алеевка, Гырман, Ново-Покровка [18, л. 1].

Главными направлениями в деятельности клубных учреждений в середине 70-х годов являлись пропаганда общественно-политических знаний, новой Конституции СССР, внедрение новых советских праздников и обрядов. Этот период был насыщен важными общественно-политическими событиями, такими как празднование 60-летия Великого Октября, принятие Конституции СССР, выход в свет Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения».

В отчёте о работе городского отдела культуры за 1976 год было отмечено, что 1976 год для учреждений культуры стал переломным в деле укрепления материальной базы клубных учреждений. Значительно увеличился бюджет, улучшилась материально-техническая база. На учреждения культуры было отпущено более полумиллиона рублей. К середине 70-х годов в Николаевском районе не было такого дома культуры, в котором бы отсутствовал баян, магнитофон, проигрыватель, набор электрогитар и комплект усилительной аппаратуры, во многих имелись пианино, телевизоры и радиоузлы. Материально-техническая база городского Дома культуры, сельских клубов и домов культуры пополнилась мебелью и музыкальными инструментами» [22, л. 3].

Так, в отчёте о работе городского отдела культуры сказано, что в 1978 году значительно увеличилось финансирование. За отчётный период было отпущено 626 тысячи рублей, в том числе на капитальный ремонт 55 тысяч рублей, на приобретение – 53 тысячи рублей. Сданы в эксплуатацию дома культуры в селе Константиновка на 150 мест, в рабочем посёлке Многовершинный на 300 мест. Произведён капитальный ремонт клубов в сёлах Иннокентьевка, Оремиф» [23, л. 2].

Из отчёта клубных учреждений за 1980 год следует, что за 10 лет (1970–1980-е годы) в системе учреждений культуры государственной сети произошли заметные изменения. Увеличилось количество клубных учреждений на три единицы, шесть клубов преобразованы в дома культуры, открылся ещё один автоклуб.

80-е годы отмечены дальнейшим развитием культурно-досуговой деятельности в Николаевском районе, строительством клубных учреждений, укреплением их материально-технической базы, завершением структурной типизации клубной сети.

В 1980 году было начато строительство дома культуры в селе Красное на 200 мест общей стоимостью 300 тысяч рублей. Финансирование строительства осуществляла Нижнеамурская геологическая экспедиция. Был капитально отремонтирован дом культуры в селе Чныррах. О содержании работы учреждений культуры говорилось в отчёте отдела культуры Николаевского на Амуре горисполкома за 1980 год. Клубные учреждения всю свою работу строили с учётом основных задач, стоявших перед организациями района: успешного выполнения пятого года 10-й пятилетки, пропаганды среди населения решений XXV съезда КПСС, достойной встречи 110-й годовщины со дня рождения В.И. Ленина, 35-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Ярким и боль-

шим событием стал смотр художественной самодеятельности. В нём приняли участие 24 коллектива, в которых было занято более двух тысяч человек: 12 хоров, 24 вокальных дуэта, 22 вокальных группы, 50 солистов, 49 чтецов, 14 вокально-инструментальных ансамблей, 12 танцевальных коллективов, 6 ансамблей народных инструментов, девять драматических коллективов [24, л. 1].

В 1982–1983 годы сеть клубных учреждений пополнилась четырьмя учреждениями. В посёлке Маго профсоюзный клуб рыбного порта был переведён в систему государственной сети, открыт клуб на жилмассиве Овсяное поле. На базе районного Дома культуры созданы городской Дом культуры и агитационно-культурная бригада.

В августе 1982 года был сдан в эксплуатацию Дом культуры на 200 мест в селе Красном. При городском Доме культуры в 1982 году успешно работали коллективы художественной самодеятельности, которым было присвоено звание «народный»: вокально-инструментальный ансамбль «Северянки», народный театр, агитбригада «Время, вперед», кинофотоклуб «Створ». С созданием агитационно-культурной бригады улучшилось концертное обслуживание отдалённых сёл Николаевского района [25, л. 1].

Из статистических отчётов районного дома культуры и городского дома культуры, которые теперь находились в одном здании, следует, что в городском доме культуры были собраны основные творческие силы и профессиональные кадры культпросветработников в количестве 15 человек, было создано 28 кружков художественной самодеятельности, в которых участвовало 845 человек. В районном доме культуры работало четыре методиста, оказывавших методическую и практическую помощь 24-м сельским клубным учреждениям [54, л. 3].

К середине 80-х годов XX века сформировалась современная сеть клубных учреждений, которые были оснащены необходимым нормативным оборудованием. В домах культуры и клубах стали активно внедряться новые формы работы. В соответствии с Постановлением бюро Николаевского-на-Амуре горкома КПСС и исполкома городского Совета народных депутатов от 7 апреля 1983 года «О проведении Дней предприятий и творческих отчётов коллективов художественной самодеятельности города и района, посвящённых 133-й годовщине основания города Николаевска-на-Амуре», в городе и районе в течение года проводились Дни предприятий в основном в форме вечеров чествования передовиков производства, ветеранов труда. Отчётом коллективов художественной самодеятельности стал единый День самодеятельного творчества, который прошёл 18 декабря 1983 года. В этот день во всех учреждениях культуры прошли отчётные концерты, вечера чествования участников художественной самодеятельности, организаторов самодеятельного творчества [29, л. 1].

В 1985 году государственная сеть клубных учреждений достигла своего пика – в Николаевском районе действовало 30 домов культуры и клубов, кроме того, клубной деятельностью занималось восемь профсоюзных домов культуры. В них было организовано 225 кружков художественной самодеятельности, в которых занималось 312 человек.

В это время активизировалась деятельность по сохранению и возрождению национальной культуры коренных малочисленных народов Севера. Из справки заведующей отделом культуры Н.К. Семёновой от 15.07.1985 года «О выполнении постановления ГК КПСС и горисполкома от 14.11.80 № 497 «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию населённых пунктов проживания народностей Севера в Николаевском районе на 1981–1990 годы» известно, что для улучшения работы с народностями Севера из штатов городского Дома культуры была выделена должность методиста по народностям Севера. Здесь же создан национальный ансамбль «Эри» [49, л. 12].

Продолжалась работа по строительству клубов. В отчёте отдела культуры Николаевского-на-Амуре горисполкома о работе клубных учреждений за 1985 год сказано, что в 1986 году планируется капитальный ремонт домов культуры сёл Озерпах, Пуир, строительство клубов в сёлах Тнейвах, Горный [14, л. 1].

Выполняя решение июньского Пленума ЦК КПСС (1983 год), который определил необходимость создания культурно-спортивных комплексов как одного из важнейших средств повышения роли культурно-просветительных учреждений в организации досуга трудящихся, в конце 1984 года в городе Николаевске-на-Амуре был создан КСК (культурно-спортивный комплекс), в него вошли дома культуры, библиотеки, детская школа искусств, детская спортивная школа, кинотеатры и бюро путешествий и экскурсий. Это позволило активизировать досуговую деятельность учреждений культуры в выходные и праздничные дни.

Выполняя постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» (1985 год), культурно-просветительные учреждения включились в противоалкогольную пропаганду. В домах культуры и клубах

проводились циклы мероприятий, пропагандирующие нетерпимое отношение к пьянству [14, л. 7].

В 1987 году главными направлениями деятельности клубных учреждений была пропаганда решений XXVII съезда КПСС, работа по достойной встрече 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции, повышение роли клубных учреждений в организации досуга трудящихся. Важное место занимали вопросы трудового воспитания, коммунистической морали и нравственности, пропаганда советского образа жизни. Из отчёта городского отдела культуры Николаевского-на-Амуре горисполкома за 1987 год следует, что в 1986–1987 годы клубные учреждения начали активно вводить платные услуги для населения в основном, за счёт проведения дискотек, концертов, курсов кройки и шитья, вязания [26, л. 2].

К 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции (1987 год) в Николаевском районе был проведён смотр художественной самодеятельности в рамках II Всесоюзного смотра, в котором приняли участие 25 коллективов с числом участников более двух тысяч человек. В краевом смотре в городе Хабаровске приняли участие лучшие коллективы города Николаевска-на-Амуре: хор ветеранов войны и труда, вокальный ансамбль «Импульс», народный ансамбль танца «Амур». Национальный ансамбль «Эри» стал участником заключительного концерта в городе Москве [26, л. 3].

Конец 80-х годов в развитии клубной культуры был отмечен подготовкой к переходу учреждений культуры на новые условия хозяйствования. Тем не менее, в 1990 году значительно расширились права учреждений культуры. Оказывая платные услуги населению, работники клубных учреждений за выполнение основных показателей по итогам года стали получать денежные премии. Стимулирование труда культпросветработников дало возможность отделу культуры в 1990 году выполнить план по платным услугам на 159 %.

К концу исследуемого периода в развитии клубной культуры в Николаевском районе, по состоянию на 31 декабря 1990 года в городе и районе функционировало 30 клубных учреждений системы Министерства культуры СССР (в 2007 году – 21): три агитационно-культурные бригады, районный Дом культуры, городской Дом культуры, 15 сельских домов культуры в посёлках и сёлах (Маго – три дома культуры, Нижнее-Пронге, Оремиф, Чныррах, Красное, Озерпах, Чля, Иннокентьевка, Сахаровка, Половинка, Пуир, Многовершинный, Константиновка, десять сельских клубов в сёлах Сахаровка, Ново-Покровка, Макаровка, Байдуково, Алеевка, Тнейвах, Подгорное, Свободное, Гырман, Орель-Чля).

Анализируя деятельность сельских клубных учреждений с точки зрения организации досуга населения, необходимо отметить, что эту важнейшую функцию они выполняли меньше всего. В 80-е годы, по-прежнему оставаясь центрами политико-массовой работы, клубные учреждения акцентировали свою деятельность на оказании всяческого содействия выполнению производственных планов, пропаганде передового сельскохозяйственного опыта и тому подобное. О качестве такой досуговой деятельности, как традиционные кинопоказы и танцы для молодёжи, как правило, в приспособленном под клуб помещении – говорить не приходится.

В основном это происходило по той причине, что для организации полноценной досуговой деятельности сельские клубы в массе своей просто не были готовы из-за своей заидеологизированности, а также недостаточности материальной базы и квалификации кадров на селе.

Таким образом, процесс формирования институтов клубной культуры в Николаевском районе в 20–80-е годы XX века прошёл несколько этапов своего развития. В целом развитию клубной культуры этих лет присущи основные закономерности её развития по стране.

Уже в середине XIX века в городе Николаевске-на-Амуре наблюдались первые ростки клубной культуры. С установлением на Дальнем Востоке, в Николаевском округе советской власти начался первый этап формирования клубных учреждений, отвечающих интересам построения социалистического общества. В 20-е годы в населённых пунктах Нижнеамурского района повсеместно открывались избы-читальни и клубы, которые проводили активную работу по ликвидации неграмотности и малограмотности населения, в 50 – 60-е годы продолжался процесс структурной перестройки клубной сети, преобразования клубов в дома культуры, создание передвижных учреждений культуры. В 70–80-е годы создавались клубные системы и культурно-спортивные комплексы. Однако политизация и идеологизация работы клубных учреждений отрицательно сказалась на их содержании, качестве проводимой досуговой деятельности.

Список использованных источников

1. Архивная справка Центрального архива Министерства обороны РФ от 21.11.2006. №5/123796

2. Доклад Николаевского окружного отдела народного образования «О состоянии политпросветработы за 1928 год» // Муниципальный архив Николаевского района (МАНР). Ф. 12. Оп. 1. Д. 70. 97 л.

3. Докладная записка Нижне-Амурского областного отдела народного образования «О состоянии культурного обслуживания народов Севера по Нижнеамурскому району на 1 декабря 1935 года» // МАНР. Ф. 259. Оп. 1. Д. 26. 27 л.

4. Материалы I Николаевского окружного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (15–24.02.1926 г.) // МАНР. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. 321 л.

5. Материалы III Николаевского-на-Амуре городского съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 12-20.01.1929 г. // МАНР. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. 53 л.

6. Материалы V Николаевского районного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 15-20.01.1931 г. // МАНР. Ф. 264. Оп. 1. Д. 12. 251 л.

7. Материалы Нижне-Амурского областного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 1937 года // МАНР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 62. 306 л.

8. Объяснительная записка заведующего Нижне-Амурского ОБЛОНО Сивенкова к отчету за 1938 год // МАНР. Ф. 258. Оп. 1. Д. 91. 97 л.

9. Объяснительная записка к годовому отчёту Нижне-Амурского областного драматического театра за 1941 год // МАНР. Ф. 580. Оп. 1. Д. 3. 22 л.

10. Объяснительная записка Нижне-Амурского ОБЛОНО к плану строительства культурных учреждений в Нижне-Амурской области в третей пятилетке // МАНР. Ф. 259. Оп. 1. Д. 78. 126 л.

11. Основные показатели работы библиотек Николаевского района за 1975 год // МАНР. Ф. 677. Оп. 1.Д. 176. 11 л.

12. Отчёт Нижне-Амурского областного отдела культпросветработы за 1949 год // МАНР. Ф. 555. Оп. 1. Д.2. 14 л.

13. Отчёт Нижне-Амурского областного отдела народного образования о состоянии политпросветработы в 1933–1934 годы // МАНР. Ф. 12. Оп. 1. Д. 79. 129 л.

14. Отчёт Николаевского-на-Амуре горисполкома о работе за 1985 год // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. 10 л.

15. Отчёт Николаевского-на-Амуре городского отдела культуры за 1963 год // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 35. 163 л.

16. Отчёт Николаевского-на-Амуре городского отдела народного образования за 1937 г. // МАНР. Ф. 167. Оп. 1. Д. 36. 36 л.

17. Отчёт Николаевского-на-Амуре отдела культуры за 1968 год // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 82. 24 л.

18. Отчёт о клубных учреждениях по состоянию на 01.01.1976г. // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 174. 48 л.

19. Отчёт о работе культурно-просветительных учреждений Нижне-Амурской области за 1948 год // МАНР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 277. 124 л.

20. Отчёт о работе культурно-просветительных учреждений Нижне-Амурской области по состоянию на 01.01.1953 г. // МАНР. Ф. 555. Оп. 1. Д. 7. 51 л.

21. Отчёт о работе отдела культуры Николаевского-на-Амуре горисполкома за 1973 год // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 154. 38 л.

22. Отчёт о работе отдела культуры Николаевского-на-Амуре горисполкома за 1976 год // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 190. 14 л.

23. Отчёт о работе отдела культуры Николаевского-на-Амуре горисполкома за 1977 год // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 214. 17 л.

24. Отчёт о работе отдела культуры Николаевского-на-Амуре горисполкома за 1980 год // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 242. 12 л.

25. Отчёт о работе отдела культуры Николаевского-на-Амуре горисполкома за 1982 год // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 268. 11 л.

26. Отчёт о работе отдела культуры Николаевского-на-Амуре горисполкома за 1987 год // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 329. 11 л.

27. Отчёт о работе Пуирского сельского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1934 г. // МАНР. Ф. 12. Оп. 1. Д. 31. 89 л.

28. Отчёт о работе сельских клубов и изб-читален Нижнеамурского района за 1950 год // МАНР. Ф. 555. Оп. 1. Д. 6. 152 л.

29. Отчёт отдела культуры Николаевского-на-Амуре горисполкома о работе за 1983 год // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 281. 12 л.

30. Отчётный доклад Николаевского-на-Амуре городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 1932 года // МАНР. Ф. 167. Оп. 1. Д. 15. 95 л.

31. Отчётный доклад Николаевского-на-Амуре уездного исполкома II съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов // МАНР. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. 85 л.

32. Перечень объектов капитального строительства в 1939 году // МАНР. Ф. 167. Оп. 1. Д. 52. 25 л.

33. Письмо заведующего Нижнеамурским районным отделом культуры М. Переверзева председателю Нижнеамурского райисполкома Б. К. Иванову // МАНР. Ф. 632. Оп. 1. Д. 5. 232 л.

34. Письмо заведующего Николаевского-на-Амуре городского отдела культуры Н. Пикулева начальнику Хабаровского краевого управления культуры Братковскому от 31.01.1964 г. // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 38. 132 л.

35. Письмо заведующего Николаевского-на-Амуре городского отдела культуры Н. Пикулева директору Хабаровского краевого Дома народного творчества К. М. Дрерман // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 82. 24 л.

36. Письмо начальника Николаевского-на-Амуре городского отдела культуры П. Е. Ефремова начальнику Дальневосточного политуправления Миронову // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 18. 119 л.

37. Письмо Нижнеамурского районного отдела культуры начальнику Нижне-Амурского областного управления культуры Адобовскому от 19.09.1953 г. // МАНР. Ф. 555. Оп. 1. Д.10. 26 л.

38. Письмо Николаевского-на-Амуре горисполкома в политуправление Дальневосточного военного округа // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 18. 119 л.

39. Письмо заведующего Николаевского-на-Амуре городского отдела культуры дирекции Николаевского-на-Амуре птицесовхоза // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 82. 24 л.

40. План развития культуры города Николаевска-на-Амуре и Николаевского района на 1973–1975 годы // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 140. 76 л.

41. Распоряжение горисполкома Николаевского-на-Амуре городского Совета депутатов трудящихся от 05.04.1971 г. №90 // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 117. 13 л.

42. Распоряжение исполкома Николаевского-на-Амуре городского Совета депутатов трудящихся от 03.03.1966 г. №21-р // МАНР. Ф. 677. оп. 1. Д. 57. 80 л.

43. Решение исполкома Николаевского-на-Амуре городского Совета депутатов трудящихся от 29.11.1968 №518 «Об открытии дома культуры в с. Чардбах» // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 74. 39 л.

44. Решение исполкома Николаевского-на-Амуре городского Совета депутатов трудящихся от 24.01.1966 г. №656 «Об открытии домов культуры в селах Пуир, Озерпах, Байдуково Николаевского района» // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. д. 57. 80 л.

45. Решение Николаевского-на-Амуре городского Совета депутатов трудящихся от 8 июля 1966 года «О переводе районного дома культуры из с. Озерпах в город Николаевск-на-Амуре» // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 57. 80 л.

46. Решение Николаевского-на-Амуре городского Совета депутатов трудящихся от 9 сентября 1966 года №434 «О переводе Льва Толстовского клуба в с. Озерпах» // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 57. 80 л.

47. Сводный план по культурному строительству на 1935–1937 годы по Нижнеамурскому району // МАНР. Ф. 259. Оп. 1. Д. 41. 40 л.

48. Сводный статистический отчёт клубных учреждений за 1972 год // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 139. 156 л.

49. Справка заведующего отделом культуры Николаевского-на-Амуре горисполкома Н. К.Семёновой от 15.07.1985 г. // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 313. 34 л.

50. Справка Нижнеамурского районного отдела культуры // МАНР. Ф. 632. Оп. 1. Д. 5. 232 л.

51. Справка Николаевского городского отдела культуры о работе учреждений культуры города Николаевска-на-Амуре и пригородной зоны по выполнению решений июньского Пленума ЦК КПСС (1963 г.) // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 46. 111 л.

52. Справки Нижнеамурского районного отдела культуры // МАНР. Ф. 555. Оп. 1. Д. 10. 26 л.

53. Статистические отчёты о работе культбазы за 1975 год // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 174. 48 л.

54. Статистические отчёты районного дома культуры и городского дома культуры за 1982 год // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 258. 29 л.

55. Статистический отчёт клуба с. Красное Нижнеамурского района // МАНР. Ф. 555. Оп. 1. Д. 20. 110 л.

56. Статические отчёты клубных учреждений Нижне-Амурской области за 1950 год // МАНР. Ф. 555. Оп. 1. Д. 6. 152 л.

57. Текстовой отчёт Нижне-Амурской областной библиотеки за 1954 год // МАНР. Ф. 555. Оп. 1. Д. 19. 39 л.

58. Ходатайство секретаря Николаевского-на-Амуре горкома КПСС В. Мартынова к начальнику Хабаровского краевого управления культуры П. Н. Слободскому от 08.07.1968 г., справка о работе театра заведующего Николаевским отделом культуры Н. Пикулева // МАНР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 82. 24 л.

59. Белоглазова, С.Б. Культура Дальнего Востока России в условиях общественных трансформаций 20–30-х годов XX в.: очерки истории / С.Б.Белоглазова. – Владивосток : Дальнаука, 2001. – 191 с.

60. Бенсман, Э. Г. Культурное строительство в Хабаровском крае / Э.Г. Бенсман. — Хабаровск : кн. изд-во, 1965. – 112 с.

61. Карамышева, Л. Д. Социально-культурное развитие дальневосточной деревни в послевоенный период (1946–1961 гг.) / Л. Д. Карамышева // Социально-культурное развитие Дальнего Востока СССР (советский период): сб. науч. тр. – Владивосток, 1986. – С. 78–82.

62. Кузнецов, М. С. Дальневосточная партийная организация в борьбе за осуществление задач культурной революции (1928–1937 гг.) / М.С.Кузнецов. – Томск, Изд-во Том. ун-та, 1971. – 386 с.

63. Культурное строительство на Дальнем Востоке (1917–1941 гг.): документы и материалы. – Владивосток : Дальневос. кн. изд-во, 1982. – 494 с.

64. Лыкова, Е. А. Культурные преобразования в дальневосточной деревне в годы Гражданской войны и военной иностранной интервенции (1918—1922 гг.) / Е. А.Лыкова // Социально-культурное развитие СССР (советский период): сб. науч. тр. – Владивосток, 1986. – С. 5–4.

65. Народная библиотека-читальня // Голос учительства. – 1920. –15 мая.

66. Путь мужества. Путь свершений // Ленинское знамя. – 1982. – 24 октября.

67. Сивов, Е. В. Из истории Николаевска-на-Амуре (1850–1917 гг.) / Е.В.Сивов // Ленин. знамя. – 1963. — №82, 83

68. Хабаровский край. География, история, экономика, культурное строительство. — Хабаровск : ОГИЗ : Дальгиз, 1948. – 443 с.

Радишаускайте Наталья Витаутовна,
заведующий сектором по работе
с книжными памятниками отдела
«Краевой научно-исследовательский
центр книжных памятников»
Дальневосточной государственной
научной библиотеки

ЗАБЫТЫЕ ЗНАМЕНИТОСТИ: ЖИЗНЬ И КНИГИ ДЖОРДЖА ЭРНЕСТА МОРРИСОНА

О жизни и деятельности известного австралийского журналиста, специального корреспондента газеты «Таймс» в Азии Джорджа Эрнеста Моррисона, о его книжной коллекции, положившей основу публичной библиотеки Тойо Бунко (Токио, Япония) и книгах с его экслибрисами, хранящихся в фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки.

Слава преходяща – об этом помнили и древние римляне, и китайцы. Человеческая память коротка, и недавние знаменитости, еще вчера бывшие у всех на слуху и на устах, очень быстро становятся всеми забыты. Только наиболее яркие личности и их дела, были ли они ужасающи или прекрасны, выдерживают проверку временем. Человек, о котором мы хотим рассказать, не относится к последним.

В фонде редких книг Дальневосточной государственной научной библиотеки (ДВГНБ) есть несколько изданий с интересным экслибрисом, на котором изображены представители австралийской флоры и фауны и отпечатано имя владельца: «George Ernest Morrison». Вы когда-нибудь слышали о Джордже Эрнесте Моррисоне? Скорее всего, нет. А ведь в свое время его имя гремело на всю Европу и Дальний Восток, бывал он и в Российской империи. Некоторые источники утверждают, что он, наряду со своей современницей, оперной певицей Нелли Мелбой (Nellie Melba), был одним из первых австралийцев, приобретших мировую известность. Но когда мы попытались найти информацию о владельце книг в крупных русско- и англоя-

зычных справочниках, энциклопедиях и словарях, то ничего не обнаружили. Не нашлось интересующих нас сведений и в русскоязычном сегменте Интернета. Зато англоязычные ресурсы оказались более информативными, и в результатах поискового запроса одними из первых вышли ссылки на биографические статьи и рецензии на книги о знаменитом в свое время журналисте лондонской газеты «Таймс» Моррисоне по прозвищу «Пекинец».

Так кем же был этот человек, чем заслужил он свою известность, и каким образом его книги оказались в Дальневосточной государственной научной библиотеке? В своей статье мы постарались ответить на эти вопросы.

Джордж Эрнест Моррисон родился 4 февраля 1862 года в австралийском городе Джилонг, что в штате Виктория. Его родители-шотландцы перебрались в Австралию в 50-х годах XIX века. Отец будущего журналиста, Джордж Моррисон, был директором школы в Джилонге, в которой учился и Джордж-младший, а мать занималась воспитанием детей. Семья Моррисонов была большой – Джордж Эрнест рос вместе с восемью младшими братьями и сестрами. По воспоминаниям «Пекинца» Моррисона, детьми они больше времени проводили в играх на природе, чем за учебой. Ещё в детстве проявились увлечения Джорджа, которые впоследствии позволят ему стать знаменитым – он с ранних лет любил вести дневники, увлекался коллекционированием и пешими путешествиями на большие расстояния.

В 1880 году Джордж Эрнест Моррисон окончил школу и собрался поступать в Мельбурнский университет – на медицинское отделение. Но сначала он решил сделать себе подарок по случаю окончания школы и перед тем, как сдавать экзамены в университет, отправился в пешее путешествие по побережью из родного города в Аделаиду. По разным сведениям, Джордж прошел от 960 до 1200 километров. Свои впечатления и наблюдения он записывал в дневники, которые после продал австралийской газете «Лидер», опубликовавшей их в виде цикла статей. Это было начало 1880 года, и Моррисону недавно исполнилось 18 лет.

Следующим летом, окончив первый курс университета, молодой человек снова отправился в путешествие – на этот раз он спустился на каноэ по реке Муррей от Водонги к Индийскому океану, а обратно в Джилонг вернулся уже пешком. И снова в австралийском

«Лидере» появился цикл статей, созданных на основе дневниковых заметок Джорджа Моррисона. Однако с учёбой дело обстояло не так блестяще – в марте 1882 года Джордж Эрнест провалился на экзамене. Тогда он принял решение оставить университет и устроился работать, по-видимому, внештатным корреспондентов в газету «Эйдж». Уже в апреле Моррисон отправился в Северный Квинсленд, чтобы по заданию газеты провести расследование торговли канаками[1]. Он нанялся матросом на судно «Лавиния» на время трехмесячного вербовочного рейса, и в «Лидере» с октября по декабрь появилось шесть умеренно критических статей на тему торговли аборигенами и рабского труда на австралийских плантациях. За это время Моррисон успел побывать в Порт-Морсби (Папуа–Новая Гвинея) и на острове Терсди, затем оказался в Нормантоне, что у залива Карпентария, откуда 19 декабря направился пешком в Мельбурн, тем самым проделав приблизительно тот же путь, каким когда-то шли Бёрк и Уиллс[2]. Через два месяца он добрался до Куперс-Крик[3], а 21 апреля 1883 года пришёл в Мельбурн, преодолев больше 3200 километров за 123 дня. Матери он писал, что его путешествие отнюдь не явилось испытанием на выносливость, а скорее напоминало приятную прогулку.

Вскоре после своего возвращения Моррисон в открытом письме в «Эйдж» разоблачил «Квинслендскую работорговлю» [7]. Опубликованное письмо нашло бурный отклик и вызвало вопросы к властям Квинсленда со стороны британского Министерства по делам колоний. Многие австралийские газеты выступили против обвинений, выдвинутых Моррисоном в этом письме по отношению к квинслендским властям и жителям, покрывавшим и поддерживавшим торговлю «живым товаром». Ежедневная мельбурнская газета «Аргус» назвала Джорджа Э. Моррисона «молодым джентльменом, приобретшим недолговечную скандальную славу» [6], его путешествие через всю Австралию окрестила «странным и бесцельным достижением» [6], а про его статью в «Эйдж» написала: «Этот неопытный любитель пеших переходов недавно сочинил и опубликовал вызывающую ужас историю убийств и жестокости, представив их как череду событий, в которых он участвовал лично или свидетелем которых являлся» [6]. Как бы то ни было, можно с уверенностью сказать, что Моррисон сыграл определённую роль в борьбе с австралийской работорговлей.

Тем временем, пока шли разбирательства в Квинсленде, Австралия аннексировала часть Новой Гвинеи. И уже в июне Моррисон в качестве специального корреспондента «Эйдж» отправился в Порт-Морсби, откуда 24 июля 1883 года вышел с небольшим отрядом исследовать остров. Во время экспедиции журналист был серьезно ранен в стычке с враждебно настроенными аборигенами. Исследователям пришлось вернуться с полпути, так и не достигнув цели своего путешествия. Несмотря на неудачу, экспедиции Моррисона удалось углубиться в Новую Гвинею гораздо дальше, чем любому другому белому исследователю до этого.

Потребовалось более двух месяцев лечения и несколько операций, но в конце концов австралийские врачи признали, что большего сделать не в силах. Журналист практически полностью оправился от полученных ран, однако в его теле всё ещё оставался наконечник копья, извлечь который не брался ни один местный хирург, опасаясь за жизнь пациента. Джордж Моррисон-старший решил отправить сына на операцию в Шотландию – к профессору хирургии Эдинбургского университета, и в том же году молодой журналист отбыл в Европу. Операция увенчалась успехом, но Моррисон не спешил возвращаться в Австралию. Он возобновил свою учёбу – теперь уже на медицинском отделении Эдинбургского университета. В 1887 году Джордж Эрнест Моррисон окончил Эдинбургский университет, получив степени бакалавра медицины и магистра хирургии.

С 1887 года, то есть после окончания учёбы, Моррисон много путешествовал – он побывал в Соединенных Штатах, в Вест Индии и Испании, где полтора года прослужил военным врачом на угольной шахте, принадлежавшей британской компании. Затем Джордж Эрнест оказался в Марокко, стал личным врачом шерифа Уаззана[4], побывал в самых отдалённых районах страны. Потом он некоторое время учился в Париже у док-

[1] Канаками в XIX в. называли аборигенов тихоокеанских островов, после отмены рабства работавших по контракту в британских колониях. В Австралии так именовали полинезийцев, которых «вербовали» для работы на сахарных плантациях Квинсленда. Процесс «вербовки» мало чем отличался от охоты на рабов и на сленге работорговцев назывался «ловлей черных дроздов» (blackbirding).

[2] Бёрк, Роберт О'Хара (1820–1861) и Уиллс, Уильям Джон (1834–1861) – исследователи Австралии, участники экспедиции 1860–1861 гг., пересекшей материк с севера на юг. Погибли на обратном пути.

[3] Куперс-Крик – река в центральной части Австралии.

[4] Уаззан – город в Марокко, недалеко от побережья Средиземного моря.

тора Шарко, а в 1890 году вернулся домой в Австралию и два года проработал хирургом в больнице Балларата[5]. Но в мае 1893 года у Моррисона вышли разногласия с советом больницы, он уволился и вернулся к кочевой жизни. В этот раз Джордж отправился на Дальний Восток. Сначала он пересёк Филиппины, затем поднялся вверх по побережью Китая, в целях экономии путешествуя в китайском платье и представляясь миссионером. Достигнув Японии, Моррисон решил отправиться через Китай в Бирму, снова повторяя путь немногочисленных предшественников. В феврале 1894 года он вышел из Шанхая в Рангун. Часть пути вверх по реке Янцзы он проделал на лодке, а оставшееся расстояние до бирманской столицы путешествовал верхом или шёл пешком. Переход общей протяженностью в 4800 с лишним километров занял у Джорджа Моррисона 100 дней и обошёлся ему, по собственным подсчётам, дешевле 30 фунтов стерлингов (по другим данным на весь переход он потратил 18 фунтов стерлингов). В эту сумму вошла и оплата двух – трёх слуг-китайцев, которых он менял каждый раз, как вступал в новый район. Он был практически безоружен и знал едва ли с десяток слов по-китайски, но при этом соглашался подстраиваться под обычаи народов, с которыми сталкивался, и уважать их традиции, поэтому везде встречал любезный приём.

Добравшись до Рангуна, Моррисон двинулся в Калькутту, где его свалил сильнейший приступ малярии, от которого австралиец чуть не умер. Ослабевший и нуждавшийся в поправлении здоровья, Джордж Эрнест к концу 1894 года вернулся в Австралию. Но задерживаться на родном материке Моррисон не стал. Оправившись после болезни и вернув себе хорошую форму, он снова покинул Австралийский материк и направился на этот раз в Европу. Уже в феврале 1895 года он был в Лондоне. При себе у Джорджа Моррисона имелась готовая рукопись с описанием его восточных путешествий, – он, по всей видимости, написал её, находясь «на отдыхе» в Австралии. Ведя в Лондоне поиски издателя, Моррисон одновременно заканчивал свою диссертацию о роли наследственности в развитии заболеваний. Защита состоялась в августе в Эдинбургском университете, и Джордж получил степень доктора медицинских наук. К тому времени вышла в свет его книга «Австралиец в Китае», встреченная публикой очень доброжелательно. В своём произведении Моррисон признавался, что изначально испытывал обычную для своих соотечественников[6] сильную неприязнь к китайцам, но к концу его странствий антипатия превратилась в искреннее расположение и благодарность.

Публикация «Австралийца в Китае» привлекла к Моррисону внимание издателя «Таймс» Моберли Белла. Белл пригласил Джорджа на личную встречу, в результате которой австралиец был назначен специальным корреспондентом «Таймс» в Азии. В ноябре 1895 года журналист прибыл в Сиам[7], где в то время возникли трения в отношениях между британцами и французами. Он странствовал из города в город, из деревни в деревню, добывая информацию и снабжая газету острым материалом о французском присутствии в регионе. Его сообщения привлекали пристальное внимание как в Лондоне, так и в Париже. Из Сиама Моррисон отправился на юг Китая, но в Юннане[8] опять серьёзно заболел и вместо путешествия по южному Китаю вынужден был некоторое время провести на одном месте. Оправившись после болезни, Джордж Моррисон снова тронулся в путь. Он изменил первоначальный маршрут и снова углубился в Индокитай, направляясь обратно в столицу Сиама – Бангкок. На пути в Сиам журналист побывал в Сайгоне (Вьетнам) и пересёк территорию Камбоджи, проделав путь в полторы тысячи километров. Его сообщения, отправленные в газету во время этого перехода, высоко оценил не только редактор внешнеполитического отдела «Таймс», но и Министерство иностранных дел Великобритании. За свои заслуги Моррисон в феврале 1897 года был назначен первым постоянным корреспондентом «Таймс» в Пекине, куда он и переехал уже в марте того же года и который стал его домом на последующие двадцать лет. Хотя журналист всё так же много странствовал и так и не овладел китайским языком, для европейцев он превратился в «Пекинца Моррисона», иностранного эксперта по китайской политике.

Австралийцу повезло оказаться в Пекине в то время, когда любое его донесение вызывало всеобщий интерес из-за растущей напряженности в международных отношени-

[5] Балларат – город в Австралии, штат Виктория.

[6] Под «соотечественниками» Моррисон подразумевал британцев, так как всегда считал себя прежде всего гражданином Британской империи, англичанином, и лишь потом – австралийцем.

[7] Сейчас – Таиланд.

[8] Юннань – одна из южных провинций Китая.

ях в этом регионе. В Маньчжурии в тот момент активно действовали русские, и в июне журналист отправился во Владивосток, чтобы оценить обстановку. Из Владивостока Моррисон поехал в Стретенск[9], а оттуда через всю Маньчжурию – снова во Владивосток. Путешествуя по России и Маньчжурии, он беседовал с местными жителями и с приезжими, собирая материал для газеты. Он писал в «Таймс», что русские инженеры проводят предварительную съёмку местности от Кирина до Порт-Артура. 6 марта 1898 года, в день, когда последнее сообщение Джорджа Моррисона достигло Лондона, «Таймс» получила от журналиста ещё одну телеграмму. В ней говорилось, что Россия предъявила Китаю пятидневный ультиматум, требуя разрешить строительство железной дороги до Порт-Артура. Лондонская «Таймс» стала первой газетой, сообщившей эту новость. Это был триумф – как для «Таймс», так и для её корреспондента.

Моррисона по праву можно назвать выдающимся журналистом. Несмотря на то что сам Джордж не раз жаловался друзьям, что не умеет писать, четкость и ясность подачи материала, глубокое знание международной политики и невероятная информированность привлекали к его статьям внимание огромного количества читателей. Многие современники считали австралийца ведущим экспертом по Дальнему Востоку и дальневосточной политике. Конечно, информированность журналиста можно отчасти объяснить тем, что в качестве представителя такой авторитетной газеты как «Таймс» он имел в обществе большой вес и допускался в самые высокие круги. Однако, по мнению многих современников и биографов, детальные, предельно точные репортажи Моррисона, его умение находить информацию служат доказательством того, что он был не просто удачливым, но необычайно талантливым журналистом.

Политическая обстановка в регионе продолжала накаляться. К концу 1897 года Германия захватила бухту Кяо-Чао, и в Китае развернулась серьёзная борьба за политическое превосходство. Моррисон в этих условиях оказался на пике славы, он практически ежедневно отправлял в «Таймс» телеграммы с новыми сообщениями, и весь европейский мир по этим новостям следил за развитием событий на Дальнем Востоке.

В январе 1899 года австралиец снова отправился в Сиам. Ещё раньше, в 1896 году, эта страна заключила неравноправные соглашения с Францией и Англией. По этим соглашениям владения Сиама были разделены на три пояса: области по Меконгу принадлежали сфере влияния Франции, области на Малакском полуострове – сфере влияния Англии, а в управлении сиамского короля оставалась только область р. Менама, образующая государство-буфер между французскими и английскими владениями. Во время пребывания во французской части Сиама, наблюдая за столкновениями между местными жителями и французскими властями, Моррисон в своих сообщениях в «Таймс» указывал, что никакой необходимости во вмешательстве французов во внутренние дела страны не было – Сиам, по мнению журналиста, вполне был способен к самостоятельному управлению. При этом никаких подобных наблюдений в отношении английских колоний он себе не позволял. Позже в том же 1899 году Джордж решил на время оставить Дальний Восток и съездить в более цивилизованные и спокойные места. Первым делом он побывал в Англии, а в начале 1900 года навестил своих родственников в Австралии. Однако долго в родных пенатах задерживаться не стал и уже весной вернулся в Азию. Возвращался на Дальний Восток журналист через Японию, и до приезда в Пекин побывал ещё и в Корее.

Вскоре после возвращения Моррисона в Пекин в Китае началось Боксерское (Ихэтуаньское) восстание. Во время осады посольств с июня по август 1900 года австралиец принимал участие в боевых действиях на стороне колониальных войск, проявляя отвагу и вызываясь выполнять самые опасные задания. В июле Джордж Моррисон получил ранение, спасая другого защитника посольства, и был по ошибке сочтён погибшим. 16 июля 1900 года лондонская «Дейли Мейл» напечатала сообщение специального корреспондента в Китае, в котором говорилось, что доктор Моррисон погиб, защищая осаждённую британскую дипмиссию в Пекине. Согласно этому репортажу защитники посольства отбрасывали одну волну атакующих китайских солдат за другой, пока у них не кончились боеприпасы. После этого охрана миссии была до последнего человека уничтожена, а все остальные, включая доктора Моррисона, «преданы мечу самым зверским

[9] Стретенск (Сретенск) — казачья станица Забайкальской обл. Нерчинского окр., при впадении р. Куренги в Шилку. В конце XIX – начале XX в. являлся конечной станцией Сибирской железной дороги и самым оживленным пунктом Забайкалья, с торговым оборотом около 7 млн. руб. в год.

образом». Нужно отметить, что хотя автором сообщения являлся специальный корреспондент в Китае, отправлено оно было из Шанхая, который от Пекина отделяет почти тысяча километров. Как бы то ни было, репортаж о резне в Пекине был перепечатан во многих газетах. В результате в лондонской «Таймс» появился некролог Моррисону, превозносящий «усопшего» журналиста. Редакция писала, что ни одной другой газете не достался слуга более преданный, бесстрашный и талантливый, но что и дальше подвергать сомнению ужасную «истину» было бы глупо и малодушно. В редакторской колонке были такие строки: «Его последнее сообщение датировалось 14 июня, как раз перед тем как дипломатические миссии были окончательно отрезаны от внешнего мира. Оно не предвещало ничего хорошего. Содрогаешься при мысли о днях и ночах, последовавших за этим, ожидании помощи, которая так и не пришла, когда трагедия наконец подошла к своему финалу и последние героические следы Западной цивилизации в обречённом городе были погребены под непреодолимым потоком азиатского варварства».

Подобные сообщения и статьи, помимо того, что вызывали у публики сочувствие к Моррисону и делали его в глазах общества британским героем, также помогли организовать военную интервенцию европейцев в Китай. Запретный Город в Пекине и в самом деле оказался «обречён»: вскоре он был разграблен карательными войсками «Западной цивилизации». 14 августа 1900 года, после осады, продолжавшейся 55 дней, посольства были освобождены коалиционной армией под командованием английского генерала А. Гэйсли. Европейские и американские солдаты разграбили практически все дворцы и богатые дома в Пекине, и Моррисон, хотя и осуждал бесчинства оккупационных войск, особенно немцев, сам не брезговал мародерством, вынося из домов шелка, меха, фарфор и бронзу.

В последующие месяцы будущее Китая как единого государства висело на волоске, и Моррисону своими репортажами в «Таймс» удалось донести до британской публики всю невероятную напряженность обстановки. Хотя Россия и Япония объединились в попытках противостоять разделу Китая, от последнего все же потребовали существенных компенсаций. Моррисону пришлось коренным образом пересмотреть некоторые свои взгляды, и в последовавшие за Боксерским восстанием годы он сделался решительным сторонником Японии, воспринимая её как противовес растущему давлению русских на Китай. Он приветствовал разразившуюся в 1904 году войну между Японией и Россией. С самого начала военных действий он в качестве иностранного корреспондента находился при японской армии. Австралиец присутствовал при входе японцев в Порт-Артур (ныне Люйшунь) в начале 1905 года и представлял «Таймс» в Портсмуте (США) при подписании мирного договора между Россией и Японией. Несмотря на прояпонские взгляды Моррисона, граф С.Ю. Витте, глава русской делегации в Портсмуте, имел с журналистом длительную беседу. Дипломатическое и политическое влияние Джорджа Моррисона росло.

При этом личная жизнь у австралийца не складывалась. Джордж, по свидетельствам друзей, явно чувствовал недостаток близких отношений; его здоровье, подорванное ещё в молодости, всё ухудшалось, и даже сотрудничество с «Таймс» уже не доставляло ему прежнего удовлетворения – редакционная правка его репортажей вызывала у журналиста всё большее недовольство. В 1907 году он отказался от должности редактора зарубежного отдела в «Таймс», и, по некоторым свидетельствам, стал задумываться о смене деятельности. Джордж какое-то время помышлял о возвращении в Австралию, куда снова ездил в 1900 и 1902 – 1903 годах: там «Пекинец» Моррисон думал заняться политической деятельностью. Он периодически переписывался с известными австралийскими политиками, включая Альфреда Дикина[10] и Генри Хиггинса[11], который приходился ему зятем, поэтому политическая ситуация на родине была ему знакома. Однако вскоре он, по-видимому, оставил эту идею. Потом Джордж Эрнест некоторое время лелеял мысль стать британским советником в Пекине, но и она не привела ни к какому результату. В конце концов австралиец так и остался специальным корреспондентом «Таймс» в Пекине, хотя в городе его можно было застать очень редко – он по-прежнему много путешествовал.

В 1907 году Моррисон пересёк Китай, пройдя от Пекина до французской границы территории Тонкин[12], а в 1910 году проехал

[10] Дикин, Альфред (Deakin, Alfred) (1856 – 1919) – премьер-министр Австралии.

[11] Хиггинс, Генри (Higgins, Henry Bournes) (1851 – 1929) – известный австралийский политический деятель, судья.

[12] Тонкин – европейское название северных районов Вьетнама в XVI – XIX вв. После завоевания Вьетнама в 1884 г. французскими колонизаторами – название северной части страны (к С. от современной провинции Тханьхоа) (во французских официальных до-

через Азию верхом от провинции Хонань в Китае до Андижана, что в Русском Туркестане[13]. Пройденное расстояние составило около 6 000 км, а всё путешествие заняло 175 дней. Из Андижана Моррисон поездом отправился в Санкт-Петербург, а оттуда – в Лондон, куда прибыл 29 июля 1910 года. Пробыв некоторое время в английской столице, Джордж снова собрался в дорогу – пора было возвращаться в Азию. В Китае журналист оказался как раз к тому моменту, когда в Маньчжурии разразилась эпидемия лёгочной чумы. Моррисон сразу же перебрался из Пекина в Харбин, поближе к центру событий, не обращая внимания на свирепствовавшую там болезнь. В Харбине китайский врач Ву Лиен Те сумел остановить распространение смертельной болезни, угрожавшей разойтись по всему миру. Моррисон внёс свой вклад в борьбу с эпидемией, опубликовав серию статей, призывавших европейцев создать в Китае современную, основанную на последних достижениях медицинской науки, службу здравоохранения.

В 1911 году, когда в Китае началась революция, положившая конец правлению Маньчжурской династии, Моррисон опять находился в Пекине. Он принял сторону революционеров и снова, как и во времена Боксерского восстания, чётко и точно освещал происходящее для читателей «Таймс». В начале 1912 года революция завершилась провозглашением в Китае республики.

О том, что журналист пользовался уважением не только среди европейцев, но и среди китайских граждан, говорит тот факт, что после провозглашения республики первый президент Китая Юань Ши-кай предложил Джорджу Моррисону стать правительственным советником. В августе 1912 года Моррисон, приняв предложение Юань Шикая, оставил свою должность в «Таймс» и стал советником президента в Китае. Новая должность хорошо оплачивалась – зарплата бывшего журналиста составила около 40000 фунтов стерлингов в год. Приняв назначение, Моррисон практически сразу же поехал в Лондон, чтобы помочь выпустить китайский заём в 10 млн фунтов стерлингов. Находясь в Англии, 26 августа 1912 года Джордж Моррисон женился на Дженни Уарк Робин, своей секретарше, уроженке Новой Зеландии, которая была младше Моррисона на 27 лет. Брак оказался счастливым, но новое положение в качестве китайского советника приносило ещё более беспокойства, чем работа корреспондента. В течение следующих лет Джорджу Моррисону постоянно приходилось иметь дело как с международными, так и с внутрикитайскими политическими интригами. Тем не менее, ему удалось добиться кое-каких скромных успехов. Например, биографы австралийца ставят ему в заслугу смягчение пресловутого «21 требования», которые Япония предъявила Китаю в 1915 году. Хотя советник и не принимал участия в переговорах между Японией и Китаем, он опубликовал эти требования в зарубежной прессе, что привело к вмешательству в переговоры европейских государств и США и стало причиной небольших уступок со стороны Японии.

Убеждённый в том, что новая республика должна принимать активное участие в мировой дипломатии, Моррисон усиленно старался вовлечь Китай в войну с Германией. Он также хотел сохранить целостность Китайского государства перед лицом того, что теперь воспринимал как главную угрозу – агрессивный, требующий исключительных привилегий японский империализм. Лучшим путём достижения этой цели австралиец считал поддержание старых связей с Британией. Как политическому деятелю Джорджу Моррисону не приходилось сидеть на месте – он участвовал в международных переговорах, ездил с различными миссиями во многие страны мира. В декабре 1917 года Моррисон снова оказался в Австралии. Там он выступал с речами в поддержку второго воинского призыва, идея которого провалилась на всеавстралийском референдуме, но больше всего в своих выступлениях Моррисон говорил о развитии торговых отношений между Австралией и Китаем.

Участие Китая в первой мировой войне обеспечило молодой республике место на Парижской конференции в Версале в 1919 году, и Моррисон представлял Китай на переговорах. Но это не помешало «союзникам» Китая поставить интересы Японии выше китайских, что вызвало рост национализма в

кументах называлась «протекторат Тонкин»). Эта территория Вьетнама с 1887г. входила в состав так называемого Индокитайского Союза (Индокитай Французский). После образования ДРВ (1945) территория Тонкин именуется Бакбо.

[13] Туркестан — название историческо-географического региона Центральной Азии в XIX веке и начале XX века. В состав этого региона входили территории следующих современных государств: Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Киргизстана и Казахстана, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, тюркоязычные регионы юга Сибири, а также север Афганистана и Ирана. Условно Туркестан делился на Западный (Русский), Восточный (Китайский), Южный (северная часть Афганистана и Ирана). В середине 1920-х годов термин Туркестан постепенно вышел из употребления и был заменён термином Средняя Азия.

Китайской республике, вылившегося в возникновение движения, известного как движение 4 мая. Однако Джорджу Моррисону уже не довелось этого увидеть. Его здоровье стало сильно сдавать, и в мае 1919 года, не дожидаясь окончания мирных переговоров, серьёзно больной, он подал в отставку и из Парижа перебрался в Англию. Через год, 30 мая 1920 года, Джордж Эрнест Моррисон скончался и был похоронен в Англии, в городе Сидмут, где провёл последний год своей жизни. Жена пережила его всего на три года, умерев в 1923 году. После Моррисонов осталось трое сыновей. Старший сын Иан (1913 – 1953), как и отец, стал журналистом и был убит во время войны в Корее, где работал военным корреспондентом «Таймс». Второй сын, Аластер, (1915 – 2009) стал разведчиком, а младший, Колин, (1917 – 1990) всю взрослую жизнь прожил в Гонконге, служил в правительстве, а после ранней отставки по семейным обстоятельствам работал школьным учителем.

За все годы, что Джордж Моррисон провел в Китае, он так толком и не выучил китайский язык, а читать по-китайски не умел совсем. Но зато почти сразу после прибытия в Пекин в 1897 году в качестве собственного корреспондента «Таймс» австралиец начал собирать все печатные материалы, какие только мог найти на западноевропейских языках, касающиеся Китая. «Нужда заставила меня создать такую библиотеку… Другой сколько-нибудь серьёзной библиотеки не существовало», – писал он впоследствии [4, p. 162].

Книги в Китае в то время были очень дешевы, и за три года журналисту, по свидетельству современников, удалось собрать лучшую коллекцию во всем Китае. Во время осады Пекина в 1900 году (Боксерское восстание) почти все книги как на западноевропейских, так и на китайском языках были уничтожены. Первый дом Моррисона располагался в посольском квартале, который во время Боксерского восстания пострадал очень сильно. Сам дом журналиста был разрушен, но, по счастливому стечению обстоятельств, библиотека, которая хранилась неподалеку от дома, была вывезена во дворец принца Сы-Е-Фу до того, как квартал подожгли. Таким образом, библиотека чудом была спасена. В последующие годы Джордж Моррисон продолжал пополнять свою коллекцию. При этом он очень аккуратно вёл рукописный каталог своей библиотеки. В 1902 году австралиец переехал в дом, расположенный в Китайском квартале. Рядом с домом он построил из огнестойких материалов низкое здание, в котором и разместил свою обширную коллекцию. В 1911 году «Норт Чайна Дейли» так описывала библиотеку Моррисона: «Если идти по границе Посольского квартала в Пекине, то по пути встречается типичный китайский дом, с обращённой к улице внешней стеной, большим двором внутри, домом с одной стороны и длинным низким зданием с другой… Длинное здание и есть его библиотека, хранящая, возможно, лучшую на сегодняшний день коллекцию книг, посвящённых Дальнему Востоку. Она упорядочена, все материалы систематизированы и снабжены метками. В последнем можно удостовериться сразу. Чисто выбритый, крепко сбитый австралиец любит показывать заинтересованному посетителю свои книги, вырезки, рассказывать о собственных приёмах классификации» [5].

Собранная библиотека обеспечивала Моррисону фактический, исторический материал при написании статей о Китае и создавалась по необходимости. Вспоминая о том, как начиналась его коллекция, Джордж писал: «Я не нашёл ни одной библиотеки, достойной так называться; существовали только разрозненные книжные собрания, более или менее скудные, принадлежавшие частным владельцам. Для серьезно настроенного студента вообще не было доступной библиотеки» [5]. Коллекционирование книг стало для австралийца увлечением, которое довольно быстро переросло в одержимость. На содержание и пополнение библиотеки уходила львиная доля журналистского жалования Моррисона. Он пополнял свою коллекцию почти ежедневно. Один американец, посетивший библиотеку, писал: «Думаю, он тратит на них (книги) большую часть своего дохода» [4, p. 162].

Частная коллекция австралийца была широко известна в Пекине, и Моррисон щедро разрешал пользоваться своими книгами как китайским, так и европейским студентам и исследователям. Многие иностранцы, писавшие о Китае в начале XX века, называли его библиотеку неоценимой. Один из посетителей библиотеки в 1917 году писал, что у Моррисона была лучшая научная библиотека в Китае и что она превосходила по полноте материалов на западноевропейских языках библиотеку Королевского азиатского общества в Шанхае [4, p. 162]. В свою очередь, авторы зачастую в виде благодарности дарили

журналисту экземпляры своих законченных работ для его коллекции.

Но в связи с тем, что библиотека все-таки была личная, для публичного использования она подходила мало: «Будучи частным собранием, она (библиотека) содержится в здании, не оборудованном для посетителей, а самым большим недостатком является то, что здание не отапливается зимой, так что несколько месяцев там невозможно работать» [4, p. 162]. Однако холодный и сухой климат Китая, малоподходящий для научных исследований в библиотеке, был смертелен для насекомых, которые являлись проклятием частных собраний на юге страны. Книги Пекинца Моррисона были в прекрасном состоянии, в отличие от многих изданий, входивших в состав южных библиотек.

На протяжении всей своей журналистской карьеры в Пекине Джордж Эрнест Моррисон утверждал, что после его смерти библиотека будет передана в общественное учреждение и останется в Китае. Но с ростом библиотеки австралиец обнаружил, что она отнимает у него слишком много времени и энергии и он не справляется с её содержанием. После того как в 1912 году Джордж Моррисон стал советником Юань Ши-кая, он решил продать библиотеку. Австралиец нанял трёх секретарей, чтобы составить каталог коллекции, которая на тот момент состояла из 24000 единиц, включая около 6000 брошюр, 1000 карт и гравюр и более 100 комплектов периодических и сериальных изданий [5].

Коллекция содержала книги и другие материалы различной тематики более чем на двадцати языках: там можно было найти информацию по истории европейских и американских отношений с Китаем, отчёты миссионеров и консулов, издания Морской таможенной службы Китая[14], рукописи, а также публикации по политической истории, экономике, общественным нравам, ботанике, географии, геологии, орнитологии, включая впечатляющую подборку журналов, большинство из которых было представлено полными комплектами. Имелись среди всех этих богатств и редкости: например, у Моррисона хранились рукописные дневники и подборка писем лорда Макартни[15], а также судовой журнал фрегата «Лайон», который привез Макартни с первым британским посольством к Цинскому двору в 1792 году.

Моррисон надеялся, что его книжное собрание останется в Китае и что его дом превратится в библиотеку, которая будет носить его имя: «Если она (библиотека) будет куплена китайским правительством, я подарю правительству свою недвижимость в Пекине, которой владею на правах собственника – огнестойкое здание библиотеки… Второй этаж моего дома можно использовать как жилье для библиотекаря-иностранца, пока каталог не будет составлен и напечатан. Первый этаж можно оборудовать под читальный зал… Я намерен просить, чтобы библиотеке оставили мое имя» [5].

Китайцы питали надежду, что австралиец библиотеку принесёт в дар, но Моррисон не считал возможным так поступить, поскольку он недавно женился и ему нужно было содержать семью. Несколько американских университетов выразили заинтересованность, а некоторые даже обратились к Джорджу с предложениями о покупке его коллекции, но «Пекинец» Моррисон отклонил все предложения, потому что хотел, чтобы его библиотека осталась в Восточной Азии. В 1917 году (по другим данным – в 1918 году) он продал свое книжное собрание барону Ивасаки[16], бывшему президенту концерна «Мицубиси», за 35000 фунтов стерлингов. Библиотека была перевезена в Токио, и в 1924 году коллекция Моррисона стала ядром публичной библиотеки Тойо Бунко (Токио, Япония), где и хранится до сих пор.

Содержание и объём собранной Джорджем Моррисоном книжной коллекции можно оценить по её двухтомному каталогу, который Тойо Бунко выпустила в том же 1924 году. Материалы коллекции были систематизированы в каталоге по языкам. Первый том содержал описания книг и других материалов на английском языке, которые составляли примерно 65% от всего объёма книжного собрания. Во втором томе были помещены описания материалов на других языках – преимущественно на французском, но в коллекции Моррисона были также материалы на немецком, латыни, итальянском,

[14] Морская таможенная служба Китая (The Chinese Maritime Customs Service) – существовала с 1854 г. Государственный орган в Китайской империи, служащими в котором являлись иностранные, преимущественно – британские граждане. Выпускал сериальные печатные издания различной периодичности. Печатались материалы самого разнообразного характера, начиная от экономических и политических и заканчивая метеорологическими и образовательными. Всего выходило шесть серий.

[15] Макартни, Джордж (1737 – 1806) – первый британский посланник в Китае, автор нескольких книг о Китае.

[16] Ивасаки, Хисайя (1865 – 1955) – сын основателя концерна «Мицубиси» Ятаро Ивасаки.

голландском, русском (транслитерированном английским алфавитом), испанском, португальском, а также некоторые труды на шведском, норвежском, кельтском и других языках.

Большинство сочинений в коллекции представляло собой современные австралийцу исследования и научные труды, но Моррисон как библиофил питал страсть к истории. Среди его сокровищ были девять разных изданий путешествий Джона Мандевилля[17] и около сорока изданий путешествия Марко Поло, самое раннее из которых датировалось 1485 годом. В библиотеке австралийца имелось также редкое издание второго тома «Робинзона Крузо» Д. Дэфо (воображаемые странствия Крузо пролегали также и через Китай). Большинство этих книг было приобретено владельцем в антикварных магазинах Лондона. Также в каталог вошло 120 наименований сериальных изданий, среди которых полный комплект «Чайниз Репозитори» и уже упоминавшиеся журналы китайской Морской таможенной службы. Хотя основной темой собранных Моррисоном материалов был Китай, его коллекция включала несколько публикаций, посвящённых соседствующим с Китаем территориям.

Сегодня в том районе Пекина, где жил Джордж Эрнест Моррисон, не сохранилось о нём ни одного упоминания. Улица, которая носила его имя, давно переименована. Дом, в котором жил Моррисон, и здание его библиотеки были уничтожены в 2007 году – во время подготовки города к Олимпийским играм. Но к тому времени местные жители уже не помнили, кому в начале XX века принадлежал этот дом, а в бывшем здании библиотеки за прошедшие со смерти австралийца десятилетия размещались самые различные учреждения, последним из которых было общежитие.

Повторим ещё раз – слава преходяща. Как ни известен был Джордж Моррисон в начале XX века, в начале века XXI о нём помнят лишь немногие. Как уже упоминалось, мы заинтересовались этим человеком потому, что среди редких книг ДВГНБ есть около десяти изданий с его экслибрисом. Каким образом они попали в г. Хабаровск, пока установить не удалось. Эти книги поступили в фонды библиотеки согласно учётным документам в 1935 году. Можно предположить, что они каким-то образом были вывезены из Японии и впоследствии подарены дальневосточной библиотеке. Это отнюдь не самые редкие экземпляры коллекции Моррисона: все книги изданы в XIX – начале XX века и не являются редкими сами по себе. Интересны они, прежде всего, тем, что принадлежали знаменитой в свое время личности. Получается, что, хотя имя Джорджа Эрнеста Моррисона сегодня забыто большинством людей, его книги время от времени напоминают нам о нём.

[17] «Путешествия сэра Джона Мандевиля» – знаменитая книга XIV в. Описывает вымышленные путешествия по Азии и Африке; написана в своеобразном стиле, когда фактически точные подробности перемешаны с чудесами и фантастикой. Автор неизвестен. Книга была очень популярна, в рукописном варианте была переведена как минимум на девять языков, выдержала несколько печатных переизданий.

Список использованных источников

1. Fitzgerald R. Morrison Of Peking, Not Of Perfection // The Sydney Morning Herald. – 2004. – 20 March.

2. Gregory J. S. Morrison, George Ernest (Chinese) (1862–1920) // The Australian Dictionary of Biography. – Vol. 10. – Melbourne, 1986. – P. 593–596.

3. Morrison of Peking: Book Review. URL : http: // date-linehk.blogspot.com/2009_03_01_archive.html

4. Otness H. M. The Morrison Libraries : A Tale of Two Private Chinese Collections // Journal of Library and Information Science. – 1982. – October. – P. 159–164.

5. Roberts C. George E. Morrison's Studio and Library. URL : http: // www.chinaheritagequarterly.org/features.php?searchterm=013_morrison.inc&issue=013.

6. The Argus. – 1883. – 30 May (Wednesday). – P. 5.

7. The Brisbane Courier. – 1883. – 25 May (Friday). – P. 3

Богодайко Ольга Викторовна,
доцент филиала
Санкт-Петербургского института
внешнеэкономических связей,
экономики и права в г. Хабаровске

ШАМАНСТВО У ОРОЧЕЙ

В статье рассматриваются проблемы шаманизма орочей – одного из тунгусо-маньчжурских этносов Приамурья.

Шаманство – особый синкретический сплав, синтез анимистической мифологии и раннерелигиозных воззрений, существенно отличающийся от догматических в своей основе современных религиозных систем.

Общеизвестный факт: термины «шаман» и «шаманство» произошли от общего корня слов тунгусо-маньчжуров «*са*». Семантика данного корня, по предположению А.В. Смоляк, у нанайцев, негидальцев, орочей, удэгейцев, уйльта, ульчей, эвенков, эвенов общая и в переводе означает «знать», «знание», «познавать» [31, с. 56, 57].

Исследованию шаманизма у этносов Нижнего Амура и Сахалина посвящены труды отечественных учёных С.В. Березницкого, Г.М. Василевича, А.М. Золотарёва, А.И. Липского, Н.А. Липской-Вальронд, И.А. Лопатина, А.В. Смоляк, П.И. Шимкевича, Л.И. Шренка, Л.Я. Штернберга и других. [6, с. 269–316; 9, с. 139–146; 10, с. 53–61; 15; 20; 21; 22; 31; 32; 33, с. 1–21; 34, с. 135–148; 35; 36; 37; 40 и др.]. Впервые в североведении С.Н. Скоринов рассмотрел шаманство аборигенов юга Дальнего Востока России как мифотворческий феномен [29, с. 186–204; 30, с. 51–54 и др.].

У орочей шаманство носило родовой характер. Обычно в каждом роду были один сильный шаман *сагды* и несколько слабых шаманов *нити самани*, которые оказывали помощь сильному во время его камланий. Простых людей, камлавших в основном только для себя, называли *соггы-самани* или

совгене-самани [5, с. 113, 164]. Шаманом мог стать человек, обладающий легко возбудимой неустойчивой психикой, сильным воображением, отличной памятью, развитой интуицией, способностью к самовнушению и гипнозу, а также артистическим талантом и значительной суммой рациональных знаний для предвидения событий.

Сагды самани становились как мужчины, так и женщины. Но мужчин среди шаманов было больше. Шаманы подразделялись по моральному признаку на добрых (белых) и злых (чёрных). При этом полагалось, что большинство из них было добрыми. А злыми орочи признавали шаманов других родов или народов, враждебно настроенных по отношению к их роду. Принято считать, что шаманский дар проявлялся у людей в период полового созревания. Зачастую он передавался по наследству [5, с. 105, 164; 12, с. 321; 24, с. 73; 32, с. 8].

На основе анализа этнографического материала принято в шаманской обряде инициации выделять три этапа: избранничество духами; посвящение, производимое более опытным шаманом; оживление бубна и других шаманских принадлежностей [26, с. 4]. По мнению С.В. Березницкого, у орочей представлены лишь два первых этапа [5, с.106].

Обряд шаманской инициации начинался с ритуала избрания духом-покровителем последнего умершего в роду шамана его духовного преемника. Призыв к шаманству человек получал обычно во время сновидения или в бреду. Увидев во сне духа-покровителя, молодой человек «заболевал». Если этот дух не оставлял его, то будущего шамана везли к *сагды самани*. В это время к нему приезжали и другие шаманы для того, чтобы отыскать и «вооружить» будущего шамана духами-помощниками. Молодого человека заставляли камлать несколько раз в сутки, провоцируя тем самым у него припадки, которые могли продолжаться несколько месяцев. Таким мучительно болезненным способом «выковывалась» душа *сагды самани* [5, с. 105, 106]. При этом необходимо заметить, что в отличие от души простого аборигена, душа шамана *ханя самани* проходила особый сложный и опасный путь мифологического рождения и становления.

Согласно шаманской мифологии, *ханя самани* была создана небесным духом, культурным героем тунгусо-маньчжурских народов Амура и Сахалина *Хадау*. На наковальне, имеющей вид безрогого лося, он выковал из железа душу большого шамана. Ему помогал дух-помощник *боочо*, который раздувал меха *кугу*. Горном являлось мифическое существо – железная жаба. Когда *боочо* надувал её ме-

хами через задний проход, изо рта мифической жабы вырывалось пламя. На этом огне выковывались шаманские духи-помощники и различные ритуальные атрибуты.

После изготовления души шамана и всего необходимого для его деятельности, *ханя самани* поступала на воспитание к жене *Хадау Хадау мамачани*. Она укладывала её в каменную люльку, подвешенную на двух железных змеях. Вынянчив *ханя самани*, *Хадау мамачани* превращала её в рыбу, которую выпускала в реку, берущей своё начало от той самой каменной люльки. По этой мифической реке рыба – душа шамана – спускалась в озеро, где её ожидали испытания. Затем она плыла у западного берега озера, около которого её подкарауливал злой дух с острогой. Если *ханя самани* удавалось увернуться от неё, то на своём пути она встречала железный помост, по которому взад-вперёд бегала собака.

Не преодолев это препятствие, *ханя самани* поворачивала назад и пыталась проплыть у восточного побережья озера. У самого устья реки она встречала заездок ещё одного злого духа, который каменным топором глушил каждую попавшую к нему рыбу. Потом он нёс *ханя* в своё жилище, приводил в чувство и предлагал ей отведать человечьего мяса. Если душа соглашалась с этим предложением, то шаман, в которого она впоследствии вселялась, превращался в демоническое существо: питался душами людей и грыз покойников. Такую душу злой дух выпускал в озеро. А не поддавшуюся на его уговоры *ханя* он сам пытался съесть. Только ловким и сообразительным душам удавалось вырваться из плена и убежать в озеро.

Проплыв между девятью подводными камнями, рыба – *ханя самани* выбиралась – из опасного озера и попадала в реку, соединяющую его с моржовым морем. В устье этой реки её встречало последнее и самое опасное препятствие. Здесь *ханя самани* поджидал сам *Хадау* с гарпуном, ремень которого держали девять духов с остроконечными головами *боочо* и девять духов с круглыми головами *манги*. *Хадау* без промаха попадал своим гарпуном в каждую рыбу. Если *ханя* оказывалась слабой, то он убивал её. Но если же душа была сильной, то она с наконечником гарпуна в спине плыла дальше, увлекая за собой всех восемнадцать духов, держащихся за ремень. Впоследствии эти духи становились ближайшими помощниками шамана.

В моржовом море *ханя самани* приобретала человеческий облик. *Хадау* предоставлял ей самоходную лодку. Душа усаживалась в середину лодки, в носу лодки садились по одному духу-помощнику, а остальные – в кормовой её части. Духи-помощники держали *ханя самани* за пояс, в который превращался ремень гарпуна. На лодке душа шамана плыла вначале по моржовому, затем по китовому морю, проезжала мимо моря хозяина рыб и подплывала к берегу материка. Там и происходило её вселение в избранного человека, с тем, чтобы превратить его в *сагды самани* [2, с. 331, 332].

После того, как действующие шаманы собрали «воинство духов», исполнялся следующий этап инициации – посвящение в шаманы. Оно начиналось с ритуала обряжения кандидата в шаманы в заранее изготовленные шаманские одежды с изображением духов-помощников. Потом посвящаемого усаживали на пол или землю. В таком положении он находился до тех пор, пока не приходил в сильное возбуждение, свидетельствующее об изменении его сознания. Тогда им брался бубен и совершалось камлание [4, с. 337]. Но не всегда из человека, прошедшего ритуал посвящения, рождался шаман. Изредка всё-таки бывало, что человек с сильной волей не подчинялся призыву духов [5, с. 106].

Исследуя в начале XX века нанайское шаманство, Л.Я. Штернберг высказал идею о сексуальном избранничестве шамана. По мнению его информантов, в будущего шамана влюблялся некий дух противоположного пола [40, с. 144]. Примечательно, что среди одного из орочских *сагды самани* зафиксирована небесная жена *асена*, что тоже может свидетельствовать о наличии некоторых элементов сексуального избранничества у орочских шаманов [5, с. 106].

Магическую силу шамана и его власть над духами-помощниками можно было измерить той скоростью, с которой он впадал в экстаз. Шаман начинал готовиться к камланию заблаговременно. Он отрешался от повседневной суеты и бытовых дел, даже лишал себя отдыха, сна, пищи, сосредотачивался и настраивался на совершение ритуала [23, с. 26].

Обычно камлание проводилось ночью. По сведениям орочей поселков Снежный Комсомольского и Датта Ванинского районов Хабаровского края, в это время запрещалось всем думать и говорить о шамане и его духах-помощниках, чтобы нечаянно не навредить ему [5, с. 111]. Для доведения себя до экстаза, шаман пил морскую воду, глотал дым, как правило, горящего багульника, жевал его корень [37, с. 434]. Возникающие во время экстаза шаманские видения есть не что иное, как восхождение к глубинам бессознательного, к архетипическим образам и символам, рассказ о которых вызывал у

участников камлания соответствующий ассоциативный символический ряд.

Иногда шамана могли одолеть простые люди. Достаточно было во время шаманского полёта выстрелить в него деревянной стрелой, а затем после его падения выжечь железом волосы на голове, вырвать перья и помазать женской менструальной кровью. От таких действий шаман мог умереть, а если выживал, то лишался способности летать [39, л. 110].

В отличие от слабого шамана только *сагды самани* имел право проводить обряд благодарения духов – *уни*, поиск души *ханя* больного человека – *ханява* или *ханяла*, а также совершать путешествие на лунную и солнечную земли, проводы души покойного *букки* в загробный мир *буни*. Во время тяжёлого заболевания самих или близких орочи обращались за помощью к *сагды самани*. Сильный шаман имел и сильного духа-покровителя с множеством духов-помощников, которые подсказывали ему правильное решение в трудных ситуациях. Иногда *сагды самани* мог прибегать и к помощи злых духов. Но в этом случае шаман, добившись положительного результата, должен был обмануть, запутать или даже убить злого духа, так как он обязательно бы отомстил ему.

Вокруг каждого *сагды самани* складывались различные мифоистории. Как утверждали орочи, шаман не только летал на своём бубне, имел недюжинную физическую силу, но и обладал способностью достать предмет, находящийся далеко от места камлания [5, с. 141–143]. Кроме этого, некоторые шаманы во время камлания просили присутствующих стрелять в них из ружья. По рассказу внучки шамана С.М. Хутунка Л.А. Гришиной, записанному С.В. Березницким, её дед мог летать, превратившись в ворону, пронзать себя насквозь ножом и вынимать его через большое родимое пятно на спине, не испытывая при этом боли, причём на теле его не выступало ни капли крови. Орочами назывались конкретные женщины, родившие, благодаря его способности похищать души детей на небесном родовом древе и вселять их в лоно матери. В борьбе за правое дело он мог убивать своим камланием злых шаманов и шаманок [5, с. 111]. Вообще сохранилась информация о том, что орочские шаманы часто летали на Амур сражаться со злыми нанайскими шаманами, воевали они и с удэгейскими шаманами. Правда, зачастую орочи признавались, что их шаманы уступали в силе как нанайским, так и удэгейским шаманам [5, с. 112].

Сагды самани имели полный набор шаманских принадлежностей: многочисленные деревянные изображения духов *сэвэки* и культовые жертвенные сооружения и тому подобное. Он располагал несколькими облачениями: обычным «рабочим»; полным, надеваемым для исполнения ритуала *ханява* и жертвоприношений; парадным, необходимым для выполнения ритуала *уни* [3, л. 405].

Отечественное североведение в шаманском облачении народов Сибири и Дальнего Востока выделяет как звериный, так и птичий «стиль». По всей видимости, в орочском шаманстве доминировал птичий «стиль», появившийся в более поздние времена с развитием мифопредставлений о верхнем небесном мире [27, с. 8]. Однако в шаманском облачении был представлен и звериный «стиль», например, нередко на колотушке для бубна с тыльной её стороны вырезали изображение медведя или тигра; фигурки животных имелись и на головном уборе *уни айу*; нижняя часть посоха оформлялась в виде лапы медведя или копыта лоси и др. [5, с. 113].

Любой шаманский костюм состоял из шаманской шапки, халата, юбки, нагрудника, наголенников и обуви. На локтях, коленях и щиколотках подвязывались пучки стружек *илау*. Все детали костюма, как правило, несли на себе символические изображения духов-помощников, имеющие обязательные отличия у доброго и злого шаманов.

В основном шаманская шапка была похожа на обычную [2, л. 406], а как утверждал В.Г. Ларькин, иногда в шаманских ритуалах использовалась повседневная шапка [18, с. 102]. Роль головного убора у шамана мог играть венок, сплетённый из стружек *илау*. Но специально для исполнения обряда *уни* изготавливался головной убор *уни айу*, а для обряда *ханява – ханява айу* [17, л. 6].

В качестве шаманского халата *тэга самани* могли быть использованы обычного покроя повседневные халаты. Во время проведения обряда *уни* шаман мог облачиться в дорогой шёлковый китайский халат. Исходя из процедуры камлания, *сагды самани* надевал на себя один китайский халат и несколько повседневных национальных халатов [5, с. 113]. Примером может служить парадное облачение известного орочского шамана С.М. Хутунка. Во время исполнения им обряда *уни* оно состояло из ярко-розового, богато орнаментированного атласного халата с пришитыми к рукавам перьями орла. На кожаных ремнях в виде змеи, перекинутых через шею, висели два нагрудника. Один из них имел сердцевинную форму с деревянными *сэвэки* духа *манги* слева и духа *боочо* справа. Нагрудник защищал *сагды самани* от злых духов. Дыхание змеи, нарисованной на другом нагруднике круглой формы, должно

было содействовать выздоровлению больных [1, с. 55, 56].

Во время совершения обрядов *ханява* и *уни сагды самани* повязывал одним концом на поясницу длинный до 20 метров ременьповод *суна*. Этот конец в орочском языке имел название *катэ*, был раздвоен и напоминал собой двух извивающихся при движении змей [17, л. 6, 7]. Во время камлания за *суна* удерживали *сагды самани*, совершавшего ритуалы камлания и, как полагали орочи, помогали ему вернуться из своего сакрального путешествия целым и невредимым [5, с. 115].

Нарукавники *накопта*, на которых обычно рисовали, вышивали или нашивали изображения змей, символизирующих духов-помощников, были призваны защитить *сагды самани* во время игры на бубне *унту*. По мнению аборигенов, благодаря символике нарукавников руки шамана становились ловкими, юркими, как змеи [5, с. 115].

Шаманские юбки *хосе* различались по половому признаку. Мужскую юбку шили из шкуры нерпы и обшивали подол полосками цветной материи, а женскую *хосе* – из лосиной замши, украшали её подол изображениями рыб, ящериц и змей из рыбьей кожи, оторачивали двумя полосками красной и чёрной материи с мехом выдры [5, с. 115, 116; 17, л. 3, 4].

Атрибутом костюма шамана являлся и широкий пояс *сиса*, изготавливающийся из лосиной кожи. Его завязывали спереди, а сзади подвешивали на него свёрнутые из куска железа конусы – «колокольчики» и другие металлические предметы. Их звон, по словам шаманов, должен был отпугивать злых духов и призывать добрых духов-помощников. Кроме этого, на поясе размещали бронзовое зеркало *толи*, служащее шаману щитом от стрел злых духов и источником света во время путешествия в мир мёртвых *буни* [5, с. 116].

На шаманских наголенниках в отличие от обычных были изображены летучая мышь *холекдоки*, дождевой червь и змея [18, с. 102]. В советское время иногда *сагды самани* вместо наголенников надевали разноцветные матерчатые чулки [5, с. 116]. А шаманская обувь *унта самани* отличалась от повседневной тем, что на ней также размещались изображения духов-помощников: обычно, змей, лягушек, ящериц и рыб [18, с. 102].

Бывали случаи, когда *сагды самани* для устрашения злых духов раскрашивали своё лицо сажей *якта*. Примечательно, что соседние с ними удэгейские шаманы делали с этой целью берестяные или деревянные маски *хамбаба* [5, с. 116]. Кроме этого, рисовали на груди голову, похожую на человеческую, на туловище – лягушку и птицу, на рёбрах – две змеи, по одной с каждого бока, головой вниз. Ещё одну змею проводили по талии, наподобие пояса [7, л. 94]. Заметим, что изготовление татуировок у орочских шаманов не было выявлено.

Для исполнения камлания *сагды самани* использовал различные шаманские атрибуты: бубны *унту*, которых у него было около трёх, и хранились они в специальных берестяных футлярах; колотушку для бубна *гису*; различные посохи; копьё *геда* и пальма *лауича* – охотничий нож на длинной деревянной рукоятке, часто используемый в качестве рогатины; крюк на длинной рукоятке с изображением духа *боочо*, применяемого для ловли душ во время обряда *ханява* [17, л. 5–7]; гадальный камень *хангоуки*; изготовленные из металла или дерева изображения духов-помощников *сэвэки самани*; берестяной коврик *хыйся* [17, л. 7] или *кумалан* – коврик, сшитый из шкур животных, и другие принадлежности шаманского культа.

Когда шаман становился *сагды самани*, то он строил культовое сооружение, состоящее из нескольких деревянных столбов *ту*, так называемых «шаманских деревьев», на которых вырезались или рисовались изображения духов-помощников [5, с. 120–124; 13, с. 36; 16, л. 71, 72, 74, 75, 78; 41, с. 233]. В течение жизни шаман мог несколько раз обновлять своё культовое сооружение. Обычно это происходило во время его переезда на новое местожительство. При жизни *сагды самани* никто из простых людей не только не имел право срубить его столбы, но и прикасаться к ним [11, л. 1].

В известном труде Л.Я. Штернберга «Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны» даётся описание типичного для орочей шаманского ритуального комплекса, как его называл автор, «кумирни». По его словам, на пригорке в чаще тайги устанавливались четыре священных дерева: два побольше по краям и два маленьких посередине. Большие деревья по-орочски назывались *ту*, а маленькие – *тукка*, признаваемые за их детей. На каждом из этих деревьев были вырезаны антропоморфные изображения, которые, по предположению Л.Я. Штернберга, символизировали шаманских духов-помощников. Перед данными изображениями была установлена подставка из расщеплённой в верхней части палки, на которой находились угли, поверх них курился «фимиам багульника» [37, с. 433, 434]. Ещё одной разновидностью культовых сооружений являлись столбы *ту* – деревья, установленные корнями вверх возле шаманских жилищ [38, с. 737].

У *сагды самани* были духи-покровители. У сильных добрых шаманов таким духом-покровителем могли быть верховные божества *Эндури* или его жена *Эндури мамача* [5, с. 124]. Нередко у *сагды самани* в качестве духов-покровителей выступали и другие многоликие и всесильные сверхъестественные существа. Так, духом-покровителем шамана Купсы Акунки являлся некий дух-хозяин покинутых селений, пустырей *Сюсю аджя* [5, с. 124]. Принято считать, что у добрых и злых шаманов были и разные духи-помощники. Обычно злому шаману служили хищники: соболь, хорек, горностай и другие [1, с. 51]. Только сильным шаманам служили помощниками тигр *дуся* и медведь *мапа* [5, с. 126]. Особую роль в шаманской деятельности выполняли духи *бусиву*, которые не отличали добра от зла. Их вмешательством в исполнение ритуала шаман оправдывал неудачный исход своего камлания [5, с. 126; 17, л. 31].

Шаман, где бы он ни находился, обязан был всегда прийти на помощь нуждающимся в нём сородичам. По просьбе сородичей *сагды самани* проводил разного назначения камлания, например, промысловые, лечебные (врачевательные) обряды проводов души покойного в загробный мир *буни – тово совигиви*, обряды благодарения духу-покровителю и духам-помощникам – *уни*. В случае непреодолимых трудностей охотники и рыболовы обращались к шаману с целью обеспечения им удачи на промыслах. Он отыскивал заблудившегося, мог рассказать о том, что произошло с пропавшим без вести человеком в тайге или на море. *Сагды самани* даже обладал способностью изменять погоду: успокоить вьюгу, вызвать дождь, снегопад и многое другое.

Орочские шаманы славились своими врачевательными способностями. По представлению аборигенов, причина любого заболевания – похищение злыми духами *ханя* человека и вселение в его тело. Во время лечебного камлания *сагды самани* вступал в контакт со своими духами-помощниками, в сложных случаях – с духом-покровителем. Прежде всего они должны были выяснить, какой злой дух вселился в больного, а потом помочь ему изгнать его.

По сведениям Л.Я. Штернберга, шаман в основном выяснял причину заболевания во время сновидения. Он предлагал больному или его родственникам прийти за ответом утром. Во сне *сагды самани* являлись его дух-покровитель и духи-помощники и указывали причину заболевания и средства его исцеления. Так, если во сне он видел зелёную или иной масти собаку, то на утро советовал для излечения больного принести духам-хозяевам в жертву указанной масти собаку. Если ему приснились птица или другие мифические существа, в виде морских, таёжных и подземных чудовищ, то предлагалось изготовить изображения этих существ. Так, по мнению Л.Я. Штернберга, и появились ритуальные изображения *сэвэки* [37, с. 434] – плод шаманского мифотворчества, восходящее к архетипам бессознательного.

Иногда с целью выявления причины заболевания *сагды самани* совершал ритуал гадания на камне *хангоуки*, произнося при этом специальную молитву [5, с. 128, 129]. Лечебное камлание, а точнее шаманский ритуал изгнания злого духа из тела больного и вселение в него здоровой души, происходило с обязательным произношением молитв. Всегда *сагды самани* просил у присутствующих родственников преподнести угощение для своих духов-помощников для того, чтобы отблагодарить и поддержать их силы в борьбе с вредоносными сущностями.

Во врачевании принимали участие и родственники больного: они грели у очага бубен, натирали тело шамана и его одежду багульником, набивали трубку табаком, преподносили ему воду, а также выполняли некоторые поручения шамана и во время камлания. Злого духа, извлечённого из тела человека, *сагды самани* помещал в предварительно изготовленную им или по его указанию другими участниками камлания фигурку *пуданку*, которую разрывали на части или сжигали, уничтожая, тем самым, болезнетворного духа. Если выздоровление не наступало, то изготавливалась новая *пуданку*, а камлания возобновлялись. Примечательно, что шаману запрещалось лечить самого себя, потому что дух-покровитель и духи-помощники могли его наказать. Он был вынужден обращаться за помощью к другим *сагды самани*. Тем не менее, для оберега себя от злых духов, способных вызвать различные заболевания, шаманы использовали охранительные амулеты [48, л. 80].

Занимаясь излечением больного, *сагды самани* проводил одно из самых больших камланий – обряд *ханява* или *ханяла*. В поисках украденной злыми духами души человека шаман совершал чудесные превращения в рыбу, нерпу, кита, лодку, сивуча и других животных. Отыскав душу, *сагды самани* совершал ритуальное действие, называемое орочами *ханя джалари* – захвата души магическим крючком. Поймав душу, шаман проглатывал её, а затем вдувал в тело больного, возвращая ему здоровье. Шаманский ритуал вдувания, а вернее, возвращения души больному назывался орочами *ханя буги* [5, с. 131, 132].

Одной из главных сакральных обязанностей *сагды самани* являлось исполнение погребального обряда проводов души покойного *букки* в мир мёртвых *буни*. При осуществлении этого обряда одна из *ханя* шамана сопровождала душу умершего, вторая – камлала, третья – отпугивала злых духов и т. д. [5, с. 132]. На пути в *буни* и обратно шаман преодолевал большие сложности. Но, как правило, это пространственно-временное путешествие заканчивалось успешно. *Букки* усопших находило своё пристанище в подземном мире предков, а *сагды самани* или его *ханя* возвращались обратно – в мир живых.

Раз в два-три года, обычно весной или летом, реже зимой или осенью, *сагды самани* проводил масштабную пространственно-временную магическую мистерию с привлечением большого количества сородичей – обряд благодарения духам-помощникам и духу-покровителю – *уни*. Это камлание осмысливалось им как свой день рождения и становилось всеобщим родовым праздником [5, с. 132, 133; 8, л. 48; 25, л. 14, 15]. Цель обряда *уни* – поблагодарить своё духовное воинство: духа-покровителя и духов-помощников за совершённые благородные деяния и тем самым произвести обновление и укрепление своих магических сил, очищение домов и стойбищ сородичей от различной нечести, демонстрацию своих шаманских способностей.

Кроме уже описанных выше случаев обращения орочей к шаманам, необходимо ещё отметить случаи, когда их просили провести ритуал очищения женщины после родов, предсказать будущее, разыскать потерянное или украденное. Примечательно, что к шаманам нередко обращалось в поиске пропавших вещей даже русское население, признавая тем самым их авторитет в этом магическом действии [4, с. 337].

В обычной жизни шаман ничем не отличался от простых людей. Он вёл своё хозяйство, ходил на промыслы и тем самым кормился. Камланиями он не зарабатывал себе на жизнь. Считалось, что его можно было благодарить только тем, чем он мог поделиться со своим духом-покровителем или духами-помощниками. В особых случаях при успешном излечении тяжело больного шамана одаривали собакой или халатом, но в любом случае обязательным подарком являлся ремень [39, л. 109]. За жадность и приём дорогостоящих подарков верховное божество орочей *Эндури* могло покарать шамана смертью.

В роду среди своих сородичей и даже среди соседей шаманы пользовались непререкаемым авторитетом. Они часто играли роль судей при разрешении возникших споров. Шаман был хранителем вековых народных традиций, а шаманство – основой этнической духовности, фундаментом религиозных представлений аборигенов. Но шаманская деятельность у орочей была ограничена родовым культом. Шаман не имел права вмешиваться в проведение медвежьего праздника, ритуалов близнечного культа и ряда других обрядов [5, с. 13]. Вероятно, это можно объяснить сравнительно поздним возникновением самого феномена шаманства у аборигенов Амура и Сахалина, в том числе и у орочей.

Дважды в истории предпринимались попытки искоренения шаманства. С середины XIX века с шаманством боролись православные миссионеры, обращая орочей в христианскую веру. Почти все орочи были крещены и получили русские имена [14; 28]. Даже среди орочей распространилась традиция ношения крестиков, которые они по традиции называли *сэвэки*. Однако в целом православие не стало главенствующей духовной силой [5, с. 137, 138; 19, с. 58]. Большее влияние в это время имело на души людей традиционное шаманство. Шаманы оставались у орочей влиятельными людьми.

С середины 30-х годов XX века войну шаманству аборигенов Нижнего Амура и Сахалина объявила атеистическая идеология советского государства. Начались репрессии, физическое уничтожение шаманов. Существующая система образования и культурно-просветительская деятельность подвергла остракизму шаманство как пережиток религии – опиума для народа. В эти годы была прервана вековая шаманская традиция. Шаманство исчезло. Сохранились как реликты прошлого лишь его элементы в виде проведения элементарных камланий, изготовления и применения для лечебных целей амулетов и другие.

Таким образом, в результате анализа этнографических материалов автором произведена реконструкция этнокультурного феномена орочей шаманизма – синкретического явления: синтеза мифа и культа. Главным действующим персонажем шаманского мифотворчества являлся орочский шаман – этновариант амуро-сахалинского шамана. Он выполнял функцию родового мага и лекаря. Будучи избранником духов, исполняя камлание – космогонические ритуалы первотворения, шаман выступал душеспасителем человека, веками сохраняя родовой порядок, установленный в мифовремя первоначала орочскими божествами-демиургами, первопредками и тотемами.

Список использованных источников

1. Аникин, В. П. Возникновение жанров в фольклоре (к определению понятия жанра и его признаков) / В. П. Аникин // Русский фольклор : [материалы и исслед.]. — М. ; Л., 1966. — Вып. X. — С. 28—42.

2. Гиппиус, Е. В. Общетеоретический взгляд на проблему каталогизации народных мелодий / Е. В. Гиппиус // Актуальные проблемы современной фольклористики / отв. ред. В. Е. Гусев. — Л., 1980. — С. 23—36.

3. Гусев, В. Е. О методах изучения фольклора / В. Е. Гусев // Методологические проблемы современного искусствознания. — Л., 1975. — Вып.1. — С. 57— 63.

4. Гусев, В. Е. Эстетика фольклора / В. Е. Гусев. — Л. : Наука, 1967. — 317 с.

5. Земцовский, И. И. К спорам о жанрах / И. И. Земцовский // Совет. музыка. —1968. — № 7. — С. 169—197.

6. Земцовский, И. И. К теории жанра в фольклоре / И. И. Земцовский // Совет. музыка. — 1983. — № 4. — С. 61—65.

7. Карабанова, С. Ф. Танцы малых народов юга Дальнего Востока СССР как историко-этнографический источник / С. Ф. Карабанова. — М. : Наука, 1979. — 141 с.

8. Карабанова, С. Ф. Шаманские пляски и промысловый обряд у народностей Дальнего Востока СССР / С. Ф. Карабанова // Культура народов Дальнего Востока : традиции и современность : [сб. ст.]. — Владивосток, 1984. — С. 147—153.

9. Ким, Н. Н. Жанровая типология музыкального фольклора орочей / Н. Н. Ким, Ю. И. Шейкин // Музыкальное творчество народов Сибири и Дальнего Востока : сб. науч. тр. — Вып. 3. — Новосибирск, 1998. — С. 8—37.

10. Мациевский, И. В. Музыкальные инструменты. Инструментальная музыка / И. В. Мациевский // Народное музыкальное творчество : учебник / отв. ред. О. А. Пашина. — СПб, 2005. — С. 300—382.

11. Мациевский, И. В. Современность и инструментальная музыка бесписьменной традиции / И. В. Мациевский // Современность и фольклор : ст. и материалы. — М., 1977. — С. 88.

12. Мациевский, И. В. Формирование системно-этнофонического метода в органологии / И. В. Мациевский // Методы изучения фольклора. — Л., 1983. — С. 54—63.

13. Народное музыкальное творчество : учебник / отв. ред. О. А. Пашина. — СПб : Композитор, 2005. — 568 с.

14. Пименов, В. О некоторых закономерностях в развитии народной культуры / В. Пименов // Совет. этнография. — 1967. — № 2. — С. 3—14.

15. Попова, Т. В. Основы русской народной музыки / Т. В. Попова. — М. : Музыка, 1977. — 224 с.

16. Попова, Т. В. Русское народное музыкальное творчество : в 2-х т. Т. 1 / Т. В. Попова. — М. : Музгиз, 1962. — 384 с.

17. Пропп, В. Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения / В. Я. Пропп // Русская литература. — Л., 1968. — С. 7. — (Ученые записки Ленинградского университета ; № 339. Серия филологических наук ; вып. 72).

18. Пропп, В. Я. Принципы классификации народных жанров / В. Я. Пропп // Совет. этнография. — 1964. — № 4. — С. 147—154.

19. Путилов, Б. Н. Жанры фольклорные / Б. Н. Путилов // Народные знания. Фольклор. Народное искусство. Свод этнографических понятий и терминов / отв. ред. Б. Н. Путилов, Г. Штробах. — М., 1991. — Вып. 4 — С. 36—39.

20. Путилов, Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора / Б. Н. Путилов. — Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. — 244 с.

21. Путилов, Б. Н. О процессе жанрообразования в фольклоре / Б. Н. Путилов // Актуальные проблемы современной фольклористики : сб. ст. и материалов / сост. В. Е. Гусев. — Л., 1980. – С. 197—199.

22. Соломонова, Н. А. Музыкальная культура народов Дальнего Востока России XIX—XX вв. : Этномузыкологические очерки : автореф. дис. … д-ра искусствоведения : 17.00.02 / Н. А. Соломонова ; Хабар. гос. ин-т искусств и культуры. — М., 2000. — 49 с.

23. Соломонова, Н. А. Музыкальный фольклор нанайцев, ульчей, нивхов (музыкально-этнографический очерк) : автореф. дис. …канд. ист. наук : 07.00.07 / Н. А. Соломонова ; [Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая]. — М., 1981. — 25 с.

24. Сохор, А. Н. Эстетическая природа жанра в музыке / А. Н. Сохор. — М. : Музыка, 1968. —102 с.

25. Стешенко-Куфтина, В. Л. Элементы музыкальной культуры палеоазиатов и тунгусов / В.Л. Стешенко-Куфтина // Этнография. — 1930. — № 3. — С. 81—108.

26. Шейкин, Ю. И. Практика традиционного музицирования удэ на однострунном смычковом инструменте / Ю. И. Шейкин // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка : сб. ст. и материалов : в 2-х ч. Ч. 2. — М., 1987. — С. 137—148.

27. Штернберг, Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны : ст., материалы / Л. Я. Штернберг ; ред. Я. П. Алькор (Кошкина). — Хабаровск : Дальгиз, 1933. — 446 с.

Лескова Татьяна Владимировна,
доцент кафедры теории и истории музыки Хабаровского государственного института искусств и культуры

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО НАПРАВЛЕНИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 1960 – 1990-Х ГГ.

Объектом исследования автора является фольклорное направление творчества композиторов Сибирской и Дальневосточной организаций, принадлежащих к русской национальной традиции. В статье рассмотрены основные этапы российского/советского фольклорного направления как контекста его региональных тенденций. Дана характеристика регионального культурологического фона, который стал условием формирования фольклорного направления, выявлены наиболее значимые жанрово-стилевые тенденции, периоды развития «новой фольклорной волны», многообразие приёмов работы с фольклором. Показан поиск региональной специфики композиторского фольклоризма Сибири и Дальнего Востока в свете общероссийских явлений «новой фольклорной волны» и относительно друг друга.

В системе стилевых явлений русской и современной отечественной музыки тенденция композиторского фольклоризма – творчества, обращённого своими истоками к фольклорно-жанровым музыкально-поэтическим прообразам – является одной из корневых и устойчивых. В российской музыке второй половины XX века она в виде «новой фольклорной волны», фольклорного направления композиторского творчества проявилась и на региональном уровне.

Основным объектом исследования является фольклорное направление творчества композиторов собственно Сибирской (Новосибирск)[1] и Дальневосточной (Хабаровск, Владивосток) организаций, принадлежащих к русской национальной традиции. Систематичность появления композиторских произведений, адаптирующих фольклор, их стилевая самобытность, неизученность образ-

[1] Национальные варианты композиторского фольклоризма республик сибирского региона (Бурятии, Тывы, Хакасии, Якутии), творчество композиторских организаций (Омской, Красноярской) приняты во внимание как общероссийские контекстные явления, но не получают специального освещения.

ной драматургии, композиции, музыкально-языковых приёмов в специфическом ракурсе «композитор – фольклор» – всё это определяет актуальность исследования.

Общероссийские музыкально-стилевые процессы, в том числе фольклорное направление композиторского творчества, подвергаются региональной коррекции, которая обусловлена действием контекстных явлений различного типа. К ним относятся импульсы культурологического, стилевого характера, исходящие из центра и из самих регионов.

Поэтому первым аспектом исследования является историко-теоретический, предполагающий рассмотрение основных этапов российского/советского фольклорного направления как контекста его региональных – сибирской и дальневосточной – тенденций. В опоре на труды отечественных музыковедов обозначены основные вехи российского фольклоризма/неофольклоризма, стилевые «знаки» Г. Свиридова и И. Стравинского [4]. При помощи этих «знаков» условно очерчен заимствуемый тип фольклорных элементов и характер их опосредования в тексте авторского произведения. В первом случае опосредование происходит в рамках тонально-гармонического мышления классико-романтического типа, во втором – с ассимиляцией современных техник письма.

Фольклорное направление Сибири и Дальнего Востока характеризуется многообразием как самих фольклорных истоков (в этническом составе, в отношении стилевых элементов – напевов, словесных текстов, периферийных слагаемых фольклорного жанра – манеры пения и др.), так и методов их воплощения. В связи с этим два преобладающих метода переинтонирования фольклора в композиторских произведениях – простое (цитирование) и сложное (свободное моделирование фольклорной жанровости) – могут быть подвергнуты более детальной понятийно-терминологической дифференциации. Конструирование композитором жанра по фольклорной (поэтической либо музыкальной) модели может идти по пути воссоздания фольклорного жанра, что чаще всего совпадает с цитированием [2] народного напева (простое переинтонирование [6]), а также по пути имитации жанра [7], обобщения [3], жанрового синтеза [9] на основе метода ассоциаций [1], трансформации [3], деформация жанра [5] на основе методов контаминации и амальгамы [1] (сложное переинтонирование [6]). Данная сводная классификация автора статьи отвечает тенденции возрастающей свободы обращения с фольклорными истоками от 1960-х к 1990-м годам в композиторском творчестве Сибири и Дальнего Востока.

Вторым аспектом исследования является характеристика регионального культурологического фона, который стал условием формирования самобытности сибирского и дальневосточного фольклорного направления.

Появлению Сибирской (в 1942 году) и Дальневосточной (в 1960 году) композиторских организаций предшествовал длительный этап становления профессиональной культуры, расцвет музыкального образования и исполнительства в регионах. С созданием региональных организаций активизировались все направления творческой деятельности композиторов, в том числе их работа по собиранию и изучению местного фольклора. Плановый характер она приобрела в Сибири уже в 1930–40-е годы, на Дальнем Востоке – с 1960-х годов [8; 10].

Фольклор обоих регионов включает в себя аборигенную и переселенческую традиции. Собиранию переселенческого фольклора в Сибири уделялось внимание композиторами А. П. Новиковым, В. Левашовым, В. Асановым (1940–80-е годы), на Дальнем Востоке – музыковедом Л. Фетисовой (1980–90-е годы), собиранию аборигенного фольклора в Сибири (алтайского) – А. Кенелем, на Дальнем Востоке – В. Румянцевым, Н. Менцером, Ю. Владимировым (1960–70-е годы), музыковедом Н. Соломоновой (1970–90-е годы).

В фольклоре композиторы видели исток своеобразия собственного творчества. Однако на возникновение определённых образно-стилевых приоритетов в каждом из регионов оказало влияние то, собиранию и исследованию какого типа фольклора уделялось больше внимание. Композиторы-сибиряки были более привержены переселенческим традициям восточнославянского фольклора, дальневосточники – местным аборигенным.

Формирование жанров композиторского фольклоризма происходило под влиянием общей жанровой направленности творчества, определяемой развитием музыкального исполнительства регионов. Общим в Сибири и на Дальнем Востоке 1930–60-х годов было увлечение композиторов жанром песни, песенно-хоровой обработки. Создавались произведения для симфонического оркестра (поэмы, увертюры, баллады), камерная (во-

кальная, инструментальная), театральная музыка, так как в регионах действовали хоровые и оркестровые воинские коллективы, хоры, симфонические оркестры, оркестры русских народных инструментов (далее – ОРНИ) местных радиокомитетов. Картина сибирской профессиональной музыки дополнялась отдельными образцами оперы (в 1940-х годах был открыт Новосибирский оперный театр), дальневосточной – оперетты (в 1926 году был открыт Хабаровский театр музыкальной комедии). Освоение достаточно широкого спектра жанров (не связанных с фольклорным началом, но иногда на темах из местной истории и современной жизни) создавало определённую творческую основу и перспективу для развития фольклорного направления регионов.

Третий аспект исследования состоит в выявлении наиболее значимых жанрово-стилевых тенденций, периодов развития «новой фольклорной волны» сибирского и дальневосточного регионов.

В сибирском фольклорном направлении 1960–90-х годов сформировались три области/линии со своими принципами жанрово-стилевого отбора и переинтонирования фольклора. Композиторы первой (А.П. Новиков – Г. Иванов и ученики) и второй (А. Муров и ученики Е. Кравцов[2], В. Асанов, А. Попов, С. Кравцов) линий развивали свиридовский тип фольклоризма, будучи более привержены крестьянской, городской, в том числе современной, песенной лирике и танцевальности, а также частушке, широко бытовавшей в Сибири в XX веке. Воссоздавая эти фольклорные жанры, композиторы смогли претворить в своей музыке особую локальную характерность сибирской интонации. А.П. Новиков, переинтонируя в своих произведениях 1960-х годов элементы фольклора народов Горного Алтая, разрабатывал ориентальную ветвь сибирского фольклорного направления. В композиторском стиле Г. Иванова 1970–80-х годов по принципу переменности в рамках единого произведения синтезированы фольклоризованные «знаки» Г. Свиридова и И. Стравинского, рассредоточенные по разным образным (лирика – юмор) и фольклорно-жанровым (песня – танец, частушка, декламация) сферам.

Вторая линия сибирского композиторского фольклоризма также родственна в жанрово-стилевой, образно-семантической атрибутике свиридовскому типу фольклоризма. Отличие от первой линии заключается в несколько иных смысловых акцентах: в апелляции к русской духовности, к религиозным ценностям, к мотивам нравственной чистоты, нормами дидактики в фольклоре (сюита для ОРНИ «Вознесенский собор» А. Мурова, хоровой концерт «Были-небыли» А. Попова), в опоре на жанры канта, былины, знаменного распева.

Третья линия (З. Бляхер – Ю. Юкечев – С. Тосин) принадлежит стилевому полюсу неофольклоризма И. Стравинского, соответственно чему предпочтения авторов в области фольклорно-жанровых прообразов в основном группировались вокруг русской (и минимально – аборигенной в творчестве Ю. Юкечева) обрядовой архаики.

Сибирское фольклорное направление наиболее полно раскрылось в двух жанровых сферах – вокально-хоровой музыке в основном на народные тексты и в музыке для ОРНИ (хотя отдельные образцы адаптируют фольклор в камерных и симфонических жанрах).

В дальневосточном фольклорном направлении[3] в конце 1930-х–1950-е годы отдельные произведения композиторов В. Румянцева, Н. Менцера, С. Томбака, Ф. Садового, В. Левашова[4] уже включали фольклорные элементы. Русские и аборигенные прообразы стали двуединым истоком творчества для большинства авторов. Преобладание одного из них условно подразделяло фольклорное направление на два стилевых типа – «румянцевский» (с преобладанием русских стилевых прообразов) и «менцеровский», ориентальный (с преобладанием аборигенных прообразов).

«Менцеровский» тип фольклоризма 1960–80-х годов (песенные обработки Н. Менцера, самодеятельных композиторов Г. Угрюмова, В. Лакеева и др., симфонические произведения Н. Менцера, музыка для ОРНИ В. Наумова, А. Гончаренко, отдельные произведения Б. Напреева, Э. Казачкова) занимал положение постоянно действующего фона. «Румянцевский» тип проявился пунктирно, в виде трёх фаз, которые пришлись на 1940–50-е годы (в песенном творчестве В. Румянцева, симфонизме Ю. Владимирова), на середину 1970-х годов (в музыке для ОРНИ В. Наумова, для симфоджаза А. Гончаренко, для духового оркестра Э. Казачкова), на рубеж 1980–90-х го-

[2] Кравцов Е.Н. обучался в Хабаровском училище (ныне колледже) искусств и в 1967 – 1969 годах преподавал там теоретические дисциплины после окончания Новосибирской консерватории. Сейчас проживает в г. Барнауле.

[3] См.: Лескова Т. В. Фольклорное направление в композиторской музыке Дальнего Востока // История и культура Приамурья. – 2008. – № 1 (3). – С. 48–55.

[4] В. Левашов в 1948 году переехал в Сибирь.

дов (в вокально-хоровом творчестве А.В. Новикова, музыке для ОРНИ С. Москаева).

Интенсивное жанрово-стилевое обновление в условиях небольшого состава Дальневосточной композиторской организации граничило с «отменой» накопленного опыта. На рубеже 1950–60-х годов «румянцевский» тип фольклоризма в песне (В. Румянцев) и симфонии (Ю. Владимиров) сменился «менцеровским» в вокально-хоровой обработке и малых симфонических жанрах (Н. Менцер). Творчество для ОРНИ А. Гончаренко и С. Москаева 1980 – 90-х годов сопоставимо с творчеством В. Наумова 1970-х годов, но только как развитие-отрицание: А. Гончаренко обновил эту сферу музыки путём синтеза аборигенных прообразов и джазовых элементов в жанре сюиты, С. Москаев – путём синтеза русских истоков и композиторских техник XX века в сюитных, сонатно-симфонических циклах. Стилевой «разрыв» характеризует сферу фольклоризованных хоровых жанров Н. Менцера (обработки) – А.В. Новикова (баллады-поэмы «Четыре хора» на стихи национальных поэтов).

На первом этапе 1960-х – середины 1980-х годов развитие композиторского фольклоризма детерминировалось принципами фольклоризма Н. Менцера, где в системе «фольклорное – нефольклорное» акцентировалось главенство фольклорного интекста. Однако с середины 1970-х до середины 1980-х годов в дальневосточном фольклорном направлении сложилась ситуация кризиса, когда старые формы уже не актуальны, а новые ещё не найдены. На втором этапе середины 1980-х – 1990-х годов наблюдалось сложное переплетение стилевых линий (в фольклоризованном творчестве разных и даже одного композитора), базирующихся на новейших достижениях музыки XX века (А. Гончаренко «Нанайские игры», «Когда поют бубны», А.В. Новиков опера «Верую!»), полистилистике, неостилях (А.В. Новиков «Маленькая кантата», С. Москаев «Лубочный концерт», «Российский диптих» для ОРНИ). Это говорит о преодолении стереотипов (в частности менцеровского умеренно-стилевого фольклоризма) в местной традиции, и в системе «фольклорное – нефольклорное» акцентирует главенство нефольклорного авторского интекста. Таким образом, фольклоризованный «знак» стиля Г. Свиридова соответствовал больше творчеству первого периода (1960–70-х годов), «знак» И. Стравинского – творчеству второго (1980–90-х годов). Подобная «полярность» выступила своеобразным средством объединения индивидуальных подходов внутри обозначенных периодов.

Особенностью жанровой структуры дальневосточного композиторского фольклоризма стало соотношение определённого жанра преимущественно с творчеством одного композитора, исключая обработку, к которой обращались практически все композиторы.

Четвертым аспектом стало выявление многообразия приемов работы с фольклором. В сибирской тенденции линия фольклорно-хорового творчества А. Мурова[5] отличается жанровым развитием от цикла к кантате на народные тексты, отбор которых менялся от необрядовых к обрядовым, содержащим возможность субъективно-лирического и религиозно-философского обобщения. Эволюция методов интерпретации народных текстов проходила у композитора от апробации приемов простого и сложного переинтонирования (в циклах 1960-х годов «Песни села Балман», «Из сибирской народной поэзии») к преобладанию сложных методов (в кантатах начала 1980-х годов «Сибирские свадебные песни», «Пять обрядовых песен»). Особенностью авторского прочтения фольклора Г. Ивановым в оратории «Сибирские вечера» является контаминация музыкально-поэтического комплекса фольклорных жанров (воссоздаваемых методом цитирования или ассоциаций) с прообразами оперного плана. Произведения младших современников А. Мурова и Г. Иванова 1980–90-х годов отличаются разнообразием методов переинтонирования фольклора от этнографически точного следования фольклорной традиции (аранжировки и метода ассоциаций в кантатах В. Асанова), от принципов жанрового параллелизма и синтеза («Новгородские песни» Е. Кравцова) до жанровой деформации методом амальгамы (концерт «Были-небыли» А. Попова, Concerto non academia С. Тосина).

Сфера сибирской музыки для ОРНИ характеризуется тесной взаимосвязью со стилевым контекстом всего регионального творчества. В произведениях В. Денбского 1940–60-х годов были заложены важные для последующего развития тенденции – полижанровость, тембровое экспериментирование (сочетание ОРНИ с солирующим фортепиано, валторной

[5] См: Леонова Н. В., Лескова Т. В. Некоторые особенности воплощения народных текстов в хоровых произведениях А. Мурова // Аскольд Муров: Музыка. Сибирь. Эпоха / авт.-сост. Л. Л. Пыльнева. – Новосибирск : Наука, 2008. – С. 348–364.

в концертах с ОРНИ). Он и его младшие современники в творчестве 1960-х годов осваивали фольклорно-жанровые прообразы во всей их осязаемости, что составило первое жанрово-стилевое направление в сибирской музыке для ОРНИ. «Кадровая» драматургия программных сюит, фантазий, увертюр В. Левашова, А.П.Новикова, Г. Иванова («Весёлая увертюра»), З. Бляхера («Сибирская сюита» для хора и ОРНИ) позволила разнообразно синтезировать фольклорный интекст. В рамках второго направления он был обновлён «изнутри», путём разнообразных стилевых контаминаций из области композиторского письма XX века в сюитах Г. Иванова, Ю. Юкечева, В. Пешняка, З. Бляхера, концертах, симфониях для ОРНИ Е. Кравцова. Третье направление отличалось синтезом музыкально-языковых средств конца 1970 – 1980-х годов. Фольклорное начало стало здесь элементом полистилистического (концерты З. Бляхера, Семь пьес для ОРНИ Ю. Юкечева) и неостилевого (неоромантического в «Осенней симфонии», сюите из музыки к пьесе А. Чехова «Вишнёвый сад», «Трёх серенадах» А. Мурова) интекста, проявившись в виде амальгамы, аллюзии. В этих и других произведениях переосмыслены эпические композиционно-драматургические решения обычно в сторону их динамизации или эстетизации, романтизации образов. Частичное отрицание привычных для ОРНИ жанров (сюиты, обработки), сопровождалось выдвижением циклов несюитного типа (концерта, симфонии, симфониетты), гибридизацией жанров[6]. Новый (иногда авангардистский) подход выразился в разработке тембровой колористики, в том числе несвойственной для ОРНИ (к примеру, «ударности»), в тембровой избирательности, в снижении роли концерта для оркестра и возрастании роли концерта для солиста/солистов с оркестром (нередко с демонстрацией технических возможностей инструментов), камернизации оркестра. В условиях жанровой деформации, активного остранения фольклорных прообразов звучание оркестра подчас выступало единственным (декоративным) элементом фольклорного интекста (Концерт для баяна и симфонического оркестра З. Бляхера, Концерт для ОРНИ «Aescis» С. Тосина).

В дальневосточном композиторском фольклоризме самостоятельную проблему представляет песенное и симфоническое творчество Н. Менцера, связанное с традиционным и современным пластами аборигенного фольклора. Сфера песенных вокально-хоровых обработок[7] отличалась цитированием в основном современных народных напевов, аранжировкой на основе метода ассоциаций. Переинтонирование аборигенного фольклора протекало в процессе его синтеза и жанровой переменности с интонациями современной Н. Менцеру массовой песни, марша («Неудачливый ухажёр»), танца, вальса («Нанайский вальс»). Сфера симфонического творчества характеризовалась качественно иным, более свободным «прочтением» местного фольклора. Малые симфонические жанры (сюиты, фантазии, поэмы, каприччио, увертюры, картины) конца 1950-х – 1960-х годов типизировали образность вокально-хореографических сюит композитора (создававшихся им для ансамблей художественной самодеятельности), эстетизировавших традиционную женскую танцевальную, мужскую и детскую игровую обрядность. Музыкальный тематизм сюит «Нивхские сюжеты», «Танцевально-игровой», «Эвенкийской рапсодии», фантазии «Оленьи гонки» и др. отличался сложным интекстом европейской и аборигенной (в её современных формах, близких художественной самодеятельности) стилистики. Крупные симфонические жанры 1970–80-х годов, поэма «Первый ревком Чукотки» (1975), симфониетта «Национальная» (1980) включали «фольклорный» музыкальный тематизм как песенной, так и речитативной, традиционно-импровизационной природы. Возможно, эти иные фольклорно-жанровые прообразы привели к большей свободе изложения и вариантно-вариационного развития отдельных музыкальных тем и произведений в целом. Немалую роль сыграло усложнение самого авторского стиля с его позднеромантическими чертами в музыкальной фактуре, гармонии, оркестровке, формообразовании, что проявилось в Концертесимфонии для скрипки с оркестром (1984). Специфика переинтонирования фольклора в творчестве Н. Менцера определялась, во-первых, избираемыми прообразами (традиционный / современный фольклор), во-вторых, жанрами профессиональной музыки (обработка / симфоническое произведение). Функциональность обработок (использовались в

[6] Концерты для ОРНИ № 1, 2 (напоминающие поэмы), Концерт-симфония для голоса и ОРНИ Ю. Юкечева, Двойной концерт для флейты, гобоя и ОРНИ А. Мурова (существенно симфонизированный).

[7] См: Лескова Т. В. Национальные истоки песенного творчества Н. Менцера // Музыкальная культура Дальнего Востока : материалы регион. науч.-практ. конф. – Хабаровск, 2001. – Вып. 2. – С. 37–41.

художественной самодеятельности) и неприкладной характер симфонической музыки провели рубеж в методах претворения фольклора. Но «диалог» этих жанровых русел, их взаимосвязанность в творчестве композитора привели к параллелизму простого и сложного переинтонирования.

В фольклорной сфере творчества других авторов методы переинтонирования были различными, что связано с определённым этапом развития дальневосточной музыки. В 1970-х годах произведения для ОРНИ В. Наумова (сюита «Рассвет над стойбищем») отличались стилевой умеренностью, в 1990-х годах произведения С. Москаева («Лубочный концерт», «Российский диптих») – стилевыми ориентирами на современные техники письма. Сложным было переинтонирование фольклора и в произведениях на народные тексты А.В. Новикова («Маленькая кантата», опера «Верую!»), С. Москаева (кантата «Россинки»).

Пятый и шестой аспекты посвящены поиску региональной специфики композиторского фольклоризма Сибири и Дальнего Востока в свете общероссийских явлений «новой фольклорной волны», а затем относительно друг друга.

Общероссийский и региональные виды композиторского фольклоризма (неофольклоризма) 1960–90-х годов сближает внимание композиторов к сюжетике и тематике традиционной мифообрядности[8], двуплановость аборигенных и славянских этнических истоков, фольклоризация жанров (кантатно-ораториальных, малых симфонических, для ОРНИ – сюиты, симфонии, концерта), усиление интереса композиторов к непрограммной музыке. Сходными были и стилевые тенденции. Это – гибридизация жанров инструментальной и хоровой музыки, раскрытие внутренних тембровых возможностей ОРНИ, симфонического оркестра, расширение круга фольклорных прообразов и усложнение приёмов их переинтонирования при насыщении стилевого интекста произведений современными приёмами письма. Всё это говорит о координации процессов в центре и регионах.

Разграничивающими параметрами стилевых взаимодействий центра и обоих регионов выступили неполнота жанровой структуры, замедленная динамика стилевой инновационности как сибирского (в 1960–70-е годы), так и дальневосточного (в 1960–80-е годы) композиторского фольклоризма. Это внесло во взаимодействие центра и регионов черты субординации.

Однако в сибирском композиторском фольклоризме восприятие стилевой эволюции центра произошло ранее и полнее, чем в дальневосточном. Поэтому линии взаимодействия «центр – Дальний Восток» более характерна однозначность (ядро – периферия), линии «центр – Сибирь» – двузначность (ядро относительно Дальнего Востока и периферия относительно центра).

Восприятие и развитие инновационных импульсов центра определялось отличиями инфраструктуры (в Сибири большей доступностью информационных ресурсов, плотностью творческих контактов, приобщением публики к современным достижениям в искусстве), спецификой творческой ауры и композиторских индивидуальностей регионов. Поэтому шестой аспект исследования посвящён рассмотрению разноплановых факторов, позволяющих раскрыть общее и особенное сибирского и дальневосточного композиторского фольклоризма.

Частичное несовпадение жанровой структуры композиторского фольклоризма регионов можно обозначить как принципы жанровой поляризации (концентрации внимания большинства сибирских авторов на стержневых для региона произведениях для ОРНИ и вокально-хоровых жанрах обработки, кантаты, хорового концерта) и жанрового рассредоточения (и даже жанровой уникальности – в обращении одного композитора к одному - двум жанрам в дальневосточном фольклорном направлении).

В формировании такой жанровой структуры региональных тенденций композиторского фольклоризма определяющую роль играло развитие региональных исполнительских традиций. Фольклористическая, просветительская деятельность В. Левашова, А.П. Новикова, В. Асанова в Сибири, Н. Менцера на Дальнем Востоке выразилась в создании обработок, составивших основу репертуара хоровых и вокально-хореографических коллективов.

Тесное творческое взаимодействие с концертной практикой Камерного хора Новосибирской консерватории (с 1963 года) и филармонии (с 1981 года; дирижеры В. Минин, Б. Певзнер, И. Юдин), оркестра русских на-

[8] Лескова Т. В. Проявление коммуникативности традиционных мифологем в тексте музыкального произведения (на примере симфонического творчества Н. Менцера) // Запад, Восток, Россия: литература и культура на пороге XXI века. – Хабаровск : Издательство ДВГГУ, 2009. – С. 211–220.

родных инструментов Новосибирского радио (дирижёры И. Гуляев, В. Гусев) отличало традицию сибирского композиторского фольклоризма. Дирижёры хоров и ОРНИ планомерно пополняли репертуар «фольклорными» произведениями сибирских авторов. С 1970-х годов данная тенденция развивалась вглубь: раскрытие исполнительских возможностей своих коллективов дирижёры и композиторы не мыслили без инновационной стилевой направленности музыкальных произведений.

На Дальнем Востоке сложилась иная ситуация. Развитию симфонических жанров в творчестве Н. Менцера и Ю. Владимирова благоприятствовало воздействие регионального симфонического исполнительства (оркестр радиокомитета существовал с 1936 года, в 1961 году став филармоническим). Однако местное кантатно-ораториальное творчество 1960–70-х годов оказалось хронологически не согласовано с неофольклоризмом середины 1980-х годов: в регионе отсутствовали традиции воплощения русской народной поэтики, так как словесно основой композиторов-песенников 1940–50-х годов В. Румянцева, С. Томбака, Ф. Садового была профессиональная поэзия, обработок Н. Менцера – аборигенные тексты в русских переводах или на национальных языках. Развитие музыки для ОРНИ было ослаблено отсутствием профессионального академического оркестра народных инструментов в Хабаровске (учебные коллективы Хабаровского института культуры и Хабаровского колледжа искусств лишь отчасти выполняли стимулирующую функцию; С. Москаев в 1989 году создал собственный исполнительский коллектив «Братчина» для исполнения своих произведений). И, наоборот, во Владивостоке А. Гончаренко неоднократно обращался к жанрам для ОРНИ, синтезируя их с джазом и ориентируясь на оркестр Приморского радио и телевидения, эстрадно-джазовые ансамбли, которыми руководил.

Специальную проблему представляет изучение влияние контекста творчества отдельного композитора на его произведения фольклорной направленности. Прослеживается взаимодействие «фольклорных» кантат, произведений для ОРНИ и симфоний, хоровых культовых сочинений А. Мурова, оратории на народные тексты, произведений для ОРНИ Г. Иванова и его опер, произведений для ОРНИ и практики джазовой импровизации Ю. Юкечева (Сибирь), симфонических произведений на русской основе и ориентального симфонизма В. Румянцева («Нанайская сиюта»), Н. Менцера, произведений для ОРНИ и трёх симфоний С. Москаева, фольклорной и нефольклорной областей творчества А.В. Новикова (Дальний Восток). Здесь важен и контекст исполнительской деятельности композиторов. Например, знание специфики симфонического оркестра дальневосточными авторами Н. Менцером и Ю. Владимировым (оба композитора – скрипачи по образованию, артисты оркестра, дирижёры), хормейстерского дела А.В. Новиковым, народных инструментов С. Москаевым и А. Гончаренко позволило им активно работать в данных областях в композиторском творчестве.

Методы переинтонирования фольклора в аспекте общего и особенного были различны в зависимости от жанра профессиональной музыки, национального типа фольклорных прообразов, периода развития фольклоризма в сибирском и дальневосточном регионах. Среди общих черт отметим господство, вплоть до конца 1970-х годов, методов цитирования, аранжировки в обработках на аборигенной основе и малых формах инструментальной музыки. Преобладание сложных видов переинтонирования русских фольклорных истоков обусловлено развитыми традициями русского композиторского фольклоризма прошлого и современности, развитием таких традиций в региональной композиторской практике с 1930-х годов. Свобода обращения с аборигенным и славянским фольклорным материалом нарастала с течением времени, что сближает обе региональные тенденции.

Элементы отличий заключались в более раннем развитии инновационных процессов в сибирском фольклоризме и медленном накоплении самобытности в переосмыслении фольклора дальневосточными композиторами. Это устанавливает между двумя региональными тенденциями принцип субординации. В 1980–90-е годы в том, что культурное пространство Дальнего Востока до некоторой степени явилось продолжением сферы влияния сибирского региона, выявилась тенденция координации. Объясняется это работой выпускников Новосибирской консерватории Б. Напрева, А.В. Новикова, С. Москаева на Дальнем Востоке, которые синтезировали в своих произведениях принципы фольклоризма двух корифеев сибирской композитор-

ской школы Г. Иванова и А. Мурова[9]. Координирует процессы в области композиторского фольклоризма регионов и встречная тенденция ускоренного накопления стилевых инноваций в дальневосточном композиторском творчестве и его фольклорном направлении середины 1980 – 90-х годов.

Общим моментом, приближающим обе региональные тенденции к общероссийским процессам, является множественность, стилевая разветвлённость каждой из них. Это обусловлено различием восприятия инновационных импульсов центра. В Сибири развитие протекало с внутренней эволюцией в творчестве отдельных композиторов (А.П. Новикова, Г. Иванова, З. Бляхера, А. Мурова, Ю. Юкечева) и их учеников, последователей. Благодаря этому образовались стилевые линии преемственности. На Дальнем Востоке принципы стилевой эволюции отдельных авторов не сочетались с дальнейшей передачей формирующихся тенденций (среди объективных причин – относительно ранняя смерть Ю. Владимирова, А.В. Новикова, отсутствие профессионального композиторского образования у Н. Менцера, отъезд композиторов из региона в 1980–90-е годы и др., что привело к небольшой насыщенности дальневосточного музыкально-культурного пространства творческими событиями, локальный их характер). Образовавшиеся стилевые сферы подчас практически не взаимодействовали: например, фольклоризм Ю. Владимирова и ориентализм Н. Менцера, с одной стороны, – полистилистика, неостили А.В. Новикова и авангард С. Москаева, с другой. Различная степень цельности двух региональных тенденций, преобладание центростремительной логики развития в Сибири и центробежной на Дальнем Востоке, устанавливает между ними отношения субординации.

В современном состоянии двух региональных тенденций фольклоризма общим является логика развития динамической волны, на данном этапе исчерпавшей энергию общероссийских и внутренних импульсов развития, что наблюдается в отечественном неофольклоризме в целом. Возможна его актуализация, что в регионах может быть связано с идеей духовного возрождения местных культур, разработки своего национального наследия. В этом определённую базовую роль могут сыграть достижения регионального фольклоризма Сибири и Дальнего Востока 1960–90-х годов.

[9] См: Лескова Т. В. Интерпретация народных текстов в хоровых кантатах Аскольда Мурова (Новосибирск) и Сергея Москаева (Хабаровск) // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток – Запад : материалы междунар. науч. конф. – Владивосток, 1995. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 265–268.

Список использованных источников

1. Арановский, М. Музыкальный текст: Структура и свойства / М. Арановский . – М. : Композитор, 1998. – 343 с.

2. Асафьев, Б. О народной музыке / Б. Асафьев. – Л. : Музыка, 1987. – 248 с.

3. Головинский Г. Композитор и фольклор: Из опыта мастеров XIX–XX веков : очерки / Г. Головинский. – М. : Музыка, 1981. – 279 с.

4. Григорьева, Г. Стилевые проблемы русской советской музыки второй половины XX века / Г. Григорьева. – М. : Советский композитор, 1989. – 206 с.

5. Жоссан, Н. Проблема претворения русских народных жанров в сочинениях кантатно-ораториального типа (на материале отечественной музыки 60 – 80-х годов) : автореф. дис. … канд. иск. / Н. Жоссан. – М., 1998. – 28 с.

6. Земцовский, И. Фольклор и композитор / И. Земцовский. – Л.–М. : Советский композитор, 1978. – 174 с.

7. Иванова, Л. Типы музыкального воплощения русских поэтических текстов в произведениях советских композиторов 60 – 70-х годов : автореф. дис. … канд. иск. / Л. Иванова. – Л., 1980. –20 с.

8. Леонова, Н. Фольклористическая деятельность Сибирского отделения Союза композиторов / Н. Леонова // Новосибирская область в контексте российской истории. – Новосибирск, 2001. – С. 231–233.

9. Сохор, А. Теория музыкальных жанров: задачи и перспективы / А. Сохор // Теоретические проблемы музыкальных форм и жанров. – М. : Музыка, 1971. – С. 292–309.

10. Юсфин, А. Об исследовании музыки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / А. Юсфин // Проблемы музыкального фольклора народов СССР. – М. : Музыка, 1973. – С. 188–194.

Лысенко Светлана Юрьевна,
доцент кафедры теории, истории музыки и инструментального исполнительства Хабаровского государственного института искусств и культуры

ОПЕРНЫЙ ТЕКСТ КАК ФЕНОМЕН ПОСТАНОВОЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье опера рассматривается как результат поэтапной интерпретации вербального текста (этап композиторского творчества) и музыкальной партитуры (сценическое воплощение). Актуализируется проблема постановочной интерпретации, понимаемая в рамках герменевтической традиции как привнесение постановщиками в композиторскую концепцию собственных смысловых интенций. Предлагается новый методологический подход к анализу проблемы взаимодействия композиторского замысла и его сценического прочтения.

Современная музыкально-постановочная практика предлагает широкий диапазон сценических прочтений классического музыкально-театрального наследия – от «аутентичных» до авангардных. Музыкальный театр XX века, культивирующий искусство оперной режиссуры и сценографии, нередко рассматривает оперу как объект интенсивного художественного эксперимента, порождающего всё новые и новые смысловые варианты классических произведений. Немаловажное значение сегодня приобретает и социально-психологический аспект бытия музыкально-театральных жанров, их восприятия в различных общественно-исторических контекстах, позволяющий рассматривать современную режиссуру музыкального спектакля как определяющее условие коммерческого успеха, как средство привлечения публики. Вместе с тем, наряду с ультраавангардными постановками, провокационными псевдокультурными артефактами, современная постановочная практика порождает и высоко талантливые образцы

постановочных прочтений, сопоставимые по силе художественного воздействия с исходным авторским произведением. Такие интерпретации позволяют при восприятии проникнуть в глубинные смысловые слои композиторского текста, актуализируют диалог «данного» и «созданного» (М. Бахтин).

Во многом такая широкая амплитуда художественных решений обусловлена эстетикой постмодернизма, ставшего ведущей художественной парадигмой второй половины XX века. Включение в орбиту современного искусства всего опыта мировой художественной культуры сквозь призму её иронического цитирования, «кризис авторитетов», интертекстуальность, «коммуникативная затрудненность», игра смыслами как результат «политики языковых игр», «эрозия веры» в «великие метаповествования», «тоталитарующие» представления о реальности, эклектизм – таковы характерные черты современной художественной культуры. Это провоцирует переосмысление традиций и в постановочных прочтениях классических произведений, а в отдельных случаях порождает конфликт интерпретаций, выявляя сложное взаимодействие радикального консерватизма и тенденций художественного обновления.

Вышеизложенное актуализирует необходимость разработки стратегии осмысления всей множественности постановочных решений, поиска точки опоры в противоречивом пространстве музыкально-постановочной практики, позволяющей отличить истинное от ложного, талантливое от модного, элитарный эксперимент от популяризации, концептуальное от его подделки. Основополагающим моментом в решении данного вопроса должна стать разработка методологических подходов к анализу и оценке характера взаимодействия композиторского замысла и его театрально-сценических прочтений, позволяющих устанавливать степень убедительности диалога «данного» и «созданного» в синтетическом художественном тексте.

В музыковедческих работах музыкально-театральные произведения традиционно анализируют с позиции музыки, синтетическая природа жанра при этом осмысливается как результат взаимодействия слова (либретто) и музыки, а сценическое воплощение трактуется как «звуко-зрительная материализация» исполнителями и постановщиками композиторского замысла. Проблемы реального функционирования оперы как театрально-сценического произведения находят освещение в театроведческих работах, предметом анализа которых становится визуально-пластический образ музыкального спектакля. Традиции анализа оперы в современном музыковедении существенно дополняются исследовательскими подходами, рассматривающими её в коммуникативном аспекте – как специфический текст культуры, несущий некое зашифрованное автором «сообщение», которое каждое новое поколение осмысливает в контексте своей культурно-исторической эпохи, выявляя смысловую вариативность в дискурсе интерпретаторских прочтений.

Такой подход актуализирует проблему соотношения композиторского замысла и его театрально-сценических прочтений. Для её решения оперу правомерно осмыслить не как произведение, а как специфический художественный текст. Опера-произведение, трактуемое как ограниченный историческими и культурными рамками результат художественной деятельности творца, структурно замкнутое и внутренне завершённое, предстает как единство формы и «закодированного» автором содержания, как отграниченное, замкнутое в себе конечное образование [12, с. 4]. Такая форма существования художественного опуса «уже состоялась», уже завершена, тогда как опера-текст «еще происходит», развертывает во времени свою сеть элементов, последовательно реализует систему отношений» между ними [1, с. 29], а потому способна к саморазвитию, к расширению своих смысловых горизонтов в цепи интерпретаторских прочтений.

Понять произведение – значит «извлечь» из него авторское содержание, зафиксированное в знаковой форме, «раскодировать» авторскую информацию. Понять текст – значит через «распредмечивание» его единиц установить связи между выразительными средствами текста и опредмеченными в них смыслами[1]. Содержание произведения, формируемое в восприятии реципиентов, инспи-

[1] Такую цель в понимании текста ставит семиотический метод анализа.

рировано автором при помощи сложившихся в культуре объектизированных констант (жанров, техник письма, форм и т. д.). Смысл текста рождается из сопоставления значений, потому принадлежит не тексту, а духовному миру реципиента: это его вывод, его реакция, его интерпретация, вытекающая из понимания значений [1, с. 337], а потому «не в полной мере адекватный» духовной модели авторского содержания. Смысл текста, по образному выражению М. Арановского, несёт неустранимый привкус субъективности, постигается интуитивно, а потому связан с процедурами понимания и интерпретации.

Поэтому для анализа постановочной интерпретации оперы-текста представляется возможным привлечение герменевтического ракурса. Не отвергая достоинств уже апробированных аналитических методов и активно привлекая их материал, герменевтическая традиция истолкования текстов, как особая направленность на поиски смысла, на его «распаковку» (В. Налимов), смещает акценты анализа с произведения – на текст, с содержания – на его смысл. При этом текст трактуется как своеобразная матрица, порождающая потенциальную множественность смыслов, как некий «пусковой текст» (М. Розов), который не предусматривает обязательную «реставрацию» его первоначального смысла, а «запускает механизм» образования его новых версий [11, с. 101]. «Местоположение» смысла при таком подходе – граница открытой полой формы («текста» по Г. Гадамеру: [6, с. 141]) и воспринимающего сознания, некое условное пространство между текстом и интерпретатором, точка пересечения текста и действительности реципиента. Поэтому то, что для семиотического анализа является целью в понимании текста, для герменевтики становится «отправной точкой». «Диалог сознаний» (М. Бахтин) – авторского и интерпретаторского – приводит не только к постижению имманентного художественного смысла, опредмеченного в тексте, но к открытию «значения для меня», к распредмечивающему типу понимания, к «перевыражению» авторского смысла в сознании реципиентов. При этом знаковые единицы текста трактуются как импульсы для порождения или «пробуждения» всё новых вариантов смысла, вызванных осознанной рефлексией интерпретаторов над собственным опытом переживаний.

Тогда синтетический жанр оперы, реальное бытие которого предполагает необходимость театрально-сценического прочтения, актуально понимать как последовательную цепь интерпретаций, где исходный вербальный текст либретто «перевыражается» средствами музыкального ряда оперы (этап композиторской интерпретации), а музыкальная партитура интерпретируется средствами театрально-сценического искусства в сценическом и сценографическом рядах оперы. Для анализа результата такого поэтапного «перевыражения», воплощенного в целостном облике оперы-спектакля, видимого, слышимого и понимаемого реципиентами, мы предлагаем использовать понятие синтетического художественного текста.

Привлекая данное понятие к анализу оперы, мы опираемся, прежде всего, на работы П. Волковой, в которых исследователь на материале романса и оперы рассматривает музыкальное прочтение вербального текста как интерпретацию, в процессе которого композитор расставляет свои смысловые акценты [3, 5]. Однако интерпретаторскую цепочку при анализе оперы как синтетического художественного текста можно продолжить, если включить его в дискурс постановочных прочтений. Актуализируя постановочный аспект, подчеркнем, что на этапе сценической реализации порождаются новые тексты с системами знаков иной природы, своими средствами кодирования смысла, значительно расширяется спектр невербальных знаковых систем, задействованных в декодировании смысла вербального текста. Следовательно, процесс объективации результата интерпретации может происходить не только с помощью звука (композиторский музыкально-интонационный ряд оперы-спектакля), но и цвета, линии, формы, света (сценография), и жеста, пластики, мимики (сценическое поведение актёров).

В связи с этим возникает необходимость поиска единого аналитического подхода ко всем этапам этой многоуровневой интерпретации, учитывающего результат взаимодействия всех составляющих музыкально-театрального действа, способного связать знаковую сторону текста с процессом мыш-

ления и выявляющего механизм реализации порождаемого и воспринятого смысла в ином формальном выражении, языком других видов искусства – участников синтетического целого. Один из возможных путей решения проблемы – использование в качестве инструмента анализа такого понятия, как концепт[2].

Современная культурология в коммуникативном аспекте рассмотрения текстов культуры определяет художественный концепт как особый механизм, привносящий в исходную авторскую концепцию, в авторское «смысловое ядро» (Л. Березовчук) свои смысловые интенции, включающий воспринимаемое (интерпретируемое) в свой ассоциативный ряд, что способствует размыканию исходной смысловой зоны произведения [9]. Авторский «сгусток смысла» (Ю. Степанов), программируемый в тексте, задает направление для развертывания индивидуально-личностного смысла интерпретаторов, возникшего в результате включения воспринятого образа (мотива, символа) в «ассоциативно-вербальную сеть языка» (термин Ю. Караулова), что и становится причиной порождения концепта.

В свете предпринятого нами исследования оперы как синтетического художественного текста, в котором участвуют как вербальные, так и невербальные знаковые системы, актуализируется проблема невербальных форм коммуникации. Для анализа постановочной интерпретации как невербального способа реализации понятого и вновь порожденного смысла мы предлагаем использовать невербальные формы концепта[3]. Понятием «невербальный концепт», заимствованным нами из филологии, где он вербализируется (изображается с помощью вербальных средств), в опере мы предлагаем определять те концепты, которые реализуются невербальными средствами (невербальная форма реализации концепта – визуально-пластическая, музыкальная, цветовая и др.).

При восприятии синтетических художественных тестов задействовано несколько различных видов модальностей, а значит и предпосылок для взаимообменов между вербальными и невербальными концептами смысловой системы (как свидетельстве осознанной рефлексии субъекта интерпретации) значительно больше, чем в мономодальных видах искусства. «Сбор» информации, поступающей по чувственным каналам восприятия, приводит к порождению невербальных концептов, которые в процессе понимания перевыражаются интерпретаторами в разномодальных представлениях. Такой своеобразный диалог модальностей [4, с. 81] становится возможным благодаря уникальному свойству человеческой психики – способности к межчувственным ассоциациям, получившей определение синестезии. Невербальная концептуальная система субъекта интерпретации, его внутренняя речь, специфическим проявлением которой и выступает синестетичность, образуется на пересечении различных чувственных модальностей (слуховой, визуальной, тактильно-кинетической) [7, с. 119], что создаёт в опере предпосылки для кодовых переходов между рядами синтетического текста.

Способы реализации перехода в восприятии между вербальными и невербальными компонентами языка в психологической лингвистике принято определять как коды[4]. Подобное происходит и в синтетическом художественном тексте на этапе постановочной интерпретации: в процессе понимания постановщиков воспринятый концепт способен перекодироваться из вербального кода либретто и звукового кода музыкальной партитуры в предметно-схемный код (как способ реализации сценографического ряда оперного спектакля), в речедвигательный код (как спо-

[2] От лат. conceptus, concipere – «понятие, зачатие». Введённый в терминологический арсенал отечественной эстетики Р. Павилёнисом [13], термин «концепт» используется им для отражения результата смыслообразовательного процесса в непрерывно конструируемой концептуальной системе человека, осмысливается как связь между мыслью и языком, как средство передачи определенной информации.

[3] Наиболее исследованной на сегодняшний день является *вербальная* форма концепта, понимаемая в современной филологии как «ключевые слова», метафоры, центральные образы данного языка и данной культуры.

[4] Н. Жинкин кодом называет систему материальных сигналов, в которых может быть реализован какой-нибудь определённый язык, причем в разных кодах значения элементов языка (слов) может оставаться тождественным, что создаёт предпосылки для переходов из одного кода в другой [8, с.150].

соб реализации вокально-исполнительского искусства), в двигательно-пластический код (как способ реализации сценического поведения актёров), и т. д.

Рассмотрим указанные процессы на примере оперы М. Мусоргского «Борис Годунов». Выбор данной оперы обусловлен, прежде всего, тем, что с момента своего создания это произведение находится в центре неослабевающего внимания постановщиков. Потребность в раскрытии её смыслового потенциала у каждого следующего поколения столь велика, что по количеству сценических постановок в XX веке она лидирует среди других русских опер – как в России, так и за рубежом.

Множественность интерпретаторских прочтений данной оперы, как представляется, обусловлена несколькими причинами. Одна из них – смысловая плотность композиторского текста, значимость поднимаемых в ней нравственно-философских вопросов, особенно актуальных в последнем столетии. Немаловажное значение при понимании особой востребованности сочинения Мусоргского имеет разомкнутость концепции оперы, связанная с наличием двух самостоятельных авторских редакций. И хотя «Борис Годунов» – единственная из опер Мусоргского, законченная самим композитором, множественность последующих редакций, предпринятых с различными целями, свидетельствуют о неоднозначности её восприятия[5]. Следует подчеркнуть и особую сценичность оперы, обусловленную специфической природой музыкально-театрального дарования Мусоргского, уникальным типом художественной личности, позволяющим ещё на этапе сочинения музыкальной партитуры предусматривать основной мизансценический облик спектакля, пластический рисунок роли, характерность и выразительность речи конкретного персонажа, мимику и сценическое поведений актёра, т. е. всем тем, что в отношении ряда композиторов XX века некоторыми исследователями было определено понятием «композиторская режиссура» [2, 16].

Каждое новое поколение интерпретаторов, обращаясь к «Борису Годунову», задаёт тексту М. Мусоргского свои вопросы, каждое новое прочтение выявляет новые грани смысла, порождая порой весьма широкий смысловой диапазон трактовок: от реалистического постановочного решения, воссоздающего исторически достоверную атмосферу действия[6] – до сценического прочтения в духе религиозной притчи, решенной в мистериальном ключе[7]; от социально-политических аллюзий с современностью[8] – до глубоких нравственно-философских обобщений[9].

Такой подход к опере Мусоргского выявляет актуальность её рассмотрения в аспекте постановочной интерпретации. Остановимся на двух постановочных интерпретациях «Бориса Годунова».

Спектакль О. Ивановой, осуществлённый в театре им. К. Станиславского и В. Немировича-Данченко, решён в камерном ключе, переносит основной конфликт оперы во внутренний мир Бориса[10]. Значимые для постановщиков смысловые мотивы оперы, связанные с темой искупления греха страданием, обретения прощения измученной души, получают обобщенно-символическое воплощение в сценическом и сценографическом рядах спектакля, выявляя концептуальную суть сакральной притчи О. Ивановой – С. Бархина – С. Колобова: исходную предначертанность человеческого пути к покаянию и нравственному очищению.

Интерес к постановочной интерпретации А. Тарковского в аспекте синестетического анализа обусловлен, прежде всего, особой ролью невербальных компонентов визуально-пластической партитуры как средства рас-

[5] Помимо нескольких редакций Н. Римского-Корсакова, способствующих возвращению оперы Мусоргского на сценические подмостки, отметим редакцию клавира оперы, сделанную П. Ламмом по автографам композитора, новый вариант оркестровки Д. Шостаковича, а также редакцию английского музыковеда Д. Ллойд-Джонса, предпринятую в 1975 году с целью восстановления обеих авторских редакций партитуры «Бориса Годунова».

[6] Спектакль 1947 года, осуществлённый режиссёром Л. Баратовым в декорациях Ф. Федоровского на сцене Большого театра СССР.

[7] Постановка театра им. Станиславского и Немировича-Данченко 1990 года (музыкальный руководитель Е. Колобов, режиссёр О. Иванова, художник С. Бархин).

[8] Режиссёрское и сценографическое прочтение Х. Вернике на Зальцбургском фестивале 1994 года.

[9] Единственная оперная постановка А. Тарковского, осуществленная в 1983 в Лондонском театре Ковент-Гарден и перенесённая на сцену Кировского театра оперы и балета в 1990 году (режиссёры Ст. Лоулесс и И. Браун, художник Н. Двигубский).

[10] Постановщиками привлекается 1-я авторская редакция оперы.

предмечивания близких режиссёру смысловых мотивов оперного текста. Сценическое прочтение А. Тарковского реализовано в системе художественных координат его авторского кинематографа, отмеченного особым вниманием к нравственно-философской проблематике, обращённого к вечным, надвременным вопросам бытия. Судьба народа, приниженного, дремотного, привыкшего к своей горестной судьбе, показанного сторонним наблюдателем разворачивающихся событий, выявляет изначальную предрешённость судьбы Бориса. Драма совести прочитывается Тарковским как драма незаурядной личности, движимой решимостью изменить трагическую судьбу России, но в этой попытке преступившей нравственные устои. Центральный для режиссёра образ Бориса следует осмысливать в контексте его кинематографического творчества, актуализируя мотивы «памяти-совести и вины» (М. Туровская), отцовства, детства. Важнейшими смысловыми векторами сценического прочтения становятся христианские мотивы, усиливающие звучание темы искупления вины через страдание, веры в обретение потерянной духовности.

Большой интерес вызывает анализ сценического ряда этих постановок, его функции в создании новых интерпретаций оперы. Осмысление сценического ряда в избранных постановках «Бориса Годунова» как результата интерпретаторской деятельности режиссёра и актёров-певцов позволяют осознать его выразительные средства (жест, актёрская пластика и др.) как важнейшие формы невербального перевыражения актуальных для постановщиков скрытых смысловых интенций оперного текста. Такой подход актуализирует смещение акцента при осмыслении двигательно-пластической информации с ситуационного контекста действия (жест как отражение эмоции, вызванной сюжетной ситуацией) на глубинный уровень восприятия, связанный с внутренней речью, в которой значительную роль играет синестетическое родство модальностей.

В процессе синхронизации рядов оперы как синтетического художественного текста роль пластики приобретает ведущее значение. Обоснованием данного положения может стать привлечение метода звукозрительного контрапункта (С. Эйзенштейн), основанного на эквивалентности зрительного и слухового образа в художественном мышлении. Частным проявлением звукозрительного контрапункта в избранных сценических постановках «Бориса Годунова» является дополнительный уровень сценического ряда, реализуемый в оперном спектакле с помощью таких кинематографических приёмов, как параллельный монтаж, крупный план. При синестетическом анализе принцип звукозрительного контрапункта, лежащий в основе действия дополнительного уровня визуально-пластической партитуры, может быть осмыслен как способ создания такого художественного образа, который апеллирует к способности слушателей-зрителей к соощущениям на основе художественно-языковых аналогий смежных искусств. Некоторые компоненты пластического ряда оперного текста, формируя самостоятельный дополнительный уровень зрительной информации, часто не предопределённый поверхностными слоями авторского текста и действующий внешне независимо от музыки, способны выполнять задачи, эквивалентные музыкальным. Тогда средство параллельного монтажа может быть рассмотрено как семантически значимая единица изображения, реализуемая при помощи актёрской пантомимы и действующая при повторном появлении как музыкальный лейтмотив.

В спектакле А. Тарковского параллельный монтаж осознанно привлекается режиссёром для усиления интермодального синтеза, провоцируя звукозрительные синестезии. Его можно осмыслить как визуально-кинестетическую перекодировку концепта невинно убиенного царевича. Пластическая форма перевыражения указанного концепта, получившего свое аудиальное воплощение в разветвлённой системе мотивно-смысловых и интонационно-гармонических связей в музыкальном ряду оперы Мусоргского, переносит акцент с сюжетно-событийного уровня текста на смысловой подтекст.

Процесс «распаковки» смысла, актуализируемого Тарковским средствами театральной пантомимы, особая значимость указанного концепта в тексте Мусоргского, отождествление царевича Димитрия с сакральным для Руси образом невинно уби-

енного Отрока происходит с помощью интертекстуальных связей с кинофильмами самого режиссёра, погружения в культурно-исторический контекст с привлечением анализа музыкальных закономерностей.

Первое появление мальчика-актёра в длинной белой сорочке во время вступительного раздела сцены «В келье» рождает ассоциации с образом Отрока в кинематографическом творчестве Тарковского как символом нравственной чистоты[11]. Это и Ваня в «Ивановом детстве», и Бориска в «Андрее Рублёве», и поливающий дерево мальчик в «Жертвоприношении», и главный герой «Ностальгии» в воспоминаниях о своём детстве, и сам А. Тарковский в «Зеркале». Их внутреннее родство с образом Отрока в постановке «Бориса Годунова» подчеркнуто сценографами прежде всего на уровне внешнего облика. Дальнейшее пластическое развертывание указанного смыслового мотива в указанной сцене (Пристав душит мальчика и за ноги оттаскивает его тело во врата), «лобовое» по силе своего воздействия, на фоне статичного основного действенно-сценического ряда сравнимо с кинематографическим приёмом крупного плана. Смысловой импульс, идущий от сценического приема А. Тарковского, включает культурно-историческую память и отсылает нас к сакральной истории русского государства[12].

Среди первых канонизированных русских святых были невинно убиенные отроки-князья Борис и Глеб, принявшие за христианскую веру страдание и смерть. Данное жертвоприношение, уходящее корнями в глубинные мифологические слои культуры и нашедшее дальнейшее отражение в парадигматической оси интертекстуальных связей, легло в основу русского национального мифа, связанного с убийством невинного Царевича карающим Царем[13]. Данная мифологема, развернутая Пушкиным и подхваченная Мусоргским, воплощена в истории царя Бориса. С позиции государственной истории Руси смерть Димитрия должна была подвести черту под жестоким правлением Ивана Грозного. Однако безнравственность средств для достижения власти не принесла благополучия русскому народу, за которого так радел Борис.

Пластическая реализация концепта невинно убиенного Отрока имеет в спектакле определенное драматургическое развитие. Её экспонирование (сцена «В келье»), самое развернутое в опере, высвечивает важные для музыкальной драмы смысловые аспекты и становится тем концептуальным зерном, из которого постепенно прорастают смысловые «побеги», работающие в пространстве всего текста[14]. Появление визуального образа Отрока, предваряющее пробуждение Григория и уже тогда порождающее пограничные смысловые оттенки сна-яви, вызывает ассоциацию с навязчивой идеей инока о самозванстве – той парадигматической цепью в истории России, для которой точкой отсчета стало убийство Димитрия. Использование А. Тарковским визуально-пластического кода в реализации средствами актёрской пантомимы сцены убийства в дополнительном сценическом уровне контрапунктирует вступительному монологу Пимена («да ведают потомки православных…»), усиливая интенсивность восприятия образа летописца как главного обвинителя Бориса и, одновременно, радетеля государственного порядка времен Ивана Грозного. Кроме того, средство параллельного монтажа заставляет реципиентов включать смысловые связи «на расстоянии», приближая к экспозиции драмы библейский укор Юродивого «Нельзя молиться за царя Ирода».

Возвращение этого образа в сцене галлюцинаций Бориса и сцене его смерти становится проводником важного для А. Тарковского мотива «памяти-совести и вины» (М. Туровская), усиливая тему нравственного преступления Бориса. Здесь же внешнее сходство Феодора и Отрока, подчёркнутое сценографами с помощью одинаковых длинных белых сорочек, позволяет сознанию воспринимающего выявлять новый смысловой мотив текста, включая в интертекстуальный

[11] Ассоциативно-синестетическая характеристика белого цвета, трактуемого ещё в древне-русском искусстве как материализация света, осознается в генетическом родстве с божественным светом (см. об этом: [10]).

[12] Подобный опыт анализа предлагается в работе А. Парина [14].

[13] Исследователь ссылается в этом на мнение французского историка Безансона [14, с. 46].

[14] Активизация таких связей особенно актуальна при повторных восприятиях оперы.

ряд невинно убиенных младенцев и сына преступного царя[15].

В целом визуальный образ мальчика-Отрока, опредмеченный пластическими средствами в дополнительном уровне сценического ряда, действуя в звукозрительном контрапункте как музыкально-тематическая единица, сопоставимая с музыкальным лейтмотивом, направлен на усиление аудиально-слухового восприятия, перенося акцент с сюжетно-событийного ряда на смысловой подтекст. Привлекаемый нами герменевтический ракурс в анализе конкретного постановочного приема позволяет отождествить Отрока А. Тарковского с Димитрием Пушкина-Мусоргского. В этом контексте лейтмотив Димитрия может быть осмыслен как музыкальное воплощение концепта невинно убиенного Отрока, а возникающие в процессе музыкального развития имманентные связи с другими образами (персонажами) актуализируются в выявленном нравственно-концептуальном ключе.

Целый комплекс музыкально-выразительных средств в экспозиционном проведении лейтмотива Димитрия – редкая для оперы «мажорность» ладового облика[16], чистый высокий тембр струнных, лирическая секстовость, обобщенно-русская плагальность (Г. Головинский) и др. – делает его особо узнаваемым в дальнейшем развертывании музыкальной партитуры. «Стягивая» к себе многие музыкально-интонационные связи оперы, данный лейтмотив в драматургическом развитии оперы обретает особую знаковость, позволяя рассматривать все события музыкальной драмы сквозь призму совершенного Борисом злодеяния. Так, навязчивая идея Григория о самозванстве воплотилась средствами музыкального переосмысления лейтмотива Димитрия в тему Самозванца (её ритмо-интонационное перерождение завершается в Польском акте).

Однако основным результатом синестетического подхода для нас становится выявление внутренних, подводных музыкально-интонационных закономерностей в музыкальной драматургии оперы, распознаваемых лишь при детальном музыковедческом анализе и расположенных в глубинных слоях текста М. Мусоргского. Так, например, теснейшие ладово-интонационные параллели лейтмотива Царевича, темы «разорённой Руси» и музыкальной характеристики Пимена-летописца связывают в нашем сознании все события оперы в единый смысловой узел. И визуальным импульсом для этого становится пластическое воплощение смыслового мотива невинного Отрока, предшествующее экспонированию в музыкальном ряду столь важного для оперы драматургического мотива и тем самым векторизующего наше восприятие в процедуре последующего осмысления текста Мусоргского.

Другим примером может стать особо приподнятое звучание основного лейтмотива оперы в рассказе Шуйского о царевиче Димитрии (2-е действие) и в повествовании Пимена о чудесном исцелении старца (4-е действие), где излюбленные М. Мусоргским большетерцовые связи тонального облика темы (A – Cis и A - Des) «рисуют» образ Димитрия «как святого, в отвлечённо-идеальных красках» [15, с. 31][17].

Глубинное интонационное родство лейтмотива Димитрия и «аккордов власти» Бориса, особенно ярко проявляемое в рассказе Пимена об угличских событиях в кульминационный момент обвинения («… и назвали Бориса»)[18], становится дополнительным смысловым вектором для постановщиков, реализовавших смысловой мотив невинно убиенного Отрока в сценическом ряду, тем самым подчеркнув чудовищность цены, заплаченной Борисом за обладание царским троном.

Прием параллельного монтажа в сцене «В келье» А. Тарковский применяет дважды, тем самым подчеркивая драматургическую значимость этой сцены для всей оперы – внешне малособытийной, но содержащей богатый внутренний смысловой потенциал. Вербальный компонент художественного текста («И не уйдёшь ты от суда людского, как не уйдёшь от божьего суда»), векторизуемый Мусоргским в музыкальном ряду оперы с по-

[15] Вспомним Пушкина: очень скоро Феодор сам станет «жертвой на заклание» во славу нового царя-Самозванца.

[16] Ладовое наклонение темы в дальнейших её появлениях будет меняться, но светлость мажорного облика останется преобладающей.

[17] В обоих случаях намеренная идеализация образа Царевича драматургически оправдана.

[18] Подробный интонационно-ладовый анализ этого момента содержится в статье В. Протопопова [15, с. 22].

мощью интонационного родства лейттемы Димитрия и темы «разорённой Руси» (симфоническое вступление), получает пластическую перекодировку в виде катящихся по сцене в стелящемся дыму «оборотней», в которых, спустя время, угадывается тот самый народ, во благо которого и свершился архетипичный обряд жертвоприношения. «Суд людской» – лишь отражение Божьего суда, вершимого в рамках христианской традиции муками совести[19].

В сценической интерпретации О. Ивановой (театр им. Станиславского и Немировича-Данченко) основным результатом модального перекодирования концепта невинно убиенного царевича пластическими средствами становится невербальное перевыражение распредмеченного постановщиками смысла оперного текста, связанного с христианскими мотивами искупления греха страданием и смертью. «Приращение смысла» при восприятии дополнительного уровня действенно-сценического ряда, формируемого многократным появлением Мальчика-актёра со свечой, становится возможным благодаря активизации слухозрительных ощущений. Действуя по принципу звукозрительного контрапункта, данный визуальный образ, не иллюстрируя напрямую музыкальное развитие, в своей драматургической функции идентичен функции музыкального лейтмотива, способствуя переключению восприятия на смысловое обобщение. Пластический компонент действия, связанный с первым появлением Мальчика, под звуки оркестрового вступления к опере зажигающего свечи в поминальном «кануне», рассматривается как приём сознательного усиления интермодального синтеза в опере-спектакле, выявляющего интонационную связь темы разорённой Руси и будущего лейтмотива Димитрия. Визуальный образ Мальчика со свечой, занимающего вместо Бориса царский трон в сцене венчания и заслоняющего путь коронующегося царя в Архангельский собор, осознается как результат опредмечивания глубинного смыслового мотива самозванства, как визуально-символическое обобщение вины Годунова. Концептуальный мотив искупления греха страданием и смертью получает свое пластическое воплощение в сцене смерти царя, когда Мальчик уводит Бориса за собой под звуки просветленно-восходящего музыкального мотива тщетности борисовых деяний в «тишайшем, лучезарном» Des-dur (М. Сабинина). Подобный сценический приём в контексте заявленной проблематики работы осмысливается как способ создания художественного образа, основанный на эквивалентности действия языковых средств музыкального и визуального рядов: восхождение Мальчика и Бориса с зажжённой свечой к декорационному проёму синхронизируется с мелодической линией низких струнных и валторн. Совпадение «движения музыки и глаз по линии пластической композиции» (С. Эйзенштейн) при восприятии взаимно усиливают энергетику вовлекаемых модальностей, актуализируя глубинный смысловой мотив обретения прощения измученной душой Бориса.

Рассмотренные в статье синестетические образы в двух постановочных интерпретациях «Бориса Годунова» обладают более интенсивным воздействием и содержат особые алгоритмы слияний, ассимиляций художественно-языковых средств смежных искусств, программируемые композитором и постановщиками и рождающие импульсы для последующего восприятия. Такие комплексные синестезийные художественные импульсы, опредмеченные в тексте и создающие эффект «умножения чувственности» (Б. Галеев), позволили обнаружить на этапе постановочной интерпретации в опере как синтетическом художественном тексте глубинный, подтекстовый уровень, содержащий более объемную и многозначную невербальную информацию, размыкающую внешний, событийно-предметный слой текста. Вместе с тем, привлекаемые к анализу постановочные интерпретации оперы Мусоргского являют пример состоятельности диалога «данного» и «созданного», театральной реализации риторической программы композитора, предопределяющей алгоритм последующего сценического «развертывания» синтетического художественного текста.

[19] Для усиления этого мотива в сценографическом ряду Тарковский вводит изображение рублёвской Троицы как символа православной веры и надежды.

Список использованных источников

1. Арановский, М. Г. Музыкальный текст : структура и свойства / М. Г. Арановский. – М. : Композитор, 1998. – 343 с.

2. Берченко, Р. Э. Композиторская режиссура М. П. Мусоргского / Р. Э. Берченко. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 224 с.

3. Волкова, П. С. Риторические модели гуманитарного образования / П. С. Волкова. – М., 2001. – 189 с.

4. Волкова, П. С. Синестезия как условие понимания / П. С. Волкова // Прометей 2000 : о судьбе светомузыки : На рубеже веков. – Казань : Фэн, 2000. – С. 81–83.

5. Волкова, П. С. Эмотивность как средство интерпретации смысла художественного текста (на материале прозы Н. Гоголя и музыки Ю. Буцко, А. Холминова, Р. Щедрина) : автореф. дис. … канд. филолог. наук / П. С. Волкова. – Волгоград, 1997. – 23 с.

6. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 670 с.

7. Галеев, Б. М. Человек, искусство, техника : (Проблема синестезии в искусстве) / Б. М. Галеев. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 263 с.

8. Жинкин, Н. И. Язык. Речь. Творчество / Н. И. Жинкин. – М. : Лабиринт, 1998. – 368 с.

9. Зусман, В. Г. Диалог и концепт в литературе : Литература и музыка / В. Г. Зусман. – Н. Новгород : Реком, 2001. – 168 с.

10. Ключевская, Е. П. Семантика света в древнерусском искусстве / Е. П. Ключевская // Прометей 2000: о судьбе светомузыки: На рубеже веков. – Казань : Фэн, 2000. – С. 9–12.

11. Коляденко, Н. П. Синестетичность музыкально-художественного сознания (на материале искусства XX века) / Н. П. Коляденко. – Новосибирск, 2005. – 392 с.

12. Лотман, Ю. М. Текст в тексте / Ю. М, Лотман // Труды по знаковым системам. XIV. Тарту, 1981. – Вып. 567. – С. 3–19.

13. Павилёнис, Р. И. Проблема смысл / Р. И. Павилёнис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.

14. Парин, А. В. Хождение в невидимый град: парадигмы русской классической оперы / А. В. Парин. – М. : Аграф, 1999. – 464 с.

15. Протопопов, В. В. Образ Бориса в опере Мусоргского / В. В. Протопопов // Протопопов В. В. Статьи. Исследования. – М. : Советский композитор, 1983. – С. 29–35.

16. Сабинина, М. Д. «Семен Котко» и проблемы оперной драматургии Прокофьева / М. Д. Сабинина. – М. : Советский композитор, 1963. – 290 с.

Курносов Александр Александрович,
аспирант Хабаровского государственного института искусств и культуры

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКТЁРА

О перевоплощении как специфическом средстве актёрского искусства. Рассмотрена природа перевоплощения, его основа, сценические действия, осуществляемые в процессе перевоплощения, качества артиста, которые необходимо укреплять и культивировать. О сверхзадаче актёра.

Актёрская профессиональная грамотность начинается с умения создавать условия для возникновения натурального сценического действия. Умение это равно способностям к актёрскому искусству. Исключительно одарённым актёрам нет нужды специально заботиться об умении действовать. Они легко воображают себя в условиях жизни персонажа пьесы и, поверив в эти условия, перевоплощаются в образ, минуя технику перевода его внутренних качеств на язык действий. Этим языком они пользуются так, как родной речью может пользоваться неграмотный. Таковы редчайшие, исключительные дарования, каким был, например, К.А. Варламов, не учивший ролей и в репетициях не нуждавшийся.

Если не считать таких исключений, то рост умений есть в то же время и рост дарования, хотя начинается он с зародыша способностей и без него невозможен. В дальнейшем дарование является не только постоянным спутником умений, но и главным стимулом их роста и накопления. Ещё И.

Кант заметил: «Уменье составляет признак таланта».

Играющий актёр осуществляет действия, цель которых включает в себя цели изображаемого им на сцене лица, но не тождественна им. В этом и заключается своеобразие актёрской игры. Оставаясь собой, актёр должен стать другим. Не превратиться в другого, а перевоплотиться. В перевоплощении самая глубокая сущность актёрского искусства. «Играть роль» – значит предстать перед зрителем не самим собой, а кем-то другим. Такую игру и называют перевоплощением. Среди современных актёров некоторые перевоплощаются до полной неузнаваемости. Так, О.П. Табакова в одном из спектаклей было трудно узнать в роли пикантной буфетчицы. А есть и такие, как О.Н. Ефремов – в самых разных ролях он, казалось бы, меняется мало.

Разной практике соответствуют и разные теории. Согласно одним, актёру никогда не следует забывать, что он играет роль, что он не есть то лицо, которое изображает, что он должен постоянно и твёрдо держаться того или иного отношения к этому лицу, и зритель должен всегда это видеть. Такой теории противостоят убеждения обратные: актёр должен вполне и искренне верить в то, что он – это лицо; актёр должен влезть в его кожу, усвоить всё, что ему свойственно, и жить вполне и целостно его жизнью, – эта традиция идет от Гоголя, Щепкина и Станиславского. Таковы крайние взгляды. Они формулируются по-разному и более или менее категорично. Между сторонниками крайностей не прекращается борьба на протяжении чуть ли не всей истории театра.

Актёрская практика свидетельствует о том, что высоким искусством бывает перевоплощение самых разных степеней; мера перевоплощения, следовательно, не может служить мерой художественной ценности и не должна поэтому регламентироваться. Но тем не менее вместе с полным исчезновением перевоплощения исчезает и актёрское искусство; оно исчезает и в тех случаях, когда перевоплощение переходит в превращение – когда делается самоцелью или поражает как свершившийся факт. Отсюда следует: хотя перевоплощение является обязательной принадлежностью и особенностью актёрского искусства, оно не является его целью. Перевоплощение – специфическое, присущее актёрскому искусству (и только ему!) средство. О нём часто и горячо спорят как раз потому, что средство это одни принимают за цель, а другие, видя иные цели, отказываются от него вовсе; они забывают, что средство это обязательно, что актёрское искусство не может существовать без его применения.

Знание природы перевоплощения нужно не для унификации актёрского искусства, не для пропаганды какого-то одного направления в нём, одной школы, а для богатства и разнообразия форм и направлений в границах этого искусства, для уяснения широты его возможностей. Не так давно максимальное перевоплощение многими почиталось чуть ли не единственной целью и назначением актёрского искусства. Теперь оно чаще совершенно отвергается. А задача заключается в умелом и каждый раз творческом его использовании. Для этого нужно знать, что оно такое. Что значит, как возникает и в чём заключается – как объективно происходит?

Ребёнок легко может представить себя танком, железнодорожным составом, собачкой – всем, что подскажет ему минутная вольная фантазия; его партнёры по игре без затруднений принимают подобные представления. Если актёр перевоплотится в танк или железнодорожный состав, то он предстанет, в сущности, таким ребёнком. Он перевоплотится в этого ребёнка или в душевнобольного, воображающего себя тем или другим. Актёр не может предстать перед другими ничем, кроме человека. В нём всегда останется узнаваем человек. Если в самом условном представлении актёру надлежит предстать какой-либо стихийной силой, символом, божеством, духом, зверем, существом сказочным, то всё то, чем именно он должен предстать, прежде всего очеловечивается – так или иначе уподобляется человеку. Значит, перевоплощение есть перевоплощение в человека же. Никакого иного перевоплощения нет и быть не может. Человек, обладающий одними качествами, предстает человеком же, обладающим другими качествами. С этого начинается, если можно так выразиться, «теория перевоплощения».

Каковы же те качества, каких человек должен лишиться и каковы те, какие он должен приобрести, чтобы перевоплощение состоялось?

Качеств человека, которые подлежат перестройке, перекомпоновке для перевоплощения, бесконечное множество. Что представляет собой данный человек? Чего он хочет? К чему стремится? Для чего? Что он делает, чтобы достичь своей цели и почему он делает именно это, а не что-то другое? Когда и какие желания у него возникают? Все это – вопросы о действии. Оно может пониматься при этом в разных объёмах – в

пределах текущей минуты, данного часа, дня, года, дел семейных, служебных, общественных и т. д. – таких вопросов может быть множество. При достаточной полноте ответов в них будет содержаться и самая полная характеристика. Она обнаружится в его целях и в способах, к каким он прибегает для их достижения, – даже то, о чём он сам не подозревает, что готов отрицать в себе, что тщательно скрывает, о чём лжёт. Что не проявилось в намерениях, в целях, того просто не существует.

Действия человека характеризуют его вполне конкретно, а потому несравнимо полнее любой другой характеристики, не только анкетной или словесной житейско-бытовой, но даже и словесно-художественной – той, какая содержится в литературном произведении. В действиях объективируется внутренний мир человека как реально происходящий процесс, со всем тем, что по его собственным представлениям ему вовсе и не свойственно.

Так, разве скупой не считает себя слишком щедрым или расточительным? Злой – слишком добрым? Добрый – недопустимо эгоистичным? Разве можно скрыть любовь или ненависть?

Действие характеризует человека своим реальным, фактическим протеканием – не только тем, что человек делает, но и тем, как он это делает. Внутренний мир человека раскрывается преимущественно в контексте многих и разных его дел, и поэтому перевоплощение проявляется, в поведении относительно длительном.

Может ли актёр, в каких бы то ни было обстоятельствах, совершенно расстаться со своими собственными, присущими ему действиями? Нет. Хотя бы потому, что человек ежеминутно совершает множество действий совершенно непроизвольно, не отдавая себе в том отчёта. Может ли актёр совершенно усвоить какие бы то ни было чужие заданные ему действия? Очевидно, тоже нет. Ведь для этого ему нужно было бы перестать быть самим собой, лишиться всего своего жизненного опыта, всех своих индивидуальных задатков. Значит, в перевоплощении происходит устранение актёром каких-то своих собственных действий и усвоение каких-то несвойственных ему действий.

В актёрском перевоплощении бывает так: всего лишь одна черта образа, чуждая актёру, вносится им в свою собственную логику поведения. Если черта эта – всепоглощающая страсть, то полное и яркое перевоплощение налицо. Образ достоверен, актёр неузнаваем. Так, в МХАТе в 1930 году В.А. Синицын играл Яго в «Отелло»; так в 1939 году В.О. Топорков играл Оргона в «Тартюфе».

Но бывает и по-другому. Актёр остается совершенно самим собой, но во всё, что бы он ни делал по роли, он вносит некое чуть-чуть, которое делает его действия откровенной демонстрацией того, что он на грани перевоплощения. Оно неуловимо, но очевидно. Налицо и убедительность поведения: поскольку действия актёра остались его собственными, натуральными, и возникает возможность полного перевоплощения, которое, правда, не осуществляется. Такое своеобразное перевоплощение как будто бы без перевоплощения можно было видеть в «Принцессе Турандот» Евг. Вахтангова, в «Голом короле» Шварца в театре «Современник». Оно воспринимается обычно как некая театральная праздничность, приподнятость, как весёлая дерзость искусства, пренебрегающая бытом, – «актёры» перевоплотились в «артистов», а они видят жизнь своеобразно...

Таковы крайности. От усвоенной актёром, первоначально чуждой ему, характеризующей образ всепоглощающей страсти, которую актёр сделал своей страстью, подчинив ей и слив с ней свою собственную жизненную логику, до неоспоримого права и возможности практически не реализуемого перевоплощения. На одном конце – актёр, по собственному заказу и со своими целями живущий чуждой ему жизнью; на другом – актёр, мгновенно и легко входящий в чужую жизнь и так же легко её покидающий, возвращающийся к логике своей собственной, вполне индивидуальной. Здесь – перевоплощение в того, кто любит актёрское искусство и владеет им, кто может свободно и уверенно перевоплощаться. Между этими крайностями – бесконечное разнообразие.

Иногда артист перевоплощается в один и тот же образ, но показывает его всё с новых и новых сторон и в разных проявлениях, как Ч. Чаплин и А. Райкин. Иногда актёр в каждой новой роли неузнаваем; иногда он кажется почти не изменившимся. Видимо, каждый творит так, как того требует его дарование.

Критерий успешности перевоплощения, в сущности, прост. Он сводится к ответам на вопросы: открывает ли актёр, перевоплощаясь, нечто новое в жизни и в человеке? Убедительно ли это открытие? Достаточна ли и какова его значительность? А велики ли изменения в своей логике действий, сделанные для этого актёром, – это имеет значение,

в сущности, второстепенное. Но открытие нового в человеке с помощью актёрского искусства совершенно без перевоплощения произойти не может. Такова его природа.

Когда актёр подгоняет себя к заранее сочиненному образу, – образ не получается... Когда он не думает об образе, – он перевоплощается. Стремится к переживаниям – они не придут; забудет о них – может быть, придут. Не в этом ли главное отличие профессионала от любителя, дилетанта? Они не ведают этой тайны искусства, им кажется, что нужно точно знать искомый результат, как во всех других практических делах. К.С. Станиславский утверждал, что в достигнутом перевоплощении актёр сам не знает, «где Я и где образ». Налицо и тот и другой. А границу если и можно провести, то, пожалуй, только в «двухэтажности» эмоций: практически там, где радость, наслаждение актёра, отмечают успех воспроизведения подлинности чувств, переживаемых сценическим персонажем. Один («Я») строит поведение, а другой («образ») его осуществляет. Но в актёрском искусстве осуществление никогда полностью не совпадает с планом поведения. План меняется в процессе его осуществления, хотя он все же остаётся исполнением роли. Потому и неизвестно, где «Я» и где «образ».

В этом и заключается чуть ли не главный секрет актёрского творчества: перевоплощение – это, в сущности, путь, направленный к нему, а не само перевоплощение. Актёр на спектакле каждый раз достигает его заново, и работа его над ролью есть, по сути дела, выработка определённого направления к конечной цели.

Полководец сказал: «Заботься о том, чтобы не быть битым, – победа придет сама». В актёрском искусстве такая оборонительная позиция, казалось бы, не может сулить хорошего. На деле та же заповедь имеет другое, не оборонительное, а наступательное значение: не позволяй сбить себя с верного пути какими бы то ни было соблазнами и не уклоняйся от него – образ будет. Он будет тот и такой, какой тебе сегодня доступен на взятом направлении, если ты в нём уверен и если ты движешься. Завтра ты будешь способен на большее. Так умножаются возможности художника, так растёт актёр и его искусство, так совершенствуется мастерство и так реализуется перевоплощение. По остроумному определению М.Н. Кедрова, «актёр подобен велосипедисту – либо движется, либо лежит на боку».

Действие непримиримо со статической определённостью, а недоразумения часто возникают потому, что одни жаждут именно её любой ценой, другие – во имя неуловимых оттенков и стремительности действия чураются всякой определённости. К.С. Станиславский нашёл динамическую определённость в природе актёрского искусства, и в перевоплощении в частности. В актёрском искусстве она заключена в принципе «физического действия», в перевоплощении – в краткой формуле: «от себя к образу». Когда к формуле этой добавляют «и как можно дальше», то в этом иногда сквозит статическое представление о конечной станции, где, наконец, можно отдохнуть от трудов и куда нужно поэтому поскорее добраться. Но «как можно дальше» уже содержится в формуле Станиславского, в ней выражен объективный закон. Как таковой, он проявляется каждый раз своеобразно. Поэтому он не похож на рецепт и несовместим с ремесленными приёмами. В самом деле: что значит «от себя»? Нет двух людей одинаковых – от чего же «в себе»? Что значит «к образу»? Его внутренний мир обнаруживается в действиях, а действия определяются целями – к каким же целям образа нужно идти от себя?

Принцип физического действия уточняет формулу перевоплощения: от своих совершенно реальных (физических) действий, от своего жизненного поведения к целям образа, все более значительным – тем, которые делают его, образ, заслуживающим интереса. Это цели далекие, и «чем дальше, тем лучше» – к сверхзадаче роли. Но может ли увидеть, найти и воплотить такие цели человек без достаточно широкого кругозора? Чтобы создать путём перевоплощения образ человека с широкими горизонтами и далёкими целями, актёр должен сам обладать широким кругозором и стремиться к далёким целям. Поэтому в произведении актёрского искусства всегда воплощается личность самого актёра. Этот закон К.С. Станиславский назвал «сверх-сверхзадачей артиста» – именно она в конечном итоге определяет: сколь далёкую и какую именно цель найдёт он в роли как сверхзадачу образа.

Бывают люди с грандиозными, но плохо обоснованными целями, бывают – с самыми скромными, но хорошо обеспеченными. Масштаб человека, если можно так выразиться, определяется содержанием и размерами его устремлений, а также и степенью их обоснованности. У одних средства обгоняют цель, у других – цель не соответствует имеющимся средствам. Сами по себе энтузиазм, одержимость и благие намерения бессильны. Идеальные устремления и увлечения художника

реализуются в его произведениях лишь в той мере, в какой он владеет средствами своего искусства. Нормальный человек едва ли может долго заниматься целью, в недостижимости которой он убедился. Такая цель неизбежно трансформируется, заменяется другой, более близкой и реально достижимой. Так, вследствие недостатка средств, цели приближаются и упрощаются. Так художник иногда постепенно превращается в ремесленника.

И наоборот, само достижение цели (даже одно знание средств её достижения и того, что она практически достижима) ставит новую цель, более значительную, более далекую. Поэтому вооруженность средствами, владение ими и знание их укрупняют цель. Сказанное справедливо и для создаваемого актёром образа. Он значителен, поскольку далеки его цели, а им надлежит беспрерывно удаляться по мере того, как актёр логикой своего поведения в роли всё более точно, правдиво и ярко реализует борьбу за их достижение. К.С. Станиславский советовал в работе над ролью пользоваться «временной» сверхзадачей. По сути дела, любая сверхзадача – временна, даже та, которая представляется окончательной. Она неизбежно и бесконечно уточняется и совершенствуется, приближаясь к недостижимому идеалу. Разумеется, если артист не уподобился велосипедисту лежащему...

Динамичность законов актёрского творчества коренится в том, что все они относятся к действию, т. е. к процессу, каждое мгновение которого не тождественно предыдущему и последующему. В этом причина некоторой неизбежной неопределенности в фиксации и даже понимании конкретного действия. Это относится и к понятию «задача». Достигнув решения одной или убедившись в её недостижимости в данных условиях, актёр сейчас же переходит к следующей; их перспектива и ведёт его к сверхзадаче.

С чего практически начинается маршрут «от себя к образу»? Казалось бы, относительно просто: от своих представлений об образе. Свои возможности – это умение действовать, представления об образе – представления о действиях изображаемого лица. Такое начало называется «от себя» потому, что в представлениях о действиях персонажа найдено звено, свойственное и самому актёру. Этот «общий знаменатель» не всегда находится легко и сразу. Тут нужны проницательность и профессиональный опыт, а часто и помощь режиссёра. Поиски бывают более или менее трудными в зависимости от уровня мастерства актёра (насколько свободно он владеет действием) и от конкретности понимания образа (насколько ясно, отчётливо актёр видит за текстом роли и пьесы поведение персонажа). Первое из этих условий – профессионально-техническая квалификация актёра; второе – его художественный, гражданский и философский кругозор, его интуиция.

К.С. Станиславский начинал работу над ролью Чичикова с В.О. Топорковым с «умения торговать» – умения дёшево купить и дорого продать. Это умение было необходимо артисту, и оно же составляло важную черту характера и поведения персонажа. Работа В.О. Топоркова над ролью Оргона в «Тартюфе» начиналась с умения «боготворить живого человека». Это – «общий знаменатель» другого перевоплощения. В работе над ролью Биткова в «Последних днях» М. Булгакова «общим знаменателем» В.О. Топоркову служило умение «подслушивать и подглядывать».

Во всех этих случаях речь идёт о тех качествах артиста, которые нужно не убирать для перевоплощения как лишние, а, наоборот, укреплять и культивировать, чтобы на основе свойственного артисту возникло («выросло») и то, что артисту совершенно несвойственно. Тогда из его действий само уйдёт то, что должно уйти для данного перевоплощения. Так возник одержимый ненавистью красавец Яго – арт. В.А. Синицын (МХАТ, 1930) и феноменально легкомысленный Хлестаков – М.А. Чехов (МХАТ, 1921). В подобных перевоплощениях кажется невероятным первый ход «от себя». В нём, видимо, кроется один из профессиональных секретов.

К.С. Станиславский положил в основу «сознательной психотехники артиста» метод физических действий, в основе которого лежит представление о действии как явлении одновременно психическом и физическом, выражающемся в мышечном движении. «Подлинный артист должен не передразнивать внешние проявления страсти, не копировать внешние образы, не наигрывать механически, согласно актёрскому ритуалу, а подлинно, – по-человечески действовать. Нельзя играть страсти и образы, а надо действовать под влиянием страстей и в образе». Действиями «под влиянием страстей и в образе» Станиславский называл действия актёра, мотивированные потребностями изображаемого им лица.

В самом деле, движение становится действием только в том случае, если оно направлено на удовлетворение какой-либо

потребности. Это хорошо понимал уже И.М. Сеченов: «Жизненные потребности родят хотения, и уже эти ведут за собою действия; хотение будет тогда мотивом или целью, а движения – действием или средством достижения цели. Без хотения как мотива или импульса движение было бы вообще бессмысленно». Таким образом, «метод физических действий» требует усвоения потребностей, мотивов, целей изображаемого лица. Только они способны сделать сценическое действие «внутренне обоснованным, логичным, последовательным и возможным в действительности», только благодаря им «сама собою создаётся истина страстей или правдоподобие чувства».

Воспроизводя действия изображаемого лица, направленные на удовлетворение его (изображаемого лица) потребностей, актёр включает мощный аппарат подсознания, те непроизвольные, не контролируемые сознанием детали действий, те приспособления и оттенки их физического осуществления в движениях, которые принадлежат сфере подсознания в реальном поведении человека. В мозгу не существует нейрональной копии двигательного акта, но лишь его обобщённая схема – энграмма, «двигательная задача». Любой двигательный акт каждый раз организуется заново, причём его формирование в значительной мере протекает на уровне подсознания.

Почему Станиславский сделал всё же акцент на действии, а не на мотивации этого действия, хотя он и стремился к уточнению мотивов путём формулировки задач – куска, сцены, роли в целом? Да потому, что выяснить подлинные мотивы поведения сценического персонажа не менее трудно, чем определить мотивы поведения человека в реальной жизни. При изучении мотивов одновременно отказали оба испытанных метода классической психологии: наблюдение за внешним поведением другого человека и анализ своего собственного духовного мира. В сфере исследования потребностей действие перестает быть объективным критерием, поскольку один и тот же поступок может быть продиктован самыми различными побуждениями. С другой стороны, мы далеко не в полной мере осознаем истинные мотивы наших собственных поступков и принимаемых нами решений. Проникновение в сферу мотивов изображаемого лица носит во многом характер интуитивной догадки, несознаваемого замыкания внутреннего мира персонажа на свой собственный внутренний мир.

Каким же образом актёр овладевает потребностями изображаемого лица? «Что он Гекубе? Что ему Гекуба?» – этот вопрос Гамлета концентрирует в себе самую сокровенную суть увлечения актёра интересами и потребностями играемой роли. Ради чего актёр выходит на сцену, и почему он воспроизводит поведение другого лица? Во имя своей сверх-сверхзадачи. Сверх-сверхзадача – это страстное и глубоко личное стремление художника познать нечто чрезвычайно важное о людях, об окружающем мире, о правде и справедливости, о добре и зле, а затем поделиться этим знанием с другими (читателями, слушателями, зрителями), чтобы получить у них подтверждение истинности результатов своего познания. «Отчасти искусство заключает в себе сообщение, но лишь отчасти, – заметил Уильям Голдинг. – В остальном – это открытие... И все же я ... твёрдо верю, что искусство, не заключающее в себе сообщения, бесполезно». Л.Н. Толстой писал своему сыну: «У тебя, я думаю, есть то, что называется талантом и что очень обыкновенно и не ценно, то есть способность видеть, замечать и передавать, но до сих пор в твоих рассказах не видно ещё потребности внутренней, задушевной высказаться...» (подчеркнуто нами). Чем ближе сообщаемая артистом правда о мире к потребности и надеждам зрителя постичь эту правду, тем сильнее отклик зрительного зала, тем очевиднее эффект сопереживания. Сверх-сверхзадача художника – подлинный, главный и основной источник энергии, побуждающий актёра искать сверхзадачу сценического персонажа, а далее – осуществлять её в сквозном действии, пронизывающем всё его поведение. Профессиональное умение артиста трансформировать свою художническую потребность познания в потребности изображаемого лица и составляет основу перевоплощения.

Рекомендацию Станиславского «идти от себя» нужно понимать поэтому не только как совет начинать работу над ролью с «общего знаменателя», о котором шла речь выше, но и как напоминание о том, что вся деятельность актёра, в сущности, продиктована его собственной сверх-сверхзадачей, ей служит и ею обусловлена. Сверхзадача осуществляет своё руководство поведением артиста в значительной степени благодаря сверхсознанию. Именно сверхсознание направляет поиск, активизирует работу сознания (разум, логику) и мобилизует автоматизированные навыки подсознания.

Процесс перевоплощения, осуществляемый с помощью подсознания не только в

искусстве, но и вне его, хорошо описал Вадим Кожевников на примере советского разведчика Белова, вынужденного действовать в облике Иоганна Вайса: «За эти месяцы с Иоганна как бы свалилось то неимоверное напряжение, в котором он неотступно держал себя все время, чтобы быть таким, как окружающие его люди, на чьи повадки, привычки, взгляды, особенности наложила отпечаток целая историческая полоса существования нации, её бытовой, социальный уклад. Это было уже не притворство, а прочное ощущение себя тем, кем он должен был стать. Отрабатывая каждую предполагаемую черту Иоганна Вайса, чтобы она стала душевной собственностью, нужно было вместе с тем ничего не утратить от себя самого. Ничего своего не уступить Вайсу. Ибо Иоганн Вайс должен быть не только жизнеспособен как самостоятельная личность, но полностью подчиняться тому, кто надел на себя его личину». Иоганн Вайс так достоверен и правдоподобен в своей борьбе за место в гитлеровской иерархии именно потому, что повышение по службе фашиста Иоганна Вайса даёт возможность разведчику Белову лучше выполнить свой долг борца за свободу и независимость Советской Родины.

Пример, описанный В. Кожевниковым, поучителен во многих отношениях. Когда и почему с Белова «свалилось неимоверное напряжение»? И в чём оно –это напряжение? Оно в необходимости сознательно совершать и сознанием контролировать в своём поведении то, что в обычных жизненных условиях осуществляется без участия сознания и чего только в данных, исключительных условиях потребовала сверхзадача разведчика. Это неимоверное напряжение «свалилось», когда его ценой Белов достиг полной согласованности в работе сверхсознания, сознания и подсознания, когда возникло перевоплощение советского разведчика в фашиста Иоганна Вайса.

Что же в этом созданном искусственно поведении относится к сознанию, что к подсознанию и что к сверхсознанию? Ответить на этот вопрос помогает определение сознания как знания средств, которые могут быть переданы другому, а значит, – определены, обозначены и выражены словами или образами.

Всё, что мотивируется в процессе осуществления, что решается при выборе средств достижения каждой конкретной цели, что поэтому анализируется, сопоставляется, взвешивается и оценивается – все это относится к сознанию и к звеньям сознательного поведения. Всё, что может быть мотивировано, объяснено и обозначено, но не нуждается во всем этом, что вошло в привычку, в стереотип, относится к подсознанию. Это – обширная область тех умений, которые когда-то были приобретены сознательно и, может быть, ценой больших усилий, но, будучи усвоены, уже не нуждаются в специальной заботе, во внимании и в усилиях. Всё, что не может быть мотивировано, но само мотивирует, относится к сверхсознанию. Оно не отвечает на вопрос «зачем?», но диктует, требует и, в сущности, лежит за любым побуждением, как его исходная причина. Сверхсознание задает работу сознанию, которое всегда, в сущности, занято тем, что обогащает, уточняет, расширяет, развивает и проверяет заданное интуицией. С познанием связаны чуть ли не все сферы человеческой деятельности, и в сложном составе каждой конкретной человеческой потребности содержится обычно некоторая доля потребности познания. Поэтому человеческое поведение не обходится без интуиции. Она подсказывает влечения и привязанности, настороженность и отвращение, радостные предвкушения и тревожные опасения, а сознание уясняет связи интуитивных догадок с объективной действительностью и вырабатывает знания и умения – плоды опыта в арсенале подсознания.

Но если во всех других сферах человеческой деятельности и в житейском обиходе интуиция играет всё же вспомогательную роль, то в искусстве она выступает не как смутная догадка и предположительное предчувствие, а как категорическая уверенность, немотивированное прозрение, как повелитель, диктующий логику воплощения. В актёрском искусстве трансформация сверх-сверхзадачи артиста в мотивы поведения изображаемого лица обеспечивается механизмами сверхсознания. «Наиболее могущественными маяками для возбуждения подсознательного творчества органической природы являются сверхзадача и сквозное действие». «Я много работаю и считаю, что ничего больше нет; сверхзадача и сквозное действие – вот главное в искусстве» (К.С. Станиславский). Это относится и к сценическому образу (сверхзадача) и к самому творящему артисту, создающему образ (сверх-сверхзадача).

Одним из каналов связи между сверхзадачей и сознанием служит процесс её рабочего наименования. «Выбор наименования сверхзадачи является чрезвычайно важным моментом, дающим смысл и направление всей работе». Однако наименование служит

лишь каналом связи интуиции и сознания, не могущим претендовать на окончательность. «Я сказал то, что сказал» – вот ответ художника на вопрос о содержании его произведения, непереводимого с языка образов на язык логики. Именно непереводимость произведения искусства на язык словесных определений, отражающих лишь какие-то стороны сверхзадачи, но никогда не исчерпывающих её истинного содержания, делает сверхзадачу результатом работы сверхсознания. Другим объектом деятельности сверхсознания является превращение сверхзадачи образа в процесс практически выполняемого актёром сквозного действия. Здесь постепенно всё большую роль играет сознание, разум, логика, здравый смысл. Здесь обнаруживаются и профессионально-технические умения, знания и навыки артиста, а также присущие ему индивидуальные свойства.

Теперь мы можем полностью обозреть этапы актёрского перевоплощения. Через контролируемые сознанием действия актёр не отождествляет себя с изображаемым лицом, но проникает в сферу движущих им мотивов (область, в значительной мере принадлежащая сознанию и подсознанию) вплоть до сверхзадачи образа (область сверхсознания) во имя решения своей сверх-сверхзадачи, т.е. удовлетворения своей художнической потребности. Разумеется, между сознанием, подсознанием и сверхсознанием нет жёстких разграничительных линий. Эти разновидности высшей нервной деятельности человека тесно взаимодействуют друг с другом, их границы смещаются, их сферы влияния находятся в постоянном движении.

Осуществляемые в процессе перевоплощения действия – их называют «сценическими» – отличаются от любых обиходно-житейских действий тем, что возникают по заказу, как если бы их вызвала реальная необходимость. Такое «если бы» – первый и, может быть, единственный ясный признак природных актёрских способностей. Многие люди не могут поверить в воображаемые обстоятельства, рождающие цель, поскольку этих обстоятельств в действительности нет. Этой вере научить нельзя. Но если у человека не может возникнуть заданная воображением цель, то не может возникнуть и сценическое действие, как бы ни было оно примитивно. Он может научиться совершать самые трудные и сложные действия, продиктованные реальной надобностью, но неспособен к простейшему сценическому.

Лишённый актёрских способностей человек может только изображать действие, т.е. совершать движения, подобные тем, какие он совершал бы, если бы цель у него была. Такие движения доступны, разумеется, любому. Но всякое изображение действия отличается от действия, подчиненного возникшей цели. Нужна, впрочем, зоркость, чтобы увидеть это отличие, иногда чрезвычайно тонкое.

Список использованных источников

1. Абульханова-Славская, К. А. Типологический подход к личности профессионала / К. А. Абульханова-Славская // Психологические исследования проблемы формирования личности профессионала : сб. статей / под ред. В. А. Бодров. – М., 1991 – С. 58–67.

2. Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человекознания / Б. Г. Ананьев. – М. : Наука, 1977.

3. Андреев, В. И. Эвристика для творческого саморазвития / В. И. Андреев. – Казань, 1994. – 178 с.

4. Джеймс, У. Психология / У. Джеймс. – М. : Психология, 1991.

5. Дранков, В. Л. Природа художественного таланта / В. Л. Дранков. – М., 1999.

6. Захарова, А. В. Психология формирования самооценки / А. В. Захарова. – Минск, 1993.

7. Мелик-Пашаев, А. А. Ступеньки к творчеству / А. А. Мелик-Пашаев, З. Н. Новлянская // Искусство в школе. – 1995. – № 5. – С. 12–28.

8. Психология процессов художественного творчества. – Л. : Просвещение, 1980.

9. Рождественская, Н. В. Психология художественного творчества» / Н. В. Рождественская. – СПб. : Фолиант, 1995. – 166 с.

10. Севостьянов, А. И. Общая и театральная психология: учеб. пособие для студентов вузов. – СПб. : КАРО, 2007. – 256 с.

11. Симонов, П. В. Темперамент. Характер. Личность / П. В. Симонов, П. М. Ершов. – М., 1984. – С. 117–134.

12. Станиславский, К. С. Статьи. Речи. Беседы. Письма / К. С. Станиславский. – М . : Искусство, 1953. – 753 с.

13. Теплов, Б. М. Проблемы индивидуальных различий / Б. М. Теплов. – М. : Наука, 1961. – 264 с.

14. Узнадзе Д. Н. Психологические проблемы поведения человека [Тексты] / Д. Н.Узнадзе. – М. : Просвещение, 1969. – 194 с.

15. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен – М. : Педагогика, 1986. – Т. 1. – 407 с.

Корнева Виктория Викторовна,
доцент кафедры филологии, психологии и педагогики Хабаровского государственного института искусств и культуры, кандидат педагогических наук

СПЕЦСЕМИНАР КАК ФОРМА ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

В статье представлен материал по разработке и реализации спецсеминара «Развитие ценностных ориентаций студенческой молодёжи», содержание и технология которого направлены на повышение квалификации преподавателя вуза как носителя современных профессионально-образовательных ценностей. Спецсеминар разработан и апробирован на базе Хабаровского государственного института искусств и культуры.

Устойчивые ценностные стереотипы преподавателей вузов, сформированные за многие годы профессиональной деятельности, не позволяют многим из них качественно изменить стратегию развития своих профессиональных ценностей. Естественно, что каждый преподаватель идёт своим путём, но изменение собственных ценностных ориентиров, переосмысление профессиональных ценностей сегодня стало определяющим для всех. Важно, чтобы процесс переосмысления и принятия преподавателями основополагающих профессиональных ценностей и жизненных смыслов сохранил свою актуальность в их непосредственной деятельности со студентами. Переосмысление традиционных, принятие и закрепление новых профессиональных ценностей является важным условием перехода преподавателя на новый уровень его ценностно-личностного взаимодействия со студентами.

Требования, предъявляемые к преподавателям, занимающимся решением сложных проблем развития профессиональных ценностей будущих специалистов высшего звена, очень велики. Всё чаще в среде преподавателей слышны жалобы на низкий уровень

заработной платы, чрезмерную усталость, «вырабатываемость», утомление, эмоциональное истощение, изнеможение, упаднические настроение. Наши наблюдения за деятельностью преподавателей, беседы с ними позволяют сделать вывод, что перечисленные признаки «эмоционального сгорания» являются характерными симптомами невротичного состояния преподавателя, не сумевшего найти себя, свою позицию в личностно-профессиональном становлении студенческой молодёжи.

Назревшая необходимость теоретического и практического обновления процесса переподготовки и повышения квалификации преподавательских кадров, способных осуществлять процесс развития ценностных ориентаций студенческой молодёжи в контексте гуманистического знания, привела нас к идее разработки и реализации спецсеминара «Развитие ценностных ориентаций студенческой молодёжи», который апробирован нами на базе Хабаровского государственного института искусств и культуры.

Организуя работу спецсеминара, мы акцентировали внимание на развитии у преподавателей гуманистически-ориентированного мировоззрения как важного условия развития ценностных ориентаций студенческой молодёжи. Полученные на начальном этапе исследования опытно-экспериментальные данные оказались весьма противоречивы. Основными причинами низкого уровня развития профессиональных ценностей у преподавателей явились:

– традиционная форма профессиональной подготовки преподавателей, не позволяющая обеспечить эффективную фасилитацию самоактуализации слушателей спецсеминара;

– отсутствие квалифицированной консультативной помощи и поддержки у преподавателей в разрешении острых проблем, возникающих в их профессиональной деятельности, направленной на развитие ценностных ориентаций студенческой молодёжи;

– монологичные формы организации спецсеминара, которые не позволяли перейти на интерактивные и тренинговые методы, стимулирующие процесс переосмысления традиционных профессиональных ценностей образования;

– предвзятость и непонимание преподавателей-гуманистов в своих научно-педагогических коллективах, сопротивление в их адрес со стороны руководителей вуза и факультета;

– фрагментарность работы с преподавателями в условиях краткосрочного спецкурса в рамках повышения их квалификации и др.

Проведённый опрос слушателей спецсеминара позволил выявить типично негативные тенденции личностно-профессионального становления преподавателя, обусловливающие «механизм торможения» в реализации гуманистических принципов развития ценностных ориентаций студенческой молодёжи.

1. В настоящее время, по существу, отсутствует какая-либо система повышения уровня профессиональной квалификации преподавателя. Выводы о дорогостоящем и довольно бесплодном капиталовложении в эту работу подкрепляются исследованиями, которые доказывают, что многие преподаватели – мастера своего дела не всегда являются носителями новых профессиональных ценностей. Такого рода аргументация приводит к смешанным выводам. Во-первых, вызывает сомнение определение эффективности деятельности преподавателя, основанной на модели «затраты-выпуск», которая заимствована из сферы промышленного производства. Прямой механической взаимосвязи между профессиональной подготовкой преподавателя и уровнем образованности студента не существует. Преподаватель берёт на себя лишь часть внутренних и внешних факторов, создающих условия для развития у студентов современных ценностных ориентиров и жизненных смыслов.

2. Исследования, проведённые нами среди слушателей спецсеминара, показали, что многие негативные стереотипы преподавателя развиваются в процессе собственного наблюдения за работой своих коллег. Здесь чаще, чем где-либо, можно наблюдать возврат к авторитарной педагогике подавления, нивелировке личности студента. Среди преподавателей нередко встречаются высказывания, что «час» административно-командной педагогики в вузе ещё не прошёл и говорить об утверждении новых профессиональных ценностей в их работе ещё рано, поскольку преподаватель и само общество ещё не готовы к этому процессу. Многие слушатели спецсеминара рассматривают процесс переосмысления традиционных и утверждения новых профессиональных ценностей как стремительную и краткосрочную кампанию, а не как перманентный процесс, вызванный духом времени. Работа с такими преподавателями должна строиться так, чтобы они путём самообразования оказались перед «кризисогенным» противоречием и

обнаружили, что отрицаемые ими гуманистические взгляды и подходы на процесс развития ценностных ориентаций студенческой молодёжи, фактически есть тот реальный опыт, который они непосредственно проживают, испытывая при этом глубокое эмоциональное удовлетворение от результатов деятельности. В конечном итоге это приводит к кризису компетентности такой его личностно-профессиональной подструктуры, как авторитарное мировоззрение.

3. Многие слушатели спецсеминара указывают на тот факт, что сегодня в вузе отбрасываются уже не личностные (как в недавнем прошлом), а «коллективные ценности». Делается это на том основании, что прежние формы кооперации и разделения педагогического труда были не только далеки от совершенства, но в ряде ситуаций утратили свое ценностное содержание, поскольку нивелировали индивидуальность, «авторский» стиль в работе преподавателя. Вместе с тем в развитых странах Европы и Америки активно вводится в процесс личностно-профессионального становления преподавателей и студентов понятие «коллективный профессионализм». Идея кооперации и разделения педагогического труда всегда была присуща российской школе (А.С. Макаренко, Л.И. Новикова, В.А. Сухомлинский, В.А. Сластенин и др.) Не случайно процесс создания гуманистически ориентированного образовательного пространства вуза сегодня ассоциируется с созданием систем общинного типа.

4. Очевидным искажением в развитии профессиональных ценностей преподавателей вуза является его недооценка трёх ведущих идей педагогического гуманизма, не подвластных времени: идея свободного развития (представители эпохи Возрождения, социалисты-утописты и др.); кантовская идея, раскрывающая самоценность личности (человек не средство, а цель); идея приспособления воспитательной системы к ребёнку (студенту), а не наоборот (Ж.Ж. Руссо, Л.Н. Толстой). Ограниченность педагогического гуманизма в работе преподавателя во многом объясняется его слабым осознанием сущности и значимости этих трёх начал, которое на профессиональном уровне фактически ведёт к непризнанию экзистенциальной сущности студента, его права на ценностный свободный выбор и профессиональное самоопределение.

Сущность свободного развития студента в профессиональной деятельности преподавателя, как правило, подменяется категорией необходимости. Это проявляется в педагогических требованиях преподавателя, «пригибаниях» студента под специальные нормы, создание специальной среды с целью контроля за студентом и регуляции его поведения и др. В признании преподавателем самоценности личности студента представляется неправомерным даже такое утверждение: «студент является одновременно объектом и субъектом личностно-профессиоанального становления». Вместе с тем, учебно-воспитательный процесс в вузе зачастую строится так, что студенты превращаются в средство самоутверждения преподавателей, средство реализации отчётов, планов и программ.

Важнейшей гуманистической задачей процесса развития ценностных ориентаций студенческой молодёжи является подготовка преподавателей, призванных осуществить запуск внутренних механизмов его свободного ценностного выбора, саморазвития и оказать ему педагогическую помощь и поддержку в решении проблем его личностно-профессионального становления. Без понимающей и помогающей педагогики, без умения преподавателя принять студента как самоценность, оказать ему помощь и поддержку, не создаются благоприятные условия для развития его базовых потребностей.

Семинары, как правило, совпадали с темой лекционного курса и строились на материале, взятом из практического опыта педагогов-воспитателей. Семинарские занятия, проводимые с элементами тренинга, позволяют предложить преподавателям возможность конструктивного выхода из тяжелых эмоциональных конфликтов.

Продолжение и углубление самопознания преподаватель может осуществить внутри тренинговой формы работы, когда группа выступает как помощник в процессе самопринятия своих тяжелых чувств в себе. Принятие, понимание и помощь коллег помогают взращивать собственные подходы понимающей и помогающей педагогики в развитии ценностных ориентаций студенческой молодёжи.

Работа преподавателя над своим личностным ростом во многом затрудняется его «профессиональными» защитными механизмами, каковыми, по мнению слушателей спецсеминара, являются: уход преподавателя от понимания истинных причин, лежащих в основе диалогических форм педагогического взаимодействия со студентами; реакция преподавателя на студента, при которой главным критерием является не само пове-

дение студента, а эмоциональное состояние преподавателя, его уровень толерантности и др.

В перечисленных защитных стереотипах нет ничего общего с тем, что преподаватель сам должен испытывать чувство вины перед студентом, чувствовать его надежду на педагогическую помощь и поддержку. В противном случае сами студенты «включают» свой защитный арсенал, в котором также видны признаки предвзятого отношения к преподавателю.

В целях оказания консультативной помощи слушателям спецсеминара по выявлению у них собственной ценностной позиции был использован модифицированный опросник по выявлению типа педагогической центрации.

Центрация считалась значимой, если в её пользу было набрано более трети всех ответов. В опроснике были заложены пять возможных вариантов педагогической центрации (см. таблицу 1). Из 65 опрошенных преподавателей значимые центрации получились у 32 человек.

Таблица 1

Типы педагогической центрации в профессорско-преподавательском сообществе

№	Типы центраций	Направленность центраций	Кол-во преподавателей со значимой центрацией
1	Конформная	Центрация на интересах и мнениях своих коллег	6
2	Эгоцентрическая	Центрация на интересах и потребностях собственного «Я»	7
3	Гуманистическая	Центрация на ценностные ориентации студентов	9
4	Авторитарная	Центрация на требования администрации	8
5	Методическая	Центрация на совершенствовании технологии личностно-профессионального становления студентов	9

Параллельно студентам предлагалось анонимно ответить на вопросы об их отношении к преподавателям. Наивысший рейтинг получили преподаватели с выраженной гуманистической и методической центрацией. Самый низкий рейтинг – с эгоцентричной и авторитарной. Гуманистическая позиция преподавателей оказалась самой высокой в глазах студентов. Тем самым студенты как бы подтверждают традиционные ценности гуманистических принципов, основанных на безусловном принятии студента, понимании его, оказании ему педагогической помощи и поддержки.

Полученные данные убеждают слушателей спецсеминара, что преподаватели с эгоцентричной и авторитарной центрацией не столь популярны в среде студенческой молодёжи. Авторитаризм преподавателей, их склонность к обвинению всех, поиску причин своих неудач вне себя, полная нивелировка личности студента провоцирует процесс дезадаптации как студента, так и самого преподавателя.

На тренинговых занятиях участникам спецсеминара предлагается специальное упражнение «внутренний голос», целью которого является попытка понять сигналы, которые даются партнерами по общению о своём состоянии. Необходимо учиться отслеживать свои эмоциональные ответы на поведение партнеров. Понимание преподавателем действий студента через осознание действия данного механизма защиты – путь к преодолению пропасти непонимания друг друга.

Особую значимость в работе спецсеминара для нас приобрела организация такой формы работы с преподавателями, как тренинг. Организация различных профессиональных тренингов предполагала, прежде всего, способ переосмысления традиционных ценностей и поиск новых ценностных смыслов и жизненных ориентиров. Наиболее

удачной формой работы для нас стал модифицированный нами, применительно к теме исследования, метод групповой тренингово-исследовательской работы М. Балинта, который стал толчком для основания во многих странах сходных дискуссионных семинаров для оказания помощи практикующим врачам [2, с. 52].

Практика организации спецсеминара с применением таких форм работы показывает целесообразность и эффективность их использования в образовательном процессе повышения квалификации преподавателей вузов.

Каждое тренинговое занятие-практикум, согласно этой методике, включало три этапа: «раскаяние», «рефлексия», «поливариация».

На этапе «раскаяния» слушатель представлял конкретную ситуацию педагогического взаимодействия со студентом, которая до сих пор его беспокоит, вызывает дискомфортные воспоминания. Другим преподавателем может быть предложена гипотетически возможная ситуация, которая волнует его заранее. Рассказ носит спонтанный характер, ограничений нет. Затем слушатели задают уточняющие вопросы без высказывания своего отношения, без каких-либо советов.

На этапе «рефлексии» происходит констатация аналогичных фактов, увиденных или пережитых слушателями спецсеминара, за исключением «рассказчика». Руководитель спецсеминара на данном этапе поддерживает слушателей, комментирует их переживания, эмоциональные реакции «рассказчика», проявленные на данном спецсеминаре.

Этап «поливариации» предполагает ответ на вопрос: как Вы решаете подобные проблемы и что предлагаете в данной ситуации? Каждый слушатель предлагает свой вариант разрешения ситуации (это может быть вариант, имевший место в реальной практике конкретного слушателя, его коллег или результат анализа и осмысления ситуации в процессе занятия).

В конце занятия автор предложенной ситуации делает рефлексивный анализ своих ощущений, восприятий, переживаний, размышлений в связи с прошедшим обсуждением. Задача руководителя спецсеминара на данном этапе выразить признательность слушателям за поддержку и доброжелательный анализ ситуации, отметить позитивные изменения в процессе переосмысления профессиональных ценностей слушателей.

Именно такая форма тренингово-исследовательской работы может стать для конкретных слушателей своеобразным «просветлением в душе», «чувством освобождения от тяжести на сердце» и др. В таких случаях можно вспомнить слова И.Г. Фихте: «Существует раскаяние, и оно представляет собой нечто иное, как сознание не прекращающегося во мне стремления человечности» [3, с. 90].

Заканчивая анализ опытно-экспериментальной работы, связанной с переосмыслением профессиональных ценностей преподавателя, обратимся к выявленным нами зависимостям, лежащим в основе процесса личностно-профессионального становления преподавателей. Ведущими из них являются:

– чем глубже понимание преподавателями взаимосвязи методологического и практического уровней образования, тем больше у них появляется возможностей обращения к глубинным, внутренним процессам развития ценностных ориентаций студенческой молодёжи;

– чем выше уровень ценностно-рефлексивной деятельности преподавателей, тем успешней становится процесс преобразования их профессионального сознания;

– чем больше возможностей для свободного самоопределения преподавателя, тем больше у него шансов для перехода от преобладания внешнего воздействия на процесс его профессионального становления к доминанте саморегуляции, самоактуализации и саморазвития;

– чем выше творческая активность преподавателя, тем выше эффективность «сращивания» его личностных и профессиональных изменений, тем интенсивнее происходит «взращивание» его новых жизненных смыслов и ценностных ориентаций;

– чем более интегрированными будут усилия преподавательского сообщества, направленные на включение рефлексивных механизмов саморазвития, тем мощнее центробежная энергия «авторской» позиции в их профессиональной деятельности и др.

Выделяя наиболее значимые зависимости, мы согласны с Л.Ф. Вязниковой, которая исходит из того, что «рефлексивная образовательная деятельность является ведущей в личностно-профессиональном становлении преподавателя» [1, с. 97]. Именно эта деятельность пронизывает основные закономерности профессионального самоопределения

преподавателя на основе антропоориентированных образовательных ценностей.

Итоги реализации спецсеминара «Развитие ценностных ориентаций студенческой молодёжи» позволяют сделать вывод о необходимости организации специальной работы в образовательных учреждениях по теоретической и практической подготовке преподавателя к организации процесса развития ценностных ориентаций студенческой молодёжи.

Список использованных источников

1. Вязникова, Л. Ф. Психологические основы профессиональной подготовки руководителей системы образования: время перемен / Л. Ф. Вязникова. – Хабаровск : ХГПУ, 2002. – 291 с.

2. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б. Д. Карвасарского. – СПб., 1998.

3. Фихте, И. Г. Сочинения в 2-х томах / И. Г. Фихте. – СПб., 1993. – Т. 2.

Ромашкина Татьяна Анатольевна,
профессор Кафедры книговедения и библиотечно-информационной деятельности Хабаровского государственного института искусств и культуры, кандидат педагогических наук

РОЛЬ БИБЛИОТЕК В ПРОФОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЁЖИ

Показана роль библиотек в осуществлении многосторонних задач профориентационной работы, особенность библиотеки как профориентационного учреждения, важнейшие направления профориентационной работы библиотек. Рассмотрена подготовка специалистов, владеющих новыми информационными технологиями, инновационными библиотечными процессами, приёмами психологии делового общения и библиотечной этики в Хабаровском государственном институте искусств и культуры.

Выбор профессии является одним из ответственных моментов, определяющих весь дальнейший жизненный путь человека. Вопросы «Кем быть?» и «Куда пойти учиться?» задаёт себе рано или поздно каждый молодой человек. В советах и рекламных объявлениях нет недостатка. Однако важно соединить интересы конкретной личности с объективными требованиями сегодняшнего дня.

Проблемы выбора, как и разочарование в профессии, стояли перед молодёжью всегда, но в условиях экономических реформ в России, из-за быстро меняющегося рынка труда, появления новых специальностей, возникновения новых учебных заведений, является особенно актуальной.

Социологи выявили, что примерно 40% молодёжи из-за отсутствия опыта, выбирают профессию, не соответствующую их интересам, склонностям, способностям и внутренним убеждениям [2].

Одним из наиболее важных условий достижения гармонии возможностей и интересов личности, является профориентация. *Профессиональная ориентация* – это оказание человеку помощи в профессиональном

самоопределении, т. е. в выборе профессии, наиболее отвечающей индивидуальным особенностям, склонностям и способностям человека.

К особенностям выбора профессии современной российской молодёжи можно отнести: изменение спроса и предложения на рынке труда, огромная разница в оплате труда представителей разных сфер профессиональной деятельности, переход к платному обучению и колоссальный разрыв в уровне жизни и материальных возможностях различных групп населении.

Как показывает практика и данные социологических опросов, профессиональное самоопределение тех, кто намерен продолжить учёбу в вузе, складывается в 9-м классе [1]. Однако, выбирая профессию, подростки склонны совершать ряд ошибок. Одна из типичных – отождествление любимого учебного предмета с профессией, когда школьники не представляют, что нет, например, историка или биолога вообще, а есть прямо или косвенно связанные с этим предметом группы профессий.

Мир профессий значительно шире, чем круг учебных предметов, но все они могут быть объединены в зависимости от предмета труда: «человек –природа», «человек – человек», «человек – техника», «человек – художественный образ», «человек – знаковая система». Данная классификация была предложена академикам Российской академии образования, профессором Е.А. Климовым [4].

Проблема профориентации охватывает множество различных аспектов, это, прежде всего изучение:

– потребностей общества, прежде всего региона в специалистах различного профиля и квалификации;

– профессиональных интересов молодёжи;

– особенностей профессии с точки зрения требований, предъявляемых ею к определенным качествам человека, которые обеспечивают успех в освоении профессии;

– физиологических, психологических и прочих качеств личности;

– состояние здоровья молодёжи для обеспечения соответствия его рекомендуемой профессии.

В осуществлении многосторонних задач профориентационной работы принимают участия специалисты разного профиля: педагоги, психологи, социологи, физиологи, врачи. Свой вклад в это важное дело вносят работники библиотек.

Особенность библиотеки как профориентационного учреждения состоит в том, что профориентация ведется главным образом через источники информации, прежде всего книги, периодическую печать. Особенно значительна роль библиотек в оказании профориентационной помощи молодым в небольших городах и сельской местности. Там библиотека зачастую единственное место, где можно найти сведения о новых профессиях, профессиональных потребностях региона, рейтинге профессий на рынке труда.

Поэтому важнейшее направление профориентационной работы библиотек – формирование книжного фонда и справочно-библиографического аппарата, создание условий для получения полной и достоверной информации по данному вопросу.

Особая забота библиотек – ориентация молодёжи на библиотечную профессию. Это одна из самых серьёзных проблем, волнующих специалистов библиотечного дела. Кадровая ситуация в российских библиотеках за последние годы осложнилась. Нарушились нормальные пропорции возрастных границ. В штате большинства библиотек Дальнего Востока возрастная группа работников до 30 лет составляет менее 10–15%.

К сожалению, в рейтинге «модных» наша профессия не фигурирует. Не секрет, что с каждым годом, число выпускников общеобразовательных школ, желающих работать в библиотеке, сокращается. Статус библиотечной профессии в обществе недостаточно высок, что связано и с небольшой заработной платой библиотекаря и с устоявшимся представлением о его скучной и монотонной работе.

На самом деле, библиотекарь – это профессия, которая создаёт широкие возможности для интеллектуального развития личности. Быть библиотекарем – значит быть и педагогом, и психологом, и социологом и знатоком литературы. Библиотекарь должен иметь представление обо всех сферах человеческой деятельности, науки культуры, использовать в работе не только книги и другие печатные источники, но и новые информационные технологии, ресурсы Интернет [3].

Необходимые качества библиотечного специалиста: хорошая память и внимание, аккуратность, чёткость в сочетании с анали-

тическим складом ума, коммуникабельность, уважение к людям, тяга к знаниям, непрерывный творческий поиск.

Особую ответственность несут библиотекари, работающие с детьми, помогающие формирующейся личности приобщаться к ценностям мировой и отечественной культуры.

Это профессия интеллигентных людей и поднять её престиж в глазах молодёжи – наша важнейшая задача. Радио, телевидение, пресса помогут «перевернуть» сложившееся в обществе стереотипное отношение к профессии, взглянуть на неё изнутри. Можно приглашать выпускников школ на празднование профессионального праздника – общероссийского Дня библиотек, организовать экскурсии в крупные библиотеки и встречи с их сотрудниками и молодыми специалистами.

Муниципальные библиотеки, совместно со школами, могут проводить конкурсы на лучшие сочинения о библиотеке и библиотекарях среди старшеклассников и рекомендовать победителей к поступлению в Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Хабаровский государственный институт искусств и культуры» (ХГИИК) – единственный на Дальнем Востоке вуз, готовящий кадры высшей квалификации для библиотек Дальневосточного федерального округа.

Вуз осуществляет обучение студентов на основе новых учебных планов, обновлённых программ, которые позволяют готовить специалистов, владеющих новыми информационными технологиями, инновационными библиотечными процессами, приёмами психологии делового общения и библиотечной этики.

Выпускники специальности 052700 «Библиотечно-информационная деятельность» получают четыре квалификации: Библиотекарь – библиограф, преподаватель; Технолог автоматизированных информационных ресурсов; Референт-аналитик информационных ресурсов и Менеджер информационных ресурсов.

Библиотекарь-библиограф, преподаватель – это специалист высокого класса в области библиотечно-информационной работы с детьми и юношеством, обладающий наряду с профессиональными, глубокими знаниями психолого-педагогической деятельности.

Основными областями профессиональной деятельности библиотекаря-библиографа, преподавателя являются: библиотеки всех типов и видов любого подчинения, редакционно-издательские и книготорговые организации, органы научно-технической информации, учебные заведения, архивы, музеи и другие учреждения и организации в системе документальных коммуникаций.

Технолог автоматизированных информационных ресурсов – высококвалифицированный специалист, обладающий глубокой гуманитарной и общепрофессиональной подготовкой и свободно владеющий компьютерными технологиями.

Основные задачи профессиональной деятельности технолога: постановка и решение задач проектирования, создания и эксплуатации автоматизированных информационных систем; определение основных тематико-экономических требований к ним; системное проектирование и комплексирование локальных и глобальных сетей, обслуживание пользователей.

Технолог автоматизированных информационных ресурсов обладает знаниями по операционным системам и основам программирования, мультимедийными средствами и технологиями.

Референт-аналитик информационных ресурсов обладает глубокими знаниями в области аналитико-синтетической переработки информации, владеет информационными технологиями, способен квалифицированно работать в специальных технических, научных библиотеках, информационных и аналитических службах и подразделениях промышленных и коммерческих предприятий.

Основными областями профессиональной деятельности референта-аналитика информационных ресурсов являются: информационные центры, информационно-аналитические отделы различного назначения (в том числе специализированные библиотеки), органы управления, правоохранительные органы, экономические, банковские, налоговые учреждения, учебные заведения, общественные организации, ассоциации и объединения.

Квалификацию *Менеджер информационных ресурсов* можно получить, имея средне-специальное (библиотечно-информационное образование), дающее право на ускоренную подготовку в вузе.

Библиотечный менеджер – специалист, обладающий глубокой гуманитарной подготовкой, владеющий компьютерными технологиями, и навыками управленческой деятельности. На основе фундаментальных, базовых библиотечно-библиографических знаний, такой специалист способен гибко регулировать библиотечные и информационные процессы, анализировать ситуацию обслуживания потребителей, разрабатывать стратегию развития библиотек и информационных служб в рыночных условиях.

Объекты профессиональной деятельности менеджера информационных ресурсов – управление информационно-библиотечным обслуживанием, комплектованием и организацией фондов, библиографической деятельностью библиотек, структурными подразделениями библиотек и её персоналом.

Важно отметить, что государственная поддержка позволяет основную часть студентов обучать на бюджетной основе. Что делает библиотечно- библиографическое образование доступным для жителей Дальневосточного региона с различным уровнем достатка.

Кроме того, выпускник, освоивший основную образовательную программу высшего профессионального образования по специальности, подготовлен к продолжению образования в аспирантуре ХГИИК по специальности 052503 – «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение».

Таким образом, библиотеки располагают всеми объективными условиями для успешного ведения профориентационной работы, а именно: наличием разнообразного книжного фонда, использованием профориентационных возможностей печати, сложившейся методикой руководства чтением, применением индивидуального консультирования, игровых технологий в профориентационных целях.

Важно помнить, что профориентационная работа библиотеки должна представлять собой не единовременную компанию, а продуманный цикл мероприятий.

В профориентации необходимо соблюдать стабильность форм, их комплексность и яркость. Важно сформировать у молодёжи ориентацию на библиотеку как на помощника в выборе профессии.

Успешность организации профориентационной работы библиотек обусловлена соблюдением следующих положений:

– согласование профориентационной работы с реальными потребностями в кадрах города, района, края;

– координация усилий всех учреждений, ведущих профориентационную работу;

– знание личности профориентируемого, его интересов, способностей, черт характера;

– активность и заинтересованность самих профориентируемых.

Все эти условия должны соблюдаться как в массовой, так и индивидуальной профориентационной работе с читателями.

Список использованных источников

1. Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования [Текст] : утв. Приказом Министерства образования от 18.07.2002 г. № 2783 // Профильная школа. – 2003. – № 1. – С. 12–18.

2. Мингелайте, Р. Профессия: твой выбор [Текст] / Р. Мингелайте // Библиополе. – 2005. – № 7. – С. 10–11.

3. Пряжников, Н. С. Методы активизации профессионального и личного самоопределения [Текст] : метод. пособие: Игровые профориентационные упражнения / Н. С. Пряжников ; Акад. педагог. и соц. наук ; Моск. психол.-соц. ин-т. – М. : [б. и.], 1997. – 55 с.

4. Психологические типы профессий [Электронный ресурс] / по Е. А. Климову http:/ www.ht.ru /prof/mirpr 03.html

5. Рынок: молодёжная политика и профориентация [Текст] : по материалам «круглого стола» / РГЮБ. – М., 1992. – 16 с.

6. Сукиасян, Э. Р. Библиотечная профессия. Кадры. Непрерывное образование [Текст] : сб. статей и докладов / Э. Р. Сукиасян. – М. : ГРАНД-Фаир. – 2004. – 446 с.

7. Талызина, Н. Н. Обзор сайтов по профессиональной ориентации молодёжи [Текст] / Н. Н. Талызина // Школьная б-ка. – 2005. – № 5. – С. 1–24 (вкладка)

Терехова Ирина Владимировна,
старший преподаватель кафедры Книговедения и библиотечно-информационной деятельности Хабаровского государственного института искусств и культуры

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ КАДРОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ БИБЛИОТЕК

Автор поднимает проблему позиционирования обучения инновационной деятельности, рассматривает роль системы повышения квалификации, развитие системы инновационного образования библиотекарей Дальневосточного региона на примере проблемной лаборатории в области библиотечной инноватики и культурной сети «Дальневосточная школа библиотечной инноватики» (ДВШБИ) как формы некоммерческого партнёрства специалистов учреждений культуры Дальнего Востока по решению задач инновационной деятельности. Рассмотрены различные форматы профессиональных коммуникаций в ДВШБИ.

Социокультурные, экономические и технологические изменения конца XX века существенно сказались на деятельности библиотек, предоставив им невиданные ранее возможности модернизации деятельности. Использование инноваций – сложнейшая профессиональная задача библиотечного сообщества. Однако в библиотечном деле ещё не решена проблема позиционирования обучения инновационной деятельности. Пока не ясно, где и когда следует обучать инновациям – в профессиональном учебном заведении или в системе повышения квалификации.

В условиях старения кадровых ресурсов отрасли и притока в библиотеки специалистов из других сфер (педагогов, инженеров и др.) для развития инновационной деятельности особое значение приобретает компенсирующая роль системы повышения квалификации. Она призвана оперативно и эффективно транслировать библиотечные инновации в широкую сферу профессиональной деятельности, обеспечивать постоянное творческое обновление, развитие и совершенствование профессиональных знаний, умений и навыков специалиста на протяжении всей его карьеры.

Активное развитие системы инновационного образования библиотекарей Дальневосточного региона началось в 2003 году, когда

в Хабаровском государственном институте искусств и культуры (ХГИИК) была создана проблемная лаборатория в области библиотечной инноватики. Лабораторией были осуществлены исследования инновационной ситуации в библиотеках Дальневосточного региона, на основе чего разработана теория и методика инновационной деятельности библиотек, обосновано новое самостоятельное направление библиотековедения – библиотечная инноватика.

На сегодняшний день проблемная лаборатория занимается разработкой различных вопросов современной теории и практики социально-культурной деятельности. В круг этих вопросов входят:

– библиотечная инноватика: теория, организация и методика;

– инновационные коммуникации;

– программно-целевое и проектное управления в сфере культуры;

– технологические изменения в библиотеках;

– автоматизация библиотечно-библиографических процессов;

– библиотека в решении социально-значимых вопросов территории;

– маркетинг в сфере культуры. Маркетинговые стратегии моделирования ассортимента услуг и продукции;

– учреждения культуры в условиях реформы местного самоуправления;

– социально-психологические проблемы инновационной деятельности в сфере культуры.

Лаборатория располагает банком инновационных продуктов библиотек и других учреждений культуры региона, осуществляет экспертизы инновационных проектов, проводит обучающие тренинги по вопросам инновационных технологий в культуре, конкурсы инновационных проектов, выполняет патентные исследования и оформление авторских прав изобретателей на инновационные разработки.

В 2005 году при поддержке крупнейших библиотек Дальнего Востока и региональных структур повышения квалификации, проблемной лабораторией ХГИИК была инициирована культурная сеть «Дальневосточная школа библиотечной инноватики» (ДВШБИ) как форма некоммерческого партнёрства специалистов учреждений культуры Дальнего Востока по решению задач инновационной деятельности. Культурная сеть объединила библиотечных специалистов с активной профессиональной позицией, лично заинтересованных в развитии своих библиотек, своём собственном профессиональном росте, готовых к обмену любой значимой информацией на инициативной основе. Профессиональные коммуникации (обмен инновационными идеями) в ДВШБИ осуществляются на основе различных форматов:

– на основе конференции «Развитие библиотечно-информационного пространства на Дальнем Востоке и высшее библиотечное образование» (проводится ежегодно в Хабаровске, на базе ХГИИК, ДВГНБ и системы библиотек учреждений высшего профессионально образования);

– в процессе проведения обучающих мероприятий системы повышения квалификации руководителей учреждений культуры (библиотек) – сессий ДВШБИ;

– на основе участия в конкурсах проектов;

– посредством сетевого обмена информацией на основе электронной почты.

Особого внимания заслуживают обучающие мероприятия системы повышения квалификации руководителей учреждений культуры (библиотек) – сессии ДВШБИ, которые проводятся в форме семинаров-тренингов.

Сессия – это комплекс обучающих мероприятий, который включает:

– презентации инновационного опыта библиотек;

– круглые столы по анализу деятельности библиотек за год, с привлечением представителей различных типов учреждений культуры, методических служб региональных библиотек, органов законодательной власти, ведущих учёных и педагогов образовательных учреждений;

– теоретические и практические занятия;

– рабочие визиты в библиотеки и учреждения культуры для изучения опыта на основе экскурсий и участия в показательных мероприятиях.

Организация обучения ДВШБИ основывается на использовании интеграционного подхода, обеспечивающего сочетание теоретической (семинары) части и практической наработки умения (тренинги), рабочих визитов в инновационно-развивающиеся библиотеки (бенчмаркетинг), презентаций (показов) проектов и обмена опытом (дискуссии).

Тренеры ДВШБИ – это теоретики (преподаватели ХГИИК) и практики библиотечного дела (директора и заведующие отделами крупнейших библиотек Дальнего Востока).

Не последнюю роль в организации эффективного обучения играет учёт условий обучения (тип помещения, набор мебели и технических средств обучения, возможность питания, комплекс необходимого оборудования и канцелярских товаров, вовлечённый в обслуживание семинара-тренинга персонал).

Организаторы обучения стараются подбирать помещения таким образом, чтобы обеспечить максимально комфортные условия. Наиболее благоприятными условиями организации является проведение сессий за городом (на базах или в домах отдыха), что позволяет «изолировать» участников

обучения от различного рода «отвлекающих раздражителей» (работы, семьи и т. п.) и достаточно глубоко «погрузить» их в процесс обучения. Продолжительность сессий составляет пять рабочих дней.

Особого внимания заслуживает композиция программных мероприятий.

Работа школы начинается с открытия сессии. Мероприятия первого дня проводятся на базе библиотечной системы, объявляющейся на время проведения сессии ДВШБИ «библиотечной столицей ….. края (области)». Как правило, открытие сессии начинается с проведения круглого стола, на котором с приветственным словом выступают организаторы, учредители, представители местных органов власти. Присутствующих участников мероприятия знакомят с ситуацией развития библиотечного дела региона (города/района), осуществляется презентация деятельности базовой библиотечной системы – организатора, представляются достижения библиотек края (области).

Особое значение имеет презентация достижений библиотек-участниц сессий ДВШБИ. Это своего рода демонстрация применения в своей практической деятельности, полученных на предыдущих семинарах-тренингах, инновационных знаний и навыков. Данное мероприятие является одним из способов оценки эффективности семинаров-тренингов школы.

Последующие дни – реализация программы тренинга. Как правило, программа тренинга состоит из четырёх частей: вводной, теоретической, практической и заключительной оценочной.

Во время вводной части происходит знакомство участников обучения с тренерами и друг другом, создаётся рабочая обстановка, формируются микрогруппы. В большинстве случаев численность участников семинара-тренинга не превышает 25–30 человек. При такой численности легко решаются задачи поддержания активности всех участников и формирования микрогрупп. Микрогруппы (8–10 человек) формируются из специалистов объединённых общностью решаемых профессиональных задач в условиях реальной производственной среды. Чаще всего практикуется объединение микрогрупп по принципу типизации библиотек:

• первая – специалисты краевых/областных библиотек;

• вторая – специалисты городских центральных библиотек;

• третья – специалисты районных центральных библиотек

• четвертая – специалисты сельских библиотек.

Заключительным этапом вводной части семинара-тренинга является оценка знаний по проблематике сессии, которая осуществляется на основе анализа стартовых представлений. С этой целью участникам раздаётся специально подготовленная к сессии анкета. Анкета заполняется каждым участником, обсуждается в микрогруппе и общее мнение представляется тренеру. На основе анализа представлений тренер делает вывод об уровне подготовленности обучающихся.

Стержневой основой семинара-тренинга ДВШБИ является программа и расписание занятий, содержащее последовательность используемых тренером методов обучения, упражнений, информационного материала.

Теоретическая часть сессии ДВШБИ начинается с семинара, который призван компенсировать недостающие специалисту теоретические знания, представляемые в форме диалога. При этом дискуссия строится на принципе освоения материала от «знакомого» к «незнакомому» – существующих представлений к искомому образу нового знания. Теоретическая часть семинара-тренинга, практикуемая ДВШБИ, находится в тесной связи с практической частью. Так как в рамках семинара тренеры предоставляют учащимся только ту теоретическую информацию, которая будет необходима им для выработки навыка практической работы.

Практическая (тренинговая) часть состоит из ролевых игр, упражнений, имитаций и т. п. Участники имеют возможность переоценить и отработать новые способы поведения, навыки, экспериментировать с ними. В конце тренинга даются комплексные задания, позволяющие проверить, насколько хорошо участники усвоили информацию и приобрели соответствующие навыки. На выполнение каждого задания группам даётся по 25 минут. Из них 15 минут на обсуждение и выработку общего и единственного разрешения инновационной ситуации, наиболее возможной в условиях реальной производственной среды, и 10 минут на публичную защиту общего результата.

Публичная защита результатов обсуждения позволяет продемонстрировать умение участников рабочей группы вырабатывать общее решение, донести результаты работы до всех участников тренинга, что обеспечивает формирование ряда профессиональных компетенций, направленных на осуществление инновационной деятельности, таких как умение работать в команде и с командой, презентация достижений общественности и др.

Результатом обучения является сформированный у специалиста комплекс необходимых профессиональных компетенций, позволяющих ему осуществлять инновационную деятельность.

Оценка эффективности семинара-тренинга ДВШБИ осуществляется ведущим тренером, который подготавливает письменный отчёт, включающий список группы участников; содержание программы, опи-

сание целей и ожидаемых результатов тренинга; формы и методы обучения; перечень знаний, техник и приемов (практических заданий), полученных во время тренинга; эффекты групповой динамики и т. п. Данный отчёт представляется по окончании обучения на круглом столе.

Непосредственно по окончании обучения проводится круглый стол, на котором каждый участник делится мнением о проведённом образовательном мероприятии и своими будущими планами, т. е. каким образом он намерен использовать в своей практике полученные знания и умения. Кроме того, каждый из участников высказывается по поводу базовой библиотечной системы следующей сессии школы и того круга вопросов, который нуждается в обсуждении и решении. На основании подсчёта мнений большинства определяется тематика и место проведения будущего семинара-тренинга. Ежегодная смена места проведения сессий позволяет участникам знакомится с достижениями своих коллег и в то же время стимулирует и активизирует всю деятельность базовой библиотечной системы как хозяйки очередной сессии ДВШБИ.

Следует также отметить, что ДВШБИ осуществляется и посттренинговое сопровождение, то есть наблюдение за изменениями работы специалиста после прохождения обучения, посредством проведения встреч организатора с участниками сессий, обсуждения результатов работы в коллективе, на семинарах, конференциях, с демонстрацией достижений. Одной из площадок по демонстрации достижений участников сессий ДВШБИ является ежегодная региональная научно-практическая конференция «Развитие библиотечно-информационного пространства на Дальнем Востоке и высшее библиотечное образование», создание и проведение которой было инициировано кафедрой книговедения и библиотечно-информационной деятельности ХГИИК.

Эффективность образовательной деятельности ДВШБИ определяется рядом факторов: однородность и дифференцированность группы участников сессий; четкая организация учебного процесса, адекватной его целям методами, формами и содержанием учебной программы; профессионализм преподавателей (тренеров).

На сегодняшний день все имеющиеся в регионе структуры повышения квалификации активно сотрудничают с ДВШБИ и предоставляют свои площадки для реализации совместных образовательных программ и проектов.

Наиболее устойчивыми партнерами ДВШБИ являются: Учебно-методический центр (УМЦ) Краевого научно-образовательного творческого объединения культуры (КНОТОК) в г. Хабаровске, Учебно-методический центр в г. Петропавловске-Камчатском, Дальневосточная государственная научная библиотека (ДВГНБ) в г. Хабаровске, выполняющая функции методического центра для библиотек Хабаровского края, Приморская государственная публичная библиотека им А.М. Горького в г. Владивостоке и методические объединения вузовских библиотек региона.

Особо следует отметить контакты ДВШБИ с Приморской государственной публичной библиотекой им. А.М. Горького, которая инициировала перевести работу существующей в Приморском крае краевой Летней школы директоров библиотек в формат региональной школы библиотечной инноватики. В функции школы входят:

– распространение новых знаний, навыков, умений, необходимых для эффективного управления и развития инновационной деятельности библиотек в новых условиях;

– формирование навыков командной работы, позволяющих вовлечь персонал в решение различных инновационных задач и проблем модернизации библиотечно-информационного обслуживания населения;

– развитие профессиональных связей в библиотечном сообществе края, необходимых для совместного решения общих проблем;

– изучение практики осуществления контактов библиотеки с властными структурами, руководителями социальных, промышленных и культурных учреждений и организаций.

Программы Летней школы составляются исходя из реальных потребностей и необходимости решения актуальных проблем развития библиотечного обслуживания населения, повышения качества и эффективности библиотечных услуг и продуктов. Ежегодно преподаватели ХГИИК под руководством Е.Ю. Качановой выезжают для организации и проведения занятий ДВШБИ. Тематика сессий – различные актуальные вопросы модернизации библиотек. Результатами обучения являются: программы развития библиотек; стратегические программы модернизации ассортиментной и проектной работы; проекты автоматизации, и карты сайтов; планы совместной работы библиотек и учреждений культуры по решению социальных вопросов территории, конкретные инновационные документы и др.

Таким образом, мы можем заключить, что сегодня повышение квалификации является тем необходимым инструментом, который способен обеспечить инновационное развитие библиотек, адаптировать специалистов к новым условиям работы. Опыт ДВШБИ по проведению семинаров-тренингов является ярким примером того, как должна быть организована подготовка кадров для решения инновационных задач.

РЕЦЕНЗИИ

Светлана Михайловна Нарыжная,
профессор, кандидат
филологических наук

Наумова Раиса Вячеславовна,
заместитель директора
Дальневосточной государственной
научной библиотеки по научной и
информационно-библиографической
деятельности

ПРИАМУРСКИЙ ТРИПТИХ

(о генерал-губернаторах Приамурского края Н.Л. Гондатти, Н.И. Гродекове, П.Ф. Унтербергере)

«Родине своей он отдал все свои силы, годы жизни, и ум, и энергию, и знание, и любовь».[1*]

1. Дубинина, Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти / Дубинина Нина Ивановна ; Приамур. геогр. о-во. – Хабаровск, 1997. – 205 с.

2. Дубинина, Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков : ист.-биогр. очерк / Дубинина Нина Ивановна ; Приамур. геогр. о-во ; Хабар. гос. пед. ун-т. – Хабаровск : Приамур. ведомости, 2001. – 349 с.

3. Дубинина, Н. И. Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер : док.-ист. повествование / Дубинина Нина Ивановна ; Приамур. геогр. о-во ; Дальневост. гос. гуманитар. ун-т. – Хабаровск : РИОТИП, 2008. – 399 с.

[1*] Слова Архиепископа Нестора на панихиде по поводу смерти Н.Л. Гондатти.

Писать о книгах известного историка Н.И. Дубининой сложно, поскольку мы специалисты в области книжного дела, но пройти мимо них невозможно.

Нина Ивановна Дубинина – знаковая личность в мире науки и образования. Доктор исторических наук, много лет заведовала кафедрой общественных наук в Комсомольском политехническом институте, затем в Хабаровской Высшей партийной школе, до сих пор трудится на ниве высшей школы, является профессором Дальневосточного государственного гуманитарного университета (ДВГГУ). Около десяти она возглавляла диссертационный Совет по защите диссертаций по специальности «Отечественная история», и сегодня входит в состав этого Совета при ДВГГУ.

Многие годы Н.И. Дубинину связывает дружба и сотрудничество с Дальневосточной государственной научной библиотекой (ДВГНБ), она является членом её учёного и редакционного Советов, входит в редакционную коллегию «Вестника Дальневосточной государственной научной библиотеки». Одновременно Нина Ивановна член научного Совета Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова, Государственного архива Хабаровского края.

Она дружна с нами, книжниками, архивистами, музейными работниками, и мы уважаем и ценим её. В 2002 году ДВГНБ начала издавать новую библиографическую серию «Учёный и библиотека». Цель серии: представить читателям труды известных учёных, научная деятельность которых тесно связана с крупнейшим на Дальнем Востоке книгохранилищем ДВГНБ. И вполне закономерно, что первый выпуск этой серии был посвящён профессору Н.И. Дубининой.

В указателе на тот хронологический период были максимально полно представлены её научные работы, а количество их значительно.

Особое место в её научной деятельности занимают три монографии, посвящённые генерал-губернаторам Приамурского края.

В мае 1858 года на карте Российской империи появился населенный пункт Хабаровка, ставший впоследствии центром Приамурского генерал-губернаторства. Образование губернаторства было событием неслу-

чайным. Два века шёл процесс утверждения России на её восточных рубежах. Русские землепроходцы в середине XVII века вышли к берегам Амура и начали заселение и освоение его берегов.

Однако соседняя империя не позволила россиянам заселение открытых ими земель. Россия была вынуждена покинуть обживаемые территории, а маньчжуры обязались не занимать оставленную русскими территорию, принадлежавшую Российской империи. На многие годы Приамурье обезлюдело. Таково было положение до середины XIX века.

Выдающуюся роль в положительном решении этого вопроса сыграли действия генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва-Амурского и морского офицера Г.И. Невельского.

Г.И. Невельской доказал судоходность Амура, обследовал его лиман, основал Николаевский пост в 1850 году (в 1856 году Николаевский пост был переименован в город Николаевск-на-Амуре) и подтвердил независимость аборигенного населения Нижнего Амура. По инициативе Н.Н. Муравьёва была осуществлена Амурская экспедиция (1850-1855 гг.), которая подтвердила право России на владение исследуемой территорией. В 1858 году был подписан Айгунский договор. В 2008 году мы отметили 150-летие присоединения Приамурья к России славными деяниями генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва-Амурского.

А в 2009 году снова юбилейная дата: 125 лет назад по настойчивой просьбе Н.Н. Муравьёва-Амурского и других государственных деятелей на обширной дальневосточной территории был образован Приамурский край во главе с генерал-губернатором. Что же это за должность – генерал-губернатор, кому доверяли в Российской империи этот пост? В общей инструкции о генерал-губернаторах было написано: «Генерал-губернатор – так называется должностное лицо, которому вверяется главное заведование одной или несколькими губерниями. Генерал-губернатор есть блюститель неприкосновенности Верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства во всех частях управления во вверенном ему крае. Он преследует всеми зависящими от него средствами излишнюю роскошь, расточительность, беспутство, мотовство. При чрезвычайных бедствиях народных он вникает со всею подробностью в нужды пострадавших для немедленного облегчения их положения…»

В обязанности генерал-губернатора входило наблюдение за тем, чтобы «дворяне вели жизнь приличную их происхождению и служили примером прочим сословиям, чтобы юношество получило воспитание в правилах чистой веры, доброй нравственности в их чувствах преданности к престолу и Отечеству».

Вот о таких представителях Российской империи пишет Н.И. Дубинина в своих научных монографиях. В одном из докладов на Гродековских чтениях она подчеркнула: «Молодой Приамурский край, образованный в 1884 году, был удачлив в своих администраторах. За 32 года существования края им управляли такие достойные личности, как А.Н. Корф, С.М. Духовской, Н.И. Гродеков, П.Ф. Унтербергер, Н.Л. Гондатти, которые своей неутомимой деятельностью оставили заметный вклад в освоении дальневосточной окраины России». Свои исследования Н.И. Дубинина начала с последнего генерал-губернатора Приамурского края – Николая Львовича Гондатти. Большая Российская энциклопедия (Т. 7, С. 395) так пишет о Гондатти (кстати, автор статьи – Н.И. Дубинина): Гондатти Николай Львович (1860. Москва – 1946. Харбин) российский государственный деятель, этнограф, шталмейстер. Окончил физико-математический факультет Московского университета, секретарь Антропологического отдела общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, исследователь культуры остяков (ханты), зырян (коми), изучал шелководство и чаеразведение в Индии, Китае, Цейлоне, Японии. Член Российского географического общества. Начальник Анадырского округа Приморской области (1894-1897), провёл перепись чукчей. Руководитель Амурской экспедиции (1909-1910). Генерал-губернатор Приамурского края (1910-1917).

За этими сухими фразами скрывается история выдающейся личности. Перед нами лежит монография. На титульном листе мы читаем: «Н.И. Дубинина. Приамурский

генерал-губернатор Н.Л. Гондатти», в надзаголовочных данных – «Приамурское Географическое общество», а в выходных данных – Хабаровск, 1997. Книга открывается посланием Губернатора Хабаровского края В.И. Ишаева, где он пишет, что книга восстанавливает незаслуженно забытое имя авторитетного российского генерал-губернатора и позволяет испытать сегодняшним дальневосточникам чувство причастности к продолжению обустройства края, у истоков которого стояли такие подвижники, как Н.Л. Гондатти.

Первый гражданский генерал-губернатор, обладавший огромным интеллектуальным потенциалом, Н.Л. Гондатти оказал благотворное влияние на нравственную атмосферу в крае, на развитие здесь науки, образования, культуры. «Дорогой моему сердцу край» – так он определял своё отношение к Приамурскому краю. На долю Н.Л. Гондатти выпала прекрасная участь завершить строительство транссибирского железнодорожного пути и возвести мост через Амур. Он много внимания уделил образованию и культуре. Однако Гондатти разделил участь многих тысяч россиян, вынужденных покинуть Россию и жить в эмиграции. 30 лет он провёл на чужбине, в Харбине, но до конца своих дней сохранил чувство любви к Родине и приамурской земле. Все эти вопросы подробно освещены в монографии Н.И. Дубининой. Содержательная часть книги основана на документальных источниках, которые впервые введены в научный оборот, автором использовано около 300 опубликованных и неопубликованных источников.

Вторая книга Н.И. Дубининой увидела свет в 2001 году и посвящена она легендарной личности в истории Приамурского края – генерал-губернатору Николаю Ивановичу Гродекову. Впечатляет внушительный объём научной монографии – 352 страницы, включая иллюстративный материал. В созвездии приамурских генерал-губернаторов Гродеков, несомненно, являлся звездой первой величины.

Николай Иванович Гродеков (1843. Кировоград, Украина – 1913, Санкт-Петербург), государственный деятель, генерал от инфантерии.

Родился Н.И. Гродеков в дворянской семье, окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1868). На военной службе с 1862 года, участник Хивинского похода 1873 года, автор исторического очерка «Хивинский поход 1873. Действия кавказских отрядов 1883». Он участник Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 годов, автор исследования «Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг.» и путевых заметок «Через Афганистан (1880). Военный губернатор и командующий войсками Сырдарьянской области (1883–1893). В Приамурский край был командирован в 1893 году. Был в должности помощника Приамурского генерал-губернатора (1893–1898). В 1898–1902 годы – Приамурский генерал-губернатор, командующий войсками Приамурского военного округа, наказной атаман Приамурского казачьего войска. Н.И. Гродеков содействовал изъятию пустующих казачьих земель в пользу крестьян переселенцев, ходатайствовал о переселении в край староверов и молокан, считая их рачительными хозяевами. Организовал опытные сельскохозяйственные поля, первую на Дальнем Востоке сельскохозяйственную и промышленную выставку в г. Хабаровске, открыл 37 начальных школ, Хабаровский кадетский корпус (1900), реальное училище в Хабаровске (1903), первое высшее учебное заведение – Восточный институт во Владивостоке (1899) и др. Член Государственного Совета (1902–1913), командующий войсками в Маньчжурии, провёл эвакуацию войск из Маньчжурии после Русско-японской войны.

«Феномен Гродекова заключается в том, что он, как личность, создал себя сам, своей целеустремлённостью и исключительной работоспособностью. Он был лишён обычного для дворянских отпрысков «первоначального капитала» – богатых и знатных родственников, связей при царском дворе. Сиротский кадетский корпус, который он окончил, во многом определил его военное будущее. Однако путь от сиротского кадетского корпуса до генерала от инфантерии он прошёл самостоятельно, постоянно самосовершенствуясь и наращивая интеллектуальный потенциал.

«Гродеков обладал обширными знаниями в области военной стратегии и тактики, что нашло свое убедительное подтверждение в его деятельности профессионального военного и в написанных им крупных военно-

исторических трудах. Вместе с тем глубокие познания в области истории, географии, этнографии, юриспруденции ярко свидетельствовали о гуманистической сущности его натуры. Он обладал удивительным чувством исторической памяти, беззаветно любил музейное дело», – читаем мы бесценные сведения о личности Гродекова на страницах монографии Н.И. Дубининой.

В Приамурье именно Гродековым были заложены славные культурно-просветительские традиции. Благодаря Приамурскому отделу Российского Географического Общества, в котором он председательствовал, а потом ему покровительствовал, началось широкое изучение природных богатств региона. В системе общества возникли краеведческий музей, ставший одним из лучших провинциальных музеев в России того времени (ныне Хабаровский краевой музей Н.И. Гродекова, продолжающий с честью нести высокие традиции, которому присвоено имя его основателя). Одновременно с музеем была основана публичная библиотека, способствовавшая возникновению библиотек в крае (ныне Дальневосточная государственная научная библиотека – самый крупный фондодержатель на Дальнем Востоке на сегодняшний день, насчитывающая в своей коллекции более 3 млн единиц хранения).

Он неоднократно жертвовал деньги музею, даже проживая уже в г. Санкт-Петербурге отправил в г. Хабаровск свою библиотеку и предметы старины (книги, предметы искусства).

В 2008 году выходит новая монография Н.И. Дубининой «Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер».

В предисловии губернатор Хабаровского края В.И. Ишаев пишет: «Присущие ему патриотические убеждения, управленческий профессионализм, развитое чувство ответственности, масштабное видение социально-политического развития России и её дальневосточных владений, высокие морально-нравственные качества возводят его в ранг видного регионального администратора императорской России конца XIX – начала XX вв. Свои недюжинные способности и силы, обширные знания и умения, богатый интеллектуальный потенциал П.Ф. Унтербергер отдал дальневосточной земле, где верой и правдой прослужил около 40 лет, где работа была по душе».

А Нина Ивановна подчёркивает, что в перечне восьми имён Приамурских генерал-губернаторов в соответствии с хронологическим порядком имя П.Ф. Унтербергера стоит на предпоследнем месте, а его деяния завершают первое десятилетие XX века.

Павел Фёдорович 9 лет был военным губернатором Приморской области (1888–1897) и пять лет Приамурским генерал-губернатором (1905–1910). В своей книге автор отмечает, что долгие годы его имя было забыто, хотя его перу принадлежит две капитальные книги об освоении российского Дальнего Востока, а именно «Приморская область (1856–1898) и «Приамурский край» (1906–1910). Обе книги были изданы в Санкт-Петербурге. В отличие от своих предшественников Унтербергер не был участником военных действий и, хотя был профессиональным военным, но мирного направления, он был военным инженером и занимался строительством крепостей, учреждений военного ведомства, а также гражданских учреждений и церквей. Почти двадцать лет он прослужил в военно-инженерных ведомствах Военно-Сибирского и Приамурского военных округов, и стал генералом, кавалером многих орденов. Жизнь Павла Фёдоровича сложилась таким образом, что он несколько раз покидал Дальний Восток, совершил кругосветное путешествие, но неизменно возвращался сюда.

В 80-е годы XIX столетия П.Ф. Унтербергер особое внимание уделял г. Владивостоку, считая его базой российского флота на Восточном океане, поэтому он должен иметь круговую оборону и достаточное количество войск. Им был написан рапорт об усилении обороны Владивостока. Под руководством военных инженеров на Дальнем Востоке была проведена телеграфная связь, строились грунтовые дороги.

За выдающиеся заслуги в деле изучения Восточной Сибири и Дальнего Востока П.Ф. Унтербергера избрали председателем Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества. Пять лет прослужил П.Ф. Унтербергер в звании генерал-губернатора. За это время шло активное заселение края. Он решительно отказался

участвовать в иностранном проекте строительства железной дороги, которая бы соединила евроазийский и американский континенты с помощью дороги через Чукотку и Аляску. Генерал-губернатор активно включился в реализацию идеи доведения Сибирской железнодорожной магистрали до Хабаровска, т. е. строительства Амурской железной дороги, которая, наконец, соединит запад страны с Дальним Востоком, пройдя по российской территории и не будет зависеть от КВЖД. После долгих споров вопрос был решён положительно, на сооружение Амурской магистрали было выделено в 1909 году 16 млн рублей, завершили её строительство, как и предполагали, в 1916 году. Унтербергер способствовал проведению научных экспедиций В.К. Арсеньева, с которым его связывала многолетняя дружба. Всего с 1906 по 1910 годы было организовано 42 экспедиции, целью которых явилось исследование российского Дальнего Востока. По инициативе генерал-губернатора была создана новая область – Камчатская, укрепляется власть на Северном Сахалине, много сделал генерал-губернатор для решения внешнеполитических проблем. Как сообщил редактор газеты «Дальний Восток» В. Панов, Унтербергер сделал 17 полезных, важных дел для Приамурского края. Став сенатором, П.Ф. Унтербергер продолжал интересоваться дальневосточными проблемами, помогал их решать.

Итак, Н.И. Дубинина совершила титаническую работу – написала за период с 1997 по 2008 годы три фундаментальных научных монографии, содержание которых мы фрагментарно выше изложили. Теперь попытаемся дать анализ этим изданиям книговедческим методом. Все книги вышли в добротном твёрдом переплёте. На переплётах 3-х книг размещены портреты генерал-губернаторов: Н.И. Гродекова, П.Ф. Унтербергера, Н.Л. Гондатти. Скромнее всех выглядит книга о Н.Л. Гондатти (выпущенная в 1997 году в Хабаровской краевой типографии), а именно – белый форзац, простой однополосный титульный лист, объём книги 205 страниц. В каждом издании есть представление В.И. Ишаева – Губернатора и на тот период председателя Приамурского географического общества, есть посвящение и эпиграф. В книге дано прекрасное введение «От автора», размещены чёрно-белые документальные иллюстрации. Оглавление в конце книги, есть аннотация. В конце книги опубликована и статья А.П. Сильницкого «Поездка на Камчатку и на р. Анадырь» (1897). Список источников и примечаний дан на 8 страницах. Среди источников и примечаний даны библиографические сведения о ценных и редких изданиях дореволюционного периода, ссылки на документы 4-х архивов. Общая структура книги состоит из 12 глав.

Книга о Н.И. Гродекове оформлена более ярко. Форзац представлен орденами полученными Н.И. Гродековым, в т. ч. Св. Георгия IV, Св. Владимира и Св. Александра Невского. Титульный лист в книге разворотный. На фронтисписе дан портрет Н.И. Гродекова с надписью «Дорогой моему сердцу край». На авантитуле – автор, название книги, выходные данные, как впрочем, и на основном титульном листе, где кроме этого под названием напечатано «Историко-биографический очерк». Книга вышла в свет в 2001 году, издатель – Издательский дом «Приамурские ведомости». Автор художественного оформления книги А.П. Посохов блестяще справился с работой, книга оформлена сдержанно и вместе с тем элегантно. Обращаем внимание на фамилию рецензента Г.Г. Лёвкина. Эта фамилия известна всем краеведам, профессиональным и непрофессиональным историкам и читателям Хабаровского края. Г.Г. Лёвкин – грамотный исследователь, обладающий обширными энциклопедическими знаниями. Имя рецензента в этой книге залог точно выверенной научной информации. На обороте титульного листа дана аннотация, в книге о Гродекове каждая глава начинается с заставки. Выписаны буквицы, колонцифры помещены внизу и очень хорошо оформлены. Иллюстрации внутри книги чёрно-белые. Монография снабжена научно-вспомогательным аппаратом: в источниках и примечаниях более 400 источников, имеется список сокращений, дан алфавитный именной указатель.

Книга о П.Ф. Унтербергере – самая внушительная монография по формату и объёму, насчитывающая 400 страниц. Прекрасно оформленный форзац: на фоне городского 4-х классного училища имени П.Ф. Унтер-

бергера большая группа учащихся и преподавателей. Разворотный титульный лист. На фронтисписе – казачий атаман Унтербергер. На авантитуле дано посвящение – «Посвящается другу и мужу Анатолию Николаевичу Дубинину», а ниже – Приамурское географическое общество и Дальневосточный государственный гуманитарный университет. Монография опубликована в 2008 году издательством «РИОТИП» и стала приятным подарком в год 70-летия образования Хабаровского края.

Издание отличает высокая издательская культура, книга безукоризненно оформлена с заставками и буквицами. На обороте титульного листа значится тот же рецензент Г.Г. Лёвкин, что говорит о многолетнем плодотворном содружестве автора и рецензента. Начинается книга с предисловия В.И. Ишаева, а затем с авторского предисловия «Закон исторической памяти». Часть текста выделена курсивом, когда приводятся воспоминания, письма Унтербергера. В книге объёмные приложения: помимо «Источников и примечаний» (433 названия) даны «Основные даты жизни и деятельности П.Ф. Унтербергера», «Список его трудов», главы из его книги «Приамурский край», письмо Унтербергера министру финансов (1906). Кроме этого интересные цитаты из размышлений генерал-губернатора и «Перечень экспедиций и командировок по изучению Дальнего Востока (1906–1910). Представлен список всех генерал-губернаторов, а также военных губернаторов Приморской и Амурской областей и статья известного во Владивостоке журналиста В. Панова к отъезду П.Ф. Унтербергера. Завершает раздел приложений алфавитный именной указатель.

Необходимо подчеркнуть, что все представленные работы – это, несомненно, научные издания, по характеру информации – монографии. Автор вводит много новых или малоизвестных фактов в дореволюционной истории российского Дальнего Востока, поэтому мы считаем, будучи по целевому назначению – научными изданиями, вместе с тем по читательскому адресу – они являются популярными книгами, т. к. их содержание рассчитано на удовлетворение профессиональных и непрофессиональных интересов читателей. Все печатные издания имеют солидную источниковедческую базу, состоящую из разнообразных опубликованных и неопубликованных источников.

Как со всей очевидностью свидетельствуют рецензируемые книги, все приамурские генерал-губернаторы являлись верными последователями Н.Н. Муравьёва-Амурского – выдающегося деятеля России, генерал-губернатора Восточной Сибири, утвердившего российскую государственность на Дальнем Востоке. Логическим продолжением научного печатного наследия Н.И. Дубининой явилось её участие в новом уникальном краеведческом проекте – 2-й книге И. Барсукова «Графъ Николай Николаевич Муравьёв-Амурский». Проект, инициированный Правительством Хабаровского края в год 200-летия со дня рождения графа Н.Н. Муравьёва-Амурского, сразу привлёк внимание Нины Ивановны, которая давно мечтала подойти к этому редкому изданию на академическом уровне – подготовить развёрнутый научно-вспомогательный аппарат, включающий примечания, именной и географический указатели к 2-м книгам И. Барсукова. Довольно сложную редакционно-издательскую подготовку осуществила Дальневосточная государственная научная библиотека, а с полиграфическим исполнением великолепно справилось издательство «РИОТИП», выпустив подарочное издание общим тиражом 1000 экземпляров.

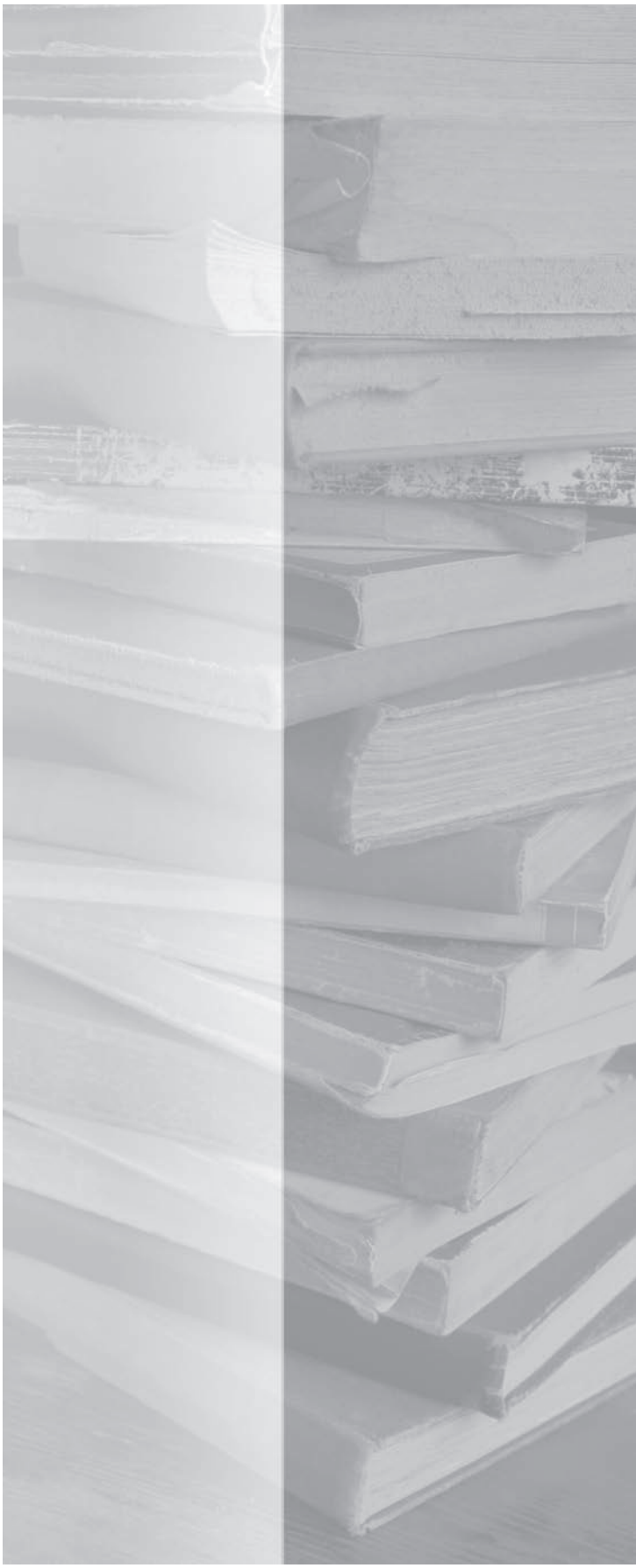
Нина Ивановна Дубинина вошла в состав редакционной коллегии, став мозгом, душой и сердцем этого издания. Нам посчастливилось с ней работать, наблюдать за её научным азартом, как увлекательно и интересно работает учёный-историк Дубинина, как умеет увлечь и заразить научным поиском и открытиями всех, кто рядом с ней. За довольно короткий срок Н.И. Дубинина проделала вместе с другими членами редакционной коллегии огромную научную работу. Репринтное издание 2-й книги И. Барсукова открывается обращением к читателям Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе В.И. Ишаева и вступительной статьёй профессора Н.И. Дубининой «Он служил Отчизне беззаветно», в которой она отмечает: «В отличие от первой – вторая книга с 1891 года ни разу не переиздавалась

и стала представлять собой библиографическую редкость, что лишало дальневосточных читателей полных документальных сведений о личности графа Муравьёва-Амурского и его деятельности… дабы облегчить современному читателю изучение содержания двух книг И.П. Барсукова, в которых отражены многие события отечественной истории XIX в. В них участвовали сотни упоминавшихся в книге людей – известных и малоизвестных, оставивших свой след в истории дальневосточной России». Кроме научной вступительной статьи она подготовила и составила примечания к содержанию первой и второй[2*] книгам И. Барсукова. Благодаря научному вкладу Н.И. Дубининой (также всех членов редакционной коллегии) в реализацию данного издательского проекта, редкое краеведческое издание, имеющее непреходящую ценность, обрело вторую жизнь и в XXI вышло в свет дополненное научно-вспомогательным аппаратом.

Мы завершаем описание приамурского триптиха под авторством замечательного учёного Нины Ивановны Дубининой.

И можем со всей решительностью заявить, что сегодня она увлечена новой исторической темой, а значит совсем скоро выйдет в свет очередная книга, публикация, открывающая уникальные факты и события из истории российского Дальнего Востока, которому она верой и правдой служит уже много лет.

Вечной радости творчества Вам, новых научных открытий и побед, наш бесценный друг Нина Ивановна!

[2*] Барсуков, И. Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский : биогр. материалы по его письмам, офиц. док., рассказам современников и печатным источникам. Кн. 2. – Репринт. изд. – Хабаровск, 2009. – С. 329 – 336.

Егорчев Иван Николаевич,
член учёного совета Общества изучения Амурского края, член Союза журналистов России, редактор собрания сочинений В.К. Арсеньева (г. Владивосток)

О 6-ТОМНОМ СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ В.К. АРСЕНЬЕВА

О 6-томном собрании сочинений В.К. Арсеньева (издательство «Рубеж», Владивосток).

Арсеньевские книги: новые открытия

Напоминать о том, кто такой В.К. Арсеньев, наверное, излишне. Путешественник, исследователь, писатель, – так обычно вкратце определяют его личность в энциклопедиях. Родившийся в Санкт-Петербурге в 1872 году и умерший во Владивостоке в 1930 году, он ровно 30 лет посвятил изучению Дальнего Востока, организовав и возглавив около десятка только крупных экспедиций. Порой Владимир Клавдиевич бывал в таких местах, где до него в буквальном смысле слова не ступала нога европейского человека. Сейчас многочисленные научные труды, не издававшиеся на протяжении многих лет, известны лишь специалистам, хотя некоторые из них по своему содержанию до сих пор не потеряли определённой значимости. Однако и его прозаические, научно-художественные произведения, хорошо знакомые всем с детства, как оказалось, таят в себе немало сюрпризов. Дело лишь в том, к какому тексту обратиться – «каноническо-

му», много раз переизданному, или первоначальному…

«Каждый пишет, как он дышит…»

Вплоть до 20-х годов прошлого века В.К. Арсеньев был известен исключительно только как путешественник и исследователь Дальнего Востока. Его научные работы, включая весьма объёмные «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края» и «Китайцы в Уссурийском крае», были высоко оценены ещё в дореволюционное время. В.К. Арсеньев также часто выступал перед различными аудиториями, считая своим долгом доносить до самых широких масс знания о крае (в основном общегеографического характера). При этом Владимир Клавдиевич понимал, что надо рассказывать о восточной окраине России, о её природе и людях не только в докладах и научных статьях, но и живым языком беллетристики. Заметим, что и при жизни В.К. Арсеньева, и сейчас порой высказывается мнение, что как писатель он довольно слаб. Но даже по текстам его первых полевых дневников 1906–1907 годов, то есть сугубо деловых записей, видно, что попытки художественного описания экспедиционных событий автору вполне удавались.

Вот выдержка из дневника 1906 года, которую никак не назовёшь сухим изложением фактов (приводится с соблюдением авторской орфографии): «Согласно составленного накануне плана я пошёл на голую сопку, чтобы установить и определить направление Сихотэ-Алиня и зачертить его, так как он представляется наблюдателю анфас... Путь мой был не долог, но труден. Больные ноги давали себя чувствовать. Пришлось идти сплошь по россыпям, карабкаться по камням, хватаясь за деревья. Каждый неверный неустойчивый шаг отдавался жгучею болью. До самого верху я не подымался, потому что там сплошной лес и всё равно я ничего не увидел бы. Поэтому, добравшись до россыпей, я остановился и стал смотреть к Западу. Более грандиозной картины я никогда не видывал, более грозных недоступных гор не мог себе представить. Страшной высоты, отвесные утёсы, скалы. Голова кружится, глядя на эти расщелины и пропасти. Если когда-либо на земле и был ад, то, вероятно, именно здесь, в верховья Тютихи. Что-то страшное, таинственное, грозное, таящее ужас кроется в молчаливом величии гор. Боже! Какой пигмей человек…» [1].

Свои первые художественные произведения В.К. Арсеньев, как теперь известно, в целом завершил ещё до революции, но издать их тогда не смог. Только в 1920 году в Уссурийске вышла 17-страничная брошюра с двумя его рассказами – «Амба» и «Ли-Цун-Бин» из будущей повести «Дерсу Узала». В следующем году Владивостокская типография «Эхо» издала книгу, названную довольно громоздко: «По Уссурийскому краю» (Дерсу Узала). Путешествие в горную область «Сихотэ-Алинь». В 1923 году издательство «Свободная Россия» там же, во Владивостоке, выпустило книгу В.К. Арсеньева «Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г.». Обе книги были изданы в мягких обложках, на плохой бумаге, с множеством опечаток. Особого внимания читающей публики и критиков эти издания не удостоились, что, впрочем, понятно, если учесть сложный политический момент того времени.

Хотя уже в те годы в местной периодике появилось несколько рецензий, в одной из которых (газета «Русская Армия» от 9 сентября 1921 года) было отмечено: «Нельзя обойти молчанием появление на местном книжном рынке этого солидного и в высшей степени ценного и полезного труда В.К. Арсеньева, представляющего собою научно-популярное физико-географическое описание Уссурийского Края… и предназначенного для широкой публики и учащейся молодежи. Положительно вниманию всех, начиная с юноши и кончая учёным специалистом, можно рекомендовать эту прекрасную книгу. Написана она удивительно живым и лёгким языком и читается с захватывающим интересом. Каждый, кто возьмёт её в руки и заглянет в первые страницы её, непременно дочитает её до конца – так увлекательно и интересно ведёт автор свой дневник путешествия, в форме которого предложена им эта замечательная книга...» [2].

В 1926 году некий «литератор», так и оставшийся инкогнито (судя по последующим письмам В.К. Арсеньева, это был не сам автор) значительно сократил тексты этих двух книг и соединил их под одной об-

ложкой с названием «В дебрях Уссурийского края». «Совмещённое» издание состояло из двух частей без отдельных заглавий, примерно соответствующих по общему содержанию двум первым книгам В.К. Арсеньева. Прекрасно иллюстрированная художником С.И. Яковлевым, эта книга вышла во Владивостоке, в издательстве «Книжное дело», потом в Хабаровске; затем много раз переиздавалась, в том числе и в Москве. Именно её похвалил М. Горький, написав хрестоматийные строки: «Книгу Вашу читал с великим наслаждением. Не говоря о её научной ценности, конечно несомненной и крупной, я увлечён и очарован её изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера...». Собственно, с этого издания и началась слава В.К. Арсеньева как писателя.

Писатель и цензура

Следует отметить, что в целом «В дебрях Уссурийского края» гораздо динамичнее и проще для чтения, чем отдельные издания 1921 и 1923 годов. Однако известно, что сам Владимир Клавдиевич выражал неприятие того бесцеремонного редакторского вмешательства (если не сказать – произвола), с которым была издана эта книга. Кроме весьма значительных сокращений, о чём более подробно будет сказано ниже, первоначальные арсеньевские тексты были отредактированы без всякого уважения к авторскому праву и порой даже обессмыслены. В письме 1926 года В.К. Арсеньев сообщал профессору-этнографу Московского университета Ф.Ф. Аристову: «Как знак признательности и уважения к Вам не откажите принять от меня авторские экземпляры первого издания «По Уссурийскому краю» и «Дерсу-Узала», напечатанные в 1921 и 1923 г.г. Обе эти книги гораздо полнее, хотя изданы значительно хуже, чем в «Дебрях Уссурийского края», которая по существу есть переработанное и сокращённое издание первых двух» [3]. (Все письма здесь и далее цитируются с сохранением авторской стилистики и орфографии).

Ещё более резко высказывался Арсеньев в письме в издательство «Молодая Гвардия» (июнь 1929 года): «Просматривая книгу «В дебрях Уссур. края», изданную Книжным Делом, я сделал ряд неприятных для себя открытий. Эта книга является сокращённым содержанием двух моих книг «По уссурийскому краю» – 1921 г. и «Дерсу-Узала» – 1923 г. Книжное дело, без моего ведома, выпуская целые абзацы и даже страницы, не позаботилось сгладить переход от одной мысли к другой. Мало того, вместо выпускаемых абзацев, какой-то, неведомый мне, гражданин, по поручению Книжного дела, вставлял мостики, совершенно безграмотные. В следствии этого получились частые повторения одного и того-же слова, нелепые и бессмысленные выражения... Всё это при том условии, что я живу и нахожусь рядом. Кроме того, такое бесцеремонное обращение с чужой книгой, иллюстрирует невнимание, как-то пренебрежение к читателю и аттестует издательство. Меня это даже как-то расстроило, потому что лицо, позволившее себе такое отношение к моей рукописи, спряталось за моей фамилией...» [4].

Таким образом, самые первые издания своих книг В.К. Арсеньев считал более удачными, чем все последующие. Надо сказать, что веские причины для недовольства у автора были. В первую очередь, надо принять во внимание общий объём сокращения текстов. Так, в первоначальном варианте книги «По Уссурийскому краю» было 40 глав – после правки в 1926 году осталось 29. Повесть «Дерсу Узала» в 1923 году насчитывала 30 глав, после редактуры их стало 24. Правка была безжалостной – некоторые главы сокращены более чем на треть, иные две и даже три соединены в одну, из-за чего сменилась нумерация глав, и они были переименованы, порой между отдельными эпизодами переброшены вполне произвольные «мостики», заменившие целые абзацы авторского текста. Кроме явных политических мотивов, рукой неведомого редактора водили и мысли о сокращении «ненужных» длиннот и подробностей. Поэтому были массово выброшены описания природы и погоды, местных достопримечательностей, притоков рек, а также все латинские названия животных и растений.

Порой логика редакторского вмешательства вполне понятна. Так, были исключены все «идеологически неверные» (с точки зрения уже советской цензуры) фрагменты. Например, глава «Рождественские праздники» из повести «Дерсу Узала» переиме-

нована в «Зимние праздники», убрано само упоминание Рождества Христова и текст беседы В.К. Арсеньева с членами его отряда об истоках этого празднества… В издании 1921 года подзаголовок XI главы книги «По Уссурийскому краю» обещал читателю огласить «Признаки приближения антихриста». Это была цитата, взятая автором из сочинений старообрядцев: «...На приближение антихриста есть приметы. Станут люди бросать свою прежнюю жизнь и одеваться по иностранному, станут брить бороду и усы... Воины оденут на головы фуражки и станут сражаться не мечом и копьём, а огнём на далёкие расстояния. Они уже не будут называться «воинами», как раньше, а «солдатами» – слово, начинающееся на одну букву со словом «сатана» [5]. Разумеется, в 1926 году и позже этого уже нельзя было прочесть, и даже само упоминание о старообрядческих книгах исчезло.

Тогда же были выброшены из последней главы книги «Дерсу Узала» мысли, которые невольно посетили Владимира Клавдиевича во время похорон своего проводника. Были они, надо сказать, весьма крамольными, но вполне современными: «Цивилизация родит преступников. Созидай своё благополучие за счёт другого – вот лозунг двадцатого века. Обман начинается с торговли, потом, в последовательном порядке, идут ростовщичество, рабство, кражи, грабежи, убийства и, наконец, война, и революция со всеми их ужасами. Разве это цивилизация!?» [6]. Понятно, что подобные рассуждения в цензурные рамки не укладывались, и потому их попросту убрали из текста. В 80-х годах одно столичное издательство почти восстановило этот абзац, но смелость редакторов дошла только до слова «война». Дальше суждение В.К. Арсеньева бесцеремонно оборвали...

Кроме крупных изъятий, книги основательно испортила и правка «по мелочам», обусловленная свершившейся сменой политической системы. Разумеется, было вычеркнуто обращение стрелка к офицеру Арсеньеву –«Ваше благородие!». Сибирские стрелки переименованы в безликих «солдат», упоминания о китайцах и корейцах по возможности исключены, заметно отредактированы – в сторону «улучшения» общего впечатления – впечатления автора о быте и нравах местных жителях края. Сами они из «инородцев» (так было принято говорить в дореволюционное время) стали «туземцами» (что звучит, надо заметить, ничуть не корректнее). Были «поправлены» даже описания внешности людей, причём порой без всякого смысла (или с неким умыслом?). Как сенсацию можно воспринимать описание внешности Дерсу Узала из книги 1921 года: у него были не только тёмно-русые усы и рыжеватая бородка, но и «густые русые волосы». Такой вот гольд! Впрочем, во всех более поздних изданиях он потемнел...

Много раз переписывались и сокращались предисловия автора к своим первым книгам – из них были убраны упоминания о генерал-губернаторе П.Ф. Унтербергере, о морских офицерах, о товарищах Арсеньева (например, исключили вроде бы нейтральную фразу «Многие из них погибли в войну 1914–1917 г.г., защищая свою Родину»). Видимо, посчитали, что не могло быть Родины при царизме... Убраны любые обращения к богу и поминания его – даже из устной речи старообрядцев, где подобные выражения являлись речевой характеристикой персонажей… Именно в таком «урезанном» виде эти произведения и печатали позже, вплоть до нашего времени. В разные годы предпринимались отдельные попытки восстановить тексты 1921 и 1923 годов издания, но все они не были доведены до конца в связи с субъективными и объективными обстоятельствами. Так что изначального, полного варианта самых известных арсеньевских книг не читал никто, кроме специалистов или долгожителей.

«Хоть в таком виде, но Арсеньев появится…»

В сентябре 1945 года исполнилось 15 лет со дня смерти В.К. Арсеньева. Распоряжением Совета народных комиссаров РСФСР от 25 октября 1945 года улица Производственная во Владивостоке, где в последние годы жил учёный и путешественник, была переименована в улицу Арсеньева; его имя было присвоено Приморскому краеведческому музею. Тогда же Приморским филиалом Географического общества СССР (ПФГО) был поднят вопрос об издании собрания сочинений В.К. Арсеньева. Почему инициатором был ПФГО – объясняется очень просто: именно там, в бывшем Обществе изучения Амурского края, хранился

обширный личный архив Владимира Клавдиевича. В конце января 1946 года бюро Приморского крайкома ВКП(б), «учитывая большую научную ценность и познавательность произведений и деловой переписки учёного-географа, исследователя природы Приморского края и писателя», постановило: «Обязать «Примиздат» в течение 1946 и 1947 г.г. издать полное собрание сочинений и деловой переписки В.К. Арсеньева» [7]. При этом надо заметить, что Приморское краевое издательство было ещё совсем юным – решение о его создании появилось в сентябре 1945 года.

Для подготовки издания была создана комиссия, возглавил которую учёный секретарь ПФГО Н.А. Навиндовский. В неё также вошли сотрудники Приморского краеведческого музея З.И. Мясникова и А.И. Мерзляков (соратник В.К. Арсеньева по экспедициям), В.Т. Кучерявенко из краевой газеты «Красное знамя» и В.П. Солнцева из крайрадиокомитета. Вся предварительная работа велась непосредственно в Приморском филиале Географического общества СССР под общим руководством Н.А. Навиндовского. Ему как председателю комиссии приходилось решать не только организационные, научные, творческие, но и текущие, порой даже бытовые вопросы. Например, о выделении продуктовых и хлебных карточек привлечённым сотрудникам, о приобретении новой пишущей машинки… Членами комиссии и штатными сотрудниками ПФГО была произведена «инвентаризация» научных и художественных работ В.К. Арсеньева (в том числе ранее неопубликованных), его дневников и переписки, имевшегося в архиве фотофонда.

К работе над собранием сочинений был привлечён приморский учёный-биолог Н.Е. Кабанов, формально не входивший в состав редакционной комиссии. Он в это время был в Москве, где готовился к защите докторской диссертации и одновременно занимался изданием своей книги об Арсеньеве, которая вышла в свет в 1947 году (Кабанов Н.Е., «Владимир Клавдиевич Арсеньев, путешественник и натуралист. 1872–1930». – М., 1947). Тем не менее Н.Е. Кабанов нашёл время помочь комиссии, поделившись собранными им биографическими сведениями. Что из этого получилось – будет сказано ниже... Все шесть томов собрания сочинений планировалось выпустить ударными темпами, в течение одного 1947 года. По разным причинам в столь сжатые сроки этого сделать не удалось. Возможно, не хватило работоспособности редколлегии или мощностей издательства; но, несомненно, были и другие обстоятельства, скажем так, нетворческого характера. Об этом свидетельствует письмо Н.А. Навиндовского Н.Е. Кабанову, отправленное из Владивостока 26 мая 1947 года.

«В первом томе много ляпсусов, допущенных случайно и неслучайно. К последним относится вольность в обращении с названиями работ автора. Так, работа «По Уссурийскому краю»… названа в 1-м томе «По Уссурийской тайге». Много опечаток. Материалом к биографическому очерку послужила Ваша работа. Я, откровенно говоря, не хотел её передавать в издательство, но получилось так, что меня за это крепко пробрали и в Обществе, и в издательстве, обвинив чуть ли не в срыве печати сочинений. Наконец, передав материалы, я был уверен, что под очерком не появится та фамилия, которая появилась. Обо всём этом поговорим подробно, когда Вы вернётесь домой.

В ближайшее время выходит 3-й том сочинений. Все 6 задуманных томов выйдут в этом году. Большое несчастье: лит режет нещадно. Целиком «зарезал» поездку на Командоры (???!!!). Уверен, что зарежет и Военно-географическое описание. Зарезал часть «Дельфиньего промысла», покушается на «Китайцы в Уссурийском крае». Волнуюсь, переживаю, доказываю, но это производит впечатление такое же, как крики о помощи бедуина, засыпаемого песками в пустыне. Но... может быть, в самом деле «нет добра без худа». Хоть в таком виде, но Арсеньев появится в этом году» [8]. Видимо, требуются некоторые пояснения к этому письму. Относительно биографических материалов: в 1-м томе собрания сочинений помещён «Краткий биографический очерк» за подписью М.Н. Самунина, члена редколлегии и ответственного редактора. Теперь понятно, что этот очерк был основан на сведениях, собранных Н.Е. Кабановым для своей книги. Как Н.А. Навиндовский сумел уладить этот конфуз – одному ему известно... И по поводу фразы «лит режет нещадно»: «лит» (или «крайлит») – это обиходное наимено-

вание Комитета по охране государственных тайн в печати. Какие уж там тайны увидели цензоры в арсеньевских произведениях – бог весть, но в итоге тексты действительно оказались основательно порезанными. Н.А. Навиндовский предугадал некоторые события: работа «Китайцы в Уссурийском крае» так и не вошла в собрание сочинений, а «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края» стал ещё более кратким, лишившись почти половины текста и своего оригинального названия. Тем не менее, в 1947 году с небольшими интервалами вышли в свет первые четыре тома (каждый тиражом в 10 тысяч экземпляров); ещё один том был издан в 1948 году.

Заметим, что на конференции ПФГО, проходившей 2 июня 1948 года, это издание критиковалось. Вот выписка из протокола: «Касаясь вопроса издания сочинений В.К. Арсеньева, Левицкий (В.Л. Левицкий, член редколлегии, работник «Примиздата» – И.Е.) отмечает большую помощь, оказанную Примиздату Географическим обществом. Большая часть работ Арсеньева была сличена по ранним изданиям трудов Арсеньева, сохранившимся только в научной библиотеке ПФГО и по рукописям, хранящимся в архиве Филиала Общества. Безусловно, подготовка нашего первого собрания сочинений Арсеньева была бы невозможной без активной помощи Филиала общества, в частности его учёного секретаря тов. Навиндовского.

Тов. Навиндовский… говорит, что хотя тов. Левицкий и отметил большую работу, проделанную Филиалом Общества…, но Левицкий почему-то ни слова не сказал о том, как Примиздат умудрился, вопреки всем рекомендациям Филиала, испортить издание. Тов. Навиндовский приводит несколько примеров, характеризующих невнимательность, формальное отношение работников Примиздата к подготовке сочинений Арсеньева» [9].

Всё издание было завершено в январе 1949 года выходом последнего, шестого тома. Это было первое (и на сегодняшний день единственное) собрание сочинений В.К. Арсеньева – разумеется, далеко не полное, как планировалось первоначально. Недостатки этого шеститомника были очевидны ещё тогда, хотя многие из них вполне сознательно умалчивались. М.К. Азадовский, известный литературовед, живший в то время в Ленинграде и также собиравший материалы для книги об Арсеньеве, писал в 1951 году своему коллеге Г.Ф. Кунгурову: «Видели ли мою рецензию на «Сочинения Арсеньева» в «Советской книге» (1951, № 2)? К сожалению, её невероятно обкорнали, и она вышла недостаточно острой, – в особенности снята эта острота в отношении к Примор. Изд-ву и Географгизу. Ряд крупнейших промахов Прим. Издата (Владивосток), отмеченных мною, почему-то оказался зачёркнутым редакцией. Опущены и почти все мои библиографические дополнения и проч. и проч.» [10]. В последующие годы выходили или отдельные произведения писателя, или скромные двухтомники – во Владивостоке, в Хабаровске, в Москве…

Новый Арсеньев

О необходимости нового, более полного издания собрания сочинений самого известного дальневосточного писателя говорили и писали давно. Выявленные в последнее время документы, письма, черновики, отредактированные тексты и даже новые работы позволяют максимально учесть авторскую волю В.К. Арсеньева, его истинные художественные замыслы. Но... как-то всё не получалось, почему-то руки не доходили, хотя благих намерений было более чем достаточно. Только в 2007 году во Владивостоке, в Обществе изучения Амурского края (Русском географическом обществе) развернулась трудоёмкая работа по восстановлению изначальных арсеньевских текстов. Учёным советом ОИАК было принято решение об издании собрания сочинений В.К. Арсеньева в шести томах тиражом в 5000 экземпляров; создан редакционный совет, возглавил который председатель Общества, профессор П.Ф. Бровко. В совет вошли исследователи творчества В.К. Арсеньева из Владивостока, Санкт-Петербурга (литературный критик И.С. Кузьмичёв), Москвы (автор нескольких книг о В.К. Арсеньеве А.И. Тарасова).

В первый том было решено включить наиболее популярные произведения автора: «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», причём с внесением авторской правки. Дело в том, что современным исследователям творчества В.К. Арсеньева известны не

только оригинальные тексты двух первых книг, но и, как можно полагать, окончательный замысел автора. Во Владивостоке, в уникальной библиотеке Общества изучения Амурского края, сохранился экземпляр книги «В дебрях Уссурийского края» 1928 года издания из личной библиотеки писателя, переданной в ОИАК в 1938 году дочерью Арсеньева Натальей. В тексте этой книги рукой Владимира Клавдиевича выполнена значительная по объёму правка, ранее никем полностью не учтённая. Это раритетное издание, включающее, как уже говорилось, две самые известные работы В.К. Арсеньева – «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», сплошь пестрит авторскими пометками, сделанными в основном красным и синим карандашом.

Красные пометки – вставки изъятий из текстов изданий 1921 и 1923 года; В.К. Арсеньев восстановил почти все из них. Синие – окончательная правка текста. В целом лично В.К. Арсеньевым сделано 370 вставок красным карандашом и многие сотни поправок – синим. Последние не поддаются точному подсчёту, так как есть исправления отдельных слов, букв, цифр, знаков препинания, а также вычеркнутые или заменённые фрагменты текста, порой довольно большие. Таких поправок – от 10–20 до 70 в каждой главе. Если ещё учесть заново созданные Владимиром Клавдиевичем и вклеенные им прямо в книгу фрагменты текста, написанные от руки на отдельных листочках, то получается совершенно иной, новый Арсеньев. А самое главное: именно такими хотел видеть свои произведения автор – с учётом уже ощутимой самоцензуры, конечно... Вся огромная работа по исправлению текста редколлегией проделана, все значимые исправления и варианты текстов оговорены в примечаниях. Так что, несмотря на определённую «традиционность» содержания первого тома, он стал во многом неожиданным для широкого читателя.

Первый том нового собрания сочинений В.К. Арсеньева вышел из печати в начале 2008 года. Его объём – 704 страницы; том включает две фототетради с редкими снимками, подготовленными председателем Приморского отделения Союза фотохудожников РФ Ю.К. Луганским; предисловие к 1-му тому написал известный исследователь творчества В.К. Арсеньева И.С. Кузьмичёв из Санкт-Петербурга. Книга напечатана в издательско-полиграфическом комплексе «Дальпресс» (Владивосток). Уже упомянутая А.И. Тарасова, получив в подарок 1-й том, прислала из Москвы такие добрые и проникновенные слова: «Внешний вид – дивный переплёт, чудесная бумага, изумительные иллюстрации. А содержание?! – одно слово – Арсеньев! Представляю, какую радость он испытал бы, увидев своё сочинение. Ему не могло и присниться такое великолепие. И мне – тоже. Текстологическая работа исполнена просто фантастически. Сверено, выверено, сравнено с прежними изданиями не только каждое слово, но, кажется, и каждая буква, причём по правилам самой последнейшей строгой науки… Одним словом – образец для всех издателей и издательств…» [11].

Работа над собранием сочинений осуществляется силами сотрудников Общества изучения Амурского края, Приморской краевой библиотеки имени М. Горького, Приморского краевого музея имени В.К. Арсеньева, Дальневосточной государственной научной библиотеки, Гродековского краеведческого музея (Хабаровск), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, госархивов Приморского и Хабаровского краёв. Остальные тома издательство «Рубеж» планирует выпустить в свет в течение 2008–2009 годов. В процессе подготовки последующих томов к изданию уже обнаружены две ранее неизвестные работы Владимира Клавдиевича; нет никаких сомнений, что и в дальнейшем нас ожидают новые открытия в его творческой биографии. Кроме всех научных и художественных работ, предполагается опубликовать полевые дневники В.К. Арсеньева, его отчёты и докладные записки, фольклорные записи, обширную переписку с самыми разными людьми. Всё это позволит увидеть новые грани разностороннего таланта Владимира Клавдиевича, масштаб личности которого до сих пор ещё не оценен в полной мере.

Список использованных источников

1. Записки Общества изучения Амурского края. – Владивосток, 2004. – Том 37, вып. 1. – С. 52.

2. Архив Общества изучения Амурского края (ОИАК). Ф. 14. Оп. 2. Д. 60. Л. 26.

3. Архив ОИАК. Ф. 14. Оп. 3. Д. 93. Л. 1.

4. Архив ОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 15. Л. 137.

5. Арсеньев, В. К. По Уссурийскому Краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь / В. К. Арсеньев. — Владивосток : Типография «Эхо», 1921. — С. 68.

6. Арсеньев, В. К. Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому Краю в 1907 г. / В. К. Арсеньев. – Владивосток : Типо-лит. Т-ва изд. «Свободная Россия», 1923. – С. 234.

7. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-68. Оп. 6. Д. 62. Л.л. 216-217.

8. Архив ОИАК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л.л. 7–7об.

9. Архив ОИАК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 136. Л. 27.

10. Азадовский, М. К. Статьи и письма. Неизданное и забытое / М. К. Азадовский. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. – С. 170–171.

11. Собр. И. Н. Егорчева. Письмо А. И. Тарасовой от 26.05.2008 г.

Требования к оформлению материалов, поступающих в редакцию

Общие требования к авторским материалам

Предоставляемые материалы должны быть оригинальными, т. е. не публиковавшимися ранее, на русском языке в виде статей, сообщений, рецензий, информационных и других материалов. Текст должен быть тщательно отредактирован, все цитаты — выверены. Авторы опубликованных материалов несут ответственность за неточность воспроизведения приведённых цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих заимствованных сведений, а также за отсутствие или некорректность необходимых ссылок на работы других авторов.

Статьи отбираются для публикации с учётом их актуальности, научно-практической значимости, чёткости, логичности изложения, в соответствии с профилем журнала и его стилем. Срок рассмотрения присланных статей — один месяц.

Требования к содержанию и объёму

В оригинальных авторских текстах должна быть обоснована актуальность темы, чётко определены цель и задачи исследования. Статьи и другие материалы должны быть научно аргументированы, содержать обобщения, выводы, представляющие интерес своей новизной, научной и практической значимостью. Максимальный объем:

- ключевой статьи, аналитического материала, эссе не должен превышать 40 000 знаков;
- учебные и методические материалы, обзоры литературы — 20 000 знаков;
- рецензии — 8 000 знаков.

Статьи большего объёма могут разбиваться на части для публикации в двух или более номерах журнала. Готовая статья должна иметь название, быть чётко структурированной и содержать подзаголовки. Статья должна снабжаться аннотациями, раскрывающими её содержание (одна — краткая, для «Содержания», вторая — более развернутая, помещается перед статьёй).

К статье должен прилагаться перечень ключевых слов, т. е. основных понятий, используемых в статье.

Обязательно наличие фото в цифровом виде (требования к фотографии: портретное фото в формате TIFF или PSD с разрешением не менее 300 pixels) и краткого резюме автора, в котором должна быть указана следующая информация:

- фамилия, имя, отчество;
- занимаемая в настоящее время должность и место работы;
- учёная степень;
- учёное звание;
- сфера профессиональных интересов (не обязательно);
- контактный телефон;
- e-mail.

Технические требования

Текст статьи должен быть набран в соответствии с правилами компьютерного набора с одной стороны белого листа бумаги стандартного формата (А4). На странице рукописи должно быть не более 28 строк, 60 знаков в каждой строке, отпечатанных через 1,5 интервала (это относится к таблицам и примечаниям). Авторы представляют в редакцию 1 экз. статьи и идентичный вариант на электронном носителе. Текст должен быть набран в редакторе Word for Windows, шрифт Times NR, размер 14. Желательно не использовать колонтитулы, встроенные номера страниц, даты, шаблоны.

Заглавие статьи печатается строчными буквами. Фамилия, имя, отчество автора(ов), должность, учёная степень и учёное звание пишутся над заглавием статьи (для рецензий и информационных материалов — в конце статьи).

В тексте статьи следует использовать минимальное количество таблиц и иллюстраций. Рисунок должен иметь объяснения значений всех компонентов, порядковый номер, название, расположенное под рисунком. В тексте на рисунок дается ссылка. Таблица должна иметь порядковый номер, заголовок, расположенные над таблицей. Все графы в таблице пишутся с прописной буквы, сокращение слов в таблице не допускается. Данные таблиц и рисунков не должны дублировать текст.

Цитаты тщательно сверяются с первоисточником и визируются автором статьи на оборотной стороне последней страницы: «Цитаты и фактический материал сверены». Подпись, дата.

Рукопись должна быть тщательно вычитана. Обращаем Ваше внимание на необходимость использования буквы «ё»; правильное использование тире (—), дефиса (-).

Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, редактировать и отсылать авторам на доработку.

Рукопись в конце обязательно подписывается автором. Проставляется дата.

Оформление списка литературы

Все публикации, которые цитируются или упоминаются в тексте, должны быть представлены в списке использованной литературы в конце статьи. В тексте ссылка на источник даётся с помощью цифры в квадратных скобках «[1]», соответствующей порядковому номеру источника в списке литературы.

Список литературы составляется по алфавиту и оформляется согласно ГОСТ 7.1.—2003. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. *Обязательно* должны быть указаны: фамилия и инициалы авторов, полное название книги (сборника), город, издательство, год издания. *Желательно* также указывать номера цитируемых страниц и общее количество страниц в издании. При оформлении библиографических данных журнальных статей должны быть указаны: фамилия и инициалы автора, полное название статьи, название журнала, год издания, номер журнала, номера страниц. Ссылки на иностранную литературу следует давать на языке оригинала без сокращений.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

